

The background is a painting of a winter landscape. In the foreground, a steep, rocky mountain slope is covered in snow, with some dark rocks and evergreen trees visible. The middle ground shows a valley with more snow-covered trees and a small town or village in the distance, with some lights glowing. The sky is a mix of blue and grey tones, suggesting a cloudy or overcast day. The overall style is impressionistic, with visible brushstrokes and a focus on light and color.

К. Д. Бугров
М. А. Киселев
Л. В. Маштакова

СТАНОВЛЕНИЕ ОПОРНОГО КРАЯ

Индустриальный Урал в мобилизационной
культуре 1930–1940-х гг.

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

К. Д. Бугров, М. А. Киселев,
Л. В. Маштакова

СТАНОВЛЕНИЕ ОПОРНОГО КРАЯ

Индустриальный Урал
в мобилизационной культуре
1930–1940-х гг.

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2022

УДК 94(470.5)
ББК Т3(235.55)
Б902

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН*

А в т о р ы:

К. Д. Бугров (гл. 2, 3), М. А. Киселев (гл. 1), Л. В. Маштакова (гл. 4)

Р е ц е н з е н т ы:

О. С. Поршнева, доктор исторических наук, Уральский федеральный университет;
Е. К. Созина, доктор филологических наук, Институт истории и археологии УрО РАН;
В. В. Тихонов, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН

Бугров, К. Д.

Б902 Становление опорного края. Индустриальный Урал в мобилизационной культуре 1930–1940-х гг. / К. Д. Бугров, М. А. Киселев, Л. В. Маштакова ; Институт истории и археологии Уральского отделения РАН. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. – 304 с. – Библиогр.: с. 286–295. – 100 экз. – ISBN 978-5-7996-3506-0. – Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-7996-3506-0

Исследование посвящено анализу формирования представления об Урале как об «опорном крае державы» в культуре СССР 1930–1940-х гг. Авторы показывают, что риторические клише, воспринимающиеся сегодня как данность, были продуктом напряженной интеллектуальной работы десятков публицистов и литераторов. Привлекая обширный материал – публицистику и периодику, художественную литературу, поэзию, авторы демонстрируют ключевые этапы и составляющие этого процесса, включавшие переосмысление уральской истории как истории края мастеров, выработку нового взгляда на оборонную политику Урала, создание мифологем, наделяющих орудия производства и индустриальные изделия субъектностью.

Издание предназначено всем интересующимся историей общественной мысли, культуры, литературы, а также историей Уральского региона.

УДК 94(470.5)

ББК Т3(235.55)

Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-78-10095 «Индустриальная идентичность территорий России: уральские региональные сообщества и дискурс об Урале в культуре XVIII–XX вв.»

На обложке:

О. Э. Бернгард. Огни Тагила. 1947.

© МБУК «Нижнетагильский музей изобразительных искусств»

© Бугров К. Д., Киселев М. А., Маштакова Л. В., 2022
ISBN 978-5-7996-3506-0 © Издательство Уральского университета, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Введение	8
1. ПРОШЛОЕ ОПОРНОГО КРАЯ	17
1.1. Рождение «старого Урала» на рубеже XIX–XX вв.	17
1.2. В поисках путей преодоления «старого Урала» на рубеже 1900–1910-х гг.	33
1.3. «Седой Урал» vs «демидовский Урал»: преодоление «старого Урала» в 1920–1930-е гг.	48
1.4. «Седой Урал» кует Победу (1940-е гг. и далее)	83
2. ПОЛИТЭКОНОМИЯ ОПОРНОГО КРАЯ	112
2.1. Индустриальные крепости СССР: Ленинград, Донбасс и другие ...	112
2.2. Урал – кладовая ресурсов или кузница оружия?	124
2.3. «Чудесный сплав» – эвакуированные и уральцы	148
2.4. Клятвенный долг и трудовой героизм	166
3. ГОРОДА ОПОРНОГО КРАЯ	207
3.1. Где находится Танкоград	207
3.2. Город уральских пушкарей	217
3.3. Автоград. Преображение Золотой долины	226
4. МИФОЛОГЕМЫ ОПОРНОГО КРАЯ	246
4.1. Печь и станок – «живые» орудия производства	246
4.2. Меч и клинок: «магическое оружие» в нарративе Победы	255
4.3. Рождение танка	270
Заключение	282
Библиографический список	286
Указатель имен	296

ПРЕДИСЛОВИЕ

Социально-культурный ландшафт Урала первой половины XX в., в частности времен Великой Отечественной войны, изучен глубоко¹. Но специальных работ именно по проблеме формирования образа, дискурсивных структур, вокруг которых строилась идентичность Урала, мало². И если отдельные имена, такие как П. П. Бажов, продолжают привлекать внимание, то большинство тех, кто внес вклад в появление понятия «опорный край державы», сегодня может с полным основанием считаться забытым или полузабытым.

По этой причине настоящая работа построена на основе анализа массивов публицистики (газетной, журнальной, брошюрной) и художественной литературы, в том или ином виде описывавших Урал в 1920–1940-х гг. Это в первую очередь уральские газеты («Уральский

---

¹ См.: *Гибадуллин Б. Г.* Советская Башкирия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Исторический очерк. Уфа : Баш. кн. изд-во, 1971; *Сперанский А. В.* В горниле испытаний: Культура Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 1996; *Потемкина М. Н.* Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы. Магнитогорск : Изд-во Магнитогор. гос. ун-та, 2002; *Гейль В. В.* Развитие культуры Южного Урала в годы Второй мировой войны // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2008. № 35. С. 207–214; *Сперанский А. В.* На войне как на войне...: Свердловская область в 1941–1945 гг. Екатеринбург : Сократ, 2015.

² См.: *Сперанский А. В.* Художественно-образный потенциал Уральского региона периода Великой Отечественной войны как парадокс тоталитарной культуры // Научно-практическая конференция «Великая Отечественная война: уроки, проблемы», посвящ. 50-летию Победы. Пермь : ПГУ, 1995. С. 76–82; *Абашев В. А.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2000; *Абашев В. В., Абашева М. П.* Литература и география: Урал в геоэстетике России // Вестн. Перм. ун-та. Серия «История». 2012. Вып. 2 (19); *Мурзин А. Э.* Советский миф в судьбе Урала. Екатеринбург : [б. и.], 2004; *Мурзина И. Я., Мурзин А. Э.* Художественные репрезентации проекта «советский Урал» // Советский проект, 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 86–97; *Журавлева Н. С.* Уральский регион в военно-публицистическом дискурсе газеты «Челябинский рабочий» (1941–1945) // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2020. № 2. С. 37–44.

рабочий», «На смену!», «Челябинский рабочий», «Звезда», «Магнитогорский металл» и многие другие) и сборники, выходявшие в Екатеринбурге (Свердловске), Перми (Молотове), Челябинске, в других крупных промышленных центрах региона. Это также и центральная пресса – газеты («Правда», «Известия», «Труд»), журналы и альманахи. Изучались также сборники поэзии Н. Н. Асеева, Л. К. Татьяничевой, М. Д. Львова, А. Я. Гольдберга, К. Г. Мурзиди, С. А. Васильева и др.; повести и романы авторства А. А. Караваевой («Огни», 1944), А. А. Первенцева («Испытание», 1942), И. И. Ликстанова («Малышок», 1944), Ф. И. Панферова («Борьба за мир», 1945–1947), В. Ф. Пановой («Кружилиха», 1947), А. Г. Бармина; очерки и заметки Ф. Ф. Сыромолотова, Е. О. Бумажного, А. Ивича, М. С. Шагинян, Л. В. Никулина, Б. Н. Агапова; труды ученых В. В. Данилевского, А. Е. Ферсмана, В. Л. Комарова и многих других авторов. При подготовке данного исследования были изучены сотни нарративных единиц, что позволяет авторам надеяться на то, что ими создана пусть и не исчерпывающая, но достаточно весомая картина тех трансформаций, которые претерпевала уральская индустриальная идентичность в 1920–1940-х гг.

В главе 1 настоящей работы рассмотрен процесс обретения опорным краем своего исторического нарратива. Рефлексия интеллектуалов над экономическими трудностями уральской промышленности на рубеже XIX–XX вв. привела к возникновению понятия о *старом Урале*, формированию исторической глубины бытия горнозаводского края. Этот исторический нарратив играл важнейшую роль в развитии того интеллектуального феномена, который С. В. Голикова удачно назвала «горнозаводским субстратом уральского областничества»³, и был использован новыми, большевистскими элитами Урала (опять-таки значительная часть тех, кто разрабатывал понятие об областном Урале, вошла в ряды этой элиты). Дальнейшее развитие данного нарратива протекало в условиях давления со стороны советского бустеризма, демонстративно отбрасывавшего старую историю Урала, чтобы отменить достижения советской власти. В этих сложных

---

³ См.: Голикова С. В. Горнозаводской субстрат уральского областничества // Studia Culturae. 2016. Т. 1, № 27. С. 165–175.

условиях нарратив о *старом Урале* распался на два: *демидовский Урал* играл роль жупела, а *седой Урал* позволял описывать историческую борьбу рабочих с угнетением, завершившуюся славной победой под руководством большевиков. Именно изыскания по истории *седого Урала* позволили к началу 1940-х гг. ввести уральскую тематику в общий тренд героизации дореволюционного прошлого, изобрести традицию «уральского мастерства» и выдвинуть формулу об Урале как об исконной крепости обороны Отечества.

В главе 2 предложен анализ политэкономии опорного края – совокупности представлений о роли и значении Урала в Великой Отечественной войне, складывавшихся в отечественной общественно-политической мысли в условиях оборонной мобилизации. Особое внимание здесь уделено формированию представлений об Урале как о кузнице, выявлена основополагающая роль для такого формирования интеллектуальных усилий представителей творческой интеллигенции, эвакуированных из других регионов страны. Показано, как в советской публичной сфере была размыта грань между фронтом и тылом, какую роль в этом сыграла стимуляция сильных эмоций (ярость, месть, клятвенный долг), как сформировалось понятие о трудовом фронте, приравненном к фронту боевому, и как Урал в конце концов стал символизировать собой советский тыл в целом. Детально охарактеризован круг *героев трудового фронта* – прежде всего участников движения тысячников (Д. Ф. Босый, Р. Кыштымова, А. И. Сороковой, П. К. Спехов), чьи образы имели ключевое значение в нарративе о трудовом фронте, олицетворяя собой промышленную мощь Урала.

Отдельные сюжеты об идентичности конкретных мест Урала легли в основу главы 3. Здесь проанализирована трансформация представлений индустриальной карты о важнейших центрах выпуска танковой (Челябинск, Свердловск, Нижний Тагил) и артиллерийской (Молотов) продукции. Особое же внимание уделено Миасско-Златоустовскому району, основательно преобразившемуся в градостроительном, хозяйственном и дискурсивном смысле. Пуск в 1944 г. Уральского автомобильного завода в Миассе трактовался как ключевое событие в истории края, а сам Миасс на некоторое время при-

обрел идентичность Автограда. При этом социально-культурное развитие района на протяжении десятилетий зависело от перетока индустриальных предприятий из горного Златоуста к его долинным и равнинным соседям.

Наконец, в главе 4 охарактеризованы наиболее важные мифологемы индустриальной культуры, которые в мобилизационной культуре СССР 1930–1940-х гг. оказались связаны с Уралом в контексте его новой оборонной роли. Фиксация на вещи, изделия, продукте делала труд более индивидуальным, а вклад в общее дело победы страны в войне – более личным. Речь идет прежде всего об оружии: удивительным образом в индустриальном дискурсе оказались связаны между собой *меч* и *танк*. Еще в сентябре 1941 г. на Урале не выпускали танки, а уже к 1945 г. уральский *танк-кладенец*, ожившая машина, воплощавшая трудовой подвиг своих создателей, стал неотъемлемой частью отечественной культуры. Однако не меньший интерес представляют и другие, *нечеловеческие акторы Победы* – печи, станки, сам расплавленный металл и руда; все эти средства производства и ресурсы наделялись агентностью и оживали на страницах литературы 1930–1940-х гг. В характерном внимании к продуктам производства (танк) и средствам производства (станок) заключается одна из важнейших черт индустриальной идентичности.

ВВЕДЕНИЕ

Чеканная формулировка «Урал – опорный край державы», подаренная уральцам А. Т. Твардовским в 1952 г.¹, кажется сегодня аксиомой, чем-то само собой разумеющимся². Богатая мифология, выстроенная вокруг разного рода представлений об индустриальной мощи, основанной на добыче и переработке полезных ископаемых и при этом связанной с производством вооружения, в громадной степени определяет функционирование дискурса об Урале на протяжении последних десятилетий. Иногда в этом усматривают имманентное свойство горного ландшафта, понимая его как совокупность «стабильных автономных образов, которые на методологическом уровне можно вычлениить и структурировать через интерпретацию и репрезентацию природных объектов пространства»³.

Конечно, дело не ограничивается специфической природой, для извлечения горных богатств необходима сложная человеческая деятельность, и здесь на помощь может прийти концепт горнозаводской цивилизации, сформулированный в 1920-е гг. пермским краеведом П. С. Богословским. Правда, последний стал жертвой репрессий, так что не успел в должной мере развить его. В связи с этим писатель А. В. Иванов, обращаясь к концепту горнозаводской цивилизации, утверждает: «Профессор Богословский освобожден в 1945 году и вернулся в науку, но опалюющей темой региональных идентичностей больше не занимался. Россия лишилась стратегии самопознания. Осталась лишь яркая и загадочная формула – словно теорема

---

¹ Стихотворение «Две кузницы», опубликованное Твардовским в 1958 г. и содержащее упомянутую формулу, является частью поэмы «За далью – даль», целиком увидевшей свет в 1960 г.

² См.: *Анимица Е. Г., Власова Н. Ю.* Эволюция и основные составляющие образа Урала // Географический вестник. Экономическая, социальная и политическая география. 2016. № 3. С. 29–30.

³ *Тюленева Н. И.* К вопросу о концепции культурного ландшафта: географическое пространство и образы Урала // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. 2014. № 7. С. 274.

без доказательств»⁴. Развивая мысль Богословского, писатель раскладывает концепт горнозаводской цивилизации на составляющие: горный завод (река, плотина), драгоценные камни, самоцветы, металлург и мастер, что перекликается с развернутой формулой уральской культурной идентичности М. П. Никулиной: «Если Камень (и руда) – символ Урала природного, а изделие из камня (и металла) – Урала освоенного и промышленного, то Мастерство является связующим звеном между ними, стало быть, и его (Урала) историей»⁵.

Впрочем, ни залежи железной руды, ни заводские цеха, ни суровые горы и леса сами по себе не образуют никаких черт человеческого общества. *Материальность*, которую они формируют, образует границы возможного развития социальной культуры тех людей, которые обживают и преобразуют этот ландшафт. Однако идентичность – это способ (само)описания, и, следовательно, она представляет собой определенного рода язык, дискурс, риторическую систему, позволяющую описать то или иное место определенным образом. Между дискурсом и социально-экономическим ландшафтом существовала связь, в которой ландшафт играл роль базиса, но в том, как этот ландшафт будет воспринят, решающую роль играла все же дискурсивная практика, искусство *доказывать* и *убеждать*. Е. В. Головнева вполне справедливо подчеркивает: «Для понимания региональной идентичности оказывается важным не географическое пространство само по себе, а чувство пространства, сплав физической реальности и вызываемых ею эмоций»⁶.

Губернатор Нижегородской области Г. С. Никитин в 2020 г. с удивлением говорил: «Вообще, какой внес Нижний Новгород, Горький, вклад в Победу, для меня даже было сюрпризом, россияне об этом не знают абсолютно. Все знают про блокаду Ленинграда, про Сталинградскую битву, Курскую дугу, даже про Ржевский выступ и Ржевскую операцию. Про то, что по целому ряду позиций половину вооружения за весь период войны поставил Горький, – вот об этом мало

---

⁴ Иванов А. В. Горнозаводская цивилизация. М. : АСТ, 2018. С. 11.

⁵ Никулина М. П. Камень. Пещера. Гора. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. С. 101.

⁶ Головнева Е. В. Региональная идентичность: теоретические аспекты изучения // Урал. ист. вестн. 2013. № 2. С. 83.

кто знал. По некоторым позициям 25 %, 30 %, 40 %, по некоторым – половина. По сути – это кузница Победы, большая-большая фабрика»⁷. Действительно, с точки зрения экономического историка, город Горький – истинная кузница обороны СССР, единственный индустриальный узел страны, выпускавший *все* виды боевой продукции: танки «Красного Сормова» и Горьковского автозавода, артиллерийские орудия завода № 183, самолеты Горьковского авиазавода, не считая горьковского пригорода Дзержинска, важнейшего центра советской оборонной химии... Но в публицистике и печати военных лет, говоря шире, в советской публичной сфере, Горький фигурировал лишь изредка, в ряду других тыловых городов страны, и не имел репутации крепости обороны.

Для изучения этого феномена уместно прибегнуть к методам исторического исследования, сформировавшимся в русле так называемой *истории понятий*. Как любой речевой акт, практика рассуждения о конкретных локусах имела свои цели. Базис не подсказывал автору, что говорить; он мог только выступить для него материалом, конвертируемым в риторические формулы. Кроме того, помимо этой материальности имелась еще и материальность другого порядка: сама инфраструктура той публичной сферы, в которой и происходил обмен мнениями, формировалась и доставлялась к потребителям описания тех или иных мест. Следует также помнить о том, что вся эта разнородная и заведомо противоречивая коммуникативная деятельность разворачивалась в конкретных историко-хронологических условиях. Каждый новый коммуникативный акт имел дело с последствиями предшествовавших коммуникативных актов, с уже сложившимися представлениями, образами, концептами, идеями. Ландшафт и территория тоже не были константами; это особенно верно для региона, обозначаемого именем «Урал». Последний через промышленное освоение на протяжении трехсот лет охватывал новые и новые локусы, зачастую имевшие самые пестрые природно-географические характеристики, от действительно горных районов до тайги и степных пространств. Как однажды

---

⁷ Горький – это кузница Победы: нижегородский губернатор // ИА REGNUM. 19 июня 2020 г. URL: <https://regnum.ru/news/society/2987520.html> (дата обращения: 07.03.2022).

заявил в 1924 г. выдающийся горный инженер В. Е. Грум-Гржимайло, «Тобольский север... несомненный Урал будущего». Границы Урала оказывались подвижными на протяжении истории. В связи с этим можно говорить о «растекающемся» индустриальном ядре края, постепенно включавшем в свой состав новые территории не только посредством утверждения определенного типа социально-экономического развития, но и через (пере)определение их локальной идентичности, включаемой в общий *исторический нарратив* Урала.

С учетом этого при изучении вопроса о том, как Урал был осмыслен в качестве «опорного края», в фокусе нашего внимания оказался прежде всего соответствующий исторический нарратив. Что об истории Урала знали люди 1940-х гг., чьими интеллектуальными усилиями понятие об «опорном крае» и вошло в обиход? Анализ вопроса заставил обратиться к материалу XIX в., вновь внимательно изучить историю дебатов о социально-экономическом профиле уральской промышленности.

Важным явлением в формировании представлений об Урале нужно считать *бустеризм*. Этот термин – из североамериканской традиции, описывает феномен «рекламной литературы», призванной привлечь поселенцев в города вновь осваиваемых территорий США и Канады; в русскоязычном исследовательском пространстве его весьма продуктивно применяет в своих штудиях современный исследователь Ф. С. Корандей⁸. Конгрессмен США Дж. Нотт в 1871 г. высмеивал клише бустерной литературы в речи «Несказанные наслаждения Дулута» («The Untold Delights of Duluth»), быстро приобретшей хрестоматийный статус⁹. Комический эффект речи Нотта

---

⁸ См.: Корандей Ф. С. Репрезентационная инфраструктура позднесоветского бустеризма: Урал и Западная Сибирь // Урал. ист. вестн. 2021. № 4. С. 115–116.

⁹ «Что же до коммерческих ресурсов Дулута, сэр, то они попросту неисчерпаемы и неистощимы, как показывает эта карта. Я вижу, что здесь отмечена обширная территория с центром в Дулуте, охватывающая более двух миллионов квадратных миль, богатая всеми слагаемыми материального изобилия и коммерческого процветания. Посмотрите, сэр! Здесь – неистощимые шахты золота, неизмеримые залежи серебра, непроходимые дебри бескрайних лесов, изобильные слои угля, просторные равнины богатейших пастбищ – словом, все есть на этой земле, которая должна, по самой природе вещей, пролить неслыханные богатства своей коммерции в руки Дулута» (The Speech of Proctor Knoww on Duluth with Satirical Comments up to date. Duluth : J. L. Thwing, 1893. P. 11).

достигался благодаря контрасту между помпезными формулировками и общей захолустностью рекламируемого местечка (впрочем, это не помешало Дулуту действительно превратиться в крупный центр торговли и промышленности).

Индустриальный бустеризм предполагал особого рода *гордость* на базе участия в производственном процессе создания того или иного продукта. Это означает, что он возможен лишь в такой экономике, в которой индустриальное производство играет ключевую роль. Полновесное формирование индустриальной идентичности Урала не было возможным в XVIII в., в первый период горнозаводского освоения, хотя российская культура того времени дает нам несколько ярких примеров обращений к образу промышленного Урала – оды К. А. Кондратовича, М. В. Ломоносова или А. Ф. Мерзлякова, демонстрирующие разнообразие выразительных средств для описания «русского Перу», края горных богатств, источника золота и ценных камней. Но эти формулы были частями барочной символики богатства, ограниченной целями придворной коммуникации и задачами интеграции своих заказчиков в дворянско-землевладельческую элиту империи. А пространные описания уральских горных заводов, которые начали появляться с последней трети XVIII в. в отечественной печати, оперировали в ином регистре: они были подобны описаниям помещичьих имений, с детальной фиксацией расположения печей и амбаров, и мобилизующей, бустерной, функции не имели.

Именно в таком смысле и аттестовал «горнозаводскую цивилизацию» XVIII – начала XIX в. уже упомянутый П. С. Богословский, старавшийся определить, какая культура – при отсутствии на Урале дворянства – имела элитный характер. Для описания данной культуры Богословский предложил громоздкое определение: это культура, «созданная в условиях крепостничества, трудами народа по заданиям и в интересах владельцев заводов и разного рода угодий»¹⁰. Ее-то Богословский и считал продуктом «горнозаводской цивилизации», противопоставляя ей «народную культуру».

---

¹⁰ Богословский П. С. О постановке культурно-исторических изучений Урала // Урал. краеведение. 1927. № 1. С. 35.

Ситуация изменилась с подъемом глобального товарного хозяйства и крупной индустрии. Как раз этими чертами и обладала со второй половины XIX в. экономика США, в которой важную роль играли индустриальные города, охотно позиционировавшие себя как глобальные центры конкретных типов производств, например, химический Акрон, объявивший себя «резиновой столицей мира», сталелитейный Питтсбург, именовавшийся «стальной столицей», или автомобилестроительный Детройт, ставший «городом моторов». Бустерные характеристики быстро превращались в дискурсивную основу для саморепрезентации, групповой идентичности¹¹. Тенденция к бустерному подъему в дискурсе об Урале отчетливо видна в литературе рубежа XIX–XX вв. Однако военно-революционный кризис и Гражданская война остановили этот процесс.

Новый бустерный подъем в дискурсе об Урале мы фиксируем со стартом большевистской индустриализации, когда культурная машина подкрепляла своими ресурсами – потоком очерков, стихотворений, пьес, картин, песен, скульптур, фотографий – материальную реальность крупных строек и капитальных вложений в осваиваемом регионе. Это была «продажа мест» их обитателям, форма нематериального стимулирования: Челябинск предстал теперь столицей мирового тракторостроения, Нижний Тагил – столицей вагоностроения, а Соликамск – горно-химическим Калийградом. Ровно ту же «продажу мест» представляли собой потоки экономических проектов и обоснований, устремлявшиеся с мест в центр. Экономисты из разных городов стремились доказать, что именно их концепция является обоснованной. Те или иные социальные группы старались «разыграть» карту территории в своих целях и в этом смысле спроецировать в публичной сфере тот или иной образ территории.

---

¹¹ Разумеется, в этом мире разновеликих промышленных центров господствовало неравенство, индустриальная идентичность изначально не основывалась на равномерно распределенном едином признаке, как, например, идентичность национальная опирается на соображение о едином языке. Напротив, она легко подвергается деконструкции до своих первичных элементов – конкретных производственных локусов и коллективов, своих технологических площадок и машин, поскольку индустриальная гордость формируется именно на этом уровне, вокруг конкретных продуктов и процессов.

Индустриальная идентичность – это структура символического доминирования. Крупное металлургическое и металлообрабатывающее производство никогда не было на Урале занятием *большинства* жителей, однако занимаемые им командные высоты в экономике обеспечивали ему доминирование в дискурсе о регионе. В свою очередь, более крупные и мощные предприятия, располагавшие большими ресурсами, вытесняли с этого поля меньшие и менее влиятельные. В знаменитой повести свердловского писателя и публициста И. И. Ликстанова «Малышок» (1944) глазам прибывшего в не названный по имени уральский город (условный Свердловск) мальчика Сева, эвакуированного из Поднепровья или Донбасса, открывается такая картина: «За высоким забором стояли бок о бок три корпуса с круглыми крышами, как у вагонов. Над ними возвышалась наполовину выведенная толстая труба, похожая на обломок красного карандаша. Еще не было закончено и одноэтажное кирпичное здание, которое вытянулось вдоль больших корпусов»¹². Сева замечает, что завод маленький. Нина Павловна, хозяйка, у которой разместились герои повести Костя (Малышок) и Сева, «с ноткой ревности» отвечает: «Конечно, наш завод не гигант, но, уверяю тебя, он делает такую вещь, от которой не поздоровится фашистам».

И все же небольшое снарядное производство, где работают и овладевают мастерством главные герои, на протяжении книги находится в тени некоего громадного производства – Большого завода, который «басом гудит и уже печет танки как пироги». Итак, Малышок и его друзья трудятся на маленьком заводе, а взрослые, умелые рабочие – на Большом; кульминационная сцена, в которой мальчишки встречаются с колонной танков, подчеркивает это различие. Малышок смотрит и думает: «Не он сделал эти танки, эти бесчисленные машины. Их сделали люди, которые работали на Большом заводе, – варили, резали, сваривали сталь, сверлили пушки, собирали моторы. Но ведь Костя тоже умел резать сталь, и поэтому он вдруг почувствовал, что это его воля ведет тяжелые машины вперед, вперед по трудной дороге, его сердце бьется в стальной груди грозных машин»¹³.

---

¹² Ликстанов И. И. Малышок. Л. : Ленингр. газет.-журн. и кн. изд-во, 1949. С. 269.

¹³ Там же. С. 271.

Ликстанов имел в виду, что для целей обороны нет неважных производств, однако упразднить заложенное в саму суть индустриального производства неравенство ему не удалось: загадочный Большой завод (на страницах книги он не появляется вблизи, мальчики только слышат его грохот и гул, видят его дымы, знают о его грозном присутствии) сохраняет неоспоримо главенствующую позицию как старший над младшим. Индустриальная идентичность Урала, кристаллизовавшаяся в мобилизационной культуре 1930–1940-х гг., была в огромной степени идентичностью ряда подобных Больших заводов – Магнитки, ЧТЗ, Уралмаша, Мотовилихи, властно навязывавшейся остальным коллективам, городам и территориям¹⁴. Между историзмом, дававшим характеристику краю в целом, и бустеризмом, «отстраивавшимся» от производственной специфики конкретных предприятий и городов, формировалась идентичность, приобретающая в конечном счете квазиэтнический характер, позволявший наделить Урал и уральцев особыми качествами.

По мысли классика немецкой социологии и философии Г. Зиммеля, «мы чувствуем себя теснее связанными... если нас связывают лишь немногие нити, которые, однако, указывают нашей деятельности и нашим чувствам все направления. <...> Чем проще реальные и идеальные силы, связывающие известную общность... тем теснее и солидарнее взаимная связь между ним и целым»¹⁵. Иначе говоря, общность людей организуется набором догм, правил, представлений, концептов, которые в основе своей могут упрощаться до формул. Конечно, в историографии, как правило, анализу подвергаются исторические нарративы, служащие основанием этнополитических (национальных) идентичностей, обычно трактуемые как

---

¹⁴ См. параграф 3.3 настоящей книги о преобразении Золотой долины усилиями Уральского автомобильного завода в Миассе. Этот завод оказался заложником общесоюзной отраслевой иерархии; на то, чтобы представлять советское автостроение в целом, претендовали головные предприятия в Москве, Горьком, позднее также в Минске, Тольятти и Набережных Челнах. Презентация Миасса как «автотворческого города» и «уральского Детройта» уже к 1960-м гг. вышла из моды, роль Автограда приняли на себя новые громадные стройки Поволжья.

¹⁵ Зиммель Г. Социальная дифференциация / пер. с нем. Н. Н. Вокач, И. А. Ильина; под ред. и с предисл. Б. А. Кистьяковского. М. : М. и С. Сабашниковы, 1909. С. 31–32.

«этнополитические мифы». В. А. Шнирельман подчеркивает: «Миф о прошлом призван воспитать в людях самоуважение, сплотить их и наделить творческой энергией преодоления кризиса»¹⁶. Нарратив об индустриальном Урале – это тоже своего рода исторический миф, позволявший классифицировать, описывать, связывать воедино пестрый набор феноменов и локусов, так или иначе связанных с горно-заводским освоением региона. В применении к территориальной идентичности «связующими нитями» могут выступать пространственные представления, род деятельности, основные занятия данной общности людей. Поиски компактных формул, выражающих территориальную идентичность, продолжаются в научной мысли; чаще всего они связаны именно с хозяйственным, горнопромышленным профилем Урала.

Так, В. А. Абашев пишет о теллуризме и геопэтике региона¹⁷, а М. П. Никулина предлагает формулу уральской территориальной идентичности из трех образов – камень, пещера, гора¹⁸. Как отмечают И. Я. Мурзина и А. Э. Мурзин, миф был бы нежизнеспособен, если бы не опирался на действительно «существующие в менталитете уральцев черты»¹⁹; думается, корректнее сказать – на конвенциональные модели поведения, общие сюжеты и дискурсы в уральской культуре, существовавшие и существующие в разное время в границах одной территории, на материальную базу в виде конкретных производств и комплексов. В годы Великой Отечественной войны героизация тылового труда, создание ощущения у его участников принадлежности к «большой истории» приводит к закреплению ряда мифологем в рамках единого мифа об Урале – кузнице победы.

Индустриальный историзм – индустриальный бустеризм – индустриальный мифологизм; на этой тройственной базе и сформировался в 1920–1940-х гг. образ Урала, который столь лаконично и эффективно суммировал Твардовский. Изучение конкретной механики этого процесса и есть цель настоящей книги.

---

¹⁶ Шнирельман В. А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Язык и этнический конфликт. М. : Гендальф, 2001. С. 16.

¹⁷ См.: Абашев В. А. Пермь как текст.

¹⁸ См.: Никулина М. П. Камень. Пещера. Гора.

¹⁹ Мурзина И. Я., Мурзин А. Э. Художественные репрезентации проекта «советский Урал». С. 94.

1. ПРОШЛОЕ ОПОРНОГО КРАЯ

1.1. Рождение «старого Урала» на рубеже XIX–XX вв.

Урал был достаточно молодым регионом Российского государства. Еще в 1734 г. руководитель Канцелярии Главного правления сибирских заводов, а также историк и географ В. Н. Татищев в речи, обращенной к членам комиссии по созданию Горного и заводского устава, в которой были представлены как главные частные заводчики Урала, так и руководители казенных предприятий¹, так объяснял необходимость выработки нового горного законодательства: «Как партикулярных промышленников был во всей Сибири токмо один Демидов и распрям причины не было, так и законов на распри не требовалось, ныне же, как видно, что заводов партикулярных и промышленников, так и между ими... распрям умножатся, а к тому и законам вскоре быть требуемым чаемо»². Однако уже в 1810 г. И. Ф. Герман, бывший руководителем казенных горных заводов на Урале, в изданной им в Екатеринбурге книге по истории горного дела в России рассуждал о том, как Татищев был определен в 1734 г. «главным начальником над всеми по *Уральскому Хребту* (здесь и далее в цитатах курсив наш. – М. К.), тогда существовавшими, горными заводами»³. Кроме того, сообщая о попытках организации «на Уральских горах» добычи полезных ископаемых в XVII в., Герман писал, что они не возымели значимого успеха⁴. В связи с этим он утверждал, что

---

¹ См.: Киселев М. А. Проект Горного и заводского устава В. Н. Татищева: от замысла до реализации // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2012. № 4 (108).

² РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 69. Л. 14.

³ Герман И. Ф. Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург, 1810. С. 152.

⁴ См.: Там же. С. 144.

«настоящее возстановление Уральского и вообще всего Российского рудокопства ИМПЕРИЯ обязана»⁵ Петру I и т. д.

Итак, в первой половине XVIII в. территория, которая затем будет известна как Урал, еще воспринималась частью Сибири, пусть уже и обладающей некоторыми особенностями. Соответственно тех же заводчиков Демидовых можно было рассматривать и как *сибирских промышленников*. Однако шедший на протяжении всего XVIII в. рост горного дела, включавший в себя строительство многочисленных заводов, и связанное с этим формирование горнозаводского населения, равно как и возникновение особой горной администрации, наблюдался прежде всего не по всей бескрайней Сибири, а в районе Уральских гор. Такая концентрированная трансформация социально-экономических реалий территории вкупе с соответствующей рефлексией местных элит, связанных именно с горным делом, привела к вычленению Урала из Сибири как особого региона. Соответственно Урал приобретал и свою особую историю, связанную с историей горного дела в России, где знаковой фигурой был Петр I. При этом строительство заводов на Урале оказывалось одним из его славных и, что важно, долгоиграющих деяний, оказывавших положительное влияние на экономику империи. Так, в словарном издании 1849 г. в статье «Урал, Уральские горы» барон Л. И. Зедделер констатировал, что ископаемые *сокровища* Урала были открыты для России «только в царствование Петра Великого... Проницательный ум бессмертного преобразователя России нашел и тут достойных исполнителей своих начертаний. Это были Голландец де Геннинг и Тульский кузнец Демидов, настоящие основатели цветущаго рудокопства на Урале»⁶.

Действительно, к середине XIX в. Урал сохранял значение главного металлургического центра Российской империи. Однако его заводы именно с этого времени оказались в непрестом положении, отставая в технологических и организационных аспектах от европейской металлургии. Известный металлург-изобретатель В. К. Рашет,

---

⁵ Герман И. Ф. Историческое начертание горнаго производства в Российской империи. С. 7.

⁶ [Зедделер] Л. И., б[арон]. Урал, Уральские горы // Военный энциклопедический лексикон. Ч. 13. СПб., 1849. С. 230.

служивший с 1856 г. управляющим Нижнетагильским горным округом, в аналитической записке, завершённой в Нижнетагильском заводе 29 августа 1861 г., отмечал, что «горная промышленность наша восприяла свое начало на Урале со времен Великого Петра. Известный Никита Демидов, которому Великий Государь, в 1699 году, дозволил разрабатывать рудники отдаленной Сибири, был основателем почти всех главных уральских заводов. С тех пор все металлургические процессы Урала продолжают совершаться на древесном угле, что и составляет главнейшую причину медленного развития уральского горного промысла». Рашет высоко оценивал как *неисчерпаемые минеральные богатства* Урала, так и его политико-географическое положение: «Находясь почти в середине главных водных систем Европейской и Азиатской России, Урал должен служить самым живым проводником народной жизни, должен удерживать нераздельно-цельным политическое тело России, перелевая в него жизненные токи и не останавливая в себе правильного круговращения». И после этого автор патетически восклицал: «Как еще мало сделано для Урала и как не отрадно настоящее его положение!»⁷.

Итак, славное динамическое начало, связываемое еще с XVIII в. с именем Петра Великого, в итоге завершилось стагнацией и кризисом в настоящем. Действительно, в начале 1860-х гг. на уральскую металлургическую промышленность обрушился экономический кризис, последствия которого преодолевались до конца 1860-х гг. При этом в 1861 г. произошла отмена крепостного права, что имело также немаловажные последствия для заводов Урала, где значимую роль играли элементы несвободного труда⁸. Все это подрывало образ успешно развивавшегося, *цветущего* начиная с Петра I промышленного края и вело, как продемонстрировал Рашет, к рефлексии о причинах тяжелого современного положения индустриального Урала, о его месте в экономике России и мира, а также о его будущем.

---

⁷ Рашет В. К. О развитии горной промышленности и механического искусства посредством устройства железной дороги в центре уральской горной промышленности и при помощи тарифных учреждений. СПб., 1861. С. 5.

⁸ Также см.: Горовой Ф. С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь : Перм. кн. изд-во, 1961.

Зоолог и натуралист Л. П. Сабанеев, побывавший в нескольких экспедициях на Урале с целью изучения прежде всего его природы, в книге 1873 г. счел возможным остановиться и на экономических проблемах уральской горной промышленности. Прежде всего, он отмечал: «Нет никакого сомнения, что всему Пермскому краю предстоит блестящая будущность. Естественные богатства его неисчерпаемы, и они только что тронуты». Однако это было именно дело будущего. Касательно же настоящего он заявлял: «Целья горы магнитного железняка, богатейшия медныя руды в Пермском Урале еще ожидают правильной эксплуатации, невозможной при настоящем положении горного дела в Пермской губернии. Быстрый упадок горнозаводской промышленности начинается, собственно говоря, с эпохи освобождения крестьян. С этаго самага времени начался кризис, продолжающийся и по сие время, и этот кризис служит ясным доказательством несостоятельности нашего Уральского горного хозяйства, державшагося только даровым трудом и незначительностью необходимых затрат. Большинство как казенных, даже частных заводов близки к окончательному банкротству, и надо желать, чтобы оно совершилось как можно скорее». Такое пожелание было связано с тем, что, по мнению Сабанеева, «в Пермской губернии нет заводчиков, а все заводовладельцы. Как казна не может быть заводчиком, точно так и частные владельцы не желают быть таковыми, и это обстоятельство служит *первой и коренной причиной* упадка горного дела на Урале (курсив автора цитаты. – М. К.)»⁹.

В качестве другого примера приведем очерк «Горнозаводский Урал», опубликованный в 1874 г. на страницах известных «Отечественных записок». Его автором был журналист Р. С. Попов, уроженец уральского Богословского завода и старший брат изобретателя радио А. С. Попова.

Р. С. Попов заявлял: «Обладая громадными рудными богатствами и всем необходимым для их эксплуатации, Урал с самага начала возникновения у нас горнозаводской промышленности сделался центром преимущественнаго ея развития. До половины настоящаго

---

⁹ Сабанеев Л. П. Очерки Зауралья и степное хозяйство на башкирских землях. М., 1873. С. 154–156.

столетия *четыре пятых* всего количества, производимаго в России железа, получались на горных заводах, и только с шестидесятых годов пропорция эта несколько уменьшилась, хотя, все-таки, за Уралом до сих пор оставалось и, наверное, останется навсегда и в будущем значение главного пункта в этой отрасли промышленности»¹⁰. При этом он полагал, что уральская металлургия не получила к настоящему времени должного развития в связи с тем, что «две силы парализовали, губили, можно сказать, нашу горную промышленность – это ее привилегированное положение и, вследствие его, монопольный характер и рабский крепостной труд»¹¹. Эти *две силы*, по Попову, были историческим наследием, доставшимся от XVIII в.

Что примечательно, Попов весьма высоко оценивал политику Петра I, благодаря которой, как следовало из его очерка, уральская металлургия и возникла как значимое экономическое явление: «В ряду других исторических влияний государственныя меры Петра, относительно горнаго дела, бесспорно имеют самое первенствующее значение в судьбе его вообще и на Урале в частности. Им дан был первый толчек, ими намечен и тот путь, по которому должно было идти дальнейшее развитие»¹². Развитие же *привилегированного положения* уральских заводладельцев («монопольный характер горной промышленности, не так заметный в других центрах ея развития, особенно поражает на Урале. Горные заводы Урала с самага начала монополизировались, слившись в обширные округа, занимающие сотни верст, и до сих пор удерживают этот характер, что и служит одним из сильнейших препятствий развития горнаго дела») и *рабского крепостного труда* Попов связывал с тем, что преемники Петра I пошли на *значительное искажение* намеченного им пути.

Итак, по Р. С. Попову, с одной стороны, настоящее рождение горнозаводского Урала было связано со славными деяниями Петра I, после чего Урал и стал главным центром металлургии Российской империи. Однако, с другой стороны, прошлое Урала XVIII – середины

---

¹⁰ Попов Р. С. Горнозаводский Урал // Отечеств. зап. 1874. № 12. С. 302–303.

¹¹ Там же. С. 304.

¹² Там же. С. 305.

XIX в. уже было не столько историей триумфа, приведшего к *цветущему рудоконству на Урале*, сколько историей ошибок в экономической политике, которые привели к кризисному настоящему. Как результат, преодоление такого настоящего требовало преодоления исторического наследия: «Полного исцеления застарелых недугов нашего горного промысла на Урале до сих пор еще не произошло. ...Старые грехи до сих пор еще требуют возмездия, и долго еще горнозаводскому хозяйству не избавиться от них»¹³. Впрочем, касательно значения горнозаводского Урала для России Попов все же демонстрировал сдержанный оптимизм, заявляя, что за ним «останется навсегда и в будущем значение главного пункта» отечественной металлургии. Правда, при этом он мимоходом отмечал, что «в Донском бассейне мы можем развить промышленность не менее бельгийской»¹⁴.

Однако уже к середине 1890-х гг. произошел мощнейший подъем металлургии Донбасса, который стал вытеснять с рынка продукцию уральских заводов. Урал потерял свое место в России как главный центр металлургии, что только усилило рефлексию о месте Урала в Российской империи и о его специфике, в связи с чем стало дополнительно проблематизироваться и прошлое индустриального региона.

Еще в 1894 г. на страницах «Записок» Русского технического общества сообщалось о «южных горных заводах, производительность которых за последние годы сделала особенно заметные успехи». Что же касается уральской металлургии, то автор был явно не в восторге от современного уровня ее развития, но выражал надежду, что «настанет время и Урал... проснется и стряхнет с себя двухвековую косность всей истории своей». Касательно же перспективы строительства на Урале новых заводов, там отмечалось: «они также будут принадлежать к группе Уральских заводов, но, как заводы, возникающие на новых началах, они не будут связаны старыми традициями». Кроме того, по поводу предпринимательской деятельности на Северном Урале было сказано, что «призрачная до этого, угроза *старому Уралу* начинает как будто воплощаться во вновь нарож-

---

¹³ Попов Р. С. Горнозаводский Урал. С. 319.

¹⁴ Там же. С. 301.

дающейея богатейшей в мире промышленности дотоле незаселенного края»¹⁵.

Уже в 1896 г. горный деятель В. Д. Белов, уроженец Нижнего Тагила, член УОЛЕ с 1871 г., выпустил объемный «Исторический очерк уральских горных заводов». Важно подчеркнуть, что в этом *историческом* сочинении Белов, рассмотрев прошлое уральской металлургии, затем обращался к современности и начинал рассуждать, «в чем сила Южных заводов» и где «Ахиллесова пята Урала»: «Южная горнозаводская промышленность представляет новый организм, сложившийся со стороны и хозяйства, и техники на современных началах производства и сбыта. ... Уральские заводы хотя по размерам производства и представляют в настоящее время тоже капиталистические предприятия, но совсем другого, хозяйственного, поместного строя, притом такой, сложившейся двести лет тому назад, тяжелой формы, которая отжила свое время и не мирится с требованиями современного капитализма»¹⁶. При этом Белов полагал, что если обеспечить «обильный прилив древесного сгораемого», то это «вызовет на Урале к жизни новые заводы, на плечах которых не будет этой тяжелой ноши исторического прошлого».

В то же время Белов занимал позицию критики пролетаризации как полного отрыва от земли, в связи с чем рассуждал про *благодетельное влияние* связи с землей для рабочих. Отметив, что «на Юге пришлый рабочий все-таки не имеет и не может иметь своего земельного хозяйства; связь его с землей порвана», Белов провозглашал: «Несравненно лучше положение рабочих на коренных, *старых уральских заводах*; здесь они наделены землей и живут полным крестьянским хозяйством»¹⁷. Именно в связи с такими взглядами Белов связывал развитие уральской металлургии с восточным склоном Урала, «за границей владений настоящих уральских заводов», так как там было «вдоволь свободных земель для водворения на них

---

¹⁵ *Старынкевич Г.* Обзор современного состояния русской железодельной промышленности // Записки Императорскаго Русскаго технического общества. 1894. Май. С. 107–109.

¹⁶ *Белов В. Д.* Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896. С. 163.

¹⁷ Там же. С. 164.

рабочаго населения, и прежде, чем станет тесно, промышленность успеет сделать свое дело и вступить в настоящую, глубокую Сибирь, где, насколько мы можем думать о будущем, недостатка в землях никогда не будет»¹⁸. В итоге Белов, указав, что на восточном склоне Урала будет меньше проблем с древесным углем, заявил, что «дело упростится и удешевится, освободившись от тяжелых условий *старых Уральских заводов*, вызываемых громадностью земле-владения, продолжительностью оборота и порядками своего собственного хозяйства»¹⁹.

Получалось, что, по В. Д. Белову, вполне в духе очерка Р. С. Попова, *историческое прошлое* в виде неповоротливых окружных хозяйств тормозило развитие Урала по сравнению с *современным* Югом. Другое дело, что все же Белов находил и положительный момент наследия в виде связи рабочих *старых уральских заводов* с землей.

В том же 1896 г. молодой геолог И. Н. Стрижов, уроженец Билимбая, бывший учеником В. И. Вернадского, опубликовал в Екатеринбурге небольшую работу, где остановился на проблеме отставания Урала. В самом начале своего текста он заявил: «Урал – это древний очаг русского горного дела, всегда бывший главным центром горнозаводской промышленности, в последнее время отодвигается на второй план своим *молодым собратом* – южным горнозаводским районом»²⁰. Стрижов полагал, что у Урала есть все условия для дальнейшего развития, однако ему необходимо преодолеть ряд недостатков, среди которых он выделил шесть, и затем заявил: «Из шести приведенных пунктов самым главным следует считать первый, а именно *мелкость и раздробленность производства* (курсив

---

¹⁸ Белов В. Д. Исторический очерк уральских горных заводов. С. 169.

¹⁹ Там же. С. 170. Схожие рассуждения Белова в выступлении 1896 г. см.: Белов В. Д. Железные дороги на Урале в целях развития горнозаводского дела // Труды высочайше учрежденного Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем-Новгороде. СПб., 1897. Т. 2. О концепции Белова также см.: Буранов Ю. А. К вопросу о концепции В. Д. Белова // Рабочий класс и промышленность Урала в XVIII – начале XX в. (историография и источниковедение) / отв. ред. Ю. А. Буранов. Свердловск : УНЦ АН СССР, 1985. С. 103–109.

²⁰ Стрижов И. Н. Об уральских горных заводах. Екатеринбург, [1896]. С. 1.

автора цитаты. – М. К.). Притом он труднее устраним, чем остальные. Уральские заводы возникли очень давно; некоторые существуют со времен Петра I и Екатерины II. Почти в том виде, как они возникли, они существуют и до сих пор. Построены они были в малых размерах и рассчитаны на малое производство»²¹.

Заметим, что в историческом наследии Стрижов видел и преимущества, так как Урал «снабжен многочисленным горнозаводским населением, большею частию оторванным от земледелия и издавна привыкшем к горным и заводским работам. Из всех местностей России, где в ее старину возникал контингент фабричных рабочих, Урал в этом отношении занимает первое место. Особый отдел заводского населения образовывался в 17 и 18-м веках около вотчинных и помещионных фабрик и заводов. Для России это явление было ничтожно. Главным образом оно имело место на Урале»²². В итоге, разобрав «обстоятельства, помрачающая славу нынешних горнозаводских предприятий и усиленно требующая от них радикального усовершенствования», Стрижов переходил к перспективам развития региона и заявлял: «В ближайшем будущем на Урале предстоит перемещение промышленности и культуры несколько на север»²³.

Свои рассуждения о таком *перемещении* он сопроводил примечательными утверждениями о сущности Урала и России, а также о задачах региональной интеллигенции: «Урал и Россия не одно и то же. Экономические условия их различны. Основы благосостояния населения в этих странах также различны. Тогда как в России этой основой, а следовательно и коренным делом народа, является земледелие, на Урале его заменяет горное дело. Соответственно этому иными являются на Урале и задачи интеллигента, которые на Руси приурочены к земледелию; и задачи эти существуют, ибо горное дело должно принять известную постановку, чтобы отвечать своему назначению – коренного занятия населения; к нему предъявляются некоторые требования, которым ныне оно не удовлетворяет»²⁴. По мнению

---

²¹ Стрижов И. Н. Об уральских горных заводах. С. 3.

²² Там же. С. 10.

²³ Там же. С. 12.

²⁴ Там же. С. 14.

Стрижова, Уральский Север и будущее всего региона были связаны так: «Северный Урал в особенности обнаруживает свойства чисто горной страны, страны будущего, но очень близкого будущего. В этом крае лежат большие природные богатства, но население сравнительно бедно. Горная промышленность оживит край, выведет на свет таящиеся в нем силы и богатства и органически свяжет с жизнью края, дав ей новое нормальное течение»²⁵.

Итак, по И. Н. Стрижову, Урал оказывался исторически сформировавшимся горнозаводским регионом с *народом*, главным, *коренным делом* которого было *горное дело*. В этом геолог видел определенные преимущества для будущего развития Урала. В связи с этим он, по сравнению с В. Д. Беловым, не признавал значимости связи уральского рабочего с землей, так что видел будущее Урала не на его восточных склонах с обширными землями, пригодными в том числе и для сельского хозяйства, а на севере. В то же время Стрижов не отрицал организационных проблем горнозаводской промышленности Урала, уходивших корнями в прошлое и тормозивших ее современное развитие, в связи с чем она и уступала лидерство промышленности Юга. При этом Стрижов назвал Юг *молодым собратом* Урала, определив последний с помощью метафоры *древний очаг русского горного дела*.

В 1897 г. в Екатеринбурге состоялся V съезд уральских горнопромышленников, первое заседание которого 15 июля было открыто речью его председателя, главного начальника уральских горных заводов П. П. Боклевского. Последний сразу же в первых словах обратился к истории и заявил: «Урал является колыбелью русской горной промышленности. Долгое время Урал не имел себе соперников и служил единственным центром горной промышленности и безусловно первенствовал не только по высокому качеству, но и по количеству выделяемых металлов. Но вот каких-нибудь 20–30 лет тому назад на юге России зарождается юная горная промышленность, которая развивается с поразительной быстротой, и в течении не более как 20 лет эта промышленность не только догоняет Урал, но делается ему самым серьезным крупным соперником, а именно достигает

---

²⁵ Стрижов И. Н. Об уральских горных заводах. С. 15.

такого размера, котораго Урал мог достигнуть за целые 200 лет. В то же время по адресу Уральской горной промышленности начинают раздаваться с разных сторон всевозможные нарекания. Мы слышим такие фразы, как: “Урал отстал”, “Урал спит”. ...И действительно... нельзя не сознаться, что не малая доля этих нареканий справедлива»²⁶. Правда, Боклевский в своем выступлении не предложил значимых шагов по исправлению данной ситуации, указав лишь на необходимость более частого проведения съездов уральских горнопромышленников по примеру юга России, чтобы добиваться от правительства дополнительной поддержки уральской металлургии.

Это выступление П. П. Боклевского вызвало довольно критичный отклик со стороны И. С. Сигова, уроженца Никитинского завода и видного журналиста²⁷. Прежде всего Сигов обрушился на слишком благостное описание прошлого Урала Боклевским и заявил: «В течение двух столетий народ и государство несет тяжелыя жертвы все для одной и той же цели – “для умножения железа и иных заводов”... Для этой именно цели права колонизаторов края были насильственно отчуждены в пользу заводоладельцев и сами они из свободных хлебопашцев... превращены в подневольных мастеровых и непременных работников, жизнь которых сложилась очень скоро в форму самого тягчайшаго из всех видов крепостного существования. Пред ужасами крепостного быта на Урале зверства помещиков других местностей бледнеют; даже слава Салтычихи ничто пред самыми скромными из уральских властелинов. Груды скелетов, найденные на дне одного заводскаго пруда, скелеты, висящие на цепях, скелеты замуравленных в стенах людей и потопленных в подземельях... памятники такого рода, которые обнаруживают быть... Для этой же цели (умножения и расширения заводов), помимо всевозможных милостей, отвода земель, раздачи казенных заводов, русский потребитель осужден издавна на ежегодную много-

---

²⁶ Цит. по: Журналы заседаний V съезда Уральских горнопромышленников, 1897 год. Екатеринбург, 1897. С. 3–4.

²⁷ О нем см.: *Усанов В. И.* История Урала в творчестве И. С. Сигова // *Летописцы родного края (очерки об исследователях истории Урала)* / под ред. О. А. Васильковского. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 47–58.

миллионную контрибуцию в пользу заводовладельцев, путем установления высоких охранительных пошлин»²⁸.

Далее Сигов заявлял, что такое ужасное прошлое и является причиной безрадостной ситуации, в которой оказалась уральская металлургия: «Жертвы народа и милости государства не достигли цели и дали совершенно обратные результаты». Раз так, то следовало отнюдь не стремиться поддерживать уральских заводовладельцев, чтобы они сохраняли существующую организацию промышленности, а, наоборот, ликвидировать наследие бесславного прошлого, чтобы на его развалинах появилась новая, современная металлургия: «200-летний опыт убеждает нас в необходимости теперь же представить нашу отечественную горнозаводскую промышленность самой себе и открыть свободный доступ влиянию на нее конкуренции заграничных производств. Это было бы необходимо даже и в том случае, если бы всем без изъятия горнопромышленным предприятиям Урала грозила гибель. На месте их выросли бы другие, более вооруженные и более приспособленные к современным условиям. Потребители и государство от этого только выиграют»²⁹.

Конечно, далеко не все авторы, рассуждавшие о непростом положении, в котором оказалась уральская металлургия в конце XIX в., были столь радикальны в критике, как И. С. Сигов. Например, горный инженер В. В. Воронцов, уроженец Кушвинского завода, один из создателей мотовилихинского царь-молота, в своем выступлении в 1898 г. указывал на «необычайный прогресс нашей железякательной промышленности за период 1886–1898 гг., выразившийся в увеличении выплавки чугуна с 32 мил. до 113 мил., из коих на долю Юга приходится 44.171 тыс. пудов (за последний год 5 мил.), а на Урал – 41.500 тыс. пуд. (за последний – 5,8 мил.). С 1886 г. Юг с 3 мил. дошел до 44 мил., тогда как Урал за то же время с 21 мил. всего до 41 мил.». После этого Воронцов, пытаясь оправдать Урал, утверждал, что тот «не располагал такими благоприятными условиями для быстрого развития и вынужден был в этом уступить Югу, увели-

---

²⁸ Сигов И. С. Старая песня: (Ходатайства и требования уральских горнозаводчиков) // Русское богатство. 1898. № 3. С. 2–3.

²⁹ Там же. С. 6.

чив свое производство лишь на 20 мил. пудов. В этом факте нельзя видеть застоя, особенно по сравнению с Югом, и нельзя осуждать огулом все заводы в косности и нежелании затрачивать новья средства на улучшения».

В связи с этим Воронцов обращался к специфике исторического наследия уральской металлургии: «Юг создан за этот краткий период, Урал, работающий почти два столетия, мог только прогрессировать и при том в размерах, ограниченных запасом леса в его дачах. При таких условиях прогресс этот, выразившийся в удвоении производства, следует признать весьма почтенным. Нельзя прилагать одну мерку к Югу и Уралу, так как последний работает почти исключительно на древесном топливе, запасы которого, особенно на разстояниях, доступных эксплуатации, уже сильно истощены». Он констатировал: «Юг, действующий на минеральном топливе, имеет возможность сконцентрировать свое производство – рядом с каменноугольными шахтами поставить доменные печи, перерабатывать жидкий чугун и иметь одну, но больших размеров прокатную фабрику, могущую дать массовую, т. е. самую дешевую, производительность; при этом удобное и постоянное сообщение с рынками и совершенная ненужность больших запасов. Заводы *старого Урала*, основанные нашими предками, не знавшими паровых машин, ставились там, где можно было иметь гидравлическую силу, отсюда разбросанность отдельных заводов, небольшой сравнительно с современными требованиями запас двигательной силы, но наряду с этим и известная доля удобства по снабжению топливом (древесным. – М. К.)».

Изложив свое видение *условий*, в «которые поставлена Уральская железная промышленность», Воронцов затем предлагал заняться размышлениями о том, как в имеющихся условиях Уралу как металлургическому центру можно было бы улучшить свое положение: «Только при всестороннем изучении и правильной оценке этих условий возможно верно определить как наивыгоднейший путь, которому должен в будущем следовать Урал, так те меры, которые необходимы и могут существенно содействовать его преуспеянию»³⁰.

---

³⁰ Воронцов В. В. Современное положение нашей железо-делательной и чугунолитейной промышленности, как результат 12-ти летней покровительственной политики. [СПб., 1898]. С. 1–4.

Далее горный инженер И. С. Яхонтов, работавший на Пермских пушечных заводах³¹, в конце 1898 г. на страницах «Горного журнала» опубликовал статью, посвященную проблеме казенных металлургических заводов, где в первом абзаце даже умеренно похвалил *старый Урал*: «В последние 10–15 лет, как известно, горное дело в России замечательно подвинулось вперед; оно росло, можно сказать, вполне по американски. – Юг России, нефтяное дело, заводы и рудники Царства Польского выросли на наших глазах; даже и у старого Урала и то за последнее десятилетие производительность поднялась более, чем на 50 %». Впрочем, это была именно умеренная похвала, так как затем Яхонтов обратился к критике проблем, связанных со *старинной*. По его мнению, «частные Уральские заводы до сих пор все еще сидят главным образом на прокатке старинных сортов железа». Проблемы же казенных заводов, требующие решения, также уходили своими корнями в историю: «Не так далеко ушло то время, когда казна снабжала почти всю Россию продуктами горного дела, когда почти все горное дело было казенное, потому что не находилось охотников им заниматься, а государство, в виду своей же собственной безопасности, необходимо должно было заботиться о приготовлении у себя продуктов горного дела, – такова была цель и основание для устройства казенных заводов. В настоящее время картина совершенно меняется»³².

В связи с этим на проблемы *старого Урала* обратили внимание и в правительстве. Чиновник особых поручений из министерства финансов М. М. Федоров в рецензии на книгу об уральских металлах в 1897 г. констатировал: «Оживление интереса к исконному русскому железодельному району (Уралу. – М. К.) – дело сравнительно весьма недавнее. Не так давно еще у нас довольствовались иностранным железом, и первый рельс, опоясавший Русь... был иностранный рельс. Затем мы поняли, что это невыгодно, и занялись выделкой своих рельсов, но из иностранного чугуна. Большим шагом вперед

---

³¹ См.: *Заболоцкий Е. М.* Горное ведомство дореволюционной России: очерк истории : биограф. слов. М. : Новый хронограф, 2014. С. 274.

³² *Яхонтов И. С.* К вопросу о казенных заводах горного ведомства // Горн. журн. 1898. Дек. С. 362–363.

была эра южного горнозаводского оживления». И лишь только сейчас, по Федорову, «вспомнили о *старом, испытанном Урале*, вспомнили о неисчерпаемых богатствах этого представителя русской богатырской мощи»³³. И вот по инициативе министра финансов С. Ю. Витте на Урал была направлена небольшая экспедиция под руководством Д. И. Менделеева, чтобы в том числе найти «причину медленного развития железного дела на Урале»³⁴. Результатом стало известное описание уральской железоделательной промышленности в 1899 г. Во введении к нему Менделеев писал, что Петр I, «провидя современное значение железа, поставил добычу его во главу уральских усилий. И слава дел этих загремела в мире»³⁵.

Правда, развить эти успехи в итоге «затем помешало многое, особенно же строгости, введенные всевластными горными начальниками, отвлечение в сторону открытием золота и рутинное ведение всех дел богатыми, вне Урала жившими хозяевами чрез местных управляющих. ... Урал жил старою своею жизнью, по рутине», что в итоге и привело к проблемному настоящему. Уже профессор П. А. Земятченский написал в этой книге: «Екатеринбург называют столицей Урала. Нельзя сказать, чтобы он производил впечатление, соответствующее названию. Или столица плоха сама по себе, или Урал плох, и для него Екатеринбург годится в столицы. ... Спит Урал, спит и его столица. Мало того, столица его и просыпаться даже не хочет»³⁶. Впрочем, Менделеев, давая в докладной записке для Витте краткую характеристику Уралу как «центру давней горной промышленности России», заявлял: «Урал по своей истории, по естественным условиям и по своему положению должен и может вновь стать главным поставщиком железа для России»³⁷. Однако это была именно возможность, для достижения которой, по Менделееву, требовался

---

³³ *Ф[едоров] М. [М.]* Рец. на ст.: *Матвеев А.* Уральские металлы 1897 года. Издания год четвертый. С.-Петербург, 1898 г. // Рус. экон. обозрение. 1898. № 8. С. 149.

³⁴ *Менделеев Д. И.* Сочинения. Т. 12 : Работы в области металлургии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. С. 67.

³⁵ Цит. по: Уральская железная промышленность // Менделеев Д. И. Соч. Т. 12. С. 93–94.

³⁶ Цит. по: Там же. С. 484–485.

³⁷ *Менделеев Д. И.* Сочинения. Т. 12. С. 78.

набор правительственных мер, связанных в том числе с преодолением пережитков прошлого.

Кроме того, следует указать и на первую крупную книгу В. И. Ленина – «Возникновение капитализма в России», работу над которой он начал в 1896 г., будучи под арестом в тюрьме в Санкт-Петербурге, а закончил в начале 1899 г. в сибирской ссылке в селе Шушенском. В этой книге, помимо прочего, он дал известное описание *оригинального строя промышленности* горнозаводского Урала. По Ленину, «в основе “организации труда” на Урале издавна лежало крепостное право, которое и до сих пор, до самого конца 19-го века, дает о себе знать на весьма важных сторонах горнозаводского быта». Более подробно рассмотрев такую «организацию труда», Ленин делал вывод: «Самые непосредственные остатки дореформенных порядков, сильное развитие отработков, прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и хищнически-первобытная эксплуатация природных богатств края, монополии, стеснение конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени – такова общая картина Урала»³⁸. После этого Ленин противопоставлял старому Уралу молодой Юг: «Южный район горнопромышленности представляет из себя во многих отношениях диаметрально противоположность Уралу. Насколько Урал стар и господствующие на Урале порядки “освящены веками”, настолько Юг молод и находится в периоде формирования. Чисто капиталистическая промышленность, выросшая здесь в последние десятилетия, не знает ни традиций, ни сословности, ни национальности, ни замкнутости определенного населения»³⁹.

Отметим, что в ленинской книге объемом чуть более 600 страниц фрагмент, посвященный горной промышленности Урала, занимает примерно страниц семь. При этом В. И. Ленин не имел возможности подробно осмотреть уральские заводы: он был на Урале лишь проездом в ссылку в 1897 г. Соответственно он опирался на работы

---

³⁸ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 3 : Развитие капитализма в России. М. : Изд-во полит. лит., 1971. С. 484–485.

³⁹ Там же. С. 488.

об уральской горной промышленности современных ему авторов, включая и В. Д. Белова. Другое дело, что Ленин читал такие сочинения как марксистский политэконом. И если Белов рассуждал о положительном влиянии связи рабочего с землей, которую нужно сохранять, то Ленин видел в этой связи признаки отсталости и пережитков. Впрочем, как бы то ни было, Ленин зафиксировал в книге активно формирующийся в конце XIX в. дискурс об индустриальном регионе как *о старом Урале*, над которым довлело его историческое прошлое и которое было ключевой причиной его экономического отставания по сравнению с не знающим традиций *молодым Югом*⁴⁰.

1.2. В поисках путей преодоления «старого Урала» на рубеже 1900–1910-х гг.

В 1908–1909 гг. российская экономика пережила очередной кризис, который в том числе ударил и по уральской металлургии, что, в свою очередь, вновь актуализировало обсуждение проблем ее развития.

Столичный журналист Н. Н. Лендер в 1909 г. опубликовал свои впечатления о поездке по России в 1908 г., во время которой он побывал и на Урале. В разделе «Пережитки прошлого» он изложил свою встречу с неким инженером из Перми, который заявил ему: «Урал падает, но это следствие кризиса. Это второй кризис на Урале, первый был в шестидесятых годах. Надо вам сказать, что Урал доселе дореформенный край. У нас не тронутая патриархальность. Ведь на Урале до сих пор сохранилось крепостное право, крестьянство не выделено, не наделено землей, и уральские заводы обязаны кормить все огромное местное население, т. е. обеспечивать ему заработки, – точь-в-точь, как при крепостном праве. ...Прежде Урал снабжал железом всю Россию, а теперь много отвоевал у него Юг. ...Урал забытый край, он изстари был типичным помещичьим

---

⁴⁰ О проблеме отсталости уральской горной промышленности в общественной мысли рубежа XIX–XX вв. также см.: *Бугров К. Д.* Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 46–62.

гнездом»⁴¹. Далее Лендер оказался на Урале. Своему пребыванию в Екатеринбурге он посвятил раздел «Сердце Урала», где записал: «Екатеринбург – главный и командующий центр уральского горного мира. После отвратительной Перми и мрачных уральских захолустьев в Екатеринбурге вы попадаете в рай земной. Какой прелестный, чистый и симпатичный город! ...Город только немного скучный, мало жизни на улицах. ...Но Екатеринбург только на вид такой скромный и смиренный. Это столица уральского горного царства, он командует судьбами Урала, здесь средоточие горных дел и горных интересов»⁴².

И после таких характеристик автор изложил свой диалог с неким *видным местным деятелем*: «– Тяжелое время мы переживаем, – говорит мне видный местный деятель. – На Урале старый строй рушится... новый еще не создан. И вот это жестокое безвременье дает себя знать. Вы, конечно, слышали в Петербурге об уральском кризисе...

– Да, говорю, много об этом толкуют. Говорят, что Урал переходит по частям в руки иностранцев...

– Ну, это немного преувеличено... но что касается кризиса – это верно. Полуиностраннный промышленный Юг объявил войну Уралу... Эта борьба нового строя со старым, и, конечно, обветшавший Урал в этой борьбе менее силен. Если он не приложит усилий, чтобы воскреснуть к новой жизни, дело его проиграно. Судите сами, какие неравные шансы: на юге господство немцев, французов, бельгийцев, там дешевые и свободные иностранные капиталы, широкая поставка заводов, усовершенствованная техника, изобилие железных дорог, а у нас дедовская отсталость, помещичий тип хозяйства, отсутствие железных дорог и нераспутанный и неразрешенный земельный вопрос»⁴³.

После этого *видный местный деятель* констатировал факт активного проникновения иностранного капитала в уральскую промышленность: «Уралу нужен свой горнопромышленный банк, нужны

---

⁴¹ Лендер Н. Н. По северу и югу: (Картинки России) // Ист. вестн. 1909. Февр. С. 736.

⁴² Там же. С. 750.

⁴³ Там же. С. 752.

железные дороги. Промышленность должна развиваться, а у нас как в дедовские времена: ни дорог, ни банка, ни кредита. Конечно, при таких патриархальных условиях иностранцы и берут верх»⁴⁴.

Упомянувшийся ранее В. Д. Белов, размышляя в 1910 г. о кризисе уральской горнозаводской промышленности, указал на существовавшую, по его мнению, связь между историей возникновения заводов на Урале и их современным положением: «Прошло более двух веков с того времени, как Петр Великий заложил на Урале фундамент этому (горнозаводскому. – М. К.) делу, поставив его на прочных и единственно в то время пригодных устоях натурального хозяйства, скрепленных цементом своеобразного посессионного права»⁴⁵. ...Создались громадные латифундии... выросло совсем самобытное хозяйство, подобное которому трудно где нибудь указать. Не обветшали ли по времени эти устои, не устарело ли это хозяйство, не пора ли, общей выгоде и государства, и промышленности, и наконец, самих владельцев латифундий подумать о том, чтобы, согласно новым народившимся условиям, в основу дальнейшего развития уральской горнозаводской промышленности подвести новый фундамент, более отвечающий этим условиям?»⁴⁶. Белов полагал, что *устои* конечно же *обветшали* и что пора подумать о *новом фундаменте*.

В. Д. Белов не был одинок в такого рода взглядах. В докладе, прочитанном в Императорском Русском техническом обществе еще 3 марта 1909 г., предприниматель С. П. Фармаковский⁴⁷ весьма скептически заявил: «Прежде всего надо признать, что горное дело на Урале вообще развито относительно слабо». Помимо «общих причин» он специально указал «на типично-уральскую особенность, которая в сильнейшей степени являлась во всей истории Урала тормозом к развитию здесь свободного горного промысла. Это замкнутость

---

⁴⁴ Лендер Н. Н. По северу и югу: (Картинки России). С. 754.

⁴⁵ О феномене посессионного права и о дискуссиях вокруг него см.: Неклюдов Е. Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX века. Екатеринбург : УрО РАН, 2011.

⁴⁶ Белов В. Д. Кризис уральских горных заводов 1909 г. СПб., 1910. С. 9–10.

⁴⁷ О его идеях подробнее см.: Неклюдов Е. Г. Перспективы развития горнозаводского Урала в начале XX в.: проекты С. П. Фармаковского // Урал. ист. вестн. 2011. № 1.

Урала, слишком малая доступность его для свободной и широкой предпринимательской энергии». Объяснение этого Фармаковский видел в истории региона: «Петр Первый насаждал промышленность на Урале искусственными и сильными воспособительными мерами. К заводам приписывались огромные земельные площади. Был создан особый институт посессионного права. Все это сыграло, конечно, огромную роль в насаждении уральской промышленности. Но насколько это было полезно для насаждения, настолько же это оказалось вредным для дальнейшего развития края. Был момент, когда эти пережитки старины нужно было непременно во чтобы то ни стало убрать. Таким моментом было начало эпохи свободного труда. Но этого не было сделано»⁴⁸.

Упомянувшийся Н. Н. Лендер весьма сочувственно откликнулся на такого рода суждения С. П. Фармаковского и отметил: «Наш Урал, изобилующий рудными богатствами, насчитывающий десятки крупных металлургических заводов, является историческим гнездом русской горной промышленности, обслуживающей всю страну. Но Урал вместе с тем край замкнутый, патриархальный. Старое помещичье хозяйство уральских заводчиков осталось донныне нетронутым; заводы Урала работают в тех же условиях, что и полвека тому назад; они отстали от жизни и не могут конкурировать с новыми заводами Юга России... На Урале сохранились в неприкосновенности пережитки старины, остатки крепостного права». Соответственно следовало преодолеть эти пережитки, и «тогда возможно будет достигнуть возрождения и подъема Урала, этого исторически сложившагося промышленного угла России»⁴⁹.

Далее в том же 1909 г. была опубликована книга горного инженера А. Н. Митинского об уральской металлургии. Ее автор, специально побывавший для ее написания на Урале, заявлял: «При полной неустроенности земельных и правовых отношений, недостатку путей сообщения, почты, судов, отсутствию запаса денег старый Урал не мог благоденствовать в XX веке уже и сам по себе. Появление

---

⁴⁸ Фармаковский С. П. Горнозаводские дела Урала. СПб., 1909. С. 13.

⁴⁹ Лендер Н. Н. Рец. на кн.: Фармаковский С. П. Возрождение Урала : очерки. СПб., 1908 // Ист. вестн. 1909. Т. CXV. Янв. С. 336–337.

внутри страны сильного молодого европейца – Юга России, конкурента по главнейшему продукту Урала железу, окончательно обострила положение, вызвав так называемый Уральский кризис». Рассуждая о *будущем Урала*, Митинский отмечал: «Земледельческой колонией Урал не был, не может и не должен быть. Ни его климат, ни его почва богатства земледельцу не сулят и дать не могут. За столетия выработанные рабочие в земледельцы не годны»⁵⁰. Таким образом, «развивать надо уральские очаги промышленности», для чего необходимо произвести «улучшения коренных условий», обусловивших существование здесь промышленности и «устранения искусственных препятствий к ее развитию, т.-е. большей ее свободы»⁵¹.

В 1910 г. об уральской металлургии в отдельной книге высказался ездивший на Урал вместе с А. Н. Митинским экономист И. Х. Озеров. Последний писал, что «Урал – в весьма тяжелом положении» и что «при всем своем богатстве, старый Урал склонил свою голову перед молодым Югом»⁵². Рассуждая о выходе из сложившейся ситуации, он писал: «Спасение должно лежать в том, чтобы Урал проснулся от своей вековой спячки, стряхнул с себя рутину, начал изучать рынки и иначе перераспределил на своей территории горнозаводскую промышленность»⁵³.

Журналист Л. С. Горшенин, редактор издававшейся с 1910 г. в Перми газеты «Северная лесопромышленность» и впоследствии автор «Путеводителя по Каме, Вятке, Белой и уральским железным дорогам» (1911), в том же 1910 г. заявлял: «При суждениях о горных богатствах Урала не спрашивайте – что есть на Урале, а лучше спросите, чего нет на Урале... И все-таки Урал погибает. Заводы, дымившие 200 лет, потухли, население, привыкшее к “огневой” работе, переходит к земледелию. ...Отчего... закрываются заводы Урала? ...Часть заводоладельцев не могла приспособиться к новым условиям, создавшимся после отмены крепостного права и лишения их дешевой рабочей силы. Некоторые хотя и приспособились, но, за неимением

---

⁵⁰ Митинский А. Н. Горнозаводский Урал. СПб., 1909. С. 188.

⁵¹ Там же. С. 231–232.

⁵² Озеров И. Х. Горные заводы Урала. М., 1910. С. 3.

⁵³ Там же. С. 23.

денежных средств, не могли улучшить техники производства». В связи с этим Горшенин утверждал, что «для возрождения горной промышленности Урала необходимо переоборудовать по современному отсталые заводы, придти к соглашению о сокращении выработки сортового железа, приняться за разработку еще не разрабатываемых горных богатств, улучшить пути сообщения». В конце статьи он патетически заявлял: «Для оживления Урала необходимо привлечь к дружной работе все слои населения и, главным образом, того, кто своим непосредственным трудом создал славу этому Уралу»⁵⁴.

Кроме того, в 1910 г. упоминавшийся ранее И. С. Сигов опубликовал статью с красноречивым названием «Крушение уральской горной промышленности», где писал: «Для Урала корень зла заключается... в технической отсталости заводов, в неумелой организации дела, и вообще в непригодности предприятий для жизни в нормальных условиях. Уральский кризис – это расплата за 2 вековую монополию». Указывая, что «“внутренним врагом”, вызвавшим уральский кризис, явилась южно-русская металлургическая промышленность, зародившаяся в конце 1870-х годов», Сигов заявлял, что «до самого последнего времени уральские магнаты не усматривали, однако, в этом новом горнозаводском районе ближайшей для себя опасности и не готовились к ее отражению». Пытаясь объяснить это, Сигов снова апеллировал к уральской истории: «Может быть, им было трудно представить возможность крушения тех порядков, которые держались с Петровского времени незыблемо. А сущность этих порядков заключалась в том, что заводчики были всегда господами рынка»⁵⁵. Далее в том же году в газете «Пермская земская неделя» с заголовком «Старый Урал» была перепечатана статья из столичной газеты «Современное слово» с весьма говорящим названием «Погибающий Урал». В ее начале ставился такой вопрос: «Среди “проклятых” вопросов современного русского хозяйства одним из наиболее трудных является хронический и все углубляющийся кризис

---

⁵⁴ Горшенин Л. С. Переустройство Урала // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 20. С. 33–35.

⁵⁵ Сигов И. С. Крушение уральской горной промышленности // Русское богатство. 1910. № 2. С. 82–83.

Урала. Как быть с Уралом?». Рассуждая о современном *критическом положении* Урала, автор статьи отмечал, что «основной грех уральского хозяйства заключается в его полнейшей отсталости во всех отношениях»⁵⁶.

Впрочем, далеко не все были согласны с выведением проблем уральской металлургии из ее истории. Уральский журналист Л. Е. Воеводин опубликовал в 1910 г. книгу, где критиковались авторы, подобные В. Д. Белову и И. Х. Озерову. Например, он отмечал, что «Уралу, между прочим, ставится в вину патриархальность отношений, существующих между заводоуправлениями с одной стороны и заводским населением – с другой. В этом видят наследие крепостного права». Однако, согласно Воеводину, «южные заводы, ничего общаго неимеющие ни с окружным хозяйством, ни с крепостным правом не только несвободны» от ряда аналогичных уральским забот, «но и принуждены своим служащим и рабочим с их семействами строить целые поселки и содержать их»⁵⁷. «Не ссылаясь на заграницу с ея какими нибудь Круппами, где рабочим предоставляется не менее удобств, чем на старом Урале, обратите внимание на своих же уральских горно-промышленников новейшей формации, чуждых крепостнических тенденции»⁵⁸. И далее он приводил пример Надеждинского завода. В итоге Воеводин отказывался видеть причины *упадка дел на Урале* в историческом наследии крепостной эпохи.

Тем не менее высказывания таких авторов, как Л. Е. Воеводин, едва ли могли оказать значимое влияние на уже сформировавшийся устойчивый образ *старого Урала* как индустриального региона, оказавшегося в плену своего исторического наследия. В связи с этим укажем на статью Г. Гольдберга, вышедшую в 1910 г. в журнале социал-демократической направленности «Современный мир». Эта статья, посвященная современному кризису уральской металлургии, вся была пронизана историзированием, построенным на активном использовании в том числе работ Р. С. Попова, В. Д. Белова и И. С. Сигова. Гольдберг в первых же строках статьи заявлял чита-

---

⁵⁶ Старый Урал // Пермская земская неделя. 1910. 18 февр. № 7.

⁵⁷ Воеводин Л. Е. Урал и его горнозаводская промышленность в пределах Пермской губернии. Пермь, 1910. С. 22–23.

⁵⁸ Там же. С. 138–140.

телю: «Урал – живой кусок истории экономической России. Прошлое горнозаводского Урала тяготеет над его настоящим. Для того чтобы выяснить современное состояние Урала, необходимо коснуться его истории»⁵⁹. Эта история горнозаводского Урала хотя и началась самое меньшее в XVII в., однако «особое развитие заводское дело получило при Петре I», когда «необходимость в средствах обороны государства заставила обратить особое внимание на развитие металлургической промышленности. Строились на средства казны заводы и передавались частным лицам; горнозаводчикам отводились огромные лесные площади; к заводам “приписывались” целые волости крестьян, вынужденных работать в качестве крепостных. Владельцы заводов ставились в независимое от местных властей положение, имели свой суд и полицию»⁶⁰.

Такие исключительные условия привели к консервации металлургического производства на Урале: «Движение уральской промышленности на протяжении двухвековой ее истории – это шаг на месте. ... Урал живет прошлым. Его техника, как и общий строй жизни, во многом восходит к XVIII и даже XVII веку». При этом «застойность уральской промышленности особенно разительна при сравнении с южным районом, играющим сейчас главную роль в металлургической промышленности». В итоге автор утверждал, что с учетом текущего кризиса «промышленность должна перестроиться, старый Урал отжил свой век»⁶¹.

Для контраста приведем цитату из другого текста этого времени. Журналист С. Я. Елпатьевский в конце 1912 г. в связи со смертью известного уральского писателя, уроженца Висимо-Шайтанского завода Д. Н. Мамина-Сибиряка опубликовал о последнем воспоминания, где отмечал: «Он знал Урал, как, может быть, редко кто. Он знал еще *старый Урал, дореформенный древний Урал*. Ему было двенадцать лет, когда была объявлена воля, на его глазах входила в Урал новая жизнь, начиналась и развертывалась ломка старого и входило новое, разрушавшее это старое. Уже сложившимся чело-

---

⁵⁹ Гольдберг Г. «Самобытный» капитализм: (К уральскому кризису) // Современный мир. 1910. № 2. С. 44.

⁶⁰ Там же. С. 46.

⁶¹ Там же. С. 57.

веком он наблюдал, как приходил на Урал господин капитал, как ломал он старые устои жизни, как появлялись на Урале новые, хищные типы, – вставали изнутри, прилетали извне». По Елпатьевскому, Мамин-Сибиряк «дал в своем художественном творчестве и новую жизнь, которая развернулась на Урале за последние сорок–пятьдесят лет, всю ту капиталистическую, духовную и бытовую эволюцию, которую Урал переживал вместе со всей Россией, и новые типы, и новый уклад жизни, вызванный этой эволюцией, но особым художественным любованием была обвеяна у него старая Россия, старый Урал», т. е. время до отмены крепостного права. Более того, «Мамин был человек старого воспитания, старых устоев. И не потому только, что помнил крепостную жизнь, знал старую жизнь. Он любил все настоящее, старорусское, натуральное, истовое, коренное»⁶².

Итак, как можно понять из мемуаров С. Я. Елпатьевского, в представлениях Д. Н. Мамина-Сибиряка *старый Урал* ассоциировался с Уралом до 1861 г. Более того, даже нельзя положительно утверждать, что Мамин-Сибиряк в принципе использовал выражение *старый Урал*, хотя это выражение в советское время довольно прочно пристанет к нему («Д. Н. Мамин-Сибиряк – бытописатель старого Урала»⁶³), хотя, согласно Елпатьевскому, Мамин-Сибиряк активно описывал *новую жизнь* Урала.

---

⁶² Елпатьевский С. Я. Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. Воспоминания // Русское богатство. 1912. № 11. С. 368–370.

⁶³ Цит. по: Горбов Д. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк – бытописатель старого Урала // Мамин-Сибиряк Д. Н. Избранные сочинения / ред., предисл. и прим. Д. А. Горбова. М.: Худож. лит., 1935. С. 3. В рассказе «Бойцы» Д. Н. Мамин-Сибиряк использовал имя собственное *Старик Урал*, но это было сделано по отношению к горам, а не к индустриальному региону. Однако такой его читатель, как В. И. Ленин, воспринимал литературные сочинения Мамина-Сибиряка об Урале именно как свидетельства о господстве в регионе пережитков крепостной эпохи. Ссылаясь в книге 1899 г. «Развитие капитализма в России» на рассказ «Бойцы», он писал: «В произведениях этого писателя рельефно выступает особый быт Урала, близкий к дореформенному, с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения, с “добросовестным ребяческим развратом” “господ”, с отсутствием того среднего слоя людей (разночинцев, интеллигенции), который так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и России» (*Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 3. С. 485. Прим. *). Такая ленинская характеристика не могла не оказать влияния на советское литературоведение.

Действительно, если обратиться к историческому очерку Д. Н. Мамина-Сибиряка о Екатеринбурге, завершённом в марте 1888 г. в этом городе, то можно сказать, что хотя он описывал историю столицы горнозаводского Урала не без серьёзной критики, тем не менее стержнем повествования был переход от старой жизни, в которой были и славные страницы⁶⁴, к жизни новой, пусть и непростой. В начале очерка он прямо заявлял: «По народной примете, счастливые люди рождаются в сорочке, и мы позволяем перенести это сравнение на Екатеринбург, который в ряду других русских городов занял, с первого дня своего появления на божий свет, совершенно исключительное место. ...Петровское время строило не много, но зато петровские города носят в себе совершенно своеобразный отпечаток, точно на них отразились гениальные замыслы великого царя-преобразователя. Екатеринбург является именно таким петровским детищем»⁶⁵. По поводу пореформенного времени писатель утверждал, что «шестидесятые года представляли для Екатеринбурга нерешительную пору, когда со старым все счета были окончены, а новое еще только начиналось»⁶⁶. И «если в шестидесятых годах Екатеринбург переживал тяжелое переходное время, то в семидесятых годах выступил целый ряд положительных реформ»⁶⁷. В завершение же очерка Мамин-Сибиряк

---

⁶⁴ В качестве другого, непростого отношения Д. Н. Мамина-Сибиряка к уральскому прошлому, в котором он находил примеры переплетения *добра* и *зла*, приведем его следующее замечание из автобиографических заметок по поводу планов «в исторической последовательности очертить преемственное развитие типов уральских заводчиков» в романах: «В первом романе выступал основатель и родоначальник всей фамилии Тит Привалов, один из тех удивительных типов “первых заводчиков”, коих создал XVIII век на Урале: ум, железная воля, самодустройство, жестокость, дикое великодушие – одним словом, добро и зло в этих людях перемешалось самым удивительным образом» (*Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений* : в 8 т. Т. 8 : Рассказы, очерки, легенды. Путевые заметки, статьи, воспоминания. Избранные письма, 1870–1912. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1955. С. 432).

⁶⁵ *Мамин (Сибиряк) Д. Н. Город Екатеринбург: Исторический очерк // Город Екатеринбург: Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу, с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду / Изд. Екатеринбург. город. головы И. И. Симанова. Екатеринбург, 1889. С. 1–2.*

⁶⁶ Там же. С. 46.

⁶⁷ Там же. С. 47.

особо указывал на факт проведения в 1887 г. Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки, «которая для Урала является как-бы юбилеем первой четверти свободного века, а для Екатеринбурга, в частности, служила прекрасным подтверждением его центрального положения и открыла в будущем широкую перспективу»⁶⁸.

В связи с этим также отметим, что Д. Н. Мамин-Сибиряк в 1886 г. на страницах «Екатеринбургской газеты» опубликовал статью о кризисе уральской горной промышленности. По Мамину-Сибиряку, «одна из главнейших причин настоящего кризиса нашего уральского железного дела заключается в упорном нежелании наших заводчиков перейти с древесного топлива на минеральное». Однако другой причиной, «еще более важной», оказывались козни европейского капитала: «Европейские капиталисты давно “гадят” русской промышленности... Хитрая заграница любит снабжать нас своими дешевыми произведениями, а когда прилив их к нам стали стеснять таможенными пошлинами, европейские капиталисты перенесли прямо свои капиталы к нам и начали строить свои собственные заводы на русской почве, так что тарифные и таможенные злоухищрения, долженствовавшие сокрушить вконец всех немецких ж...дов зараз, пошли в их пользу»⁶⁹.

Исходя из этого, писатель делал следующий прогноз: «Быстро возрастающая производительность южных заводов объясняется тем, что они работают на минеральном топливе, а польские заводы, кроме того что работают на минеральном топливе, имеют за себя немецкие капиталы, так что до некоторой степени являются продолжением силезских железных заводов, перенесенных на русскую терри-

---

⁶⁸ Мамин (Сибиряк) Д. Н. Город Екатеринбург. С. 55. В связи с вопросом о перспективах Екатеринбурга можно отметить, что в 1903 г. уральский журналист В. А. Весновский в своем описании столицы Урала процитировал отрицательные слова П. А. Землячского про Екатеринбург, однако затем довольно оптимистично заявил: «Екатеринбург по числу жителей, по богатству, по торгово-промышленной деятельности... и проч. – далеко оставил за собою весьма многие губернские города и, по справедливости, считается столицей Уральского края. ...Екатеринбургу, не без основания, сулят широкую и завидную будущность» (Весновский В. А. Весь Екатеринбург. Екатеринбург, 1903. С. 24).

⁶⁹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 8. С. 424.

торию. Вот вам очевидные доказательства того начинающего роста двух сил, которые грозят нашим уральским заводам полнейшим крахом: южные заводы быстро разовьют свою производительность на минеральном топливе, а рядом с ними будут процветать немецкие заводы на русской почве»⁷⁰. Получалось, что Мамин-Сибиряк рассматривал надвигающийся кризис уральской металлургии отнюдь не как результат того, что Урал был задавлен наследием прошлого, оставаясь *старым Уралом*, несмотря на отмену крепостного права в 1861 г. Скорее он рассматривал его сквозь призму специфики современной экономической ситуации и способности региональной элиты ответить должным образом на нее.

Тем не менее с конца XIX в. значимое распространение получил именно дискурс о *старом Урале*. И например, в официальном «Ежегоднике», изданном земством Пермской губернии в 1914 г., были помещены показательные рассуждения о месте Урала в пореформенной России: «С течением времени в России создали новые условия промышленной жизни, появился новый центр горной промышленности, что в связи с неустройствами и неблагоприятными техническими и экономическими условиями уральского заводского хозяйства в конце концов *подорвало экономическую мощь старого Урала* и создало здесь тяжелый длительный кризис». Это было ударом по горнозаводскому населению, у которого «важнейшими источниками дохода... явились заработки на крупных Уральских заводах». Выходом же для возникшего *контингента* «свободных рабочих рук, не имеющих приложения за заводах», стало развитие кустарных промыслов. Последние, как результат, «пустили здесь глубокие корни и прочно установились»⁷¹. Итак, в логике земства Пермской губернии, где как раз находились ключевые уральские металлургические предприятия, *старый Урал* как край заводов оказался в затяжном кризисе, и одной из альтернатив, ведущих к новому Уралу, становилась не интенсификация работы крупной промышленности, а развитие мелких кустарных промыслов.

---

⁷⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 8. С. 426–429.

⁷¹ Ежегодник Пермского губернского земства и календарь на 1914 год. Пермь, 1914. С. 140.

Правда, к 1914 г. металлургия Урала все же стала выходить из кризиса 1909–1910 гг. При этом наблюдался промышленный рост, связанный как с притоком новых капиталов и технологий, так и с акционированием. Кроме того, вступление Российской империи в 1914 г. в Первую мировую войну также оказало на первых порах стимулирующее влияние благодаря размещению на заводах региона военных заказов.

В 1917 г. в Петрограде была издана справочная книга «Урал северный, средний, южный». Во введении от издательства отмечалось, что строительство первых металлургических заводов началось на Урале еще в XVII в., после чего «окраина стала быстро развиваться и в течение более 250 лет дала колоссальное количество различных металлов и драгоценных камней. Однако металлическая монополия уральских горнопромышленников, поставившая в зависимость от себя многия предприятия, не могла не создать конкуренцию, и очень сильную, – горнопромышленность Юга Урала», так что «заводы Урала стали падать». В итоге заводладельцы пошли на акционирование, «при котором самодуры и невежды управители заводов, дедовския традиции должны были уступить место последнему слову техники и инженерам-знатокам». Акционирование шло медленно, однако «вспыхнула война – и Урал ожил. Громадные военные заказы во много раз увеличили деятельность заводов»⁷².

Кроме того, в предисловии Ф. А. Иванова, выпускника Уральского горного училища, горного инженера с опытом работы на уральских заводах, бывшего с 1912 г. членом Государственного совета, был дан краткий исторический очерк металлургии Урала. Прежде всего, автор отмечал, что «Ермак Тимофеевич – этот бесспорно выходец уральской вольницы – поклонился своему Державному Хозяину не только Сибири, но и Уралом». Что же до *драгоценных недр Урала*, то «каменную грудь взрыли мозолистыя руки все тех же вольных выходцев, из которых такой, как Строганов, обезмертил свое имя, как первый официальные родоначальник уральскаго горнаго промысла». В XVIII в. продолжилось освоение богатств Урала,

---

⁷² Зыбин В. С. От издательства // Урал северный, средний, южный / сост. Ф. П. Доброхотов с участием В. А. Весновскаго, В. С. Зыбина. Пг., 1917. С. IX–X.

и «со времен Петра Великого, Екатерины II было широким актом государственного предвидения и мудрости введение посессии – это не то арендное, не то собственное владение», она «представляла почти суверенные права обладания и землями, и недрами, и людьми. При даровом, а затем впоследствии даже каторжном труде, для зарождения горного промысла, сооружения заводов при так называемом натуральном строе хозяйства того времени не надо было капитала». Как результат, «благодаря именно такому поощрению горное дело Урала создано, и Россия долго пользовалась исключительно уральским железом». Однако после 1861 г. «посессия стала стеснительным пережитком старины», и при этом появились новые конкуренты в виде Донбасса и Добровского района Польши, «оба свободные, не связанные никакими обязанностями» по сравнению с посессией, «оба привлекающие свободные капиталы страны». Как результат, «могучий, богатый Урал, казалось, начал хиреть. Народился так называемый кризис уральской горной промышленности». Однако «погибнуть экономически богатейший природными дарами край России, конечно, не мог», так что «началось постепенное переустройство экономических форм предприятий Урала», и уже «теперь промышленный Урал представляется фениксом, возрожденным из пепла экономического пожара»⁷³.

Итак, появившийся на рубеже XIX–XX вв. дискурс *старого Урала* к 1910-м гг. получил дополнительный импульс из-за кризиса 1908–1909 гг. Подчеркнем, что дискурс *старого Урала* был дискурсом индустриального региона. *Старый Урал* – это горнозаводской Урал, Урал металлургических заводов, которые начали строиться в XVII–XVIII вв. и роль которых для экономики и – шире – для жизни региона признавалась ключевой. При этом понятие *старый Урал* захватывало и пореформенный Урал, хотя после отмены крепостного права уже прошло несколько десятилетий. Собственно, именно с конца XIX в. и можно зафиксировать начало активного использования понятия *старый Урал* для описания специфики положения Урала как индустриального региона Российской империи. Своим рождением данный дискурс был обязан экономическому кризису, когда

---

⁷³ Иванов Ф. А. Предисловие // Урал северный, средний, южный. С. XII–XIV.

уральские заводы утратили свои позиции на российском рынке из-за взлета металлургии *молодого Юга*. Данный дискурс был создан в рамках рефлексии прежде всего среди специалистов по горному делу и экономистов, обсуждавших текущее состояние дел в промышленности, а также журналистов, либо живших на Урале, либо каким-то образом связанных с ним. Его ключевым элементом был тезис о так и не преодоленном крепостном прошлом уральской металлургии и продолжавшей существовать *дедовской отсталости* как в технике и организации производства, так и в социальных отношениях между государством, заводовладельцами и рабочими. Соответственно дискурс *старого Урала* распространялся и на всю пореформенную эпоху, хотя после отмены крепостного права к 1911 г. и прошло полвека.

Как справедливо отмечает К. Д. Бугров, «отсталость, наследие эры крепостного права, считалась бичом пореформенного Урала»⁷⁴. В итоге именно *дедовская отсталость* определялась как ключевая причина кризиса, для выхода из которого и требовалось ее преодолеть и ликвидировать. Конечно, в рамках рассуждений о *старом Урале* присутствовали отсылки к его былой *славе*, когда промышленность региона снабжала металлом всю Россию, а также сохранялись элементы культа Петра I как основателя уральской металлургии⁷⁵. Однако в рамках о(б)суждения современных проблем Урала такая *слава* все же оказывалась увязанной с *отсталостью* и даже могла поглощаться этой *крепостнической отсталостью* в радикальных версиях критики *старого Урала*, когда заявлялось, что «пред ужасами крепостного быта на Урале зверства помещиков других местностей бледнеют» (И. С. Сигов).

Таким образом, на элитарном уровне дискурс *старого Урала* играл как критическую, так и мобилизационную роль, что способст-

---

⁷⁴ Бугров К. Д. Соцгорода Большого Урала. С. 56.

⁷⁵ Например, в справочнике 1912 г. так описывалось основание Екатеринбурга в 1723 г.: «Возник этот город далеко не случайно, а благодаря гениальному предвидению Петра Великого, уже тогда понимавшего великую историческую роль Уральского горного края, богатейшего в мире по своим естественным подземным богатствам» (Весь Екатеринбург и Горнопромышленный Урал: Торгово-промышленный справочник, 1912 г. / изд. Л. Я. Френкель. Екатеринбург, 1912. С. 106).

вовало поиску путей выхода из кризисной ситуации и политике модернизации металлургии. Другое дело, что, например, у созданного в рамках этого дискурса прошлого присутствовали сильные отрицательные коннотации, так что оно, похоже, не сыграло на региональном уровне значимой патриотической мобилизационной роли после вступления России в Первую мировую войну в 1914 г. Правда, военные заказы оказали на первых порах положительное влияние на заводы, так что произошедшие к 1917 г. изменения позволяли утверждать отдельным авторам, что промышленный Урал ожил, оказавшись «фениксом, возрожденным из пепла экономического пожарища». Однако революционные события 1917 г. и последовавшая за ними гражданская война привели к радикальным трансформациям как социально-экономических отношений, так и дискурсивного пространства, в связи с чем у *старого Урала* начался новый этап истории.

1.3. «Седой Урал» vs «демидовский Урал»: преодоление «старого Урала» в 1920–1930-е гг.

Итак, дискурс о *старом, спящем Урале* на рубеже XIX–XX вв. был составной частью рассуждений о необходимости модернизации уральской металлургии, циркулировавших в значительной степени в среде элит, связанных с промышленностью. Соответственно пробуждение Урала виделось через преодоление его прошлого посредством технического переоснащения заводов, а также изменения организации управления промышленностью и ликвидации правовой специфики в виде посессионного права.

В то же время в Российской империи к концу XIX в. стало развиваться социал-демократическое движение, опиравшееся на марксистскую концепцию промышленного пролетариата как главного политического субъекта современности, способного в результате борьбы за свои интересы привести к созданию более справедливого общественного строя. В связи с этим Урал, как индустриальный регион, представлялся важным полем деятельности для социал-демократов, организации которых начинают возникать на Урале в 1890-е гг. В 1898 г.

в Екатеринбурге представителями такой организации была распространена прокламация, где заявлялось: «Еще не мало мест в России, где рабочие или совсем не ведут борьбы, или ведут ее в одиночку. К числу таких мест принадлежит УРАЛ. Правда, златоустовские рабочие в прошлом году показали на деле, что они начинают сознавать необходимость борьбы, но дальше Златоуста движение не пошло, и рабочие Екатеринбурга, который является промышленным центром Уральского края, ничем еще не проявили себя». Завершалась же прокламация понятным тезисом: «Уральские рабочие, а из них прежде всего рабочие Екатеринбурга, должны примкнуть к общерусскому рабочему движению, чтобы тем самым обеспечить успех своего собственного дела»⁷⁶.

В связи с этим укажем, что, как отмечалось, один из лидеров российских марксистов, В. И. Ленин, в книге «Развитие капитализма в России» (1899) довольно скептически оценивал Урал, где «можно наблюдать докапиталистическую старину с ее примитивной и рутинной техникой, с личной зависимостью прикрепленного к месту населения, с прочностью сословных традиций»⁷⁷. При господстве *докапиталистической старины* едва ли был возможен революционный пролетариат. Однако далеко не все социал-демократы были с этим согласны. В том же 1899 г. в издававшемся в Женеве периодическом издании Союза русских социал-демократов за границей В. И. Иваншин довольно оптимистично заявлял: «На Востоке проснулся Урал: за 90-е годы происходили и происходят многочисленные стачки уральских рабочих... За последние годы Урал просыпается и в промышленном отношении: по количеству строящихся новых заводов и расширяющихся старых он не отстает от нашего горно-заводского юга... *Урал проснулся...* Рабочее движение здесь быстро растет и развивается; оживление уральской промышленности за последние годы послужит толчком для этого движения»⁷⁸.

---

⁷⁶ Приложения // Быстрых Ф. П. Возникновение уральской областной организации РСДРП(б). Свердловск ; М. : Партийное изд-во, Урал. отд-ние, 1933. С. 131–132.

⁷⁷ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 3. С. 493–494.

⁷⁸ И[ваншин]н В. [И.] Рабочее движение в России // Рабочее дело. 1899. Май. С. 7–8.

Скорее всего, В. И. Иваншин хотел выдать желаемое за действительное, так как Урал все же отставал в своей динамике от Юга. Тем не менее для социал-демократов Урал все же был рабочим районом, с которым можно было связывать революционные перспективы, оценивая крепостнические пережитки как дополнительные элементы угнетения, которые также толкали уральских рабочих к классовой борьбе. И, например, в издававшейся В. И. Лениным в эмиграции газете РСДРП «Искра» в номере от 15 апреля 1903 г. в письме с Урала заявлялось: «Положение здесь, на Урале, в настоящее время критическое. Опутанные тяжелыми сетями крепостничества, административного произвола и “боярского” посессионного капитализма, уральские рабочие на краю пропасти. И вероятность грозного стихийного взрыва возрастает с каждым днем». В связи с этим следовал такой призыв: «Жизнь требует здесь действительно революционной организации, которая под ясно обозначенным знаменем революционной социал-демократии объединит рабочий класс на Урале против всенародного врага и поведет его на борьбу и на победу»⁷⁹.

В начале XX в. социал-демократические организации на Урале получили дальнейшее развитие, и уже в июле 1904 г. газета «Искра» сообщала: «До последнего съезда наша Партия не могла регулярно проявлять себя в громадном заводском районе Среднего Урала на восток от Уральского хребта. Весной 1903 года О. К., а затем Ц. К. постарался сосредоточить в этом районе силы и средства, необходимая для организации “Средне-Уральского комитета”». Давая оценку деятельности РСДРП на Урале, в статье отмечали: «Без регулярной доставки значительного количества литературы и без постоянного притока свежих революционных сил из России Урал с миллионом промышленно-заводского населения будет спать так, как он спал до сих пор, т. е. будет спать сном, полным самых тяжелых кошмаров... Низкий культурный уровень разоренного населения и угнетающая страшно запутанная экономические условия не способствуют выработке революционных самородков». При этом в статье подчер-

---

⁷⁹ С Урала // Искра. 1903. 15 апр. № 38. См. также: Большевики Среднего Урала в революции 1905–1907 годов / сост. Е. И. Моисеева. Свердловск : [б. и.], 1975. С. 17.

кивалось, что «история промышленного развития Урала и весь строй его жизни настолько своеобразны, что ответы на целый ряд вопросов требуют для Урала специальных формулировок. Урал все еще ждет *своей* революционной литературы».

Итак, история для промышленного Урала оказывалась важной частью его настоящего, в связи с чем его современному экономическому развитию давалась такая оценка: «Сдавленный еще в тисках крепостнических отношений, “богатый” Урал не может развивать своих производительных сил, – его промышленность с каждым годом падает». Это было поводом вновь обратиться к истории: «При первом взгляде на историю развития Урала у вас вырывается один крик: Долой самодержавие! Пред вами открывается цельная картина широкой беззастенчивой и безконтрольной эксплуатации целого края в интересах узкой группы титулованных холопов самодержавия». Однако в итоге статья завершалась вполне оптимистическим выводом: «Громадный агитационный материал еще не использован на Урале. Умение использовать его значит создать нового, могучаго и непримиримаго врага самодержавию и несколько непоколебимых точек опоры для мирового дела социальдемократии»⁸⁰.

Уже в 1905 г. на III съезде РСДРП в Лондоне выступил представитель Уральского союза РСДРП В. Ю. Фридолин. Уроженец Санкт-Петербурга, будучи студентом Петербургского университета, он в 1901 г. был исключен из него за участие в революционной деятельности и позднее оказался в ссылке в Пермской губернии. Фридолин в 1904 г. вступил в РСДРП и в марте 1905 г. по итогам уральской областной партийной конференции был отправлен на III съезд, где получил только право совещательного голоса, так как «съезд решил, что Уральский союз совершенно новая, недавно возникшая организация»⁸¹. Выступая на съезде, он вполне в соответствии с ленинскими рассуждениями об *оригинальном строе* уральской металлургии отметил: «Положение уральскаго промышленнаго и аграрнаго пролетариата очень сложно, запутано и оригинально. Главная особенность – это тесная связь заводско-промышленной стороны с аграрной.

---

⁸⁰ С Урала // Искра. 1904. 10 июля. № 69. Приложение.

⁸¹ Большевики Среднего Урала в революции 1905–1907 годов. С. 25.

На Урале, как известно, сохраняется еще в самых разнообразных формах и стадиях развития посессионное право – эти своеобразные, взаимно-обязанные отношения между работниками крестьянами и заводчиками-землевладельцами». Однако затем он указывал и на развитие капитализма на Урале: «Замечается общая тенденция к исчезновению посессионного права, приспособление его к капиталистическим отношениям, наконец, самые чистые капиталистические формы производства властно вторгаются на Урал и заняли уже твердую позицию среди остатков крепостнических отношений».

С учетом этого Фридолин заявлял съезду: «Опасно раздражать уральский пролетариат, взрывы ненависти которого отличаются часто крайним характером: аграрно-заводской террор вплоть до бомб и адских машин – не редкое явление на Урале. *Говорят, что Урал спит. Он проснулся.* Говорят, что Урал будет русской Вандеей. Но Вандея проспала революцию и проснулась для контр-революции. Урал просыпается накануне революции. Он ли будет тормозить ее, он, выдвигающий в своей стихийной борьбе героев, гибнущих вместе со своим врагом, свергая его вместе с санями и лошадьми в горящее жерло доменной печи?». И уже после таких заявлений Фридолин пенял на недостаточное внимание Уралу со стороны ЦК: «Ц.К. должен перестать обращать внимание на Урал лишь для того, чтобы посылать туда карательные экспедиции для раскассирования. Работа на Урале находится в довольно плачевном состоянии, между тем в высшей степени важно поставить ее на Урале хорошо»⁸².

Важно указать, что хотя такого рода рассуждения и увязывали *пробуждение Урала* с успехами в экономическом развитии, однако ключевым актором *пробуждения* в итоге изображались местные рабочие, главным деянием которых должно было стать участие в революции. В свою очередь, это означало, что на *старом Урале* есть альтернативная предпринимателям, горным инженерам и правительству сила, способная бороться за новое. И если военные заказы после 1914 г. простимулировали развитие заводского производства на Урале, то революционные события 1917 г. и последовавшая за ними Граж-

---

⁸² Цит. по: Третий очередной съезд Российской социал-демократической рабочей партии: Полный текст протоколов. Женева, 1905. С. 350–352.

данская война выводила на первый план именно рабочих, особенно после того, как в октябре 1917 г. власть в России оказалась в руках представителей РСДРП(б).

В ходе событий Гражданской войны Урал в 1918 г. был занят противниками большевиков. Однако уже в 1919 г. РККА отбила Урал у войск А. В. Колчака, в том числе заняв Екатеринбург 15 июля, в связи с чем именно в эту дату стал отмечаться День освобождения Урала от Колчака. В. К. Путна, один из красноармейских командиров, освобождавших Урал в 1919 г., писал в своих мемуарах 1926 г.: «Урал в своих застывших заводах таил сильный сгусток революционных сил. Урал, столь упорно дравшийся за Советскую власть с чехами еще летом 1918 г., трепетно ждал нас»⁸³. Действительно, для большевиков именно пролетариат в логике марксистского анализа должен был выступать главной опорой молодого рабоче-крестьянского государства. В этом отношении *старый Урал*, несмотря на изображаемую в ранних трудах вождя РКП(б) В. И. Ленина специфику, связанную с влиянием пережитков прошлого и с относительной отсталостью по сравнению с Донбассом, для большевиков все же представлялся одним из тех индустриальных регионов, имевших *сильный сгусток революционных сил* и способных стать одной из опор Советской России. Во время освобождения Урала от войск А. В. Колчака один из уральских большевиков, уроженец Вятской губернии М. И. Целищев, на страницах газеты Пермского губернского военно-революционного комитета прямо заявил: «Старый Урал возродится, он снова закипит работой миллионов мозолистых рук. Снова задымятся черные трубы бесчисленных фабрик и заводов, снова загудит гудок освобожденного труда. Уральские рабочие поддержат красную армию, а она уничтожит в корне Колчака и даст хлеб голодающим рабочим и крестьянам. Красный Урал будет непобедим, его паровой молот будет разбивать всех, кто дерзнет поднять руку на освобожденный труд»⁸⁴.

---

⁸³ Путна В. К. Пятая армия в борьбе за Урал и Сибирь // Этапы большого пути: Воспоминания о Гражданской войне / ред.-сост. В. Д. Поликарпов. М. : Воениздат, 1962. С. 348.

⁸⁴ Целищев М. И. Красный Урал // Красный Урал. 1919. 27 июля. № 19.

После завершения на Урале Гражданской войны перед большевистским руководством встал вопрос о том, как должен развиваться Урал. Уроженец Златоуста, видный уральский большевик Ф. Ф. Сыромолотов, являвшийся членом президиума ВСНХ, в 1920 г. на страницах издававшегося в Екатеринбурге журнала «Серп и молот», имевшего подзаголовок «Еженедельник, посвященный вопросам хозяйственного возрождения Урала и задачам трудового фронта», опубликовал передовицу с емким названием «Урал». В ее начале утверждалось: «Урал теперь уже далеко не тот прежний расслабленный частным хозяйством Урал, где вековая история частного и прежнего казенного капитала создавала героев “Приваловских миллионов”... После кровавых потерь Урал выглядит единым спаянным организмом, где власть в хозяйственном и административном отношении уже имеет твердую дорогу, имеет руководителей, перешедших от фронта военного к трудовому фронту. Урал окреп, подчитился и имеет некоторый досуг заниматься своею коренною работою в промышленности». Обрисовав затем хозяйственные задачи по развитию промышленности на советском Урале, Сыромолотов писал: «Уральский пролетариат должен с особою внимательностью, с сугубой энергией итти в выполнении этих хозяйственных программ, помогая в повседневной работе ее проведению». Рассуждая о том, что может этому помешать, он отмечал: «Традиции Урала в промышленности – многовековые. Но они легко переборимы при массовом вовлечении в сознательную работу непосредственных участников в промышленности».

Завершал же автор статью изображением следующих перспектив для региона: «Новый коммунистический Урал уже в смутных формах рисуется на развалинах старого Урала. Он быстро подрастает. ...Трудны условия, тяжела работа, но велик дух рабочего класса и велика энергия рабочих масс Урала, и она должна быть особенно велика чтобы сделать легкой победу одной из последних схваток с мировым капитализмом на польско-панском фронте. Уральские рабочие снова будут одними из первых, ибо от угля, железа и пушек и многого другого зависит общая судьба рожденной в боях Советской

России. На Урал мы надеемся. Урал вполне отвечает тем задачам, которые на него исторически выпали»⁸⁵.

Кроме того, о судьбах *Красного Урала* в передовой статье журнала «Серп и молот» рассуждал в 1920 г. большевик Е. О. Бумажный, уроженец Подольской губернии, который в 1919 г. был членом Уралбюро ЦК РКП(б), а в 1920 г. – его секретарем. В статье, приуроченной к первой годовщине освобождения Урала от Колчака, Бумажный писал: «Урал по своим природным особенностям, по своему историческому прошлому и бытовым условиям не любит шумихи и внешнего блеска. Он суров и скромн. Вот почему постороннему глазу на первый взгляд может показаться, что Урал повергнут в спячку, что он отстает от жизни. Но это только с первого взгляда. Присматриваясь к нему внимательнее, убеждаешься, что наблюдаемая некоторая медлительность темпа окупается сосредоточенностью и серьезным подходом к делу».

Далее автор совсем не самым лестным образом отзывался об уральском рабочем: «Уральского пролетария раскатать трудно. Под гнетом прошлого он вышел забитым и темным, и, вследствие этого, он несколько тяжелодумен и неподвижен». Однако затем он утверждал, что уральский рабочий, «убедившись в чем либо на опыте, осознавши стоящие перед ним задачи, он уже не останавливается ни перед чем. Твердость, простота и выносливость, черты, гармонирующие со строгостью самой уральской природы, побеждают тогда все». Это позволяло Бумажному заявить: «Многим кажется странной любовь к Уралу, проявляемая старыми уральскими работниками, т. е. коренными уральцами. Некоторые в этой восторженности склонны усматривать даже отрицательную черту, считая это узостью, местничеством и т. п. Но подобное чувство обаяния вполне понятно и естественно, как понятна любовь питерских рабочих к Красному Питеру. Это чувство выросло в ходе самой Революции. Оторванность Урала сплачивала местных работников, которым, первое время “самочинно”, приходилось делать Революцию, а позже это сказалось еще сильнее при оставлении Урала и завоевании его». После этого Бумажный

---

⁸⁵ Сыромолотов Ф. Ф. Урал // Серп и молот. 1920. № 9. С. 3–4.

делал особый акцент на современной революционной истории: «История знает мало примеров такого героизма и подвигов. И на красной доске пролетарских борцов имена уральских коммунаров будут среди первых, самых отважных и стойких. Урал гордится своей твердостью и революционной бдительностью. Им гордится вся Советская Россия. В передовом отряде мировой революции, каким является рабочий класс России, Урал занимает почетное место. ...На Урале мы по сей день свидетели славных трудовых подвигов». И это позволяло ему сделать следующий итоговый вывод: «На Урале, несмотря на все трудности, создается основная хозяйственная база нашей Республики»⁸⁶.

Итак, в логике таких рассуждений Урал, несмотря на свое непростое историческое наследие, представал важной опорой Советской России и в современности, и, что не менее принципиально, в будущем. В конце концов, Гражданская война нанесла серьезный удар по промышленному потенциалу Донбасса, в связи с чем индустриальный Урал приобретал дополнительное большое значение для экономики Советской России. В этом отношении руководители большевиков в своей борьбе за победу социализма рассчитывали и на природные богатства края, и на имеющуюся промышленность, и конечно же на уральский пролетариат, который своей энергией должен был в условиях советской власти приступить к дальнейшему развитию индустрии региона. Такие ожидания вели к переоценке прошлого Урала. Да, *старый Урал* был краем с отсталой промышленностью. Да, его рабочий из-за *гнета прошлого* оказывался *забитым и темным*. Однако в итоге пролетариат Урала признавался *революционным*, способным сотворить светлое будущее! Раз так, то индустриальное прошлое региона и связанное с ним его историческое наследие при всех негативных чертах можно было рассматривать и с положительной стороны. Как результат возникала потребность в понятии, которое бы не имело большего набора негативных коннотаций и представлений, как *старый Урал*. Таким понятием стало словосочетание *седой Урал*.

---

⁸⁶ Бумажный Е. О. Красный Урал: (К годовщине со дня освобождения Урала) // Серп и молот. 1920. № 14. С. 4–5.

Словосочетание *седой Урал* можно зафиксировать еще в текстах первой половины XIX в. Так, выражение *седой Урал* использовалось в 1829 г. в статье о путешествиях А. фон Гумбольдта⁸⁷, а в 1836 г. в стихотворении В. К. Кюхельбекера упоминался «Европы страж, седой Урал»⁸⁸. Схожим образом уже в начале XX в. путешественник К. Д. Носилов, уроженец Пермской губернии, в очерках о своей жизни у манси, изданных в 1904 г., писал про «первые лучи ясного солнышка, которое только что показалось из-за ближайшей темно-синей горы седого Урала»⁸⁹. Итак, выражение *седой Урал* относилось прежде всего непосредственно к самим горам с их заснеженными вершинами (*седые горы*). С учетом того что большие горы, на вершинах которых долгое время лежал снег, находились в основном на Северном Урале, а на Среднем и Южном Урале, где были ключевые металлургические заводы, они практически отсутствовали, выражение *седой Урал* нечасто употреблялось по отношению к Уралу горно-заводскому. Конечно, были исключения. Например, в заметке 1900 г. в «Пермских губернских ведомостях» по вопросу открытия в России второго горного института сообщалось: «Вдруг заговорил Екатеринослав (совр. Днепропетровск. – М. К.)... Этот юный, едва оперившийся “горняк”. С обычной предприимчивостью и безцеремонностью южанина он “выхватил идею” у седого, маниловские разговоры разговаривающего Урала и твердо заявил, что хочет иметь у себя – как тогда это называли – “второй горный институт”, т. е. после единственного, петербургского. Старик Урал как будто встрепенулся»⁹⁰.

Как следует из приведенных слов, выражение *седой Урал* было использовано как синоним *старого Урала*, чтобы подчеркнуть почтенный возраст индустриального региона по сравнению с *молодым Донбассом*. Однако в такого рода приземленных рассуждениях об экономических проблемах региона, как отмечалось ранее, все же

---

⁸⁷ См.: А. И. Ответ П. П. Свиныну о Бароне Гумбольдте // Хозяйственной химии, издаваемой в дополнение к Вестнику естественных наук Александром Иовским. 1829. № 6, 7. С. 191.

⁸⁸ Кюхельбекер В. К. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1. М. ; Л. : Сов. писатель, 1967. С. 291.

⁸⁹ Носилов К. Д. У вогулов: Очерки и наброски. СПб., 1904. С. 84.

⁹⁰ Заметки // Пермския губернска ведомости. 1900. 19 марта. № 63.

предпочитали использовать выражение *старый Урал*, а не поэтический образ *седого Урала*. Благодаря этому поэтическое выражение *седой Урал* сохранило свою возвышенность и затем на волне революционного энтузиазма пришлось весьма кстати, когда о пролетарском регионе стало необходимо говорить в почтительном ключе. Так, в опубликованном 6 августа 1919 г. воззвании Пермского губернского бюро РКСМ в связи с освобождением Урала от войск А. В. Колчака заявлялось: «Снова горы *седого Урала* дышат свободной грудью»⁹¹. На первом губернском съезде уральских печатников в Екатеринбургe один из организаторов, Д. Кукарев, во время его открытия 12 ноября 1919 г. в том числе сказал: «Красный Урал в силу обстоятельств был отдан во власть колчаковских банд. Больше года *седой Урал* был оторван от центральных органов советской власти»⁹². Далее 6 марта 1920 г. «общее собрание членов РКП красной Сысерти» передавало «с *седого Урала* пролетарский привет X съезду партии»⁹³.

Сысерть расположена в южной части Среднего Урала, и находящаяся рядом с ней гора Бессонова («Бесеновка») с пологими склонами, частично поросшими лесом, возвышается всего лишь на 310 метров над уровнем моря и походит на большой холм. Тем не менее рабочие Сысертского завода, старого металлургического предприятия, основанного еще в 1732 г., выбрали именно выражение *седой Урал*. Стоит полагать, что в данного рода случаях работала отсылка не к заснеженным вершинам гор, которые рабочие таких заводов могли ни разу не увидеть за всю жизнь. Скорее это была отсылка к почтенному возрасту, который сквозь призму пролетарской истории приобретал положительное значение для индустриального региона, ибо можно было заявить, что уральские рабочие вели классовую борьбу и в то время, когда еще не существовало промышленного Донбасса. В связи с этим неудивительно, что в Екатеринбургe (с конца 1924 г. – Свердловск) в 1924–1925 гг. пытаются издавать серию

---

⁹¹ Под знаменем Октября: К истории ВЛКСМ. Пермская организация, 1917–1927 гг. Пермь : Звезда, 1927. С. 140.

⁹² Цит. по: Екатеринбургский губернский съезд уральских печатников: Протоколы и постановления заседаний I-го губернского съезда уральских печатников, 12–15 ноября 1919 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург, 1920. С. 1.

⁹³ Приветствия съезду // Протоколы X съезда РКП(б). М., 1933. С. 815.

«Историко-революционная библиотека» (вышло пять выпусков), в которой книги, посвященные классовой борьбе жителей Урала XVIII–XIX вв., соседствовали с изданиями о Гражданской войне⁹⁴.

Более того, в рассуждениях об истории уральских рабочих про- скальзывали идеи, что они также были исполнителями исторической миссии общероссийской значимости, имея в виду произошедший в 1918 г. расстрел бывшего императора Николая II с его семьей и приближенными. Так, в изданном в 1921 г. в Екатеринбурге местными большевиками историческом сборнике «Рабочая революция на Урале» уроженец Екатеринбурга П. М. Быков, большевик с 1904 г., принявший деятельное участие в революции 1917 г. на Урале, прямо заявил: «Уральские рабочие горды не только своим активным участием в пролетарской революции, но и тем, что на горах Урала, в глубоких его недрах лежат ничтожные остатки тирана, заплатившего жизнью за вековой гнет и произвол своих предков над русским народом, над рабочими и крестьянами обнищавшей и окровавленной страны»⁹⁵. В 1927 г. в Свердловске начинают публиковать серию сборников материалов и документов «Рабочий класс Урала в годы войны и революции». В четвертом ее выпуске (1929) уроженец Москвы А. П. Таняев, успевший в 1920 г. побывать первым секретарем обкома партии в Татарской автономной республике, в 1921 г. – руководителем агитпропотдела Ферганского обкома РКП(б), окончивший затем Институт красной профессуры, после чего в 1924 г. оказался на педагогической работе в Свердловске⁹⁶, заявлял: «Весьма знаменательно, что

---

⁹⁴ См.: *Берс А. А.* Пугачевщина на Урале. Екатеринбург : Уралкнига, 1924; *Кантеев Л. М.* Дубинщина: очерк по истории восстания Далматовских монастырских крестьян в XVIII веке. Екатеринбург : Уралкнига, 1924; *Голубых М. Д.* Уральские партизаны: поход отрядов Блюхера–Каширина в 1918 году. Екатеринбург : Уралкнига, 1924; *Онуфриев И. А.* Гражданская война на Урале: Воспоминания бывшего комбрига. Свердловск : Уралкнига, 1925; *Быков В. М.* Возмутители (бунты в Ревдинском заводе в 1826 и 1841 годах). Свердловск : Уралкнига, 1925.

⁹⁵ *Быков П. М.* Последние дни последнего царя // Рабочая революция на Урале: Эпизоды и факты / под общ. ред. Н. И. Николаева. Екатеринбург : Гос. изд-во, Урал. обл. управление, 1921. С. 3.

⁹⁶ См.: *Голубцова Р. И.* А. П. Таняев об участии трудящихся Урала в Октябрьской революции и Гражданской войне // Летописцы родного края (очерки об исследователях истории Урала) / под ред. О. А. Васьяковского. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 144–145.

Романовы нашли свою могилу на Урале. 200 слишком лет тому назад предки последнего царя, и в первую очередь Петра I, с большой энергией насаждали на Урале первую в России крупную промышленность. Крупная промышленность вызвала к жизни уральский пролетариат, потомки которого похоронили последних Романовых в шахтах Урала. Так закончилась историческая карьера дома Романовых. ... Уральским рабочим понадобилось не более года ожесточенной борьбы, чтобы “закончить” историческую карьеру и уральских горнопромышленников и стать... полными хозяевами Урала»⁹⁷.

Примечательно, что в 1923 г. отмечалось 200-летие провозглашенного *столицей Красного Урала* города Екатеринбурга, который как раз с 1923 г. стал центром большой Уральской области. К этому юбилею под редакцией уроженца города, горного инженера и большевика В. М. Быкова опубликовали сборник, посвященный «строителю города – рабочему, в течение 200 лет, камень за камнем, в невероятно тяжелых условиях труда создавшему город»⁹⁸. Сам же сборник объявлялся «первой для освободившегося пролетариата попыткой оглянуться назад и из тьмы времен извлечь данные по истории города, показать, как работали наши предки – крепостные рабочие»⁹⁹. Быков написал для книги исторический очерк, где в самом начале говорилось: «Своим возникновением Екатеринбург всецело обязан развитию горнозаводского дела в первой четверти восемнадцатого столетия. Наростающая, в связи с непрерывными войнами и интенсивно насаждаемыми мануфактурами и др. промыслами, необходимость в выработке возможно большего количества металлов заставила правительство Петра I-го... обратить внимание на работу на местах производства, в частности на Урал»¹⁰⁰.

Завершалась же, по Быкову, история Екатеринбурга так: «15 июля 1919 года красные войска выбивают противника и вновь занимают

---

⁹⁷ Цит. по: Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.) / подгот. к печати А. П. Тяняевым. Свердловск : Урал. обл. совет профсоюзов, 1929. С. 18.

⁹⁸ От редакции // Екатеринбург за двести лет (1723–1923) / под ред. В. М. Быкова. Екатеринбург : Уралкнига, 1923. С. [3].

⁹⁹ Там же. С. [1].

¹⁰⁰ *Б[ыков] В. [М.] За 200 лет: (Исторический очерк) // Екатеринбург за двести лет. С. 17.*

Екатеринбург. Белые в панике бегут, сопровождаемые хвостом перепуганной до-нельзя городской буржуазии и ее прихвостней – буржуазной интеллигенции. Благодаря этому паническому бегству население города резко изменилось... Построенные руками рабочих дома и палаты бежавшей буржуазии заняты трудящимися, и город, таким образом, отчистился от паразитов трудового класса. С 15 июля 1919 г... начинается для Екатеринбурга новая эра: он... приступает к строительству новой, свободной жизни. Под знаменем этого строительства и борьбы за благо трудящихся, за коммунизм, город гордо и красиво вступает в третий век своей жизни»¹⁰¹.

Отметим, что активной роли в строительстве новой жизни большевики ожидали и от всего Урала. Н. И. Крестинский, один из ключевых большевистских деятелей на Урале в 1917 г., в приветствии, направленном Екатеринбургу в связи с юбилеем и опубликованном в данном сборнике, прямо писал: «В трудные годы начала хозяйственного возрождения рабочей России *седому Уралу* и в первую голову Екатеринбургу приходится выносить на себе главную тяжесть работы. Его старые заводы снабжают Россию рудой и металлом, пока не оправился еще от своих болезней более молодой Донбасс. Но и в дальнейшем хозяйственное значение Урала будет огромно»¹⁰².

К. Д. Бугров справедливо отмечает, что «Седой Урал в 1920-е гг. выступал ключевым образом для регионального воображения». Правда историк связал это прежде всего с тем, что край рассматривался как «горная кладовая», которая ждет освоения¹⁰³. Однако все же этим образ *седого Урала* не исчерпывался. Он также ассоциировался с его революционным пролетариатом, который в условиях завоеванной свободы с опорой и на природные богатства края, и на получившую значение в условиях разрухи после Гражданской войны техническую базу, и на собственные рабочие навыки, имевшие глубокие корни, должен был приступить к строительству новой жизни – социализма.

Такого рода идеи довольно быстро начинают тиражироваться в партийной прессе, работая на социалистическую мобилизацию

---

¹⁰¹ Б[ыков] В. [М.] За 200 лет: (Исторический очерк). С. 74–75.

¹⁰² Цит. по: Приветствия городу-юбиляру // Там же. С. [5].

¹⁰³ См.: Бугров К. Д. Соцгорода Большого Урала. С. 106.

масс. В качестве примера укажем на опубликованное в 1923 г. М. Ершовой стихотворение «Советский Урал» в журнале «Товарищ Терентий», издававшемся в качестве литературного приложения к главным партийным газетам Урала «Звезда» (Пермь), «Уральский рабочий» (Екатеринбург) и «Трудовой набат» (Тюмень). Касательно прошлого Урала она писала:

Звездами, в бору дремучем,
Сияли редкие огни заводов.
Все те ж мрачные тучи
Над ними плыли долгие годы.
Ветер, расчесывая кудри Урала,
Перехватывал кандалные песни
И лечил сермяжников раны,
Подернутые пыльной плесенью.
А когда тропинкой стальной побежал
Новый волк с огненным глазом,
Падал с сосен холодный хрусталь
И слушало все машинного приказа.
Но чем больше чернела земная рана
Изливая кровь металлических масс,
Тем больше сила грядущего урагана
Сплачивала рабочий класс!

Что же до образа современности, то, по М. Ершовой,

И теперь трубят революции солдаты
Сбор рабочему Интернационалу,
И куется мощь пролетариата
Рабочими седого Урала!
Угрюмые, рожденные в мятелях,
Корневыми лапами вросшие в почву,
Растут *заводы* меж сосен и елей
Под флагом советским, могуче и прочно¹⁰⁴.

Таким образом, у поэтессы дореволюционное прошлое индустриального Урала с одной стороны связывалось с порабощением рабочих и их эксплуатацией на металлургическом производстве, а с дру-

---

¹⁰⁴⁴ Ершова М. Советский Урал // Товарищ Терентий. 1923. № 22. С. 7.

гой – с накоплением рабочими сил для революции, после которой эти представители *седого Урала* приступали к созданию светлого советского будущего.

Двойственное отношение к историческому наследию индустриального Урала, которое заключало не только отсталую технику, но и его рабочих, боровшихся за советскую власть и социализм, вполне получило отражение и в материалах, связанных с планированием дальнейшей судьбы региона при советской власти. Прежде всего, укажем на перспективный пятилетний план развития крупной промышленности Уральской области, составленный под руководством горного инженера В. А. Гассельблата, уроженца Тирлянского завода Оренбургской губернии, имевшего управленческий опыт работы на металлургических заводах Урала до 1917 г. и ставшего в 1919 г. членом президиума Уралплана. В плане, помимо прочего, заявлялось, что «уральская промышленность, несмотря на своеобразие, неуклюжесть, отсталость, являлась ранее и является в настоящий тяжелый период источником промышленной энергии большой живой силы, которую надо всеми средствами поддерживать. Залог этой силы в тех многообразных естественных богатствах, которые таят уральские недра, в том характере уральского работника, который слился со всеми невзгодами Урала, со всеми отрицательными и положительными чертами промышленной физиономии – в жилах этого работника, как говорят, “течет уральская кровь”».

Итак, для уральской металлургии «отрицательная сторона – это неподвижность, консерватизм, замкнутость». Однако, как затем объяснялось, «эти черты – только кажущиеся, ибо общие исторические условия наложили этот особый отпечаток, эти условия загнали энергию вглубь, концентрировали эту потенциальную энергию, чтобы с большей силой дать развернуться ей при минимальных условиях, необходимых для нормальной работы». При этом авторы плана находили примеры успеха развертывания такой энергии уже в капиталистическом прошлом: «Урал всегда был в тени, большого промышленного капитала он не видал. Когда же этот капитал начинал вливаться в некоторые предприятия, то мы видели, какие результаты, чисто американского масштаба, получались. В два-три года возни-

кали новые сооружения, новые производства, сложные предприятия с новым размахом, новой, неведомой старому Уралу, организацией производства и управления». Схожим образом авторы плана апеллировали и к современности: «В миниатюре это можно сказать и по отношению революционного периода. Нищий, убогий Урал давал в прошлые годы и дает сейчас, купаясь в своем поту, не платя рабочим 2–3 месяца, ценностей гораздо больше и дешевле, чем остальные районы Республики»¹⁰⁵.

Таким образом, в данных экономических рассуждениях вновь в полный рост вставал образ *старого Урала*, который, как отмечалось, успешно циркулировал еще на рубеже XIX–XX вв. Другое дело, что отсталость теперь преподносилась как преимущество, благодаря чему в регионе можно было сразу внедрить передовые технологии. Кроме того, *большая живая сила* для индустриализации заключалась не только в природных богатствах региона, но и в уральских рабочих.

В связи с такой логикой возникал закономерный вопрос: кто же был виноват в отрицательных сторонах *старого Урала*? Ответ на него можно было почерпнуть еще в дореволюционной литературе: частные заводовладельцы.

Уроженец Вятской губернии, член советского литературного объединения «Кузница» А. В. Кожевников в 1925 г. на страницах «Товарища Терентия» опубликовал очерк «Вчера и сегодня», посвященный 200-летию Нижне-Тагильского завода. Кожевников отмечал, что Нижний Тагил «весь в... сочетаниях старого, темного, демидовского и нового – машинного, бодрого, общего». И это новое должно было победить: «Столкнулись здесь старое, вековое с новым, молодым, и победа предрешена, даже деду Стахею 92 летнему тагильцу – рудокопу все ясна она. – Про старое не говори... Жить тяжело было, а вспоминать и того горше, и отвернется Стахей, чтоб не показать слезу, которая катится от обиды и чуть не столетнего унижения»¹⁰⁶.

---

¹⁰⁵ Материалы по районированию Урала. Т. 4 : Перспективные пятилетние планы развития главных отраслей народного хозяйства Уральской области 1922/23 г. – 1926/27 г. Екатеринбург : [б. и.], 1923. С. 104–105.

¹⁰⁶ Кожевников А. Вчера и сегодня. – О Н.-Тагиле // Товарищ Терентий. 1925. № 4–5. С. 15.

И в связи с этим он не забыл написать про тех, кто исторически боролся за это новое, про выросшие за 200 лет горнозаводской истории Нижнего Тагила «две породы людей»: «Одна – низкорослая, кряжистая, с устойчивыми вывернутыми ногами, мощная в плечах, ее руки от двухсотлетней работы кувалдой, ломом и кайлом станут неуклюжими, но нечеловечески сильными – это рудокопы. Другая высокая, тонкая, подвижная, нервная, с умелыми руками, вдумчиво всматривающимся глазом и с высоким лбом, на котором длинные, усталые пряди волос – это заводские. Издавна эти две породы пытались вырвать свободу себе и... другим народам и в 1917 году вырвали, а до 21 года отстаивали ее»¹⁰⁷. Итак, старое связывалось с именем старых же заводовладельцев, в то время как настоящее и будущее увязывалось с рабочими, и по мере возрастания борьбы со старым от имени рабочих такая связка должна была все больше и больше актуализироваться.

С 1 октября 1928 г. в СССР официально стартовала первая пятилетка, в рамках которой одним из важнейших центров индустриализации становился Урал. Еще накануне ее начала Уралплан представил генеральный план, где утверждалось: «Старый Урал, этот “большой кустарь”, застыл в своих прежних исторических формах, и в сотой доле не выявив своих исключительно богатых производственных возможностей. ... Урал привыкли называть “старым Уралом”, отсталым, убывающим районом архаической, отжившей горнозаводской техники. Между тем старый по времени своей индустриальной деятельности Урал много более правильно считать, по степени развернутости его производительных возможностей и производительных сил, одним из самых молодых индустриальных районов Союза»¹⁰⁸. Исходя из этого, Уралпланом давался такой прогноз: «На базе старого Урала вырастет новый Урал, который весь в будущем»¹⁰⁹. Уже 22 февраля 1930 г. в газете «На смену!», печатном органе Уралобкома

---

¹⁰⁷ Кожевников А. Вчера и сегодня. С. 16.

¹⁰⁸ Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия: (Материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Свердловск : Уралплан, 1927. С. 69.

¹⁰⁹ Там же. С. 78.

ВЛКСМ, в очерке С. Еловова так рассказывалось об успехах первой пятилетки в борьбе со *старым Уралом*, символом которого были объявлены Демидовы: «Эксвладыки Урала Демидовы проводили былые дни в Париже, растрчивая пахнущие потом уральских рабочих деньги на булонскую экзотику и парижских кокоток... Те времена прошли... Рабочие Урала (их потом пахли деньги у Демидова и их кровью орошены амфитеатры выработок демидовских рудников) переплавились в тяжелых буднях из рабов в борцов. В памятный исторический 17 год Демидовым пришел конец. Об этом в конце три слова: трах... крах... прах... От Демидовых остался прах. На костях старого, придавленного колесом истории мира рабочие строят свое государство».

Когда же началась индустриализация, необходимая для создания социализма, «от переплавки будней, от мелких дней рабочие приступили к созданию большого Урала. ...Электрификация Урала за пять лет будет доведена до уровня Германии. <...> Создаются Машинострой (Уралмаш. – М. К.), Магнитострой, Тракторострой (ЧТЗ. – М. К.). Осуществляются вчерашние мечты. Выполняются планы великих работ». Все это позволяло сделать такой вывод: «Старому Уралу приходит конец. Но атака на старый Урал не имела должного решительного натиска, и в первом квартале 2-го года пятилетки получился прорыв»¹¹⁰.

Правда, борьба за индустриализацию со *старым Уралом* шла весьма непросто. В номере газеты «На смену!» от 18 мая 1930 г., посвященном работе рудников, в статье о проблемах механизации Высокогорского месторождения давался такой экскурс в прошлое: «История говорит, что двести с гаком лет назад на Урале, в Тагильском нынешнем округе, пришел на землю, богатую металлом, кузнец Тульский, Никита Демидов. Угодив чем-то Петру Великому, он прихотью самодержавца “всея Руси” превратился в заводчика крупного полета. Удачлив был кузнец Никита, прочно обосновался он на жалованных землях и через некоторое время сетью заводов окутал округ. Везло и его наследникам. Сколько ни мотали состояние отпрыски, но не могли растратить всех заводов. Революция выбросила

---

¹¹⁰ Еловов С. Запись в блокноте // На смену! 1930. 22 февр. № 45.

с Урала последних из рода Демидовых». Однако, как оказалось, история Демидовых на Урале этим не закончилась: «Тени Демидова Никиты бродят еще по округу, по заводам, по рудникам. Эти тени и помогают лошадке так упорно бороться с механизацией на Высокогорских рудниках. Рабские темпы работы, нелепая организация труда, обломовщина, консерватизм, прямая политика упрочения “старого мудрого” порядка вещей – вот они эти следы *царства Демидова*»¹¹¹.

Отметим, что еще в XIX в. по отношению к демидовским владениям использовалась метафора *царство*. Например, в 1890 г. журналист В. И. Немирович-Данченко писал в связи с посещением Нижнего Тагила: «Тагил является столицей Демидовскаго царства». После этого он приводил ряд сведений, «дающих некоторое понятие о размерах этого “железнаго” края, об этой колыбели миллионов, которая создала громадныя богатства для одних и задушила в ежовых рукавицах безотходнаго и непосильнаго труда сотни тысяч рабочих, еще недавно бывших почти рабами и только теперь начинающих дышать посвободнее»¹¹². Итак, *демидовское царство* подвергалось критике еще до 1917 г., однако эта метафора все же относилась именно к заводам, связанным с Демидовыми. К 1930 г. *демидовское царство* превратилось в образ всего *старого Урала*.

Так, выступая 26 мая 1930 г. на VIII Пермской окружной конференции ВКП(б) секретарь Пермского окружкома Л. И. Мирзоян, до перевода на Урал в 1929 г. занимавший весьма значимую должность первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана, подверг критике *недостатки* местных заводов и заявил: «Когда посмотришь на наши заводы, то они еще представляют из себя как будто прошлые века. Еще на многих наших заводах пахнет *демидовско-строгановским Уралом*. Та же грязь, то же отсутствие уборки, та же завалка, та же неразбериха, такое же отсутствие учета и т. д. Это не пустые мелочи, а чрезвычайно важные вещи. В этом отношении нашим заводам придется преодолеть еще большую косность»¹¹³. Похоже,

---

¹¹¹ Дальний А. Конь победил // На смену! 19 мая. № 114.

¹¹² Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал (очерки и впечатления). СПб., 1890. С. 689.

¹¹³ Цит. по: Бюллетень VIII Пермской окружной конференции ВКП(б). 1930. № 4. С. 9–10.

что определение *строгановский* по отношению к Уралу было данью месту выступления – Прикамью, где знаковыми заводовладельцами было семейство Строгановых. В общих же рассуждениях об Урале прикамские Строгановы оказывались излишним украшением, так что в итоге оставались лишь Демидовы. Например, 9 июля 1930 г. в газете «На смену!» заявлялось: «Труд должен быть коммунистическим, поля – колхозными, демидовский Урал – Уралом Большим, социалистическим, индустриальным»¹¹⁴. Кроме того, в той же газете 24 июля 1930 г. утверждалось: «Строгановские солеварни недавно взорваны. Отстывает старый демидовский Урал. Вянет ковыль в Троицких степях, растаптываемый железной поступью пятилетки. Новые люди строят иную жизнь. ...Отразить их работу, показать куски нашей незабываемой эпохи, бить по бескультурию, по расхлябанности, головоутиямству, по всему, что мешает стройке Большого Урала, – задача этой страницы»¹¹⁵. Итак, взрыв *строгановских солеварен* стал признаком отступления *демидовского Урала!*

Уже в декабре 1930 г. в Свердловске состоялась седьмая областная конференция ВЛКСМ, от имени которой И. В. Сталину была направлена приветственная телеграмма с такими словами: «На обломках старого демидовского Урала, вопреки чаяниям подголосков классового врага – правых и “левых” оппортунистов, мы строим большевистский Большой Урал»¹¹⁶. Непосредственно на самой конференции, согласно газете «На смену!», секретарь Уральского обкома ВЛКСМ, уроженец Полтавы П. Ф. Ессяк в докладе подробно говорил о «задачах комсомола в связи с решениями 16 партсъезда и ЦК ВКП(б) о создании на Востоке второй угольно-металлургической и оборонной базы Советского Союза, превращении старого демидовского Урала в Большой Урал, социалистический»¹¹⁷.

В связи с успехами индустриализации в октябре 1930 г. журнал «Смена», печатный орган ЦК и МК ВЛКСМ, сообщал читателям:

---

¹¹⁴ Орион Б. Победный путь // На смену! 1930. 9 июля. № 158.

¹¹⁵ От редакции // Там же. 24 июля. № 171.

¹¹⁶ Знаменосцу воинствующего ленинизма: Приветственная телеграмма тов. Сталину // Там же. 11 дек. № 289.

¹¹⁷ Цит. по: Политическая линия и практическая деятельность ЦК ВЛКСМ одобрена // Там же.

«Силами старых партизан, отважных революционных рабочих и молодых энтузиастов старый Урал превращается в социалистический. Магнитогорский завод – одно из крупнейших завоеваний социалистической индустрии – вольет новую, свежую кровь, даст новые силы, вдохнет вторую молодость седому Уралу»¹¹⁸. Итак, у *седого Урала* были самые светлые перспективы.

Однако в накале борьбы со *старым Уралом* за *Урал новый* эрозии стал подвергаться и образ *седого Урала*. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что в условиях напряжения индустриализации ее руководители были недовольны теми стартовыми условиями, которые достались им на Урале. Например, уроженец Лифляндской губернии, старый большевик Я. Я. Шипов (Спрингис), один из руководителей Уралобкома ВКП(б), на Уральской областной краеведческой конференции в декабре 1929 г. заявлял: «Урал, выступавший два века тому назад в качестве первого в России промышленного района, быстро развил свою промышленность... Но, постепенно, его “костяк” – промышленная техника – устарел... уральская промышленность начала отставать. Теперь эта устаревшая техника должна пойти на слом». Более того, по его мнению, «встает огромной важности вопрос о рабочей силе. Наш уральский тип полурабочего-полукрестьянина не пригоден в новых условиях. Мы должны создать высококвалифицированную рабочую силу, освободить рабочего исключительно для производства»¹¹⁹. В схожем духе с ним рассуждал и другой старый большевик, представитель Уралоблисполкома В. Н. Андронников. Он был уроженцем Костромской губернии и в 1917–1920 гг. находился на партийной работе на Урале, где в том числе являлся в 1918 г. председателем Совета комиссаров Урала, а в 1925 г. был переведен снова на Урал, где в 1929 г. стал заместителем председателя Уралоблисполкома. Андронников провозглашал: «Самым важным и значительным делом является создание “Большого Урала”. Все,

---

¹¹⁸ Смена. 1930. № 29–30.

¹¹⁹ Шипов Я. Я. Краеведение и социалистическое строительство // Четвертая Уральская областная краеведческая конференция, 20–22 дек. 1929 г. Свердловск : Урал. обл. бюро краеведения, 1930. С. 18–19.

что проектируется, должен переводить и претворить в дело живой человек. Но теперешняя живая человеческая сила не сможет перестроить Урал. Мы должны поставить нашу технику на недосыгаемую высоту, а для этого создать новые кадры и внедрить в их головы ясное понимание новых темпов»¹²⁰.

Фактически Я. Я. Шипов и В. Н. Андронников отказывались апеллировать к образу революционного пролетариата Урала и возвращались к бытовавшему на рубеже XIX–XX вв., в том числе и у В. И. Ленина, образу уральского рабочего как не совсем настоящего пролетария, являвшегося составной частью *старого Урала* и в связи с этим подлежавшего перестройке и преодолению. Раз так, то и образ *седого Урала* выглядел уже не столь почтенным и стал подвергаться критике. Например, в изданном в Свердловске в ноябре 1930 г. журнале «Живая театрализованная газета», органе Уралобкома ВЛКСМ, была опубликована агитационная пьеса, где помещались такие слова про *седой Урал*: «Привыкли думать – Урал седой, Урал – сонный, Урал – провинция, Урал где-то там, далеко... Урал – это дебри, суровая сибирская зима и медведи. А вы знаете новый Урал? Вы знаете, с какой невероятной быстротой вместо старого дедовского, дореволюционного Урала растет новый промышленный центр нашего Союза, новый социалистический “Большой Урал”?»¹²¹. В другом номере этого журнала в статье, подводившей результаты съезда агитаторов, также указывалось на «быстрое превращение старого седого Урала в новый большой социалистический Урал»¹²².

Далее председатель Уральского облпрофсовета А. И. Финьковский 3 февраля 1932 г., выступая на XVII Всесоюзной партконференции, утверждал: «Урал уже становится той кузницей, в которой на основе достижений социалистического труда, советской и мировой науки, техники и культуры будут выковываться новые высококвалифицированные кадры. На смену *седому “демидовскому” Уралу*

---

¹²⁰ Андронников В. Н. Проблемы Большого Урала // Четвертая Уральская... С. 25.

¹²¹ Октябрьских побед призыв несите шире: – Пять в четыре : литмонтаж // Живая театрализ. газ.: двухнедел. иллюстрир. журн. 1930. Сент. № 65–66. С. 10.

¹²² К новым боям за социализм // Там же. Ноябрь. № 69–70. С. 2.

идет новый, передовой, социалистический Урал. Это есть величайшая победа, имеющая всемирно-историческое значение»¹²³.

Также отметим, что во вступительной статье к сочинениям революционного писателя Ф. М. Решетникова, вышедшим в 1933 г. в Свердловске, уроженец Пермской губернии писатель К. В. Боголюбов сообщал, вдохновляясь «Развитием капитализма в России» В. И. Ленина, что «было время, когда Урал являлся основной металлургической базой России. Еще в 1870 г. Урал давал две трети общероссийского производства металла»¹²⁴. Однако это было возможно лишь потому, что «крепостное право при наличии самой рутинной техники и самой беспощадной эксплуатации являлось основой уральской промышленности». Соответственно в романе «Горнорабочие» (1866) у Решетникова «нашел свое изображение быт демидовского “седого” Урала, “с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения” (Ленин)»¹²⁵. Получалось, что все же было возможно поставить знак равенства между *демидовским Уралом* и *седым Уралом*, приравняв последний к *старому Уралу* и объявив, что последний нуждается в полной замене *новым Уралом*.

Довольно ярко тотальная критика исторического наследия Урала, подлежавшего полной замене *новым Уралом*, прозвучала из уст И. Д. Кабакова, уроженца Нижегородской губернии, старого большевика, который в 1928 г. был переведен из Тулы в Свердловск, где стал в 1929 г. первым секретарем Уральского обкома ВКП(б). Рассказывая 31 января 1934 г. на XVII съезде ВКП(б) об успехах индустриализации на Урале, он утверждал: «На примере Урала ярче, чем где бы то ни было, видна политика и практическая работа ЦК и руководство товарища Сталина. Верно, еще во многих головах бродят мысли, которые причисляют старую Уральскую область к разряду старых промышленных областей нашей страны и характеризуют ее как *старый, могучий, седой Урал*. Но действительность, которая

---

¹²³ Цит. по: XVII конференция Всесоюзной коммунистической партии (б) : стенограф. отчет. М. : Партиздат, 1932. С. 202.

¹²⁴ *Боголюбов К. В.* Предшественники пролетарской литературы // Решетников Ф. М. Избранные произведения / под ред. И. С. Панова, И. Ф. Рюмина. Свердловск ; М. : Урал. обл. гос. изд-во, 1933. С. 2.

¹²⁵ Там же. С. 17.

была на Урале, представляет собой следующее. Как будто бы нарочно на Урале была собрана вся техническая и производственная отсталость всех экономических укладов всех краев европейской и азиатской части страны, как бы нарочно сконцентрированных в этом богатейшем природными ископаемыми крае. ...Летом, как правило, заводы останавливались, рабочие уходили косить сено, занимались полевыми работами вплоть до сентября–октября. С октября начинали вновь плавить железо. Кирками и лопатами не эксплуатировали, а только бороздили богатейшие природные богатства края»¹²⁶. Исходя из такого образа прошлого, окрашенного исключительно в темные тона, Кабаков в том же 1934 г. на партконференции в Свердловске даже утверждал, что если «Украина, Сибирь, Северный край, Средняя Россия пели свои песни», то «у Урала не было своих песен», так как «дворянско-купеческий Демидовский Урал мял, душил, давил ростки талантов и дарований в народной массе». Лишь только теперь, как он торжественно заявлял, «на Урале происходит бурный рост литературных кадров»¹²⁷.

Отметим, что такое видение И. Д. Кабаковым отношений *нового Урала* с его прошлым вполне поддерживал один из главных организаторов индустриализации СССР – народный комиссар тяжелой промышленности и член ЦК ВКП(б) Г. К. Орджоникидзе. Г. Л. Вайс вспоминал, что осенью 1934 г., когда он «работал корреспондентом газеты “За индустриализацию”, жил в Свердловске», редакция поручила ему сопровождать Орджоникидзе в поездке по Уралу. Во время посещения Красноуральского медеплавильного завода, согласно Вайсу, произошел следующий эпизод: «Серго настойчиво допытывался, почему же этот, простроенный по последнему слову американской техники, завод работает не в полную свою мощность? Почему уральские медеплавильщики, имея под руками такую чудо-технику, работают по старинке, на глазок?.. Рассуждая вслух, Серго сказал:

---

¹²⁶ Цит. по: XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б), 20 января – 10 февраля 1934 г. : стенограф. отчет. М. : Партиздат, 1934. С. 246.

¹²⁷ Цит. по: Крупнейший сдвиг на культурном фронте // Под знаменем Ленина / Орган Первоуральского райкома ВКП(б), горсовета и райпрофсовета. 1934. 18 июня. № 136.

“Наши корреспонденты любят писать: *старый, седой, могучий Урал...*” Серго при этих словах посмотрел в мою сторону... Еще совсем недавно в Перми он именно эти слова вычеркнул из моего репортажа. – Но ничего романтического в этой седой старине я не нахожу... Этот старый, древний, седой демидовский Урал нам очень мешает. В нем будто нарочно собрана вся техническая и производственная отсталость бывшей царской России. ...Мы же все умиляемся и декламируем – старый, древний, седой! Каждое лето все заводы на Урале останавливались и рабочие расходились – кто сено косить, кто золото мыть. Намоют и тут же пропьют в грязных трактирах. *Вот ваш седой Урал! Отвратительное, проклятое прошлое!*»¹²⁸.

Другое дело, что, как подмечали И. Д. Кабаков и С. Орджоникидзе, образ *старого, седого, могучего Урала* сохранял привлекательность, чем и была вызвана их критика. Например, в начале 1934 г. на страницах газеты Первоуральского райкома ВКП(б) в отчете о результатах чистки уральской парторганизации можно было прочитать, что «следов старого седого Урала уже не осталось, на его месте есть большой индустриальный Урал»¹²⁹. Однако уже в номере этой газеты от 15 июля, посвященном пятидесятилетию освобождения Урала от Колчака, были опубликованы стихи с обращением именно к *седому Уралу*:

Умчались вдаль пятнадцать лет...
Исчезли страсти, как виденья...
Седой Урал, тебе привет!
В день твоего освобожденья!¹³⁰

Не просто обстояли дела и с сомнениями в «пролетарскости» уральских рабочих. В 1930 г. А. П. Танеев указывал на мобилизацию в 1918 г. уральскими рабочими «своих вооруженных сил» и писал:

---

¹²⁸ Цит. по: *Вайс Г. Л.* Серго на Урале: Из корреспондентского блокнота // О Серго Орджоникидзе: Воспоминания, очерки, статьи современников / сост. Ф. Г. Сейранян. М. : Политиздат, 1986. С. 218.

¹²⁹ Итоги чистки уральской парторганизации // Под знаменем Ленина. 1934. 15 янв. № 12. С. 1.

¹³⁰ *Сперанский В.* 15 лет (1919–1934 гг.) // Там же. 15 июля. № 157. С. 2.

«Рабочие гасят доменные и мартеновские печи, останавливают станки, чтобы итти защищать Урал от наседающей контр-революции». Однако затем он все же отмечал, имея в виду антибольшевистские выступления на уральских заводах, что в 1918 г. «мелкобуржуазная стихия деревни... находит отклик среди отсталых слоев уральских рабочих. Это, конечно, не было случайностью. Вплоть до Октябрьской революции уральский рабочий представлял своеобразный тип рабочего: *полукрестьянина, полурабочего*. В силу исторически сложившихся условий он был не только продавцом своей рабочей силы, но и мелким земельным собственником... Обострение гражданской войны, острота продовольственного кризиса, закрытие заводов, все это вызвало среди наиболее отсталой части уральских рабочих рецидивы мелкобуржуазных настроений, и они колебнулись в сторону крестьянской Вандеи»¹³¹.

Итак, Тяняев фактически повторил формулировку Я. Я. Шипова об «уральском типе полурабочего-полукрестьянина», придав ей дополнительной весомости с помощью привлечения исторического материала. Однако в 1933 г. молодой уральский историк партии, заведующий кафедрой истории ВКП(б) Свердловской коммунистической высшей сельскохозяйственной школы Ф. П. Быстрых решительно не согласился с тезисом Тяняева про «полукрестьянина, полурабочего» и заявил, что «эта формулировка есть повторение старой либерально-народнической», а также указал, что, помимо прочего, «эта формулировка лишает уральских большевиков классовой базы. Полукрестьянская масса не может быть классовой основой большевизма. Ею может быть только индустриальный рабочий»¹³². Более того, не ограничившись критикой Тяняева по вопросу об уральском пролетариате начала XX в., он обрушился затем на пермского историка А. А. Савича: «Выступление проф. Савича А. А. с его путаной книжкой “Очерки крестьянских волнений на Урале” есть запоздалый либеральный поклеп на уральское рабочее движение. Он, во-первых,

---

¹³¹ Тяняев А. П. Колчаковщина на Урале // Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.). Свердловск : Изд-е Уралпрофсовета, 1929. С. 16–17.

¹³² Быстрых Ф. П. Возникновение уральской областной организации РСДРП(б). Свердловск ; М. : Партийное изд-во, Урал. отд-ние, 1933. С. 19–20.

во всей книге, начиная с 18 века и кончая 1905 г., смешивает рабочих с крестьянами в одну горнозаводскую массу, т. е. он из специфических особенностей уральского рабочего видит не только его революционную роль, но и реакционную. “Особенность” же эту он видит опять-таки, как и либералы, в поземельных отношениях Урала¹³³.

В представлениях же самого Быстрых «формирование рабочего класса Урала имеет давнюю историю. В дореформенный период за сотни верст самодержавие и помещики гнали крепостных крестьян на уральские заводы». Однако уже там они становились *рабочими*, где подвергались самой жестокой эксплуатации, живя и работая в условиях «хуже, чем у скота», в связи с чем «не раз крепостной рабочий Урала на дикое издевательство, порку, чудовищную эксплуатацию отвечал отчаянным протестом, бунтом, стачкой»¹³⁴. Итак, Быстрых вполне отчетливо продвигал идею о глубоких корнях борьбы уральских рабочих, которая логично завершилась их поддержкой большевиков.

В общем-то, в такой логике сложно было исключительно ругать «проклятое прошлое» *седого Урала*. Например, краевед Д. П. Козырин, описав в газетной статье 1933 г. историю расстрела ревдинских углежогов 1841 г., затем утверждал, что еще в 1905 г. «рабочие Ревдинского завода хотели поставить памятник павшим борцам», что он был поставлен в 1917 г. и что «пролетарии Ревды в дни революционных праздников ежегодно ходят на могилу героев первого восстания. Память о расстрелянных бунтарях глубоко хранится в сердцах трудящихся Ревды». И затем, констатируя успехи социалистического строительства, провозглашал: «Трудящиеся Ревды, в борьбе за вторую пятилетку, должны высоко нести знамя расстрелянных “бунтарей”»¹³⁵.

---

¹³³ Быстрых Ф. П. Возникновение уральской областной организации РСДРП(б). С. 22–23.

¹³⁴ Там же. С. 3. См. также: Гаврилов Д. В. Рабочие Урала периода капитализма в исследованиях советских историков 20–50-х гг. // Рабочий класс и промышленность Урала в XVIII – начале XX в. (историография и источниковедение) / отв. ред. Ю. А. Буранов. Свердловск : УНЦ АН СССР, 1985. С. 3–15.

¹³⁵ Козырин Д. П. Держать в памяти: (Очерк о расстреле ревдинских рабочих) // Под знаменем Ленина. 1933. 1 мая. № 100.

Или же в стихотворении С. Васильева 1930 г. старый мастер, чью «молодость Демидов раскарябал» и которого с его товарищами «нагайками пороли», так обращался к молодым рабочим:

Я завод
Своею кровью строил
И для вас, ребятушки,
Сберег!
Так уж вы его,
Как следует, любите, –
Ведь в заводе
Силища большая¹³⁶.

И борьба ревдинских пролетариев, и построенный в прошлом *кровью* демидовского рабочего и затем сбереженный для социалистического настоящего завод оказывались таким историческим наследием, которое в рамках парадигмы советского марксизма было не так просто отбросить на местах, несмотря на недовольство руководителей индустриализации.

В связи с этим укажем на следующий примечательный эпизод. ТАСС 13 сентября 1936 г. сообщило, что германский канцлер А. Гитлер в речи в Нюрнберге 12 сентября в том числе сказал: «Если бы Урал с его неизмеримыми сырьевыми сокровищами, Сибирь с ее дремучими лесами и Украина с ее необъятными посевными площадями находились в Германии, то Германия под национал-социалистским руководством утопала бы в роскоши»¹³⁷. Данное выступление в СССР было воспринято как захватническая претензия на эти земли, которой советские граждане, согласно периодике, были готовы дать отпор. Вечером 19 ноября 1936 г. в Свердловске в связи с предстоящим принятием новой Конституции СССР открылся Второй чрезвычайный съезд Советов Свердловской области, на котором

---

¹³⁶ Васильев С. Журавли (из цикла «Горячие дни») // На смену! 1930. 19 янв. № 17. К настоящему времени у нас нет сведений о том, кем был написавший «Журавли» Сергей Васильев и можно ли его идентифицировать с уроженцем Кургана, известным советским поэтом Сергеем Александровичем Васильевым.

¹³⁷ Цит. по: Посулы и угрозы фашистских вождей // Правда. 1936. 14 сент. № 254.

выступил с докладом председатель облисполкома В. Ф. Головин¹³⁸. На следующий день, 20 ноября, во время обсуждения доклада секретарь Свердловского горкома ВКП(б) М. В. Кузнецов объявил: «Гитлер не стесняясь рассказал на нюрнбергском фашистском съезде о своих планах захвата Урала с его богатствами, Сибири, Украины с плодороднейшими землями». С учетом этого «об изменении лица Свердловской области, о превращении Урала в передовой район Советского союза, крепость обороны на востоке говорили на съезде Мезит (Пермь), Гудков (Чусовая), Ханин (Н.-Салда)»¹³⁹.

Отметим, что выражение *крепость социализма* в это время использовалось и для описания предприятий и отраслей («все наши фабрики, все заводы, колхозы и совхозы... выросли в неприступные крепости социализма»¹⁴⁰), ряда отдельных регионов (Азербайджан, Дальний Восток, Донбасс, Карелия) и прежде всего самого СССР. Схожим образом использовалось выражение *крепости обороны СССР*¹⁴¹. Тем не менее ситуация после выступления А. Гитлера создала благоприятные условия, чтобы начать применять это выражение к Уралу, в том числе чтобы подчеркнуть успехи в его развитии. Так, В. Ф. Головин принял участие в чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде советов, где 1 декабря 1936 г. специально остановился на проблеме *старого Урала* и *Урала нового*: «Старый Урал спал до революции. Имея исключительные богатства, Урал был отсталым, забитым. Иностранцы и русские капиталисты хищнически использовали богатства Урала. Ручной труд, кирка, лопата определяли всю технику старого Урала. Господствовала беспощадная эксплуатация рабочих. Рутинность, отсталость во всех отраслях производства царили на Урале. Только при диктатуре пролетариата в стране социализма

---

¹³⁸ См.: Открытие чрезвычайного съезда советов Свердловской области // Большевик / Орган Режевского райкома ВКП(б) и райсполкома. 1936. 21 нояб. № 108.

¹³⁹ На Чрезвычайном съезде Советов Свердловской области // Под знаменем Ленина. 1936. 22 нояб. № 268.

¹⁴⁰ Советская Белоруссия – неприступный форпост СССР. Речь тов. Н. Голодеда // Известия. 1935. 31 янв.

¹⁴¹ В качестве примера можно вспомнить связанную с Осоавиахимом кампанию 1932 г. с призывом превратить «заводы в крепости обороны СССР» (Превратим наши заводы в крепости обороны СССР // Правда. 1932. 8 марта. № 67).

огромные богатства Урала стали разрабатываться на основе современной научной мысли и техники. Нынешний Урал – это край передовой социалистической индустрии, *неприступная крепость социализма*, сталинский Урал. ... Гитлер стремится завоевать Урал. Но мы с трибуны Съезда можем повторить Гитлеру сталинские слова: “Сие от вас не зависит”»¹⁴².

Далее в Москве в декабре 1936 г. на Всесоюзном совещании жен командного и начальствующего состава РККА выступила жена старшего политрука из Уральского военного округа Н. М. Хамитова: «Растет страна, растет страна, растем и мы с вами... Растет и *наш седой Урал*. Это уже не старый демидовский Урал. Это новый Урал – крепость обороны, Урал с новыми домнами, с новыми заводами, Сталинский Урал. Недаром фашисты мечтают об Урале. Но мне хочется сказать им словами любимого вождя (Сталина. – М. К.): сие от вас, господа фашисты, не зависит! ... Урал – крепость обороны и к обороне всегда готов!»¹⁴³. Итак, Н. М. Хамитова связала развитие *седого Урала* с переходом его от *старого демидовского Урала* к *новому Уралу*, ставшему теперь *крепостью обороны*. В такой логике получалось, что исторический индустриальный Урал фактически раздваивался на *демидовский Урал*, который оказывался сосредоточением всего отрицательного, что следовало преодолеть, и на *седой Урал*, который преображался именно за счет преодоления *демидовского Урала*.

Конечно, положительные коннотации выражения *седой Урал* поддерживал его образ как богатейшей «горной кладовой»¹⁴⁴. И, например, советские авторы в 1930–1950-е гг. любили приводить следующую цитату из выступления И. В. Сталина 1931 г.: «Взять хотя бы Урал, который представляет такую комбинацию богатств, какой нельзя найти ни в одной стране. Руда, уголь, нефть, хлеб – чего только нет на Урале!»¹⁴⁵. Однако в равной мере эти коннотации были

---

¹⁴² Цит. по: Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд советов : бюл. М., 1936. № 10. С. 38, 41.

¹⁴³ Речь тов. Н. М. Хамитовой // Правда. 1936. 22 дек. № 351.

¹⁴⁴ Бугров К. Д. Соцгорода Большого Урала. С. 106.

¹⁴⁵ Сталин И. В. О задачах хозяйственников // Сталин И. В. Соч. Т. 13. М. : Госполитиздат, 1951. С. 32.

связаны и с оценкой уральского пролетариата и его прошлого. Как отмечалось, существовал образ уральского рабочего, отягощенного пережитками крепостнической эпохи, которые удалось преодолеть только после 1917 г. Это получило в том числе отображение в таком знаковом издании, как «Были горы Высокой» (1935), сборнике воспоминаний рабочих Высокогорского рудника, где бичевался режим *демидовщины*¹⁴⁶, господствовавшей на дореволюционном Урале, которая «характеризует как безудержную эксплуатацию людей, так и хищническую разработку недр». В книге указывалось, что «крепостные и полукрепостные приемы эксплуатации, связь горняков с землей задерживали оформление классового самосознания тагильских горняков». Там же было написано, что «века крепостнической и полукрепостнической эксплуатации, власть хозяина – Демидова, его управителей, пауков-подрядчиков, почти поголовная неграмотность, растлевающее влияние православных и раскольнических попов питали отсталость и забитость рабочего Железного рудника». Только революция 1917 г. положила конец этому, и, как результат, после Гражданской войны «героизм... рабочих» рудника «в первые же годы восстановительного периода сделал больше для механизации рудника, чем Демидовы за все время своего существования»¹⁴⁷.

Однако в 1936 г. в Свердловске вышел научно-популярный сборник очерков «Крепостные изобретатели» под редакцией ленинградского историка Е. А. Цейтлина. Последний во вводной статье указы-

---

¹⁴⁶ Само слово *демидовщина* было, похоже, неологизмом, который популяризировал в «Былях горы Высокой» известный историк литературы, вернувшийся в СССР из эмиграции левый евразиец князь Д. П. Святополк-Мирский (о нем см.: *Ефимов М. В., Смит Дж.* Святополк-Мирский. М. : Молодая гвардия, 2021). Однако он не был его изобретателем. Возможно, им был ревдинский краевед Д. П. Козырин. По крайней мере, именно он, завершая повествование о классовой борьбе ревдинских рабочих до 1917 г., сообщал читателю в 1933 г.: «Ревда сейчас стала другой. У ней ничего не осталось от времен “демидовщины”» (*Козырин Д. П.* Держать в памяти: Очерк о расстреле ревдинских рабочих) // Под знаменем Ленина. 1933. 1 мая. № 100). О Козырине см.: *Летопись окрестных деревень. Ч. 2* // Ревд. рабочий. 2020. 9 дек. № 49.

¹⁴⁷ *Мирский Д.* О руднике // Были горы Высокой: Рассказы рабочих Высокогорского рудника о старой и новой жизни / под ред. М. Горького, Д. Мирского. М. : Гос. изд-во истории фабрик и заводов, 1935. С. 10–14.

вал, что «приписные крестьяне и крепостные рабочие уральских заводов одними из первых примкнули» к восстанию Е. Пугачева и что после его подавления «выступления горнозаводских рабочих продолжаются и в конце XVIII века и в первой половине XIX века, выливаясь порой в очень серьезные “бунты”». Более того, «несмотря на весь гнет крепостного режима, расцвет горнозаводской промышленности Урала, способствуя росту и формированию кадров квалифицированных рабочих, сопровождался выделением здесь многочисленных даровитых изобретателей, конструкторов, организаторов производства, созидательная работа которых сыграла немаловажную роль в промышленном развитии Урала». Цейтлин дополнительно подчеркивал, что, «вопреки обычной точке зрения буржуазных историков, русские рабочие XVIII века вовсе не были инертной и творчески-пассивной массой. Социальное бесправие, нищета, господство азиатски отсталых форм жизни не могли полностью вытравить изобретательскую инициативу рабочих»¹⁴⁸.

Заметим, что эти выводы Цейтлин опубликовал еще в сборнике, вышедшем в 1934 г. в Ленинграде, и в нем они адресовались в целом рабочим крепостной России¹⁴⁹. Действительно, в логике советского марксистского анализа рабочий класс, несмотря на угнетенное положение, должен был быть именно актором истории, с которым связывалось освобождение всего человечества. Тем не менее, что было важно, эту идею оказывалось возможным распространить, при всех оговорках, на дореволюционных рабочих Урала, которые дополнительно объявлялись активными участниками восстания Пугачева, одного из ключевых российских всплесков классовой борьбы до 1917 г.

Схожим образом, вопреки заявлениям нижегородца И. Д. Кабакова, оказывалось, что уральские рабочие были способны и до 1917 г. на создание своих песен и иных литературных сочинений. Так, в 1935 г. уральский краевед В. П. Бирюков в статье в газете «Челябинский рабочий» отмечал, что «фольклорное богатство Урала, особенно

---

¹⁴⁸ Цейтлин Е. А. Крепостной Урал // Крепостные изобретатели / под ред. Е. А. Цейтлина. Свердловск : Свердловгиз, 1936. С. 18.

¹⁴⁹ См.: Цейтлин Е. А. О русских изобретателях XVIII века // Техники, изобретатели крепостной России. Л. : Молодая гвардия, 1934. С. 33.

южного, мало изучено», в связи с чем указывал на песенное творчество уральских рабочих: «“Царство Демидова” нашло свое отражение в народных песнях. В этих песнях ярко выражены думы и настроения рабочих, их отношение к уральскому царьку – Демидову. ...Конец XIX столетия – подъема промышленного капитала на Урале и все усиливающегося гнета и несправедливости рабочих масс – отмечен в народном творчестве сильными, злыми частушками»¹⁵⁰. Далее в Челябинске в 1937 г. при участии Бирюкова был опубликован «Сборник фольклора Южного Урала», где утверждалось, что «большинство фольклористов... не сумели найти и увидеть в творчестве рабочих богатых образами, прекрасных сатирических и лирических песен», равно как и исторических песен, созданных и бытовавших именно на уральских заводах среди рабочих¹⁵¹. Такого рода издания были встречены советской критикой весьма благожелательно, и, например, в начале 1941 г. «Литературное обозрение» писало про Бирюкова: «Он живет в городе Шадринске и собирает самые разнообразные произведения искусства седого Урала»¹⁵².

Итак, к началу 1940-х гг. в советской публичной сфере успешно утверждается тезис о победе в строительстве на месте *Урала старого* в ходе советской индустриализации конца 1920–1930-х гг. *нового социалистического Урала*. При этом последний в дискурсивных построениях оказывался в непростых отношениях с собственным прошлым. С одной стороны, успешное утверждение власти большевиков на Урале в 1917 г., а затем их победа в Гражданской войне позволяли формировать представления об Урале как о рабочем крае, где еще до 1917 г. копились революционные пролетарские силы, внесшие затем важный вклад в успешное установление советской власти. Этот образ оказался связан с выражением *седой Урал*, подчеркивался его почтенный возраст, который, будучи рассмотрен сквозь призму истории борьбы уральского пролетариата, приобретал поло-

---

¹⁵⁰ Бирюков В. П. Старый Урал в народном творчестве // Челябин. рабочий. 1935. 24 нояб. № 271.

¹⁵¹ См.: От редакции // Сказы, песни, частушки / под ред. Е. М. Блиновой. Челябинск : Челябингиз, 1937. С. 4.

¹⁵² Астафьев А. Уральские сказки // Лит. обозрение. 1941. № 1. С. 48.

жительное значение для индустриального региона. В пару к *седому Уралу* постепенно создается выражение *демидовский Урал*. В последнем определении *демидовский* не столько отсылало к конкретной семье заводчиков, сколько к частновладельческому способу управления заводами до 1917 г., из-за которого уральская металлургия на момент революции была отсталой в техническом плане и отягощенной крепостническими пережитками в социальных отношениях. Получалось, что отрицательные черты *старого Урала* были приписаны прежде всего *демидовскому Уралу*.

С другой стороны, в рамках мобилизационного дискурса активно начавшейся с конца 1929-х гг. индустриализации стали исчезать различия между *седым Уралом* и *демидовским Уралом*. Рабочие традиции *седого Урала* рассматривались руководителями индустриализации скорее как отрицательное наследие, которое должно было быть преодолено в ходе строительства социалистической промышленности. В связи с этим в дискурсе индустриализации воскрешается идея рубежа XIX–XX вв. об уральском пролетарии как о полурабочем-полукрестьянине как составной части *старого Урала*. Для руководителей советской индустриализации, как столичных (Г. К. Орджоникидзе), так и местных, которые, не будучи уроженцами Урала, оказались в регионе по поручению партии (И. Д. Кабаков, Я. Я. Шипов), такая критика *старого, седого Урала* позволяла объяснять сложности и неуспехи в ходе индустриализации, а также увеличивать их собственные достижения и авторитет в случае успехов.

Однако в то же время в регионе воспроизводились идеи, что на Урале рабочие не просто существовали с XVIII в., но и изначально вели активную классовую борьбу, а также сыграли свою роль в победе большевиков. Это способствовало удержанию за уральскими рабочими определенной исторической славы. Кроме того, воздействие оказывала и марксистская идея о рабочих как о преобразующей силе истории. Как результат, выражение *седой Урал* к началу 1940-х гг. все же сохраняет положительные коннотации, связанные с историей рабочих региона как активной и творческой силы, проявлявшейся до 1917 г., несмотря на существовавший жестокий режим эксплуатации и подавления со стороны заводладельцев, *демидовского Урала*.

1.4. «Седой Урал» куёт Победу (1940-е гг. и далее)

Журналист С. А. Тельканов, уроженец Майкорского завода Пермской губернии, в научно-популярной статье, опубликованной в 1939 г. в журнале Свердловского обкома ВЛКСМ «Техника смене», так описывал организацию строительства в 1723 г. Екатеринбургского завода: «Из окрестных слобод и деревень на стройку завода были согнаны сотни крестьян. В холод и дождь они копали стылую землю, корчевали пни, готовили бревна. ... На стройку пригнали пленных шведов и каторжников. Тобольские солдаты, горные надсмотрщики следили за работой каждого. За малейшее ослушание следовало жестокое наказание, за побег – виселица. Не было хлеба, жилья, одежды, и десятки строителей погибали от голода и простуды». Когда же завод был построен и вместе с ним появился город Екатеринбург, последний «был обнесен деревянной крепостью... В город было трудно войти и еще труднее выйти. Первыми жителями Екатеринбурга были тобольские солдаты, переселенцы, раскольники, приписные крестьяне». Участь их, по Тельканову, была весьма печальной: «Испытав невиданные лишения при постройке города, они попали еще в более жуткие условия, когда был построен завод. Кошмарная работа у кричных горнов, медеплавильных печей, плохое жилье, ничтожная зарплата вызывали болезни, истощение, заставляли бежать многие десятки людей. Беглецов ловили и жестоко наказывали. Екатеринбург еще многие десятки лет после своего возникновения был городом военного, казарменного режима»¹⁵³.

Переходя к современности, автор заявлял: «Перед революцией он был захолустным уездным городишком. Годы после революции преобразили наш город. От старого Екатеринбурга не осталось и следа. Волею трудящихся под руководством партии Ленина–Сталина создан новый город, культурный и промышленный центр индустриальной Свердловской области»¹⁵⁴.

---

¹⁵³ Тельканов С. А. Как возник наш город // Техника смене. 1939. № 7. С. 23.

¹⁵⁴ Там же. С. 24.

Такое описание центра казенной металлургии на Урале XVIII в. было лишь одним из проявлений функционирования дискурса о до-революционном *старом Урале* как царстве насилия и произвола, которое фактически служило лишь обогащению развращенной верхушки и вело при этом к экономической отсталости уральской промышленности к началу XX в. И конечно же составной частью такого дискурса был тезис, что такой *старый Урал* по результатам социалистического строительства уступил место *новому Уралу*. Соответственно уже в статье 1939 г., посвященной истории демидовских заводов, С. А. Тельканов заявлял: «Уже давно нет старого демидовского Урала, есть новый Урал – социалистический, могучая неприступная крепость обороны социалистической родины. Трудящиеся нашей области никогда не забывают тяжелых времен демидовщины»¹⁵⁵. Напоминая трудящимся о *тяжелых временах демидовщины*, уже краевед В. П. Бирюков на страницах газеты «Ревдинский рабочий» писал в номере от 25 апреля 1941 г.: «Демидовщина – это огромные земельные площади с несметными богатствами недр в частных руках. Это – право безгранично распоряжаться судьбой сотен тысяч крепостных крестьян и рабочих, с жестокой эксплуатацией и издевательством над ними. Это – бедна самодурства. Словом, все явления, как порождение смытого историей и Октябрем старого строя. В демидовщине – все черты старых общероссийских порядков, но в то же время – много самобытного, чисто своего, уральского»¹⁵⁶.

Писатель А. Г. Бармин, уроженец Екатеринбургa, который с 1920-х гг. связал свою жизнь с Ленинградом, при этом продолжая поддерживать связи с Уралом, в 1939 г. опубликовал исторический роман «Старый соболев», в котором действия происходили на уральских заводах в 1730-е гг. Книгу Бармина об Урале, вышедшую в 1935 г., один из критиков в 1936 г. упрекнул, что в ней слабо отображены «крепостничество, тяжелый труд подневольных крестьян, положивший начало расцвету горной промышленности на Урале»¹⁵⁷. И, похоже,

---

¹⁵⁵ Тельканов С. А. Демидов на Урале (окончание) // Техника смены. 1939. № 6. С. 22.

¹⁵⁶ Бирюков В. П. Демидовщина в устном народном творчестве // Ревд. рабочий. 1941. 25 апр. № 97.

¹⁵⁷ Иноземцев И. Книга Бармина об Урале // Детская литература. 1936. № 7. С. 20.

в «Старом соболе» Бармин решил исправиться. Известный столичный литературный критик А. Ивич в 1940 г. в рецензии на «Старого соболя» констатировал: «Акинфий Демидов у Бармина – законченный, беспросветный негодяй». И именно это его не устроило! Ивич заявил: «Все это совершенно правильно, но в то же время глубоко неверно». Критик соглашался, что Демидовы управляли своими заводами «с дикарской жестокостью». Однако, утверждал затем Ивич, они «при всей социальной их реакционности, были в то же время прогрессивными промышленными деятелями. Они осуществляли идею Петра Первого, освободив Россию от необходимости покупать железо за границей.

Демидовы проявили огромную энергию, большой организаторский талант в поисках руд и в строительстве заводов. В сущности они открыли для России богатства Урала. В то же время они ввели передовые для того времени способы выплавки железа и сделали свою марку известной в Европе, так как их железо широко экспортировалось. Россия получила благодаря Демидовым доброкачественное оружие по сравнительно недорогим ценам. Они, несмотря на отдаленность Урала и бездорожье, сильно сбили цены, диктовавшиеся прежде тульскими металлургами и оружейниками. Достигли они этого не только за счет зверской эксплуатации рабочих, но и благодаря очень значительному усовершенствованию технологического процесса». При этом Ивич, критикуя образ Демидовых у Бармина, также затрагивал и то, как последним был изображен их протагонист – управлявший казенными заводами на Урале В. Н. Татищев: «Бармин к образу Акинфия Демидова подошел не диалектически и потому создал у читателей неправильное представление о нем. В романе носитель передовой русской идеи – директор казенных заводов Татищев. Это был, конечно, человек несравненно большей порядочности, большего патриотизма, чем Демидовы. Но казенные заводы, на которых работа была достаточно тяжела, хотя там и не было демидовских зверств, оставались технически отсталыми. ...Несмотря на отличные человеческие качества Татищева, объективно Демидовы сделали гораздо больше для русской промышленности, чем он»¹⁵⁸.

---

¹⁵⁸ Ивич А. Рец. на кн.: Бармин В. Старый соболь. М.; Л.: Детиздат, 1940. 376 стр. Ц. 5 руб. Тир. 15 000 // Детская литература. 1940. № 6. С. 57–58.

Что примечательно, рецензия А. Ивича соседствовала с откликом А. П. Платонова на вышедший в 1939 г. в Свердловске сборник сказов П. П. Бажова «Малахитовая шкатулка». Скрывавшийся за псевдонимом «Ф. Человеков», Платонов довольно четко считал социальный посыл бажовской книги: «Большинство сказов книги П. Бажова объединяет одна верная и счастливая народная идея. Эта идея заключается в том, что добро природы дается лишь в добрые, рабочие руки; в руках врагов и хищников народа это добро может находиться лишь временно и ненадежно. Здесь есть точное ощущение всемирного исторического закона: жизнь и работа людей вскоре, с течением времени, приведет их к счастью и высокой судьбе, то есть что история обязательно прогрессивна»¹⁵⁹. *Враги и хищники народа* в «Малахитовой шкатулке» – это заводчики и их приказчики, которым противостоят уральские рабочие с их творческим началом. Это вполне вписывалось в образ *демидовского Урала*, пусть именно о Демидовых Бажов, уроженец Сысертского завода, принадлежавшего другой семье уральских заводчиков – Турчаниновых – Соломировских, практически не писал. Однако Ивич фактически требовал, чтобы и заводчики Демидовы, несмотря на их *зверства*, также были признаны обладателями творческого начала, ключевыми организаторами освоения горнорудных богатств Урала в интересах России. Кроме того, Ивич признавал, что и горный командир Татищев являлся *носителем передовой русской идеи*, хоть и уступавшим Демидовым в технических достижениях.

Критика А. Ивича, наносившая удар по дискурсу *демидовского Урала*, была связана с важным официальным поворотом в середине 1930-х гг. в формировании советского патриотизма и связанной с ним исторической политике. Как отмечает С. В. Константинов, «в основу нового патриотизма было заложено представление о том, что Советская Россия является закономерной наследницей лучших традиций русской истории»¹⁶⁰. Соответственно «дореволюционная Россия

¹⁵⁹ *Человеков Ф.* Рец. на кн.: Бажов П. Малахитовая шкатулка. Свердловск, 1939. 168 стр. Ц. 12 руб. Тир. 20 000 // Детская литература. 1940. № 6. С. 57.

¹⁶⁰ *Константинов С. В.* Дореволюционная история России в идеологии ВКП(б) 30-х гг. // Историческая наука России в XX веке / отв. ред. Г. Д. Алексеева. М. : Скрипторий, 1997. С. 230.

перестала представляться “сосудом мерзости и запустения”, страшной беспросветного мракобесия и невежества»¹⁶¹. В рамках такого поворота происходила частичная реабилитация так называемых национальных героев прошлого, не принадлежавших к эксплуатируемым классам. Одним из таких старых новых героев истории к 1936 г. стал Петр Великий, чьи реформы и военные победы признавались на официальном уровне прогрессивными деяниями, пусть и осуществляемыми подчас варварскими методами¹⁶². В связи с этим предполагалось, что петровские сподвижники также должны получить свое место во вновь формируемом пантеоне героев прошлого.

По Ивичу, и А. Н. Демидов, и В. Н. Татищев были достойны этого. Другое дело, что у регионального дискурса, несмотря на установки из столицы, могла быть определенная инерция. На Урале к 1941 г. вполне сохранялся и функционировал дискурс преодоленного *демидовского Урала*. И, например, тот же С. А. Тельканов уже в статье 1940 г., изданной в рубрике «Прошлого нашего края (Урала. – М. К.)», в качестве сюжета для просвещения своих уральских читателей выбрал эпизод истории, связанный с казнью через сожжение в 1738 г. в Екатеринбурге башкира Тойгильды Жулякова за то, что, перейдя из ислама в христианство, он снова «принял магометанский закон». Одним из фигурантов рассказа был «тайный советник В. Н. Татищев, один из сподвижников Петра I». Говоря о деятельности Татищева, Тельканов отмечал, что «он строит новые заводы, наводит порядок на старых, расширяет Екатеринбург и жестоко расправляется с “ворами-башкирцами”». В итоге описания расправ над восставшими башкирами, которых «горные начальники и заводчики оттесняли... с богатых рудоносных земель, забирали скот, гнали в заводскую работу, секли розгами, забивали в колодки»¹⁶³, практически не оставляли места для подчеркивания прогрессивности деяний Татищева в развитии промышленности и укреплении обороноспособности страны.

¹⁶¹ Константинов С. В. Дореволюционная история России... С. 238.

¹⁶² См.: Киселев М. А. «Регулярное» государство Петра I в сталинской России: Судьбы историков права в контексте научных и идеологических баталий советского времени. СПб. : Нестор-история, 2020. С. 158–160.

¹⁶³ Тельканов С. А. Казнь // Техника смене. 1940. № 3. С. 21.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война оказывалась серьезным вызовом для дискурса *демидовского Урала*. Последний был хорош для мобилизации с целью создания новой промышленности в старом индустриальном регионе, однако его едва ли можно было приспособить для борьбы с внешним врагом. Скорее для этого подходил образ *нового Урала* – недавно построенной крепости обороны *социалистической родины*.

Видный журналист А. А. Караваева в статье, опубликованной 6 ноября 1941 г. в газете «Уральский рабочий» и адресованной *уральским мастерам*, писала: «Война требует все больше вооружения, а значит, и все более напряженной работы наших мастеров. Сколько их, искуснейших творцов стали, железа и чугуна есть на Урале!.. “Урал-батюшка, железный хребет” поется в старинной русской песне. “Железный хребет”, железную волю к победе должны иметь сейчас мастера Урала». После этого она обращалась к своим воспоминаниям о *старом Урале*: «Я помню старый Екатеринбург, город купцов и заводчиков, в котором чуть ли не самым лучшим зданием города считался дом Пробринной палаты на берегу пруда. Я помню старую Пермь, город, где я родилась, домишки вокруг Мотовилихинского завода... Сколько народных талантов погибало впустую в условиях рабского труда и несправедливости!». Однако затем «за два с лишним десятилетия социалистического труда неузнаваемо изменился Урал, его города и заводы. Подстать нашим заводам должны быть и наши мастера, стахановцы Урала, люди с “железным хребтом”». Кроме того, она апеллировала к таким положительным эпизодам из истории уральских рабочих: «Товарищи-уральцы, вспомните, что наши предки воевали в бесстрашных войсках Ермака Тимофеевича, два века спустя лили пушки для Емельяна Пугачева, а в дни гражданской войны прогнали с Урала белогвардейские банды. Так пусть же трудовая слава мастеров Урала горит в грозные дни войны так же ярко, как и боевая их слава»¹⁶⁴.

---

¹⁶⁴ Караваева А. А. Мастерам Урала // Урал. рабочий. 1941. 6 нояб. № 263. Отметим, что нам неизвестны тексты до статьи Караваевой, в которых выражение *батюшка-Урал* использовалось бы по отношению к горам, в отличие, например, от реки (*Урал-батюшка*, по аналогии с обращениями *Дон-батюшка* и *Волга-*

Получалось, что, призывая рабочих к мобилизации для отпора внешнему врагу, Караваяева обращалась к их опыту преодоления *старого Урала*: если последний мешал им творчески раскрыться и губил их таланты, то теперь, в условиях *нового Урала*, они должны были проявить себя в полную силу. Что же до времен до социалистической индустриализации, то два приведенных ею исторических примера – Емельян Пугачев и Гражданская война – оказывались связанными с внутренними конфликтами, а не с борьбой с внешним врагом, к тому же Ермак был скорее всего упомянут как представитель старого казачества, которое формировалось из беглых, т. е. было обязано возникновением опять же внутренним классовым конфликтам¹⁶⁵. Таким образом, исторические примеры сражающихся уральских рабочих оказывались довольно сомнительными в условиях именно борьбы с внешним врагом. Тем не менее такова была логика сложившегося дискурса о *демидовском Урале*, который, если говорить о его функционировании в годы Великой Отечественной войны, был также запечатлен в поэме «Урал» (1942) известного московского поэта Н. Н. Асеева, опубликованной 1 января 1943 г. в центральной газете «Труд». В ней заводчик Акинфий Демидов «рвал – тянул непокорным связки», *сердце Урала* было «кумачово еще с восстания Пугачева», а главные прогрессивные изменения произошли за «четверть века советской поры»¹⁶⁶.

матушка). Можно предположить, что строчка «Урал-батюшка, железный хребет» была создана самой Караваяевой, а уже из ее публикаций в том или ином виде стала заимствоваться другими авторами, в том числе и А. Т. Твардовским.

¹⁶⁵ В третьем выпуске литературно-художественного сборника «Прикамье», вышедшем как раз в 1941 г., в статье про Ермака было написано «об огромном таланте Ермака-завоевателя» и что сам Ермак – это «замечательный, предприимчивый человек того времени, свободолюбивый выходец из народа». Что же до того, что «Ермак был оружием колониального порабощения, закабаления народностей Сибири», то «он шел, покоряясь общему стремлению народов того времени, пользуясь благоприятным стечением исторических событий: народы Западной Европы стремились тогда в Америку, Индию, а Сибирь являлась приютом для всех бежавших от крепостного права царской России и религиозных преследований раскольников и сектантов» (*Воронихин Н.* Ермак Тимофеевич – Василий Тимофеевич Аленин: (К 360-летию похода Ермака в Сибирь, 1581–1941 гг.) // Прикамье. Молотов, 1941. № 3. С. 130).

¹⁶⁶ См.: *Асеев Н. Н.* Пламя Победы: Стихи и поэмы, 1941–1945. [Б. м.], 1946. С. 22–23; Урал грозный / сост. А. А. Золотов. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1982. С. 641.

В Свердловске 15 июля 1941 г. вышел номер «Уральского рабочего», где отдельную страницу отвели «XXII годовщине освобождения Урала от Колчака». Заявлялось: «Под руководством Ленина и Сталина советский народ разгромил Колчака... под руководством товарища Сталина советский народ уничтожит фашистских извергов»¹⁶⁷. В то же время патриотическая пропаганда, транслируемая из столицы, активно апеллировала к образам военной истории дореволюционной России. В связи с этим, как сообщал «Уральский рабочий» уже 27 июня 1941 г., «отделение агитации и пропаганды Окружного Дома Красной Армии организовало для начсостава и членов их семей цикл лекций о героическом прошлом русского народа. Будет прочитано десять лекций на темы: “Ледовое побоище”, “Куликовская битва”, “Полтавский бой”, “Семилетняя война” (взятие Берлина под руководством Суворова (sic! – М. К.), “Бородинское сражение” и другие)».

Первую лекцию о Ледовом побоище прочитал декан исторического факультета Свердловского государственного университета Н. И. Шатагин. При этом газета извещала, что «областное лекционное бюро разработало тематику лекций», среди которых были такие исторические темы – «“Александр Невский”...», “Великая Северная война” (Петр I), “Отечественная война 1812 года”, “Борьба с немецкими оккупантами на Украине в 1918 году”», а также о «народных героях» времен Гражданской войны В. И. Чапаеве, Н. А. Щорсе и С. Г. Лазо¹⁶⁸. В рамках такой программы Шатагин 12 июля опубликовал в «Уральском рабочем» статью о народных ополчениях в период Смутного времени начала XVII в. (К. Минин и кн. Д. Н. Пожарский), Отечественной войны 1812 года и Гражданской войны, когда «на отечественную войну против интервентов поднялись все народы нашей родины. Из недр народа вышли герои гражданской войны – Чапаев, Щорс, Лазо, Котовский, Пархоменко и другие. ...Германские хищники, пытавшиеся грабить богатства украинской земли, в 1918 году дорого заплатили за это»¹⁶⁹. Итак, даже герои Граж-

---

¹⁶⁷ Уральский рабочий. 1941. 15 июля. № 165.

¹⁶⁸ См.: Лекции о патриотизме // Урал. рабочий. 1941. 27 июня. № 150.

¹⁶⁹ Шатагин Н. И. Героическая борьба народных ополчений // Там же. 12 июля. № 163.

данской войны преподносились прежде всего как борцы с интервенцией! Далее 18 июля Шатагин опубликовал статью о Ледовом побоище¹⁷⁰, а 7 сентября (Шатагин 26 июля был призван в РККА¹⁷¹) политрук А. П. Панфилов, трудившийся до поступления на военную службу в 1941 г. в редакции «Уральского рабочего», напечатал там статью о Бородино¹⁷².

Схожим образом использовалась апелляция к историческим примерам и в другом областном центре Урала – Молотове, где, как и в Свердловске, историков готовили в университете и в педагогическом институте. В передовице обкомовской газеты «Звезда» 12 июля 1941 г. упоминалась победа над *псами-рыцарями* 1242 г., над поляками в 1612 г., над Наполеоном в 1812 г. и над *полчищами* «белогвардейцев и интервентов» в годы Гражданской войны. Что же до участия уральцев в этих событиях, то в статье заявлялось: «Молотовцы героически сражались за молодую Советскую Россию в годы гражданской войны... Молотовцы, совместно с другими частями Красной Армии, разбили белогвардейские полчища Колчака»¹⁷³. Отметим, что город Пермь был переименован в Молотов, а Пермская область – в Молотовскую только в 1940 г. Однако автор(ы) передовицы, хотя и упомянули общерусские исторические события, имевшие место быть и до 1917 г., не смогли привлечь схожий местный дореволюционный материал, оперируя только советскими *молотовцами*, а не, например, *пермяками*, чью историю можно было отсчитывать с XV–XVI вв.

Получалось, что в рамках транслируемого из центра историко-патриотического дискурса о славной и успешной борьбе с завоевателями и внешними врагами, который на местах должны были подхватывать уже конкретные ответственные учреждения и лица, деяниям уральцев и всего Урала не находилось места. Что же до *разгрома Колчака* и освобождения Урала, то данный эпизод Гражданской

---

¹⁷⁰ См.: Шатагин Н. И. Разгром «псов-рыцарей» на Чудском озере // Урал. рабочий. 1941. 18 июля. № 168.

¹⁷¹ См.: Черноухов А. В. Исторический факультет Свердловского университета, 1938–1945. Екатеринбург : [НПМП «ВОЛОТ»], 2008. С. 31.

¹⁷² См.: Панфилов А. П. Бородино // Урал. рабочий. 1941. 7 сент. № 212.

¹⁷³ Великое народное ополчение // Звезда. 1941. 12 июля. № 163.

войны, у которого вдобавок были сложности с героической персонафикацией из-за того, что многие советские деятели такого освобождения во время репрессий 1937–1938 гг. были превращены во «врагов народа», выглядел довольно блекло и, что принципиально, не позволял сконструировать хоть сколько-нибудь протяженное повествование о славном участии Урала в защите страны. В связи с этим не случайно празднование освобождения Урала от Колчака после 1941 г. практически сходит на нет.

В то же время, как отмечает К. Д. Бугров, «в соответствии с трансформациями советской культуры конца 1930-х гг.» в представлениях об Урале как о кузнице обороны «возникало историческое измерение, простиравшееся до эпохи Суворова и еще раньше. Связь между оборонной мощью страны и уральской индустрией, акцентированная в годы первой пятилетки, оказалась “опрокинута” в прошлое: если Суворов и Кутузов – славные предшественники РККА, то и уральская индустрия когда-то снабжала Суворова точно так же, как она сегодня снабжает РККА»¹⁷⁴. Другое дело, что такому очевидному – с ретроспективной позиции – опрокидыванию препятствовал дискурс *демидовщины*. Да, социалистический Урал был объявлен *крепостью обороны*, но это произошло под лозунгами борьбы с *демидовским Уралом*, который был символом угнетения рабочих, включая их творческие потенции, и технической отсталости. Такой Урал не мог быть объявлен исторической крепостью обороны без отхода от дискурса *демидовщины*. Однако последний, помимо прочего, в регионе также блокировал изучение дореволюционной истории, выходявшее за пределы тематики классовой борьбы. Как результат, на такое положение дел обратили внимание даже в Москве. Так, 15 февраля 1941 г. «Уральский рабочий» сообщал, что 14 февраля «состоялась встреча преподавателей исторических наук вузов» Свердловска «с членом-корреспондентом Академии наук тов. А. В. Шестаковым», который заявил, «что историческая работа в Свердловске отстает от задач, стоящих сейчас перед историческим фронтом. Крупнейшим недостатком в работе историков Свердловска является то, что они не занимаются разработками проблем истории Урала».

---

¹⁷⁴ Бугров К. Д. Соцгорода Большого Урала. С. 104–105.

«Для ликвидации этого отставания тов. Шестаков выдвинул перед историками ряд задач. В частности, необходимо при чтении курсов по истории СССР и основам марксизма-ленинизма в вузах больше пользоваться примерами из истории Урала; ввести семинары по истории Урала; факультативные курсы по истории Урала в университете и педагогическом институте, создать хрестоматию по истории Урала», а также организовать работу «над докторскими и кандидатскими диссертациями по истории Урала». Более того, он даже «выдвинул мысль о создании при Уральском филиале Академии наук отдела истории Урала»¹⁷⁵. В связи с этим уже 4 мая 1941 г. сообщалось, что «Свердловский государственный университет разворачивает большую работу по изучению истории Урала. С начала нового учебного года, т. е. с сентября 1941 г., предполагалось организовать на историческом факультете “специальные курсы”. Предметом изучения на них явятся такие темы: крепостной Урал, история революционного движения на Урале. Создаются семинары по истории Урала, на которых студенты ознакомятся с архивными фондами». Кроме того, сообщалось о работе над двумя кандидатскими диссертациями по темам «Год великого перелома в уральской деревне» и «Екатеринбургский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году»¹⁷⁶. Понятно, что к 22 июня 1941 г. такие меры не могли дать значимого результата.

В такой непростой ситуации на помощь пришли эвакуированные специалисты из центра СССР, которые в том числе не были скованы региональным дискурсом о *демидовском Урале*. Осенью 1941 г. ответственным редактором газеты Свердловского обкома ВКП(б) был назначен известный столичный журналист Л. С. Шаумян. К концу 1941 г., как вспоминал Х. Гериханов, «в редакции родилась идея обратиться с новогодним письмом» к И. В. Сталину. «Обком партии горячо поддержал эту инициативу. К сочинению текста письма Л. Шаумян привлек известную поэтессу Агнию Барто, заведующих отделами редакции Иосифа Ликстанова и Сергея Александрова.

---

¹⁷⁵ Цит. по: Встреча преподавателей-историков с членом-корреспондентом Академии наук СССР А. В. Шестаковым // Урал. рабочий. 1941. 15 февр. № 38.

¹⁷⁶ См.: Изучение истории Урала // Там же. 4 мая. № 103.

Трудились они усердно, спорили отчаянно, обращались за советом, как к третьейскому судье, к секретарю обкома партии Ивану Степановичу Пустовалову. Проект письма был напечатан в виде плаката массовым тиражом и разослан по области»¹⁷⁷. Затем 1 января 1942 г. «Уральский рабочий» опубликовал новогоднее письмо уральцев Сталину, которое, как сообщалось, было «обсуждено на всех предприятиях, в колхозах, МТС, совхозах, в учреждениях и учебных заведениях Свердловской области» и подписано более чем миллионом человек. Этот документ, помимо прочего, содержал такие слова: «Не впервой нам ковать мечи. Уральская летопись запечатлела на своих страницах славных кузнецов – мастеров оружия. Из рода в род до наших дней пронесли они тайну сплавов, секреты хитрой варки высококачественных сталей. Новых богатырей труда породил сегодня сталинский Урал. Храня древние традиции своего ремесла, вооружившись сложной техникой, точной наукой, мастера Урала куют надежное оружие для Красной Армии». Кроме того, в текст письма были помещены такие стихи:

Уральцы бьются здорово –
Им сил своих не жаль!
Еще в штыках Суворова
Горела наша сталь¹⁷⁸.

Эти строфы были частью стихотворения А. Л. Барто «Уральцы бьются здорово», которое она, оказавшись в эвакуации в Свердловске, подала на конкурс массовых песен «Урал – кузница оружия для фронта Великой Отечественной войны». Похоже, что использованные Барто образы оказались весьма убедительными и привлекательными, так что их еще до подведения итогов конкурса с одобрения ключевой партийной инстанции использовали в таком важном тексте, как публичное письмо Сталину. Заметим, что, согласно ее мемуарам, текст был одобрен и П. П. Бажовым¹⁷⁹, который к этому времени

---

¹⁷⁷ Гериханов Х. Кабинет редактора // Урал. следопыт. 1985. № 5. С. 47.

¹⁷⁸ Новогоднее письмо уральцев товарищу Сталину // Урал. рабочий. 1942. 1 янв. № 1.

¹⁷⁹ См.: Барто А. Собрание сочинений. Т. 1 : Проза. М. : Худож. лит., 1981. С. 347.

занимал важную позицию руководителя Свердловского отделения Союза советских писателей. В связи с этим неудивительно, что 17 февраля 1942 г. Барто присудили первую премию и организовали «соревнование композиторов по созданию музыки» на ее текст¹⁸⁰. В итоге на стихотворение Барто написали музыку ряд композиторов, включая А. И. Хачатуряна и Т. Н. Хренникова. Правда, при этом Барто изменила первоначальный вариант текста, который после присуждения премии был полностью опубликован 18 февраля на страницах «Уральского рабочего». Из него был убран первый куплет, где повествовалось про атаку уральских танков и встречу под Ельцом немца «с уральским бойцом», а из припева исчезли слова про стахановские станки, слово Сталина и большевиков¹⁸¹, благодаря чему в произведении более четкое выражение получила тема «Урал – кузница оружия».

Строфы из этого произведения А. Барто довольно быстро стали использовать в качестве лозунгов¹⁸². При этом, как видно из новогоднего письма Сталину, в ее стихотворении уже в конце 1941 г. выскательного читателя стал цеплять исторический мотив со связкой между *штыками Суворова* и *уральской сталью*. В конце концов, сама редакция лишь в общих чертах обозначала, что уральцам *не впервой ковать мечи*¹⁸³. Барто же этими строфами добавляла исторической конкретики, связанной со славными событиями и именами дореволюционной русской военной истории, пусть такая находка и была порождением поэтических интуиции и воображения, а не результатом глубоких исторических изысканий. Соответственно *новогоднее письмо* только открывало использование этих строф. Уже 22 февраля 1942 г. в связи с постановкой в Свердловске оперы «Суворов» извещалось, что «трудящиеся Урала, не покладая рук куящие оружие победы над врагом, гордятся тем, что “еще в штыках

---

¹⁸⁰ См.: Результаты конкурса на песню «Урал – кузница оружия» // Урал. рабочий. 1942. 18 февр. № 41.

¹⁸¹ См.: Барто А. Уральцы бьются здорово // Там же; Песни Великой Отечественной войны. Вып. 2 : Уральский сборник. Свердловск : Союз сов. композиторов ; Редакция газеты «Уральский рабочий», 1942. С. 6.

¹⁸² См.: Бугров К. Д. Соцгорода Большого Урала. С. 104.

¹⁸³ Об образе меча см. параграф 4.2 настоящей работы.

Суворова горела наша сталь!»¹⁸⁴. Далее корреспондент ТАСС 12 марта 1942 г. сообщал, что начальник цеха Уралмаша Мезенцев, посещавший с делегацией трудящихся Свердловской и Омской областей Ленинградский фронт, заявил, что *трудящиеся Урала свято хранят «традиции уральских оружейников, кузнецов смертоносного оружия против врагов нашего отечества. Еще в штыках Суворова горела наша уральская сталь!»*¹⁸⁵. Затем 12 мая 1942 г. было опубликовано сообщение об организации в Свердловске горкомом ВКП(б) лектория по истории Урала, где предполагалось прочитать восемь лекций, в том числе «“Еще в штыках Суворова горела наша сталь” (первые оружейники и первая оборонная промышленность на Урале)»¹⁸⁶.

Таким образом, А. Барто четко попала в требуемый исторический образ, который связывал настоящее уральской индустрии, работающей на фронт, с ее прошлым в положительном ключе. Другое дело, что такая образная связка еще не представляла собой полноценного рассказа о славном боевом прошлом индустриального Урала. Эту работу должны были проделать уже специалисты по истории. И одним из таких специалистов стал оказавшийся как нельзя кстати в эвакуации в Свердловске историк техники из Ленинграда и лауреат Сталинской премии (1942) В. В. Данилевский.

В. В. Данилевский на Урале активно занялся как продолжением своих научных изысканий, так и историко-пропагандистской публицистикой¹⁸⁷. В интервью газете «Уральский рабочий», опубликованном 26 июня 1942 г., Данилевский рассказывал, что до 1941 г. он, как историк техники, занимался «вопросами русской истории, связанными с развитием Урала и работой его замечательных людей», что

---

¹⁸⁴ Опера «Суворов» // Урал. рабочий. 1942. 22 февр. № 45.

¹⁸⁵ Делегация Урала и Сибири на Ленинградском фронте // Там же. 13 марта. № 61. В книге, изданной в блокадном Ленинграде в 1942 г., эти слова передавались так: «Нам, уральцам, не впервые ковать мечи победы. Еще в штыках Суворова блеснула наша сталь!» (*Воронов Н.* Вся страна с героическим Ленинградом. Л., 1942. С. 12).

¹⁸⁶ См.: Лекторий по истории Урала // Урал. рабочий. 1942. 12 мая. № 110.

¹⁸⁷ Об этом подробнее см.: *Шаманаев А. В.* Актуализация культурного наследия в контексте историко-патриотической пропаганды: публикации В. В. Данилевского периода Великой Отечественной войны // Вестн. гуманитар. образования. 2020. № 3. С. 37–45.

получило отражение в его книгах «История гидросиловых установок России до XIX века» (1940) и «И. И. Ползунов. Труды и жизнь первого русского теплотехника» (1940), за которые он и получил в 1942 г. Сталинскую премию. После этого он так говорил о своих текущих занятиях: «В настоящее время я продолжаю работу по уральским материалам, поставив своей задачей осветить тот вклад, который на протяжении истории русского государства внесен уральцами, особенно в связи с развитием Урала как оборонной промышленной базы страны».

Данилевский в связи с этим объявлял, что им «собраны и изучены документы, *освещающие по-новому труд уральцев*». Согласно его наблюдениям «уральцы хорошо слышали призыв Минина и Пожарского и достойно помогли в борьбе за общерусское дело. ... Отряд за отрядом отправлял в те грозные годы Урал для защиты родины “со всяким ратным боевым оружием”. ... Со времени возникновения заводов на Урале наш край стал одним из основных arsenалов страны. В дни Полтавской баталии, в дни побед Семилетней войны, во время славных походов Суворова действовали не только уральские пушки и ядра, но и сами уральцы сражались за родину. ... Уральские полки... имели георгиевские знамена за разгром Наполеона, за Севастополь и другие подвиги. В 1918 году уральцы... приняли деятельное участие в разгроме немецких интервентов». И уже сейчас, по Данилевскому, «в дни великой отечественной войны, *продолжая славные боевые традиции*, уральцы с небывалой силой вместе со всем советским народом наносят врагу удар за ударом». И в самом конце интервью Данилевский заявлял: «В архивах центра и Урала удалось найти много новых документов о производстве вооружений на уральских заводах со времени их возникновения, показывающих значительно большую, чем обычно считалось, роль Урала в прошлом, как кузницы оружия»¹⁸⁸.

В связи с этим отметим, что в рамках идеологической мобилизации в Свердловском областном государственном архиве после 22 июня 1941 г., как отмечает исследователь Е. В. Огуренко, также

---

¹⁸⁸ Цит. по: Уральцы в борьбе за родину // Урал. рабочий. 1942. 26 июля. № 175.

начали вести работу по проблеме исторической роли Урала в обороне и к концу 1941 г. предложили к публикации в том числе такие темы статей: «Помощь Урала в борьбе с Пруссией в 1756–1761 гг.» (А. И. Басс), «Помощь Урала в разгроме наполеоновской армии в 1812 году» и «Уральцы в борьбе против немецких захватчиков в 1918 г.» (Е. П. Третьякова). Е. П. Третьякова была специалистом московского Центрального государственного архива Октябрьской революции, которая, оказавшись в Свердловске в эвакуации, 14 августа 1941 г. была «назначена старшим инспектором организационно-методического отделения Архивного отдела УНКВД по Свердловской области»¹⁸⁹. Уже 5 сентября 1942 г. она опубликовала в «Уральском рабочем» статью по упомянутой теме о 1918 г., где в самом начале заявила: «Люди *седого Урала* не впервые доказывают свою преданность родине, не впервые они отдают все свои силы для победы над врагом. С самого начала возникновения уральских заводов, т. е. с времен Петра I, уральцы плавил чугун и железо, отливали пушки и ядра. В 1760 году, при взятии Берлина, русские войска били немцев из пушек, отлитых уральцами, из чугуна с уральских домен. Из уральской стали и железа было сделано оружие русской армии, прославившееся в знаменитых суворовских походах и в период Отечественной войны 1812 года»¹⁹⁰. Эти тезисы она повторит в книжке, вышедшей в 1942 г., сопроводив их касательно 1812 г. ссылками на архивные документы о поставках уральскими заводами боеприпасов и оружия в 1811–1813 гг.¹⁹¹

Далее в том же году в Свердловске издаются два знаковых литературно-публицистических сборника – «Сталинский Урал», приуро-

---

¹⁸⁹ См.: *Огуренко Е. В.* Научно-издательская работа Свердловского областного государственного архива в начале 1940-х гг. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 17. Екатеринбург, 2017. С. 30; *Его же.* Научно-издательская работа Свердловского областного государственного архива в начале 1940-х гг. // Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее : сб. материалов III Международ. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. Т. В. Кузнецовой, Москва, 23–24 марта 2017 г. М. : ТЕРМИКА.РУ, 2017. С. 349.

¹⁹⁰ *Третьякова Е. П.* Уральцы в борьбе против немецких захватчиков в 1918 г. // Урал. рабочий. 1942. 5 сент. № 210.

¹⁹¹ См.: *Третьякова Е. П.* Уральцы в Отечественной войне против германских захватчиков в 1918 г. Свердловск : Госполитиздат, 1942. С. 12–13.

ченный к 25-летию Октября, и «Говорит Урал». В каждом из них В. В. Данилевский представил статьи об истории Урала. В первом сборнике, предстоящий выход которого рекламировался еще 9 августа 1942 г.¹⁹², он опубликовал статью «Урал в борьбе за родину», где написал и про то, что «немало людей послал Урал в те дни, когда раздался призыв Минина», и про то, что при Петре I «Урал стал могучей основой для обороны страны», после чего на протяжении XVIII в. «караваны, сплавливающиеся на запад, везли с Урала все, что было необходимо для обороны страны». Соответственно «под Кинбурном и у Очакова, под Измаилом и в теснинах Альп побывал везде уральский металл, послуживший крепко во славу родине». Кроме того, «в годы Семилетней войны... в передовых отрядах русской армии были уральцы, записавшие в русскую историю подвиги при взятии первых же городов у врага. Продолжали тогда свой боевой труд уральские люди до тех дней, когда, находясь в составе отряда графа Чернышева, вступили в 1760 году в Берлин». В то же время Данилевский не забыл отметить, что «труд и оборона родины с оружием в руках» сочеталась «с революционной борьбой», и указал на восстания на Урале в XVIII в. Кроме того, Данилевский писал и про успехи техники на Урале этого времени, демонстрировавшие творческие способности народа. В этой логике Данилевский излагал и историю XIX–XX вв. вплоть до Гражданской войны и Халхин-Гола, отметив, что «впервые с полной силой зазвенела слава Урала в советские дни»¹⁹³.

Во втором из упомянутых сборников, выход из печати которого 4 ноября 1942 г. был на следующий же день прорекламирован в «Уральском рабочем»¹⁹⁴, В. В. Данилевский напечатал статью с говорящим названием «Древняя слава Урала». В ней он писал про роль Урала в истории России XVI в., в преодолении Смуты начала XVII в., в присоединении Сибири, а также о развитии в регионе металлургии в XVII в., делая такое заключение: «Славой увенчанный встретил

---

¹⁹² См.: Литературная хроника // Урал. рабочий. 1942. 9 авг. № 187.

¹⁹³ Данилевский В. В. Урал в борьбе за Родину // Сталинский Урал: XXV лет Октября. Свердловск, 1942. С. 13–48. См. также положительный рецензионный отклик об этой статье: Цвик Г. «Сталинский Урал» // Урал. рабочий. 1943. 31 янв.

¹⁹⁴ См.: Литературно-художественный сборник «Говорит Урал» // Там же. 1942. 6 нояб. № 263.

Урал XVIII в. ...Столетия был Урал оплотом восточной политики страны»¹⁹⁵. При этом следует отметить, что Данилевский на Урале отнюдь не ограничивался в такой историко-пропагандистской деятельности только печатными высказываниями и активно выступал с лекциями. Например, как сообщала 20 августа 1943 г. газета Молотовского обкома ВКП(б) «Звезда», «в Молотове, Соликамске, Березниках, Красновишерске» Данилевский должен был представить обзор «Древняя слава Урала»¹⁹⁶.

Итак, с одной стороны, В. В. Данилевский, как и Е. П. Третьякова, писал об уральских *славных боевых традициях* дореволюционного Урала, которые он даже проследил до начала XVII в. С другой стороны, цитированное выше интервью Данилевского показывает, что речь шла о *новом освещении* истории. Получалось, что Данилевский и Третьякова представляли как настоящие изобретатели традиции. Их рассуждения об Урале как исторической кузнице оружия и о вкладе уральских заводов и уральцев в оборону страны действительно оказывались новаторскими и даже революционными по сравнению с изображением прошлого в дискурсах о *старом Урале* рубежа XIX–XX вв. и о *деמידовском Урале* 1920–1930-х гг. Едва ли все их тезисы были корректными с научной точки зрения, не обошлось без преувеличения роли Урала как кузницы оружия в XVIII в.¹⁹⁷ Однако в рамках происходившей патриотической мобилизации такие преувеличения были вполне допустимы.

Таким образом, В. В. Данилевский и Е. П. Третьякова оказывались участниками важного изменения представлений о прошлом Урала как индустриального региона. Конечно, такой переворот намечался

---

¹⁹⁵ Данилевский В. В. Древняя слава Урала // Говорит Урал. Свердловск : Свердловгиз, 1942. С. 298–318.

¹⁹⁶ См.: Литературные вечера писателей // Звезда. 1943. 20 авг. № 172.

¹⁹⁷ О проблеме преувеличения вклада уральской металлургии в победу России в Северной войне см., например: Ляпин В. А. Пушки сибирского литья // Родина. 2009. № 7. С. 14–15; Курлаев Е. А. О статистике производства пушек на Урале в первой четверти XVIII в. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения : материалы XIV Всерос. науч. конф. Т. 1 / глав. ред. В. В. Запарий. Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2020. С. 104–112; Его же. Промышленное освоение Урала: о статистике производства боеприпасов // Двенадцатые Татищевские чтения / отв. ред. И. В. Побережников. Екатеринбург : Изд-во КВАДРАТ, 2020. С. 377–384.

и до 1941 г., вспоминая рецензию А. Ивича 1940 г., и его ждали, если вспомнить реакцию на суворовские строфы А. Барто. Тем не менее именно Данилевский и Третьякова, опираясь на свои исторические знания, стали наполнять практически *все* прошлое индустриального Урала славными деяниями последнего во имя обороны страны. При этом на читателей текстов Данилевского дополнительное воздействие оказывало то, что историк уже получил весьма высокое звание лауреата Сталинской премии, благодаря чему его высказывания освящались и авторитетом имени вождя. При этом схожесть рассуждений Данилевского и Третьяковой могла быть вызвана как общим поиском исторических формул, необходимых в текущем моменте для пропаганды, подкрепляемым наблюдениями над архивными документами, так и совместными работами и обсуждениями. По крайней мере, Данилевский позднее осуществлял общее руководство работами коллектива архивных сотрудников над сборником «Урал в Отечественной войне 1812 года», в состав коллектива входила и Третьякова¹⁹⁸.

Построения В. В. Данилевского и Е. В. Третьяковой уже в 1942 г. начинают быстро завоевывать популярность и повторяться в разных вариациях. Именно с опорой на исторические выкладки Данилевского секретарь Свердловского обкома ВКП(б) по агитации и пропаганде И. С. Пустовалов в предисловии к сборнику «Сталинский Урал», отдав должное достижениям большевиков по преобразованию Урала, так связал современность региона с его историей: «Люди Урала всегда служили делу победы великой Родины: от чердынских посадских людей, шедших выручать Москву, до героев уральских гвардейских дивизий на фронтах Отечественной войны, от старых славных уральских оружейников до молодых сталеваров Свердловска и Тагила. Недюжинные таланты свои отдавали и отдают патриоты на процветание Урала – боевой кузницы государства Российского: от птенца Петрова – инженера-артиллериста и историка Татищева, по указу Петра I управлявшего уральскими заводами, до молодого советского инженера-конструктора Ханина на энском уральском

---

¹⁹⁸ См.: Урал в Отечественной войне 1812 года / под ред. В. В. Данилевского. Свердловск : Свердловгиз, 1945. С. 4.

заводе; от первого русского теплотехника, человека великих дерзаний – уральца Ивана Ивановича Ползунова, создавшего в 1763 г. первую в мире паровую машину, до лауреатов Сталинской премии – замечательного бурщика-уральца Иллариона Янкина и изобретателя-фрезеровщика Дмитрия Филипповича Босого... от старых рудознатцев XVIII века Ивана Патрушева и Федора Молодого до славных советских патриотов сталеваров Нуруллы Базетова, Ибрагима Валеева и рудокопа Ивана Завертайло»¹⁹⁹.

Кроме того, 26 декабря 1942 г. в «Уральском рабочем» в рубрике «В помощь агитатору» была напечатана статья «Урал – важнейший арсенал страны», где в первых строках заявлялось: «Издавна славится Урал своими заводами и великолепными мастерами. ...Каждый раз, когда над родиной нависала опасность, Урал – кузница грозного оружия – снабжал нашу армию всеми видами вооружения и боеприпасов. Слава об уральском оружии, о его мастерах живет века». После этого отмечалось, что уральским оружием побеждали армии от Петра I и А. В. Суворова до XX в., когда «хваленая немецкая армия кайзера Вильгельма чувствовала, как хорошо действует уральское оружие в руках русского солдата. Это уральские пушки разрушали австро-германские укрепления в дни брусилковского прорыва и расчищали путь для нашей пехоты. Первые красногвардейские отряды под Псковом и Нарвой, нанося удар немцам, были вооружены и уральским оружием. Из уральского оружия стреляли и партизаны Щорса, когда они гнали немецких оккупантов из Украины». Впрочем, в этой статье все же было указано и на огромное влияние социалистических преобразований, благодаря которым «Урал превращен в стеновой хребет нашей обороны, в могучий военный арсенал Советского Союза. Не узнать сейчас старый седой Урал»²⁰⁰.

О том, что подобный взгляд на историю Урала был новацией, распространявшейся из Свердловска, говорит следующее. Весной 1942 г. в Молотове была опубликована популярная книжка о К. М. Минине и Д. М. Пожарском. Ее автор, Г. А. Замятнин, уроженец Слобод-

---

¹⁹⁹ Пустовалов И. С. Предисловие // Сталинский Урал: XXV лет Октября. Свердловск : Госполитиздат, 1942. С. 9.

²⁰⁰ Урал – важнейший арсенал страны // Урал. рабочий. 1942. 26 дек. № 304.

ского Вятской губернии, бывший с 1940 г. заведующим кафедрой всеобщей истории Молотовского педагогического института, задаваясь вопросом об участии Перми (т. е. даже не Урала!) «во втором ополчении», писал, что «отрядов пермичей, вероятно, в Ярославле не было». Правда, затем он утверждал, что «можно уверенно говорить, что Пермь имела прочную связь со вторым ополчением». Итоговый вывод Замятина был такой: «Пермь не стояла в стороне от великого национального движения. Не принимая непосредственного участия во втором ополчении, Пермь жила одними мыслями и чувствами с освободителями от польской тирании»²⁰¹.

Итак, можно сказать, что Замятин понимал важность идеи исторического участия населения Прикамья в обороне страны, в связи с чем он оперировал не *молотовцами*, а *пермяками*, которые в 1942 г. уже упоминались на страницах молотовской газеты «Звезда»²⁰². В то же время он не смог подобрать необходимой фактуры или даже додумать ее, ограничившись мыслью о том, что Пермь морально сочувствовала второму ополчению в 1612 г. Более того, в статье про Минина и Пожарского, опубликованной в апреле 1942 г. в «Звезде», Замятин вообще не упомянул ни Пермь, ни Урал²⁰³.

В то же время В. В. Данилевский развернуто характеризовал роль Урала в обороне страны во время Смуты, в том числе отметил следующее про участие *Пермской земли* в борьбе против «врагов Родины»: «Посылали в тот (1609 г. – М. К.) и в последующие годы людей “со всяким ратным боевым оружием”, везли “городовой наряд, и зелье, и селитру, и свинец”». Далее Данилевский привел факт отправки в 1611 г. ратных людей из Чердыни «под Москву» и ряд иных

---

²⁰¹ Замятин Г. А. Минин и Пожарский. Молотов : Молот. обл. изд-во, 1942. С. 27–29.

²⁰² См.: «Патриотический почин пермяков и кунгурцев был широко подхвачен всеми коллективами»: (Воскресник железнодорожников) // Звезда. 1942. 2 авг. № 182.

²⁰³ См.: Замятин Г. А. Минин и Пожарский // Там же. 1942. 3 апр. № 79. Отметим, что в начале 1942 г. в «Звезде» вышла статья историка С. М. Томсинского из Молотовского педагогического института про М. И. Кутузова, где опять не нашлось места Уралу (см.: Томсинский С. М. Великий русский полководец М. И. Кутузов // Звезда. 1942. 6 янв. № 4).

сведений такого рода²⁰⁴. И вот уже в альманахе «Прикамье» (№ 6), сданном в набор в декабре 1942 г., заместитель председателя Молотовского облисполкома В. Ф. Тиунов написал про *славную историю* «старого Урала» и что «уральская промышленность и в прошлом складывалась как арсенал страны», после чего фактически воспроизвел процитированное выше утверждение Данилевского, упростив его через привязку к знакомым широкой аудитории именам Минина и Пожарского, а также убрав не всем понятное устаревшее слово «зелье» (т. е. порох) и пояснив такое же устаревшее слово «наряд» (т. е. пушки с принадлежностями): «В годы 1611–1612, когда Минин и Пожарский поднимали народ на борьбу против польских оккупантов, – с Урала, из Чердыни, Соли Камской, на помощь Москве шли ратные люди со своим “городовым нарядом” – с пушками, со своей селитрой и свинцом»²⁰⁵.

Итак, новационный образ исторического вклада Урала в оборону страны, созданный в Свердловске в 1942 г., прежде всего эвакуированными интеллектуалами, стал активно тиражироваться и развиваться, в том числе и в поэзии. Так, работавший в Свердловске К. Г. Мурзиди в «Стихи о Свердловске» 1942 г. ввел А. В. Суворова, который, будучи в Швейцарском походе, оперся «на ствол уральской пушки. Там же Мурзиди писал, что Екатеринбург

...На Бородинском поле
Поминали русские добром!

Кроме того, поэт посвятил затем отдельное стихотворение «На Альпах» диалогу Суворова с уральцем-пушкарем, отлившим пушку «для великих боев», а в стихе «Горный щит» написал про переход войсками Наполеона русской границы в 1812 г. и про то, что

Есть мастера на чугуноплавильном заводе,
Крепкие люди за старым уральским хребтом.

---

²⁰⁴ См.: Данилевский В. В. Древняя слава Урала. С. 304.

²⁰⁵ Тиунов В. Ф. Четверть века // Прикамье. № 6. Молотов : Молот. обл. изд-во, 1942. С. 10.

И один из таких мастеров обещал «готовить чугунные ядра да пушки» и «стараться» иноземному «генералу на страх»²⁰⁶.

Исторический вклад уральского оружия от Петра Великого до Великой Отечественной войны был также воспет в 1943 г. в поэме «На Урале» С. А. Васильевым, который вдохновился газетным очерком известного писателя А. А. Первенцева от 21 октября 1942 г., опубликованном в столичных «Известиях»²⁰⁷. Первенцев же, в свою очередь, прямо или опосредованно опирался на идеи В. В. Данилевского, на что указывает его утверждение о помощи, оказанной Пермью Великой Минину и Пожарскому²⁰⁸. Получалось, что мобилизационная роль таких исторических рассуждений признавалась на уровне столицы, и соответственно они стали тиражироваться на всесоюзном уровне. Например, во флотской газете «Красный флот» в начале 1943 г. была опубликована статья В. Хандроса с емким названием «Урал», где в духе Данилевского давался очерк истории региона, после чего заявлялось: «Урал – старый седовласый воин. Уральскую булатную сталь ковал еще Петр I. Она сверкала на полях Полтавы, в викториях Суворова и Кутузова... Чугунные ядра Урала выбили ключи Берлина из рук Фридриха... Но никогда еще не воевал уральский богатырь так яростно и славно, как в наши дни Великой Отечественной войны»²⁰⁹.

В 1943 г. в Челябинске ленинградский историк В. Н. Бернадский опубликовал популярную книжку «Грозная слава Урала» об уральской металлургии первой трети XVIII в., которую завершал таким выводом: «Урал XVIII века – это Урал крепостной, с беспощадной, кровавой, хищнической эксплуатацией трудящегося люда. Но крепостной труд в те времена еще мог создавать предпосылки для развития производства. ...Урал приобрел значение главной базы русской военной промышленности. Пушки из уральского железа и меди громили шведов под Полтавой. Позднее, в середине XVIII в., в семилетнюю войну, уральские пушки рассеивали ряды прусских войск

---

²⁰⁶ Мурзиди К. Уральское солнце. [Б. м.] : Сов. писатель, 1946. С. 15–26.

²⁰⁷ См. об этом параграф 3.2 настоящей работы.

²⁰⁸ См.: Первенцев А. А. Уральские пушкеры // Известия. 1942. 21 окт. № 248.

²⁰⁹ Хандрос В. Урал // Красный флот. 1942. 28 янв. № 22.

и принудили к сдаче столицу Пруссии Берлин. Уральским же оружием бились суворовские “чудо-богатыри”. Такова старинная грозная слава Урала. Возрожденный в годы сталинских пятилеток Урал стал величайшей кузницей смертоносного орудия для истребления подлого врага»²¹⁰. Тезис об Урале как кузнице оружия при рассуждениях о жестокой эксплуатации рабочих, позволял до определенной степени ее принять как зло, нужное для защиты страны, а сталинская индустриализация в такой логике оказывалась *возрождением* славного прошлого, избавленного, как утверждалось, от такого зла крепостничества.

Уже в 1944 г. в молотовском сборнике «Уральцы в боях за Родину» во вводной статье сообщалось: «Боевая продукция и героизм воинов седого Урала прославлены в битвах с врагами Отчизны во все времена и всюду, как только Родине угрожала опасность. В грозные времена XVII века... пошли дружины уральцев со своим оружием защищать далекую, но родную Москву, свободу и независимость Отчизны. ...Столетиями ковалась военная слава Урала. За Петром шли отважные наши предки со своими пушками и в Полтавской битве одержали блистательную победу над врагом, овевя силу и оружие Урала. Они переходили с Суворовым неприступные Альпы. Знамена екатеринбургских и пермских полков победно развевались на полях битв с Наполеоном. Не жалея крови и жизни своей, уральцы героически сражались за великую Октябрьскую социалистическую революцию»²¹¹.

Кроме того, в том же 1944 г. в Молотове напечатали роман «На старом Урале» И. С. Сигова, который, как отмечалось выше, еще в конце XIX в. был одним из обличителей (полу)крепостнического быта *старого Урала*. Издательство сопроводило публикацию специальным предисловием, открывавшимся таким заявлением: «Исторические заслуги Урала и уральских рабочих перед страной поистине огромны. Крупные заводы на Урале возникли при Петре Великом, в самом начале 18 в., и в первое столетие своего существо-

---

²¹⁰ *Бернадский В. Н.* Грозная слава Урала. Челябинск : Челябингиз, 1943. С. 36–37.

²¹¹ Цит. по: *Моровиков В. К.* Во имя Победы // Уральцы в боях за Родину. Молотов : Молот. обл. изд-во, 1944. С. 4.

вания уральская промышленность достигла больших успехов. Уральский крепостной рабочий своим трудом и страданиями обеспечил страну металлом и поставил Урал на первое место в мире по производству железа. Урал стал кузницей русского оружия. Из уральского чугуна, железа и меди лили пушки и ядра. Победы Петра Великого, победы Суворова и Кутузова были одержаны при помощи пушек, ружей и холодного оружия, в изобилии производившихся из уральского металла». Лишь после этого отмечалось, что «если при Петре Великом крепостное право способствовало развитию промышленного Урала, то позже, в эпоху расцвета капитализма, оно явилось тормозом этого развития. ...Жестокая эксплуатация рабочих и полный произвол администрации как на казенных, так и на частных заводах... бесчеловечное обращение с рабочими со стороны управляющих и приказчиков, вызывали все больше и больше народный протест и приводили к частным волнениям и восстаниям на заводах Урала. Только советский строй раскрепостил уральского рабочего и открыл для промышленности Урала безграничные возможности развития. Урал стал базой советской тяжелой индустрии и кузницей грозного для врагов оружия»²¹².

Итак, если в конце XIX в. для Сигова *старый Урал* рассматривался исключительно сквозь негативную историю крепостничества, то к 1944 г. такое крепостническое прошлое в рамках представлений об исторической роли Урала как *кузницы оружия* воспринималось существенно сложнее и приобретало положительные моменты и эпизоды, которые как раз и можно было успешно использовать при идеологической мобилизации во имя Победы. Например, в наказе Уральскому добровольческому танковому корпусу от трудящихся Свердловской области (апрель 1943 г.) была помещена такая апелляция к истории, где совместились суворовская строфа А. Барто с видением В. В. Данилевского и Е. П. Третьяковой роли Урала в Северной войне: «Из рода в род передается на Урале воля к победе и упорство в труде. Наши деды по приказу Петра I отливали пушки и ядра для войны со шведами, “в штыках Суворова горела наша сталь”».

---

²¹² Предисловие // Сигов И. С. На старом Урале. Молотов : Молот. обл. изд-во, 1944. С. 3.

Преемники старых литейщиков постигли тайны мощных сплавов, открыли секреты титановых магнетитов»²¹³.

Такие кардинальные сдвиги в переоценке прошлого индустриального дореволюционного Урала позволяли уже на новом уровне вернуться к образу *седого Урала*, который вновь начинает набирать популярность. Уже в октябре 1941 г. в передовице «Уральского рабочего» писалось про «наш седой Урал». Правда, при этом отмечалось, что он был «заново открытый большевиками... Оснащенный передовой техникой, покрытый сетью новых и обновленных заводов»²¹⁴. Схожим образом в одной из статей ноября 1941 г. отмечалось, что «рабочий класс в годы сталинских пятилеток преобразовал седой Урал в край новейшей индустрии»²¹⁵. Однако с конца 1941 г. *седой Урал* также упоминался на страницах «Уральского рабочего» без таких комментариев²¹⁶. Уже в ноябре 1942 г. отмечалось, что «седой Урал стал кузницей боевого оружия»²¹⁷, в январе 1943 г. в передовице указывали на «мощь седого Урала»²¹⁸, а в другой передовице, опубликованной в ноябре того же года, Свердловск назывался *столицей седого Урала*²¹⁹. Теперь *Седой Урал* оказывался не просто краем рабочих, которые из-за крепостнического гнета с трудом проявляли свои творческие потенции и демонстрировали свою субъектность – прежде всего в классовой борьбе за освобождение. *Седой Урал* представлялся регионом, чьи мастера со старых времен снабжали русскую армию хорошим оружием, благодаря чему она могла одерживать славные победы. Раз так, то почтенный возраст оказывался не марке-

---

²¹³ Никто не забыт, ничто не забыто: К 65-летию создания Уральского добровольческого танкового корпуса / отв. ред. А. Д. Кириллов. Екатеринбург : [б. и.], 2008. С. 37.

²¹⁴ Все для фронта, все для победы! // Урал. рабочий. 1941. 15 окт. № 244.

²¹⁵ *Повереннов Г.* Колхозы Серовского района – на сталинской вахте // Там же. 23 нояб. № 278.

²¹⁶ См., например: *Калиновская А.* Один день в тресте Уралзолото // Там же. 21 дек. № 302.

²¹⁷ См.: Сессия Академии наук СССР, посвященная 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции // Там же. 1942. 17 нояб. № 271.

²¹⁸ См.: Увеличить вдвое производство вооружения и боеприпасов // Там же. 1943. 8 янв. № 6.

²¹⁹ См.: Есть праздник на нашей улице! // Там же. 6 нояб. № 229.

ром отсталости, как это изображалось в период индустриализации, когда было необходимо строить заводы и осваивать новую технику. Теперь в рамках патриотической мобилизации на борьбу с внешним врагом почтенный возраст оказывался маркером опытности в историческом деле производства вооружения для защиты страны.

Визуальное воплощение этот образ получил в ставшей известной картине И. И. Воскобойникова «Седой Урал кует победу» (1943)²²⁰. Свердловский писатель и публицист И. И. Ликстанов в «Уральском рабочем» от 22 февраля 1944 г. подчеркивал, что эта картина «прекрасно встречена тагильчанами, ее оригинал приобретен Тагильским музеем». После этого шло такое описание: «Могуч и ловок старик. Неутомимо бьет он чеканочным молотом, заканчивает богатырский заказ – меч. ...Видать, не один меч стариковской работы сверкает на поле брани, купается во вражьей крови, видеть, не один низкий поклон принял на своем долгом веку седовласый оружейник от богатырей. А нынешний меч будет из всех самолучшим. Он сразит идолище поганое, сполна оплатит вражьей нечисти за слезы девушек-полоняночек, за глубокий стон русской земли»²²¹. Итак, *Седой Урал* приобрел былинные черты, что подчеркивало его исторические заслуги как кузницы оружия страны. Что же до дискурса *демидовского Урала* и *демидовщины*, то он, сыграв свою роль в мобилизации времен индустриализации, оказался вытеснен на обочину, пусть тезисы о крепостнической эксплуатации и о классовой борьбе рабочих Урала против угнетателей и продолжали повторяться в рамках советской исторической науки.

Что важно, после победы в Великой Отечественной войне в 1945 г. сформировавшийся в рамках патриотической мобилизации дискурс об индустриальном Урале как исторической кузнице оружия страны продолжил свое успешное бытование. Так, он был запечатлен в роскошном сборнике 1946 г. «Свердловск», выпущенном в ознаменование Победы, где похвала Уралу как исторической кузнице *русского оружия* была помещена в том числе в тексте маршала Р. Я. Мали-

---

²²⁰ См. параграфы 2.3, 3.1 и 4.2 настоящей работы.

²²¹ Ликстанов И. И. Седой Урал кует победу // Урал. рабочий. 1944. 22 февр. № 46.

новского²²². В не менее официальном сборнике 1957 г., который должен был рассказать о Челябинской области за 40 лет советской власти, читателю заявлялось: «Топорами, сделанными из уральской стали, работали строители Петербурга и других городов и крепостей на Балтике. Уральским топором Петр прорубил окно в Европу! Русская армия, вооруженная оружием, сделанным из уральского металла, нанесла сокрушительный удар шведам под Полтавой, в Семилетнюю войну разгромила прусскую армию и взяла столицу Пруссии – Берлин. Уральскими пушками и ружьями были вооружены героические полки Суворова и Кутузова, доблестные защитники Севастополя и герои Синопа. Такова старинная, грозная слава Урала, его металлургов, горняков, оружейников»²²³.

Итак, если прошлое Урала стало излагаться в годы войны в патриотическом ключе с целью мобилизации масс на боевые и трудовые свершения, то теперь Победа и вклад в нее Урала как бы подтверждали его славное военное прошлое. Получалось, что в годы Великой Отечественной войны был сформирован новый образ прошлого *Седого Урала*, который помог победить, а затем победа в Великой Отечественной войне помогала поддерживать этот образ Урала как индустриального региона, который был исторически *опорным краем державы*. В рамках такого дискурса происходило определенное закольцовывание повествования о прошлом, когда рассказ о вкладе Урала в Великую Отечественную войну мог начинаться с уральских пушек под Полтавой, а рассказ про уральскую металлургию при Петре I превращался в историю рождения *опорного края державы*, который помог победить в Великой Отечественной войне. И, например, изданный уже в 1983 г. в серии «История Отечества в романах, повестях, документах» том о горнозаводском Урале XVIII в. получил название «Седой Урал». Предисловие к нему открывалось таким тезисом: «Название этого тома подсказал плакат времен Великой Отечественной войны... Сорок процентов всей

---

²²² См.: *Малиновский Р. Я. Оружие и люди Урала // Свердловск / под ред. А. Панфилова, К. Рождественской. Свердловск : Свердловгиз, 1946. С. 14.*

²²³ *Земля золотая // Челябинская область за 40 лет советской власти / глав. ред. Ф. М. Шишкалов. Челябинск : Челяб. кн. изд-во, 1957. С. 7.*

военной продукции дал фронту Урал». Завершалось же предисловие известным четверостишием А. Т. Твардовского про Урал из поэмы «За далью – даль», первая строфа которого сейчас, как девиз, начертана на гербе Свердловской области:

Опорный край державы,
Ее добытчик и кузнец,
Ровесник древней нашей славы
И славы нынешней творец²²⁴.

---

²²⁴ См.: Орлов А. С., Пихоя Р. Г. Предисловие // Седой Урал. Век XVIII. М. : Молодая гвардия, 1983. С. 5, 22. В первоначальном варианте, опубликованном в 1952 г., Урал был назван «славы нынешней боец» (см.: Твардовский А. Т. Две кузницы (из путевого дневника) // Известия. 1952. 23 сент. № 226). См. также параграф 2.2 настоящей работы.

2. ПОЛИТЭКОНОМИЯ ОПОРНОГО КРАЯ

2.1. Индустриальные крепости СССР: Ленинград, Донбасс и другие

К 1942 г. седой Урал, как показано в предшествующей главе, стал считаться ключевым центром отечественного оборонного производства. Однако в дополнение к историческому нарративу, в котором уральцы помогали Минину с Пожарским и снабжали пушками Суворова и Кутузова, разработка мобилизационного образа региона требовала также знания о том, каким образом уральская индустрия вносит вклад в борьбу с агрессором *здесь и сейчас*. Является ли Урал арсеналом Победы? Подобное утверждение еще летом 1941 г. вовсе не было очевидным: даже после индустриальной перетряски 1930-х гг. регион не имел репутации кузницы Красной армии.

Хозяйственной специализацией Урала была черная металлургия, включавшая крупнейшие новостройки (Магнитогорский металлургический комбинат, первая очередь Ново-Тагильского металлургического завода, трубопрокатный завод в Первоуральске и труболитейный Синарский завод в Каменске-Уральском), однако опиравшаяся также и на группу мощных дореволюционных производств, прошедших в 1930-х гг. переоснащение (Чусовой, Лысьва, Серов, Кушва, Златоуст, Белорецк). В целом уральская черная металлургия уступала металлургии западных районов (Донбасс, Поднепровье) как по объемам выпуска, так и по разнообразию продукции. К тому же в регионе наблюдался дефицит металлообрабатывающих мощностей.

С конца 1930-х гг. вдоль западных склонов Уральских гор формировался второй нефтедобывающий регион СССР, так называемое «Второе Баку» (центром добычи выступал Ишимбай, а переработка нефти сконцентрировалась в Уфе), эмбинская нефть из западного Казахстана с 1935 г. перерабатывалась в Орске. Но и эти центры не могли по своим объемам производства сравниться с бакинским

нефтеперерабатывающим узлом. Урал являлся важнейшим в СССР центром медного производства, осуществляя добычу руды, выплавку черновой меди (Карабаш, Кировград, Красноуральск, Ревда) и производство рафинированной меди (Верхняя Пышма), а также важнейшим производителем никеля, вырабатывавшегося в Реже, Верхнем Уфалее и Орске. Регион располагал собственным алюминиевым производством: на базе местных бокситов с 1939 г. в Каменске-Уральском работал Уральский алюминиевый завод, выпускавший и глинозем, и чистый алюминий. Район Березников и Соликамска являлся крупнейшим центром химической промышленности: в Соликамске находились горнодобывающий комплекс, разрабатывавший богатейшее месторождение калийных солей, а также магниевый завод, а в Березниках – кластер химических заводов (частей разделенного в 1939–1940 гг. единого химического комбината имени Ворошилова), выдававших соду и необходимую для боеприпасов аммиачную селитру.

Машиностроительные мощности Урала были сконцентрированы в Свердловске, Челябинске, Нижнем Тагиле. В отличие от западных районов страны здесь доминировали выстроенные в годы первых пятилеток предприятия-гиганты. По расчетам А. А. Антуфьева, Уральский завод тяжелого машиностроения (Свердловск) и Уральский вагоностроительный завод (Нижний Тагил) вместе давали в 1940 г. 36,2 % всего машиностроительного производства Свердловской области, Челябинский тракторный завод (ЧТЗ) – 39 % машиностроительного производства Челябинской области¹. Такие промышленные колоссы, как ЧТЗ и Уралмаш, имели дополнительную оборонную специализацию, но по состоянию на 1941 г. не могли освоить ее в дополнение к основной гражданской².

Разумеется, отдельные промышленные узлы Урала специализировались в области военного производства. Так, крупнейшим узлом оборонного производства мог считаться Молотов с его моторным, артиллерийским и пороховым заводами. По всему региону были

---

¹ См.: Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург : УрО РАН, 1992. С. 40.

² См.: Запарий В. В. Вклад Челябинского тракторного завода в развитие танкового производства на Урале в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Урал. ин-та экономики, управления и права. 2014. № 2. С. 68.

разбросаны снарядные заводы³. Но в целом уральская промышленность играла вспомогательную роль по отношению к оборонным заводам западных районов.

Современный исследователь А. В. Сперанский подчеркивает: «К началу Великой Отечественной войны 80 % производства военной продукции СССР размещалось в европейской части страны. Здесь располагалось 85 % мощностей авиационной промышленности, все танковые заводы, 97 % предприятий наркомата вооружения, 85 % мощностей наркомата боеприпасов; выплавлялось 68 % чугуна, 58 % стали; изготовлялось 57 % проката от объемов общесоюзного производства»⁴. Узлами танкового производства СССР были Ленинград, Харьков, Москва, Горький; производства броневой стали – Ленинград, Мариуполь; качественной металлургии – Москва, Запорожье, Сталинград; авиационного производства – Москва, Воронеж, Горький, Саратов; артиллерийского производства – Горький, Сталинград и с ними уральский Молотов; стрелкового оружия – Тула и Ижевск; химии полимеров – Ленинград, Киев, Москва, Ярославль, Ереван; оборонной химии – пригород Горького Дзержинск. Нефть давали Баку и Грозный; мощные центры нефтепереработки функционировали, помимо Баку, в УССР, Подмосковье, Саратове; аммиачную селитру вырабатывал комбинат в Сталиногорске (Новомосковске).

Разумеется, оборонная география Союза в таких деталях не была известна советским гражданам начала 1940-х гг.: большая часть предприятий была скрыта под покровом молчания. Но даже и видимые в публичном поле представления об индустриальной мощи СССР тоже делали акцент на западные районы. В знаменитом фильме Е. Л. Дзигана «Если завтра война» (1938) сцена массовой мобилизации советского народа на битву с фашистским агрессором включала картины сбора войск в «далеком Узбекистане», «солнечной Грузии», на Кубани и на Дону, кульминацией же выступал сбор бойцов «с полей Украины и заводов Донбасса» и марш московского рабочего класса по Красной площади.

---

³ См.: *Антуфьев А. А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. С. 49–50; *Курлаев А. Е.* Заводы наркомата боеприпасов на Урале как объект исследования // Вестн. Баш. ун-та. 2012. Т. 17, № 4. С. 1933–1938.

⁴ *Сперанский А. В.* Военная доктрина Сталина и ее реализация на Урале в годы Великой Отечественной войны // Урал. ист. вестн. 2010. № 3. С. 108.

Неудачи первых месяцев Великой Отечественной войны, связанные с быстрым продвижением сил агрессора вглубь советской территории, оказали сильнейшее влияние на этот символический ландшафт. В руки оккупантов попадали именно те районы, которые должны были играть роль крепостей обороны СССР.

Главной из этих крепостей считался Ленинград. Утративший после Октябрьской революции 1917 г. статус столицы, он все же обладал исключительным статусом как «колыбель революции», а также оставался крупнейшим индустриальным центром СССР. С начала сентября в советской прессе Ленинград фигурирует как мощная крепость обороны, кующая оружие и тут же бросающая его в бой. Материалы об этом широко циркулировали в центральной и локальной прессе. Так, в начале сентября 1941 г. в статье «Говорит город Ленина» сообщалось: «Город стал фронтом. Вооруженный народ слился воедино с героической Красной Армией, со славными моряками Балтийского флота. Десятки тысяч трудящихся в непосредственной близости к фронту возводят укрепления вокруг Ленинграда. В цехах и мастерских наших заводов день и ночь куют грозное оружие рабочие, работницы и инженеры. В могучий арсенал Ленинградского фронта превратился прославленный на всю страну трижды орденоносный Кировский завод, как и многие другие предприятия. <...> Тысячи кировцев с оружием в руках защищают свой город, а каждый оставшийся на заводе работает за двоих, за троих. Красная Армия получает от кировцев могучие боевые машины. Они нагоняют на врага страх, они несут ему гибель. Вся славная ленинградская индустрия стала гигантской кузницей оружия, и, как бойцы на фронте, трудятся у своих станков ленинградские рабочие»⁵.

Эту же мысль проводил в поэтической форме В. В. Рождественский на страницах газеты «Труд»:

От станков – в ударные отряды,
За винтовку! Бей наверняка!
Бей в упор! Пускай узнают гады,
Как сильна рабочая рука.

---

⁵ Говорит город Ленина // Известия. 1941. 7 сент. № 212.

Защищайте город свой, свободу,
Честь, детей, любимый вольный труд.
Никогда! Клянемся в том народу,
В Ленинград фашисты не войдут!⁶

Публицисты и поэты, писавшие о Ленинграде в начале осени 1941 г., подчеркивали, что ленинградцы – это авангард пролетариата, носители славных революционных традиций, защитившие свой город от белых сил генерала Н. Н. Юденича в 1919 г. и готовящиеся теперь отбить нападение гитлеровцев: «Каждый завод Ленинграда – могучий бастион в системе обороны любимого города. Предприятия славного города Ленина самоотверженно днем и ночью куют боевое оружие, готовят победы, людские резервы»⁷. Главным элементом этой ленинградской крепости, появлявшимся на страницах печати едва ли не каждую неделю и представлявшим оборонную индустрию города и всей станы, был Кировский завод, открыто и публично именовавшийся центром советского танкостроения⁸. Раз за разом материалы в прессе подчеркивали ключевую роль в танкостроении Кировского завода, его коллектива и его руководителей И. М. Зальцмана и Ж. Я. Котина⁹. А в перепечатанной во всех региональных газетах статье «Радиопередачи из Ленинграда» именно кировцы обращались с впечатляющим призывом к защитникам страны: «Помните, что нет в мире такой силы, которая заставила бы нас, путиловцев-кировцев, заколебаться. Мы плавим сталь, и мы тверды, как сталь. Силой своей и ненавистью к врагу слошим мы фашистского зверя, заставим его ползать в собственной его крови. Верный своим боевым традициям многотысячный коллектив трижды орденосного Кировского завода без усталости кует оружие для Красной Армии и готов вместе с вами, нашими сыновьями и братьями, нашими друзьями

---

⁶ *Рождественский В.* В Ленинград фашисты не войдут // Труд. 1941. 13 сент. № 216.

⁷ Вооруженный Ленинград // Красная Башкирия. 1941. 24 авг. № 200.

⁸ См. параграф 3.1 настоящей работы.

⁹ См.: *Питерский Г., Дедков Н.* Творцы советских танков // Правда. 1941. 21 сент. № 224; Митинг на Кировском заводе // Известия. 1941. 21 сент. № 262; Герои летчики и танкостроители. Вручение в Ленинграде орденов и медалей Союза ССР // Там же. 11 окт.; Вручение орденов и медалей кировцам // Там же. 14 окт. № 243.

и товарищами, защищать свой город, свой завод, своих жен и детей. Мы, кировцы, смело смотрим в лицо смертельной опасности, и скорее смерть испугается нас, чем мы ее»¹⁰.

В сборнике «Героический Ленинград» (октябрь 1941 г.) В. А. Каверин писал: «Трудно будет историку, который впоследствии возьмет на себя почетный труд рассказать о Ленинграде осени 1941 года. Чудеса не входят в область науки. Но ему придется прибегнуть к этому неисторическому понятию, когда он будет писать о людях Кировского завода. Во главе с талантливыми Зальцманом и Котиным строят они танки под гром орудийной стрельбы, а потом осваивают их сами на полях сражений»¹¹. На страницах этого сборника, посвященного борьбе ленинградцев за оборону своего города, Кировский завод был единственным оборонным заводом, открыто называемым по имени, другие предприятия скрывались под именем «N-ский завод». Однако в октябре 1941 г., когда кольцо осады вокруг Ленинграда начало смыкаться, сообщения о Кировском заводе стали редкими: могучее предприятие было спешно эвакуировано на Урал¹², в Челябинск. Героическая оборона Ленинграда продолжалась, но роль кузницы оружия отрезанный от своих, изнемогающий в тисках чудовищной блокады город играть перестал.

К сентябрю 1941 г. войска агрессора подступили к границам другой индустриальной крепости СССР – Донбасса, «всесоюзной кочегарки». 30 сентября 1941 г. в советской печати выступил один из ведущих идеологов большевистской партии Е. М. Ярославский, обосновывавший особую роль Донбасса как непобедимой крепости и не жалевший для этого эпитетов: «С таким народом, как в Донбассе, можно чудеса делать, можно создать неприступную крепость, о которую разобьет себе голову фашистская гадина. Донбасс имеет все данные, чтобы быть такой крепостью. Он имеет славные револю-

---

¹⁰ Радиопередачи из Ленинграда // Известия. 1941. 23 сент. № 225.

¹¹ Каверин В. Суровые дни // Героический Ленинград. М. : ОГИЗ, 1941. С. 13.

¹² Как отмечает Н. Н. Мельников, «эвакуация большей части мощностей заводов ленинградского танкового центра началась в первых числах октября 1941 г.» (Мельников Н. Н. Когда началась эвакуация? Перемещение ленинградских танковых заводов на Урал летом – осенью 1941 г. // Битва за Ленинград 1941–1944 гг.: Подвиг города-героя в Великой Отечественной войне. СПб. : Нестор-История, 2019. С. 27).

ционные традиции. Отсюда вышли такие известные всей стране партийные руководители, организаторы масс, как К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущев. Отсюда вышли Щорс, Пархоменко. Здесь, в этой кузнице массового героизма, выковывалось смертоносное для врага оружие и создавались железные шахтерские полки и дивизии в грозные дни Гражданской войны. А сегодня здесь гигантски выросли силы, способные дать отпор врагу и нанести ему страшные удары. Социалистический Донбасс имеет могучую промышленность, мощное сельское хозяйство, неисчерпаемые богатства в недрах земли. А главное, он имеет еще более ценное, самое ценное: замечательный народ, смелый и сильный, верящий в свою силу, в свою победу, готовый на труд и ратные подвиги. <...> Над заводами, над станциями железных дорог летают, охраняя Донбасс, зоркие и грозные сталинские соколы. Вот проходит по улице военный отряд. Идут донбассовские крепыши. Вчера они ворочали глыбы угля, руды, кокса, металла... Сегодня они крепко сжимают винтовку. <...> Пусть враг почувствует, что Донбасс сегодня – это могучая крепость! Он это почувствует!»¹³. За день до выхода этого проникновенного обращения началось массированное наступление гитлеровцев на Донбасс.

К обороне края советское командование готовилось весьма серьезно, рассчитывая опереться на крепкий индустриальный тыл. В регионе были сформированы «шахтерские» дивизии, состоявшие из донбасских призывников и добровольцев, в значительной мере оснащенные усилиями рабочих Донбасса. Металлургические заводы Донбасса дали фронту около двух десятков бронепоездов, а гражданское население деятельно участвовало в возведении оборонительных сооружений¹⁴. Однако попытка превратить Донбасс в «могучую

---

¹³ Ярославский Е. М. Донбасс сегодня // Правда. 1941. 30 сент. № 271.

¹⁴ Вот как сообщалось в советской печати о боях за Донбасс: «В помощь частям Красной Армии поднялись шахтеры, металлурги, химики и железнодорожники Донбасса... С лопатами и кирками выходят люди в поля рыть окопы и противотанковые препятствия. Несколько тысяч убитыми и ранеными потеряли немцы на подступах к гор. Сталино. Много их погибло в уличных боях. Здесь дрались горняки и металлурги Донбасса. Рабочие завода имени Сталина сами ковали броню, сами снаряжали броневики и сами вели их в бой» (В боях за Донбасс // Советская Башкирия. 1941. 6 нояб. № 263).

крепость» не дала желаемого результата. К середине ноября 1941 г. большая часть «всесоюзной кочегарки» оказалась в руках агрессора, на оккупированный Донбасс обрушилась гитлеровская карательная машина, особенно губительная для полиэтнического, урбанизированного региона, слабо подходившего для организации партизанской борьбы. С середины ноября 1941 г. на смену образу «пролетарской крепости» в советской публичной сфере приходит совсем другой образ Донбасса – умирающей пустыни, покидаемой эвакуируемыми: «Тысячами трупов фашистов усеяны поселки и города Донбасса. Отборные немецкие и итальянские полки нашли свою смерть у шахтных терриконов и заводских стен. <...> Уходя из родных городов и поселков, горняки ничего не оставляют захватчикам. Взрываются шахты и заводы, железнодорожные мосты и электростанции; ценное оборудование и склады вывозятся. <...> Огнем и свинцом, ненавистью и презрением встретил рабочий Донбасс кровавых пришельцев»¹⁵.

Итак, донбасские рабочие обратили свой край в пустыню, чтобы не дать врагу использовать его богатства, и ушли на восток страны¹⁶. Разумеется, эвакуировано было лишь *меньшинство* населения

---

¹⁵ Акульшин Д. Горняки защищают свой Донбасс // Правда. 1941. 12 нояб. № 314.

¹⁶ Образ изуродованного, мертвого Донбасса, вызывающего к отпущению, был распространен в литературе 1941–1943 гг.: «Мертвы сегодня оставленные шахты Донбасса. Вода заполнила их стволы. Ушли шахтеры из Донбасса и унесли в своих душах тоску по родному краю и любовь к своему и твоему труду, молодой товарищ из Кузбасса! Где бы ни был сегодня донецкий шахтер – в землянке партизана или в бетонном ДЗОТе, в саперной части или на шахте Копейска, он помнит ночь расставания с Донбассом, страшную свою ночь. Он не забыл прощания с милым и родным штреком, залитым электрическим светом, что принесла в шахту революция. Тоскует донецкий шахтер по сверкающему глазу своей аккумуляторной лампы, так приветливо горевшей в родной шахте. Тоску своего сердца он может утишить только выстрелом в немца. Тоску его сердца и ты можешь утишить, шахтер Кузбасса и Караганды, Копейска и Кизела. Ты не видел полыхающего пламени, которое испепеляет родной дом... Так неужели же ты, брат, не утишишь сердца шахтера-воина подвигом шахтера-работника? <...> Ты должен дать стране уголь и за себя, и за донецкого забойщика – лихого парня и прекрасного товарища, за донецкую откатчицу, милую и родную девушку нашу, за весь Донбасс, который поруган, но не сдался, за Донбасс, который бурлит и клопочет, за Донбасс, который завтра отомстит немцам боем, если ты, товарищ, сегодня поможешь этой грядущей мести трудом» (Литвак А. За Донбасс // Труд. 1942. 30 сент. № 230).

Донбасса. Большая часть оказалась вынуждена выживать в разоренной стране под пятой оккупантов.

29 октября 1941 г. немцы вышли к Туле, крупнейшему центру металлургии и производства стрелкового оружия. Тула успешно отразила натиск немецких войск и с тех пор считалась образцом завода-крепости, поскольку в обороне участвовали отряды рабочего ополчения: «В бурой мгле из заводских дымов встал перед нами из котловины старинный город русских оружейников, трудолюбивый город, не перестававший ковать оружие даже в те тяжелые часы, когда враг был на пороге и рвался к баррикадам на улице Коммунаров. Только что сделанные минометы шли тогда на вооружение ополченских батальонов Тулы. Туляки, не снимая рабочих блуз, тут же, у баррикад, воздвигнутых у ворот родных заводов, били немцев из винтовок собственного изготовления, били с упрямством, верой и злостью. Они не пустили врага в свой город, они выстояли, и враг, не выдержав, окровавленный, покатился назад»¹⁷. Первый секретарь Тульского областного комитета ВКП(б) В. Г. Жаворонков, выступая на митинге, посвященном изгнанию гитлеровцев с территории области, с гордостью замечал: «Тула была, есть и будет кузницей могучего советского оружия»¹⁸. За городом закрепились репутация «города оружейников» и одновременно города-воина¹⁹.

Этот же образ города-труженика/города-воина использовался и для описания Сталинграда, которому гитлеровские армии начали угрожать в июле 1942 г. Символическое значение Сталинграда на оборонно-индустриальной карте СССР было даже большим, чем Тулы, – не только из-за большего разнообразия производства, но и по причине символической связи с самим вождем, Сталиным, чье пребывание в Сталинграде в 1919 г. и участие в обороне города от белых войск считалось краеугольным камнем биографии вождя как «великого

---

¹⁷ Полевой Б. По военной дороге // Правда. 1943. 20 авг. № 207.

¹⁸ Цит. по: Тула была, есть и будет кузницей советского оружия // Известия. 1942. 18 янв. № 15.

¹⁹ См.: *Лидин Вл.* В осажденной Туле // Там же. 1941. 25 нояб. № 276; *Ларионов М.* Молодые защитники Тулы. М. : Молодая гвардия, 1942; *Лидин Вл.* Тульский пряник // Труд. 1942. 17 янв. № 14; *Тихонов Н.* Города-бойцы // Там же. 4 окт. № 234.

полководца». Призывы доблестно защищать город апеллировали к предыдущей осаде Сталинграда (тогда еще Царицына) в 1918 г., считавшейся в культуре 1930-х гг. главным событием в истории Гражданской войны, так как «учителем царицынских рабочих» в борьбе был не Щорс и даже не Ворошилов, а лично Сталин:

Из тумана встает
Восемнадцатый год –
Здесь, на стыке великих дорог,
Был врагом с трех сторон,
Словно смерть, занесен
Над Царицыным белый клинок.

Сталин силы собрал
И врага отогнал,
И бандитские своры разбил.
Нынче время опять
Сталинград отстоять
От фашистских разбойничьих сил.

Слушай, Тракторный, степь
И район «Баррикад»,
Наше слово – железный закон.
Отстоим Сталинград!
Отстоим Сталинград!
Из сердец непреклонен заслон!²⁰

Как и в Ленинграде, пролетарская доблесть рабочих Царицына-Сталинграда времен Гражданской войны должна была возродиться с многократной силой перед лицом нового врага: «Сталин учил рабочих, что надо всегда готовить себя к тому, чтобы в нужный момент суметь с оружием в руках драться с врагом. После работы рабочие учились военному делу, и несколько раз, когда враг наседал и падение города казалось неизбежным, рабочие останавливали станки и брались за оружие. Шли на решающие участки вооруженные полки

---

²⁰ *Долматовский Е.* Отстоим! // Правда. 1942. 28 авг. № 240. Те же образы использовал и уральский поэт К. Г. Мурзиди (см.: *Мурзиди К.* Стой, боец! // Урал. рабочий. 1942. 28 авг. № 202).

царицынских рабочих, и положение исправлялось. И теперь, когда для города вновь наступили дни тяжелых испытаний, рабочие Сталинграда вместе с бойцами армии обороняют родной город. Когда враг прорвался к окраине города, пошли на фронт батальоны краснооктябрьцев-металлургов, истребительные отряды тракторозаводцев, дружины баррикадцев, и раньше задававших тон в политической жизни города»²¹.

Сталинградский тракторный завод (СТЗ) с начала 1942 г.²² открыто упоминался в прессе как центр танкового производства: «Тракторы марки “СТЗ” прославились на колхозных полях. Теперь на полях войны гремит новая слава о грозных машинах знаменитого Сталинграда»²³. При описании обороны Сталинграда город представал как подлинный завод-крепость, – здесь рабочие делали танки и немедленно вели их в бой²⁴. Такую риторику использовал сталинградский партийный руководитель А. С. Чуянов, говоря о защите города в октябре 1942 г.: «Сталинградские рабочие взялись за оружие, чтобы остановить врага и отомстить ему за разрушения и за смерть женщин и детей. Героизм сталинградских рабочих питал фронт боеприпасами вплоть до того, как развернулись уличные бои. Рабочие “Красного Октября”, “Баррикад”, СТЗ показали пример организованности, дисциплины, мужества. <...> Даже сейчас, когда в районе города идут бои, тракторозаводцы под огнем противника продолжают оказывать посильную помощь фронту, например, ремонтировать танки. Это подлинно заводы-фронтовики, заводы-воины»²⁵.

Однако сдержать натиск агрессора не удалось, и в сентябре 1942 г. началась эвакуация промышленных предприятий города. Завод продолжал выпускать танки вплоть до 29 сентября 1942 г., пока налеты люфтваффе не вывели предприятие из строя²⁶. Уезжая в эвакуацию

---

²¹ Чуянов А. Город-герой // Правда. 1942. 1 окт. № 274 (5046).

²² См.: Строители танков // Известия. 1942. 10 февр. № 33.

²³ Вавилов В. Борьба за танк // Правда. 1942. 17 мая. № 137.

²⁴ См.: Тихонов Н. Города-бойцы // Известия. 1942. 4 окт. № 234; Героический Сталинград // Правда. 1942. 5 окт.

²⁵ Чуянов А. Город-герой.

²⁶ См.: Снегирева Л. И. Эвакуация населения из Сталинграда в сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны (1942 год) // Вестн. ТГПУ. 2018. № 3. С. 177.

на восток, в Барнаул, сталинградцы сохранили образ завода-крепости, где отважные пролетарии ковали оружие и тут же шли с ним в бой. Образ танков, прямо из цеха уходящих в бой, присутствует, например, в стихотворении П. Гетманца «Сталинград», опубликованном в сборнике «Завод на Алтае» (1944)²⁷, ярком образце сталинградской индустриальной идентичности:

Закаленный в битвах, в пламени пожарищ,
Шел на бой с врагами, грозен и велик,
Городом бесстрашным боевой товарищ,
Славный и могучий город-большевик.
<..>

Танки шли с завода, шли на поле боя.
Смелые водители – сами кузнецы.
В битве за отчизну не щадили жизни
Армии могучей славные бойцы²⁸.

Ленинград, Донбасс, Тула Сталинград – такова была символическая география советской индустриальной обороны. Промышленная слава этих опорных центров опиралась на конкретные производственные специализации – танкостроителей Кировского завода и СТЗ, шахтеров и сталеваров Донбасса, оружейников тульских заводов. Судьба индустриальных крепостей в 1941–1942 гг. оказалась различной. Ленинград, до ноября 1941 г. считавшийся главной кузницей советского оружия, оказался в тисках гитлеровского окружения, и с ноября 1941 г. его подвигом стало уже не производство танков (которое тем не менее не останавливалось в осажденном городе), а выживание в жутких условиях блокады. Донбасс, большая часть которого оказалась захвачена вермахтом к ноябрю 1941 г., оказался переосмыслен в советской публицистике как погибающая, но не сдающаяся земля индустриальных богатств, обратившая себя в мертвую пустыню, чтобы богатства не достались врагу. Сталинград, город заводо-героев, обратился в монумент доблести советских воинов и одно-

---

²⁷ Осенью 1942 г. Сталинградский тракторный завод был частично эвакуирован в Барнаул, влившись в состав завода № 77 (позднее – барнаульский завод «Трансмаш»).

²⁸ *Гетманец П.* Сталинград // Завод на Алтае. Барнаул : Алтай. правда, 1944. С. 35.

временно в памятник собственной гибели. Наконец, Тула успешно отбила немецкую атаку и продолжила снабжать Красную армию оружием, сохранив свое значение «кузницы советского оружия».

2.2. Урал – кладовая ресурсов или кузница оружия?

В контексте этой символической географии советских промышленных крепостей, в тяжелейших условиях первого этапа Великой Отечественной войны, осмыслялось и место Урала в прошлом и настоящем страны. Если Донбасс, Ленинград, Тула в 1941 г. представляли промышленными крепостями, одновременно дающими отпор захватчику и снабжающими советскую армию оружием, то Урал, как сказано выше, не имел устойчивой репутации оружейного края.

В чем Уралу, однако, никогда не отказывали, так это в звании «кладовой богатств», в звании края, исключительно богатого запасами природных ресурсов. Этот взгляд на регион был наработан столетиями интеллектуального труда геологов и горных инженеров и в значительной мере определял представления об Урале и в 1930-х гг., достаточно вспомнить авторитетную цитату Сталина о богатствах Урала из речи «О задачах хозяйственников»²⁹. Теперь, в условиях мировой войны, тема уральских богатств обрела новое звучание.

Огромную роль в трансформации старых представлений об Урале как кладовой богатств в систему своеобразной *геологической геополитики* сыграл выдающийся геолог, академик А. Е. Ферсман. В 1941–1944 гг. ученый опубликовал ряд статей и книг, посвященных теме стратегических ресурсов и, в частности, богатств Урала³⁰. Ферсман начинал с характеристики значения минеральных ресурсов для войны, выстраивая своеобразную иерархию: сталь, алюминий и магний, затем прочие металлы, неметаллическое сырье, топливо³¹.

---

²⁹ См. параграф 1.3 настоящей работы.

³⁰ См.: Ферсман А. Е. Обрушим на врага сами недра земли // Челяб. рабочий. 1941. 12 авг. № 189; *Его же*. Проблемы стратегического сырья на Урале // Урал. рабочий. 1941. 11 нояб. № 267 (7878).

³¹ См.: Ферсман А. Е. Обрушим на врага сами недра земли.

Современная война – это война машин и моторов, следовательно, ее сражения можно описать как противоборство комбинаций химических элементов. Соотношение запасов этих элементов – стратегических ресурсов – решает судьбу войны³², и, следовательно, «во всех воюющих странах, наравне с фронтом военных операций, выдвинулся фронт тыла с его организацией военного снабжения, фабриками и их техническим обслуживанием». Для СССР, подчеркивал Ферсман, особую роль играет Урал, не имеющий себе равных по своим стратегическим богатствам: «Стальной хребет Урала, рассекая Союз республик, как бы связывает в единое целое два великих щита – Российскую древнюю платформу и великий щит Сибири... Миллионы тонн руды, угля и нефти извлекаются нашим рабочим классом на земную поверхность, где они превращаются в металл войны, в алюминиевое крыло самолета, в чистый авиационный бензин»³³.

Ученый с исключительным риторическим мастерством удренял историю Урала: чтобы полностью понять регион, нужно смотреть на его историю не с эпохи Петра Великого и даже не со времен древнейших металлургов, а с дочеловеческой эры формирования геологических пластов; надо «выяснить, как менделеевские атомы – элементы – в течение сложных геологических и геохимических процессов странствовали, мигрировали, блуждали, искали новых и новых соединений, пока не накопились в определенном месте, образуя то, что мы называем месторождением»³⁴.

Так под пером геолога вырисовывалась особая, едва ли не мессианская роль Урала в разворачивающейся мировой битве с фашизмом, определявшаяся не только усилиями людей по освоению края, но и тысячелетиями его дочеловеческой, геологической истории. Чтобы подчеркнуть эту роль, Ферсман трактовал Урал крайне широко, приписывая к нему и другие районы СССР, от Эмбы до Байкала: «Уральский хребет – великая геологическая единица нашего Союза –

---

³² Активность крупнейших держав и, в частности, военные операции стран Оси Ферсман рассматривал как борьбу за установление контроля над источниками ценных ископаемых ресурсов (румынская нефть, греческие бокситы, югославские хром и медь).

³³ Ферсман А. Е. Обрушим на врага сами недра земли.

³⁴ Ферсман А. Е. Богатства Урала. Свердловск : ОГИЗ, 1944. С. 20.

не только сам по себе носитель почти всех химических элементов Менделеевской таблицы; сила и мощь его, кроме того, в тех полосах, которые окаймляют Урал с запада с их богатствами солей, угля и нефти, и полосами Востока, еще не вскрытыми геологической разведкой, но тающими несметные богатства, о которых мы пока можем условно судить по недрам казахских степей. Металлы Урала, угли Печоры и Караганды, нефть Второго Баку и Эмбы, соль Соликамска и Нижнего Поволжья, мощные источники серной кислоты и длинный список неметаллических ископаемых – вот что лежит в основе этого замечательнейшего во всем мире горного пояса... К этому восточному форпосту стратегического сырья непосредственно прилегают месторождения цветных и редких металлов Казахстана, Тянь-Шаня и Алтая, разнообразное богатство ископаемых Салаира, Саян, вплоть до самого Байкала»³⁵.

Ключевую роль в мобилизации стратегических ресурсов играют ученые, усилиями которых эти ресурсы наделяются субъектностью и идут в бой: «Сами недра нашей советской земли как бы мобилизуют все, чтобы обрушиться на врага. На полях сражений у нас грандиозные массы брони и металлов, но мы хотим еще больше! Мы хотим еще тверже сделать эту броню, мы хотим еще более прочную сталь для наших танков, еще более упругий металл для наших самолетов, еще более чистый бензин для баков самолетов и танков. Мы хотим поднять – и мы поднимаем – против врага все силы, все недра нашей земли»³⁶. Словно бы спохватившись, ученый отдавал должное и исторически сложившемуся промышленно-техническому комплексу уральской металлургии: «Мощь Урала заключается в многовековой истории его горного дела, выковавшей за 200 лет твердых уральских людей, горняков и сборщиков, забойщиков и мастеров производства. Мощь Урала – в его технических навыках, высокой техни-

---

³⁵ Далеко не беспредельные на деле богатства Урала приходилось риторически приумножать. Так, академик П. И. Степанов в 1942 г. аттестовал Урал, дававший 0,4 % геологических запасов СССР по углю и 6 % в общесоюзной добыче угля, как страну угольного изобилия, присчитывая к Уралу Карагандинский и Печорский угольные бассейны (см.: *Степанов П. И.* Угольные богатства восточных районов // Правда. 1942. 6 янв. № 6).

³⁶ *Ферсман А. Е.* Обрушим на врага сами недра земли.

ческой культуре рабочего, техника, мастера и инженера. Мощь Урала – в его научных и научно-технических учреждениях – рассадниках новой передовой мысли, начиная от маленьких заводских лабораторий и кончая совершеннейшими институтами крупных заводов и Уральским филиалом Академии наук»³⁷. Однако в целом *геологическая геополитика* Ферсмана отводила решающую роль ресурсным богатствам региона: тот, у кого в руках неисчерпаемая кладовая ресурсов, не может проиграть в борьбе.

Сходные идеи разделяли и другие представители академической науки. 29 августа 1941 г. в Свердловске была образована Комиссия АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны, которую возглавил Президент АН СССР В. Л. Комаров³⁸. Безотносительно того, насколько ученые действительно оказались способны организовывать охваченный жесточайшим кризисом советский индустриальный тыл, работа членов Комиссии стала крупным вкладом в осмысление новой роли Урала как опоры СССР в военном конфликте. Уже в сентябре В. Л. Комаров начал выступать в печати, следуя за оценками Ферсмана: «Среди природных ресурсов страны, обеспечивающих неограниченное развертывание производственной и военной мощи Союза, одно из первых мест занимают богатства Урала»³⁹. О неисчислимых резервах восточных районов рассуждал и крупнейший советский металлург академик И. П. Бардин, деятельно участвовавший в работе комиссии: «На громадных пространствах Урала, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и других областей нашей страны действуют

---

³⁷ *Ферсман А. Е.* Проблемы стратегического сырья на Урале // Урал. рабочий. 1941. 11 ноябр. № 267 (7878).

³⁸ См.: *Сафронов А. А.* Конфликт в Академии наук СССР: В. Л. Комаров – О. Ю. Шмидт – И. В. Сталин (1941–1942) // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 10. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 134; *Каплюков В. В., Яркова Е. И.* К вопросу о степени изученности истории работ Комиссии Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны страны // Документ. Архив. История. Современность : материалы VI Международ. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 2–3 декабря 2016 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 358–363.

³⁹ *Комаров В. Л.* Ресурсы Урала неисчерпаемы // Правда. 1941. 13 сент. № 259 (3667). См. также: Неисчерпаемые ресурсы Урала – на службу обороне // Известия. 1941. 14 сент. № 218 (7594).

и развиваются первоклассные промышленные центры – базы оборонной мощи СССР»⁴⁰.

В ноябре 1941 г. экономист, сотрудник Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР А. Ю. Шпирт, замечая, что по своим ресурсам страны антигитлеровской коалиции имеют огромный перевес над Германией и ее союзниками, подчеркивал, что успех борьбы зависит в большей степени от производства, чем от ресурсов: «Выполнение сталинского плана реконструкции промышленности Урала, создание второй металлургической базы на востоке создало все возможности для полного использования богатых недр Урала для нужд фронта. Урал может и должен стать арсеналом, обеспечивающим фронт всем необходимым. <...> На ученых, инженерно-технических работников Урала возложена почетная задача открывать все новые и новые марки стали, совершенствовать сплавы. Используя их достижения в этой области, советские конструкторы создадут новые типы боевых машин, которые будут громить врага на суше, на море и в воздухе»⁴¹.

Ту же риторическую стратегию, что Комаров и Ферсман, избрали эвакуированные в Уфу работники Академии наук УССР. Ее глава, академик К. Г. Воблый, заявлял: «Огромные сырьевые ресурсы Башкирии – нефть, железные руды, цветные металлы, полиметаллы, золото, природные горючие газы и т. п. – сильно повышают значение Уфы как крупного промышленного центра, лежащего на рубеже Европы и Азии. <...> Республика стала житницей для уральских горнозаводских районов с их мощным промышленным развитием»⁴². В 1943 г. ученый секретарь Комиссии по мобилизации ресурсов Урала,

---

⁴⁰ Цит. по: *Бардин И. П.* Неисчислимы резервы // Труд. 1941. 15 нояб. № 244 (6297).

⁴¹ *Шпирт А.* Война и металлы // Урал. рабочий. 1941. 18 нояб. № 273 (7884).
Надо отметить, что Шпирт еще в начале 1941 г. опубликовал книгу «Минеральное сырье и война», в которой предложил несколько иную точку зрения на проблему стратегических ресурсов. Он оценивал не только геологические запасы, но и энергетическую базу, и уровень развития химической индустрии, придавая особое значение «маневрированию имеющимися ресурсами, в первую очередь применению заменителей и новых материалов» (*Шпирт А.* Минеральное сырье и война. Проблемы обеспечения капиталистических стран минеральным сырьем в первой и второй империалистической войне. М.: Политиздат, 1941. С. 4).

⁴² Цит. по: Природные богатства Башкирии // Известия. 1941. 27 нояб. № 280 (7656).

Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны И. А. Дорошев констатировал: «Природа создала здесь такие условия, при которых Урал представляется не только как гигантский узел, накрепко связывающий запад и восток нашей необъятной страны, но и как могущественный плацдарм, во многом определяющий развитие экономики страны в целом»⁴³.

Надежда на уральские ресурсные богатства довлела над оборонным дискурсом 1941 г. К примеру, в сентябре 1941 г. на эту тему рассуждал А. Филиппов, рисовавший вполне «ферсмановскую» панораму уральской ресурсной мощи⁴⁴. Видный журналист Ю. В. Гетлинг воспроизводил эрудитскую манеру академиков в длиннейшем перечислении богатств региона, давая длиннейшее перечисление геологических богатств Урала и вновь упоминая Периодическую таблицу Менделеева⁴⁵. Другой уральский журналист, Ю. А. Попрядухин (известный под псевдонимом «Юр. Чап.»), ссылаясь на Сталина и академиков, отмечал в начале декабря 1941 г.: «Урал снова и снова поражает своими гигантскими запасами. Он оказывается для нас замечательной книгой, каждая страница которой волнует и вдохновляет на созидательный творческий труд»⁴⁶. Попрядухин, вслед за Ферсманом, подчеркивал значимость труда геологов: именно они помогают «обрушить всю великую богатырскую силу Урала на голову зарвавшегося ненавистного врага»⁴⁷.

Концепция кладовой богатств вписывалась в дискурс о новом советском Урале, сумевшем пробудить эти богатства к жизни: «Седой Урал – так звали свой край люди, привыкшие всю жизнь трудиться у раскаленных печей, в глубине подземных сырых шахт, в глухих куренях лесорубов. Сталинский Урал – так называется этот край сегодня. Гений Сталина возродил и призвал к новой жизни этот край сказочных, несметных богатств, сделал его одним из гигантских

---

⁴³ *Дорошев И. А.* Урал – становой хребет обороны // Вестн. Акад. наук СССР. 1943. № 4–5. С. 28.

⁴⁴ См.: *Филиппов А.* Могучая индустрия Советского Востока // Магнитогор. рабочий. 1941. 23 сент. № 225 (3535).

⁴⁵ См.: *Гетлинг Ю.* Урал – оборонная база на Востоке // Урал. рабочий. 1941. 4 нояб. № 261 (7872).

⁴⁶ *Юр. Чап.* Чего только нет на Урале! // Известия. 1941. 7 дек. № 289 (7665).

⁴⁷ Там же.

индустриальных центров страны и всего мира»⁴⁸. Летом 1942 г. С. Розенберг с восхищением описывал Горнозаводскую дорогу как поток ресурсного изобилия: «Бесконечным потоком эшелонов с сырьем, полуфабрикатами, с промышленной продукцией встречает вас Горнозаводская дорога. Вот гигантские хопперы с углем и коксом, с мытыми, грохочеными и рядовыми железными рудами, добытыми на горе Высокой, горе Благодати и на других богатых месторождениях Урала. Вот хромиты, бокситы, марганцевая руда, медный и серный колчедан. На открытых платформах розовеют пластины катодной меди, горят на солнце слитки красной штыковой меди, отливают холодным блеском алюминиевые вайербарсы. Бесконечные ряды профилей стали – черного металла войны. Тут и мелкие, и средние калиброванные профили, и сталь томленая, и сталь травленая – замечательная сталь для самых ответственных видов оружия. Тут и обжатая заготовка, и лист, и броня, могучая советская броня, неуязвимая для врага. Зрелище этих бесконечных потоков уральской продукции наполняет сердце каждого патриота чувством гордости за свою отчизну, полной удовлетворенной веры в ее мощь»⁴⁹.

Геологическая геополитика Ферсмана воплотилась и в стихотворном жанре. 1 января 1943 г. на страницах газеты «Труд» была опубликована поэма Н. Н. Асеева «Урал»⁵⁰, риторическое мастерство академика послужило основой для вдохновения поэта:

Стара земная кора,
ох как стара!
Большая прошла пора,
пока
с горой не сошлась гора.

Большие прошли века,
пока
русла не нашла река,
за веком век, –
пока не пришел человек.

---

⁴⁸ Так отвечают вождю уральцы // Известия. 1941. 11 нояб. № 266 (7642).

⁴⁹ *Розенберг С.* На Северном Урале // Труд. 1942. 4 июня. № 129 (6466).

⁵⁰ Об этой поэме см. также параграфы 1.4 и 3.2 настоящей работы.

Миллионы лет
земли изменялся цвет.
Миллионы лет,
которым пропал и след.
Миллионы лет
был пламенем
мир одет.

Кой-где
затвердели на ней
острова щиты.
А все остальные пространства
были огнем залиты:
московский щит,
сибирский щит
столкнутся так,
что в недрах земли трещит!

И вот
приходила опять
миллионлетья пора,
от столкновенья щитов
выпирала наверх гора:
края щитов
загибались концами вверх,
на дно щитов
пары океан низверг.

Края щитов
сшибутся – века дрожат, –
Уральский хребет
поднялся – меж них зажат,
и над землею,
от пепла и дыма седою,
окаменел
своей неподвижной грядой⁵¹.

Выступления в прессе таких видных фигур советского интеллектуального Олимпа, как Ферсман и Комаров, были важны для фор-

---

⁵¹ Асеев Н. Урал // Урал грозный. С. 20–21.

мирования общего дискурса об Урале в условиях мобилизационного стресса. Эрудиция, аналитический подход, риторическое мастерство ученых делали их тексты настоящими кладями аргументов для более широкого круга публицистов. Опираясь на авторитетные цитаты большевистских вождей и на старинную традицию описания Урала как кладовой богатств, ученые мастерски подчеркивали новейшие достижения в сфере геологических изысканий, помещали впечатляющую картину природных богатств края в контекст современной науки и техники. Под пером ученых-натуралистов, специалистов по природным ресурсам Урал осмыслялся в русле *геологической геополитики* как кладовая-крепость, неисчерпаемые богатства которой обеспечивают ее хозяину перевес над любым противником. Это геологическое восхищение богатствами намекало на своего рода объективистскую картину войны, в чем-то походившую на геополитические разработки британских и американских мыслителей⁵²:

---

⁵² Эти вопросы обсуждали и в США, где аналитики и специалисты пытались с конца 1930-х гг. оценить потенциал Советского Союза. Так, серия статей К. Барнс детально экзаменовала советскую промышленность восточных районов. Осенью 1941 г. подобный анализ приобрел исключительную злободневность. Ряд американских экспертов считали, что промышленность восточных районов СССР компенсирует потери на Западе благодаря наличию обширных природных ресурсов (см.: *Black C. Russia after a Year of War // Current History. 1942. № 12. P. 449–451; Grajdanzev A. Asiatic Russia's War Potential // Far Eastern Survey. 1941. № 22. P. 263*). Риторический образ несокрушимой восточной промышленной базы, обновленный и усиленный в условиях военного испытания 1941 г., воспринимался за океаном как защищенный огромными пространствами хартленд, откуда советская держава способна эффективно организовать сопротивление агрессору. Уверенность западных наблюдателей была столь велика, что в апреле 1942 г. М. Харви и М. Рагглз вынуждены были предостеречь от чрезмерного оптимизма в отношении способности Советского Союза противостоять гитлеровской Германии с опорой только на восточную промышленную базу и призвали сохранять поставки вооружений и ресурсов в СССР на высоком уровне (см.: *Harvey M., Ruggles M. The Eastward Course of Soviet Industry and the War // The Russian Review. 1942. № 2. P. 10–26*)... В вышедшей в 1943 г. в журнале «Nature» рецензии на книгу Дж. Скотта «Behind the Urals», вновь изданную в 1942 г. и привлекшую огромное внимание читателей, подчеркивалось: «Дело свободы мира многим обязано удивительному развитию минеральных ресурсов и тяжелой промышленности в Советском Союзе после старта первого пятилетнего плана... Поскольку старый индустриальный центр Украины оказался потерян, эти вновь отстроенные регионы на деле стали оплотом российского несокрушимого сопротивления» (*Williams D. The Story of Magnitogorsk // Nature. 1943. Vol. 151. P. 151*).

война – это соревнование объективно доступных геостратегических ресурсов, тот, у кого их больше, выиграет.

Так видели Урал ученые, но этот взгляд нельзя было назвать единственным в советской общественной мысли 1940-х гг. А между тем концепция кузницы обороны на протяжении осени 1941 г. стремительно приобретала специфически уральский облик. Он складывался из ряда факторов. Однако имелось и независимое от эвакуации представление об индустриальной мощи Урала, опиравшееся на репутацию крупнейших предприятий, выстроенных в годы первой пятилетки и формировавших лицо «сталинского Урала» – Магнитогорского металлургического комбината, Челябинского тракторного завода, Уральского завода тяжелого машиностроения и ряда других. Особое положение среди них занимал Магнитогорский металлургический комбинат. Местные публицисты одними из первых на Урале начали использовать военную образность, говоря о производстве: «Идет ли плавка, скользит ли по рольгангам раскаленный, пышущий жаром слиток, спешит ли с важным грузом железнодорожный состав – везде ощущаешь: это – фронт, трудовой фронт, неразрывно связанный с тем фронтом, который протянулся за тысячи километров отсюда»⁵³. Конец ноября 1941 г., когда Магнитогорский и Новокузнецкий комбинаты начали давать броневой прокат, стал переломным моментом в формировании представлений об оборонном потенциале уральской промышленности.

Но идентичность Магнитогорска все же ограничивалась конкретным локусом и выламывалась из общеуральской картины. Так, заместитель народного комиссара черной металлургии А. Г. Шереметьев рассматривал Магнитку и Кузнецкий комбинат как единое целое – не Урал, а Урало-Кузнецкий комбинат, металлургию Востока: «Как могучие форпосты обороны высятся гиганты черной металлургии – Магнитка и Кузнецкий завод. <...> Люди Магнитки и Сталинска, преодолевая огромные трудности, в необжитых местностях создавали первоклассные заводы, накапливали опыт, овладевали передовой культурой производства»⁵⁴.

---

⁵³ Лерин Н. На вахте // Челябин. рабочий. 1941. 9 авг. № 187.

⁵⁴ Шереметьев А. Могучие форпосты обороны // Труд. 1941. 26 нояб. № 253 (6306).

Устойчивый дискурс, в котором индустриальный Восток, и в том числе Урал, был создан заново настойчивостью большевистских вождей, сочетался с признанием особой роли таких гигантов, как Магнитка, «жемчужина советской металлургии»⁵⁵, или Кузнецкий комбинат⁵⁶, которые сами себя провозглашали «ярчайшими звездами советской черной металлургии»⁵⁷. Главный инженер Магнитогорского комбината Г. Ф. Михалевич, отдавая должное «гениальному замыслу вождя народов» о строительстве второй металлургической базы на Востоке, констатировал: «Комбинированная система Урало-Кузбасской базы имеет такие резервы мощности и богатейшие природные ресурсы, которые полностью позволяют возместить те производства, что в ходе военных действий временно утеряны в южных и западных районах страны. <...> Мощный тыл кует победу над врагом. Магнитогорский комбинат имени Сталина является могучей крепостью этого тыла»⁵⁸. А директор Кузнецкого комбината Р. В. Белан в марте 1942 г. эффектно сравнивал Магнитку и собственное предприятие с тяжелыми артиллерийскими орудиями: «Тяжелая артиллерия достает врага издалека. Оба металлургических гиганта Востока – Кузнецкий и Магнитогорский комбинаты – самая тяжелая артиллерия нашей промышленности, и, несмотря на тысячи километров, отделяющих нас от линии фронта, мы достанем врага. Огненным потоком металла сметем фашистскую нечисть с земли»⁵⁹. 24 ноября 1941 г. состоялось награждение орденами работников Магнитогорского и Кузнецкого комбинатов – первое по-настоящему весомое признание трудового вклада уральцев в борьбу с агрессором.

В литературе о Магнитогорске охотно использовались величественные образы завода-гиганта как крепости, скалы, дредноута, как, например, у М. Д. Львова, который писал в 1942 г.:

---

⁵⁵ *Смелянский Н., Заваров А.* Магнитогорская шестая. Челябинск : ОГИЗ ; ЧелябинГИЗ, 1944. С. 3.

⁵⁶ См.: *Луцкий Л.* Ленин и Сталин – творцы индустриального Востока // Труд. 1942. 22 янв.

⁵⁷ Все наши силы – на помощь фронту! // Магнитогор. рабочий. 1941. 26 нояб. № 280 (3590).

⁵⁸ *Михалевич Г.* Могучая крепость обороны // Там же. 7 нояб. № 264 (3574).

⁵⁹ *Белан Р.* За первенство в соревновании металлургов // Труд. 1942. 18 марта. № 65 (6402).

Ты видишь комбинат огромный,
Ты видишь – высятся вдаль,
Рядами выстроившись, домны,
Как боевые корабли.
В лесах работ, в обшивке новой
Здесь домна пятая растет.
Вот так готовится дредноут
К вступленью в действующий флот.
...Шумит огонь – и летка гнется.
Летит в изложницы литье.
Здесь прямо в ковш победа льется.
Я видел искры от нее.
И, словно волны океана,
За валом вал, за рядом ряд,
Катая брусья неустанно,
Валы прокатные гудят⁶⁰.

Сходные усилия предпринимал крупнейший машиностроительный завод Южного Урала – ЧТЗ, деятельно перестраивавшийся на военный лад⁶¹. 7 октября 1941 г. в «Челябинском рабочем» было опубликовано стихотворение А. Я. Гольдберга «Один из многих», посвященное «Александру Сторожеву, стахановцу ЧТЗ»:

Город Челябинск
На пристань походит.
В шуме лебедек,
В железной грозе
Высится
Белым большим пароходом
Строгий красавец – гигант ЧТЗ.
Крепко стоит пароход на причале,
Вписанный золотом в книгу побед.
И на груди трудового Урала
Лентой лежит
Его лапчатый след.

---

⁶⁰ Львов М. Урал воюет. Челябинск : ОГИЗ – ЧелябГИЗ, 1943. С. 6. Ту же метафору боевого корабля, готового сойти со стапелей, Львов использовал для Чебаркульского металлургического завода (см. параграф 3.3 настоящей книги).

⁶¹ См.: *Занарий В. В.* Вклад Челябинского тракторного завода в развитие танкового производства на Урале в годы Великой Отечественной войны. С. 68.

Слышите рокот?
Откройте ворота.
Вот они движутся
В полной красе –
Тракторы наши,
Их честно сработал
Наш боевой коллектив
ЧТЗ...⁶²

Метафора корабля позволяла Гольдбергу дать эффектный оборонный образ – когда ЧТЗ перестроился на оборонный лад. Стахановец Сторожев, от лица которого и написано стихотворение, замечает:

Вы тут сравнили завод с пароходом.
Я же хочу вас поправить слегка.
Нынче завод на дредноут походит –
Жерла повернуты на врага⁶³.

Итак, индустриальная гордость «дредноутов» уральской промышленности, объективно поднимавшая общее значение промышленности края в символическом пространстве страны Советов, все же не оперировала единой уральской идентичностью, фокусируя вместо этого внимание на собственных достижениях.

И в других районах Урала проявлялась та же неравномерность, когда «большие заводы» символизировали оборонную мощь края в целом. Так, к сентябрю 1941 г. определились главные оборонно-промышленные темы Башкирии – колхозное хозяйство, железнодорожный транспорт и особо – белорецкая металлургия и ишимбаевская нефть⁶⁴.

---

⁶² Гольдберг А. Один из многих // Челябин. рабочий. 1941. 7 окт. № 237.

⁶³ Аналогичную метафору дредноута использовал, как мы видели выше, М. Д. Львов в 1942 г., говоря о Магнитогорском комбинате.

⁶⁴ См.: Больше нефти, угля, металла! // Красная Башкирия. 1941. 24 авг. № 200 (6103); Автономов В. Нефть идет // Там же. 7 нояб. № 264 (6167); Калугин А. Боевые традиции // Там же. Еще в 1939 г. близ Уфы начал строиться новый авиамоторный завод, в 1940 г. на выпуск авиадвигателей был переведен и располагавшийся недалеко от этой площадки Уфимский завод комбайновых двигателей. Завершить возведение нового завода к лету 1941 г. не удалось, да и бывший завод комбайновых двигателей не преуспел в освоении новой продукции. С осени 1941 г. в Уфу

Уфимский поэт М. Шулепов в июле 1941 г. писал:

Чтоб сокол сталинский
Бомбить врага летал,
Чтоб танки шли,
Все на пути сметая,
Давай для фронта,
Белорецк, металл!
Давай на фронт
Бензин из Ишимбая!⁶⁵

Сам Сталин в своих выступлениях лета – осени 1941 г. опирался на ленинскую концепцию справедливых и несправедливых войн и одновременно – на характерную большевистскую арифметику мощи⁶⁶. Германия ведет несправедливую войну, поэтому ее тыл непрочен, а тыл советского государства, напротив, сплочен как никогда раньше. Вместе с тем Германия «проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как кровавого агрессора», поэтому против нее формируется могущественная коалиция держав, которая по своему военно-экономическому потенциалу многократно превосходит потенциал гитлеровского блока. Именно так Сталин и объяснял провал расчетов немецких стратегов: гитлеровцы, затеяв авантюрную «молниеносную войну», рассчитывали на то, что быстрые успехи произведут ошеломляющий эффект как внутри СССР, так

начали эвакуировать различные предприятия авиапромышленности из западных районов страны: один за другим в Башкирию были переброшены предприятия и конструкторские бюро из Ленинграда, Воронежа, подмосковной Балашихи. 16 октября 1941 г. было принято решение об эвакуации в Уфу Рыбинского авиадвигательного завода – крупнейшего в СССР производства данного профиля. И в тот момент, когда академик Воблый рассуждал в печати о богатствах Башкирии, Уфа уже превращалась в столицу отечественного двигателестроения: 17 декабря 1941 г. на базе конгломерата предприятия и конструкторских бюро был образован единый Уфимский моторный завод № 26 (см.: *Филимонов М. А.* Уфимский моторный завод № 26 в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Уфим. юрид. ин-та МВД России. 2015. № 1. С. 46).

⁶⁵ Шулепов М. Крепи фронт! // Красная Башкирия. 1941. 17 июля. № 167 (6070).

⁶⁶ См.: *Бугров К. Д., Логинов А. В.* Назад к субъекту: теории справедливой войны в современной политической мысли // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 114–129.

и за его пределами, позволив изолировать Москву на международной арене и одновременно расколоть советский тыл. Но ни того ни другого не получилось, объяснял Сталин, а затем перечислял факторы, делающие крах гитлеровского рейха неизбежным, – непрочность тыла агрессора и экономическое могущество коалиции: «Современная война есть война моторов. Войну выиграет тот, у кого будет подавляющее преобладание в производстве моторов. Если соединить моторное производство США, Великобритании и СССР, то мы получим преобладание в моторах по сравнению с Германией по крайней мере втрое. В этом одна из основ неминуемой гибели гитлеровского разбойничьего империализма»⁶⁷.

В сталинских выкладках отсутствует характерный для Ферсмана акцент на ресурсном превосходстве СССР. Это не было случайностью. В 1944 г. известный советский экономист Л. М. Гатовский, ставший на время войны публицистом газеты «Красная Звезда», опубликовал книгу «О роли политических факторов в войне». Здесь он аккуратно дополнял и развивал анализ Сталина: громадное превосходство союзников в ресурсах не означало, по Гатовскому, автоматического краха гитлеровского рейха, поскольку осенью 1941 г. Советскому Союзу все-таки пришлось сражаться с агрессором один на один: «Весь ход мировой истории изменился бы, если бы гитлеровским ордам удалось сломить Красную Армию, прорваться на Ближний Восток, в Азию»⁶⁸. И лишь благодаря тому, что СССР выдержал натиск гитлеровцев в 1941–1942 гг., настал перелом в войне, в дело были введены гигантские ресурсы коалиции, и судьба борьбы была решена. Но что позволило выдержать натиск? Гатовский называл одним из решающих факторов перебазирование промышленности на восток⁶⁹. Он подчеркивал, что СССР на первом этапе Великой Отечественной войны вовсе не обладал ресурсным перевесом над Германией, более того, к лету 1942 г. агрессор контролировал те районы Советского Союза, которые «давали до войны более половины всей

---

⁶⁷ Доклад Сталина И. В. на торжественном заседании 6 ноября 1941 г. // Сталин И. В. О Великой Отечественной войне советского народа. М. : ОГИЗ, 1947.

⁶⁸ Гатовский Л. М. О роли политических факторов в войне. М. : ОГИЗ, 1944. С. 28.

⁶⁹ Там же. С. 59.

нашей продукции металла и угля»⁷⁰. Именно это и делало подвиг Советского Союза уникальным: даже обладая в определенный момент войны ресурсным перевесом, гитлеровский рейх не смог справиться с советским тылом, поскольку эвакуированные предприятия на новом месте смогли работать с еще большей интенсивностью. Как видим, Гатовский (как и Сталин) оказался совсем нечувствителен к *геологической геополитике* Ферсмана, цена не ресурсное, а трудовое превосходство, не кладовую, а кузницу.

В ноябре – декабре 1941 г. все отчетливей вырисовывались в советской публичной сфере контуры представлений о едином Урале – кузнице оружия, арсенале Красной армии. Огромную роль сыграл процесс эвакуации, начавшийся еще летом 1941 г. и к середине осени изменивший и производственный, и социокультурный ландшафт Урала.

История эвакуации промышленности на Урал и роль этого процесса в оборонной экономике СССР хорошо изучена⁷¹. В Челябин-

---

⁷⁰ Гатовский Л. М. О роли политических факторов в войне. С. 71.

⁷¹ См. обобщающие историографические очерки: Корнилов Г. Е. Урал в Великой Отечественной войне: историографическая ситуация // Урал. ист. вестн. 2013. № 4. С. 50–62; Потемкина М. Н., Климанов А. Ю. Современная отечественная историография и перспективы изучения промышленной эвакуации периода Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2020. № 3. С. 757–772. Наиболее комплексной обобщающей работой следует считать классический труд А. А. Антупьева (см.: Антупьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург : УрО РАН, 1992). Среди важнейших трудов по истории Урала, увидевших свет в 2010-х гг., необходимо выделить следующие: Курлаев В. Е. Заводы наркомата боеприпасов на Урале как объект исследования // Вестн. Баш. ун-та. 2012. № 4. С. 1933–1938; Рубин В. А. Экономическое и социально-демографическое развитие российских тыловых городов в период Великой Отечественной войны (на примере крупных индустриальных центров Южного Урала). Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2010; Гаврилов Д. В. Производство порохов и взрывчатых веществ в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны // Урал. ист. вестн. 2015. № 1 (46). С. 52–58; Корнилов Г. Е. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Там же. № 4. С. 112–121; Сперанский А. В. На войне как на войне...; Запарий В. В. Танковая промышленность на Урале в 1940-е гг. Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2015; Мельников Н. Н. Уральское танкостроение накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2016; Путь к Победе: Эвакуация промышленных предприятий в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. док. / редкол.: Н. А. Антипин и др. Санкт-Петербург : Первый ИПХ, 2020; Антипин Н. А., Новиков И. А. Город трудовой доблести: Челябинск – Танкоград // Архивы Урала. 2021. № 25. С. 303–311.

скую область было переброшено 329 предприятий⁷², в Свердловскую – около 212, в Молотовскую – около 120, в Башкирию – около 111, в Оренбургскую область – около 60. В Свердловской и Челябинской областях с 1940 г. начали формироваться целые промышленные кластеры танкостроительного профиля (Челябинский, Свердловский, Нижнетагильский), уже к зиме 1942 г. начавшие определять облик танковой промышленности СССР времен Великой Отечественной войны⁷³. Предприятия Свердловска и Челябинска, объединенные с заводами из Воронежа и Москвы, начали выпускать реактивные минометы («катюши») – в первую очередь свердловский «Уралэлектроаппарат» и челябинский завод имени Коллющенко. Эвакуация усилила трубную промышленность Урала, представленную крупными заводами в Первоуральске и Каменске-Уральском (в частности, Первоуральский новотрубный завод стал ключевым производителем заготовки для минометных стволов⁷⁴). Кроме того, Свердловск превратился, после слияния местных предприятий с эвакуированными из Ленинграда заводами, в значимый центр энерго- и электромашиностроения⁷⁵, а благодаря переброске предприятий из Киева, Ленинграда и Москвы в Свердловске появилась новая область производства – химия полимеров⁷⁶.

Молотов и Березники оставались важнейшими центрами эвакуации мощностей химической индустрии⁷⁷. В Башкирию было направ-

---

⁷² См.: Путь к Победе. С. 11.

⁷³ См.: *Запарий В. В.* Формирование и развитие территориально-производственного комплекса по выпуску тяжелых танков в Челябинске в 1940–1945 гг. // Экон. история. 2017. № 4. С. 56.

⁷⁴ См.: *Сперанский А. В.* На войне как на войне... С. 58.

⁷⁵ См.: *Шкерин В. А.* Уральский турбинный завод: история завода в истории страны. Екатеринбург : Урал. рабочий, 2013; *Бугров К. Д.* Электромашиностроение СССР: формирование ключевых научно-технических центров // Современная научная мысль. 2021. № 5. С. 65–78.

⁷⁶ См.: *Дерябина А. В.* Организация химической науки на Урале в 1945–1965 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012; *Бугров К. Д.* Химическая наука в Свердловске 1920–1950-х гг.: формирование основных тематических направлений и школ // Урал. ист. вестн. 2021. № 4. С. 164–172.

⁷⁷ См.: *Антуфьев А. А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. С. 192.

лено около 111 предприятий⁷⁸, республика (прежде всего ее столица Уфа) стала главным центром эвакуации нефтяных предприятий из западных районов СССР; кроме того, нефтяные предприятия эвакуировались в Молотовскую (Краснокамск) и Чкаловскую области⁷⁹. Кроме того, Уфа стала центром советского авиационного моторостроения⁸⁰. К концу войны началось формирование центра химической индустрии в Стерлитамаке⁸¹.

Оперативно принимаемые решения командиров советской промышленности относительно размещения того или иного предприятия определяли формирование новой промышленной карты Урала. К примеру, мощности ленинградского завода № 174, выпускавшего легкие танки, были переброшены в Чкалов, однако груз двигателей, необходимых для сборки танков на новом месте, был перехвачен в Челябинске в пользу эвакуированного сюда Кировского завода по распоряжению его директора И. М. Зальцмана, в итоге завод № 174 возобновил работу не в Оренбурге, а в Омске⁸².

Преображалась не только производственная карта Урала. Осенью 1941 г. в эвакуации оказалась масса литераторов, работников культуры, деятелей искусства⁸³.

По мере перехода уральской индустрии на военные рельсы и разветывания эвакуированных мощностей в публичной сфере все чаще

---

⁷⁸ См.: *Емелин С. М.* Промышленность Башкирской АССР в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Уфа : Баш. гос. ун-т, 2002.

⁷⁹ См.: *Соколов А. К.* Нефть и война, 1941–1945 гг. // Экон. история. 2012. С. 534.

⁸⁰ См.: *Филимонов М. А.* Зарождение и развитие авиационной промышленности в Башкирской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.) // Вестн. ВЭГУ. 2015. № 2 (76). С. 147–158.

⁸¹ См.: *Антуфьев А. А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. С. 193.

⁸² См.: *Запарий Вас. В., Запарий В. В.* Неизвестная страница из истории танкопрома в годы Великой Отечественной войны, или Как в Чкаловской области не был построен танковый завод // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. / науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург : Оренбург. гос. пед. ун-т, 2020. С. 224–227.

⁸³ См.: *Сперанский А. В.* В одном строю с народом: литература Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал индустриальный: Бакунинские чтения : материалы XIV Всерос. науч. конф. : в 2 т. Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2020. С. 632–642.

подчеркивали не столько богатство Урала ресурсами, сколько его производственную мощь. Так, в ноябре 1941 г. челябинский партийный лидер Г. Д. Сапрыкин с гордостью писал: «Уральцы питают Красную Армию мощным и современным оружием. Здесь делаются танки, не имеющие себе равных по боевой силе, мощности и стойкости. Область наша производит самолеты и пушки, пулеметы и гранаты, бомбы и мины, винтовки и штыки, снаряды и клинки, все от звукоулавливающей аппаратуры до мельчайших приспособлений, необходимых красному воину на фронте»⁸⁴. А 5 декабря 1941 г. партийный работник из Нижнего Тагила Е. Ф. Кольшев отмечал: «Наш родной сталинский Урал в отечественной войне занимает особо важное место. Располагая исключительно большими природными богатствами и могучей индустрией, Урал является одним из основных поставщиков вооружения для Красной Армии. Уральские танки давят и расстреливают фашистские полчища»⁸⁵. В данном русле перерабатывался и дискурс об Урале как о кладовой богатств. К примеру, упомянутый уже Ю. Гетлинг, несмотря на восхищение природными богатствами края, заключал: «Во всем многообразии отраслей решающее значение имеет развитие тяжелой индустрии. Именно этими отраслями Урал обращен ко всей стране, именно в этом его характерная особенность. Именно здесь в конечном счете заключены те основные предпосылки, которые определяют лицо уральского хозяйства, способного взять на себя снабжение Красной Армии всем необходимым для полного разгрома врага. <...> На Урал сейчас смотрит вся страна. Здесь куется смертельное оружие для разгрома врага»⁸⁶. Рост уральского мастерства, освоение новых видов продукции уральской промышленностью подчеркивались в публицистике на протяжении всех военных лет⁸⁷.

На этой почве к концу 1941 г. сложилось устойчивое представление об Урале-крепости, Урале-кузнице, Урале-арсенале. Один из руко-

---

⁸⁴ Сапрыкин Г. Клятва челябинских большевиков // Известия. 1941. 6 нояб. № 273 (7649).

⁸⁵ Кольшев Е. Товарищи по оружию // Урал. рабочий. 1941. 5 дек. № 288 (7899).

⁸⁶ Гетлинг Ю. Урал – оборонная база на Востоке // Там же. 4 нояб. № 261 (7872).

⁸⁷ См.: Медведовский Ю. На Урале в эти дни // Известия. 1944. 14 апр. № 89 (8891).

водителей парторганизации Свердловской области А. Б. Аристов с удовлетворением резюмировал в декабре 1941 г.: «За время войны металлурги Урала освоили много новых марок стали, новые профили проката. Фашистским головорезам уже пришлось испытать на своих звериных шкурах смертоносное качество нашего металла. Мы сейчас с полной уверенностью можем сказать, что нет такой марки чугуна, которой не смогли бы выплавить в своих печах уральские доменщики. Нет такой марки стали, которой не смогли бы сварить уральские сталевары. Нет такого профиля металла, который бы не могли прокатать уральские прокатчики»⁸⁸. В июле 1942 г. глава свердловской парторганизации В. М. Андрианов декларировал: «Урал дает фронту могучие танки, самолеты, пушки, минометы, снаряды, бомбы, все виды вооружения и боеприпасов. Урал является боевым арсеналом нашей родной Красной Армии. Недаром народная молва назвала наш богатый горный край могучей сталинской кузницей оружия. Не впервые ковать нам мечи, лить пушки! – так заявляют, свято храня исторические традиции Урала, советские патриоты»⁸⁹. А ведущий свердловский поэт К. Г. Мурзиди уверенно характеризовал Урал следующими словами:

Товарищ Сталин! Ты за каждым словом
Увидишь наши боевые дни:
За цепью гор над городом Свердлова
Полночных плавок яркие огни.
Они горят, как стяг над арсеналом,
Подъятый к небу мощною рукой,
Как знамя над незыблемым Уралом –
Великой оружейной мастерской!⁹⁰

Урал называли теперь «нашей давнишней промышленной гордостью и славой»⁹¹. В конце 1942 г. в газете «Известия» было подчеркнуто: «Вот уже больше двух веков сверкает слава Урала в истории

---

⁸⁸ Цит. по: Радио-митинг металлургов // Урал. рабочий. 1941. 9 дек. № 291 (7902).

⁸⁹ Андрианов В. Священная клятва уральцев // Правда. 1942. 20 июля. № 201.

⁹⁰ Мурзиди К. Вооруженный лагерь // Урал. рабочий. 1942. 21 июля. № 170.

⁹¹ Как никогда, крепко и организован наш тыл // Известия. 1942. 12 нояб. № 266.

нашей родины – в истории ее промышленности, в укреплении ее оборонной мощи. Но никогда еще Урал не играл такой выдающейся роли, как в дни Великой Отечественной войны». В статье последовательно приводились ключевые элементы новой уральской идентичности: исключительные природные богатства (с обязательным сталинским «Чего только нет на Урале!»), индустриальное преобразование в годы пятилеток, уравнивание фронта и тыла, особая роль новых промышленных гигантов Магнитки и Нижнего Тагила, рост военного машиностроения благодаря эвакуации и появление «чудесного сплава» уральцев и южан. Урал становился синонимом советского тыла: «Грозная уральская силища стоит за нашими плечами! <...> На первом месте среди старых и новых промышленных районов, проделавших за полтора года войны небывалый по темпам и масштабам путь развития, стоит могучий, грозный, неустанно творящий Урал!»⁹². Для того чтобы по достоинству оценить эти характеристики, следует помнить, что еще летом 1941 г. «оружейной мастерской» Урал не именовали.

Особо востребованным в мобилизационной культуре стал образ *седого Урала* с его традициями мастерства. Растиражированное в советской печати «Новогоднее письмо» уральцев Сталину (на самом деле представлявшее только трудящихся Свердловской области и созданное рядом эвакуированных и местных литературных работников, в первую очередь И. И. Ликстановым, А. Л. Барто и др.)⁹³ игнорировало дискурс *кладовой богатств*, зато активно опиралось на богатую историю *седого Урала*: «Не впервой нам ковать мечи»⁹⁴. Уральская летопись запечатлела на своих страницах славных кузне-

---

⁹² Урал – становой хребет нашей обороны // Известия. 1942. 11 дек. № 290.

⁹³ См. главу 1 настоящей работы.

⁹⁴ О том, что этот текст был прочитан адресатами, говорит следующее письмо из Сталинграда, опубликованное в «Уральском рабочем» в начале 1943 г.: «Дорогие товарищи уральцы! Вам не впервые приходится ковать мечи, выступать на помощь родине. Каждый боец и командир на фронте повседневно чувствуют воинственный несокрушимый дух Урала в рокоте “КВ” – флагманов наших танковых войск, видят отблески его плавок в булатной стали кавалерийских клинков, слышат эхо трудовой симфонии в незабываемой музыке нашей славной артиллерии» (Письмо уральцам от героев Сталинграда // Урал. рабочий. 1943. 14 февр.).

цов, мастеров оружия. Из рода в род до наших дней прославили они тайну сплавов, секреты хитрой варки высокосортных сталей. Новых богатырей труда породил сегодня сталинский Урал. Храня древние традиции своего ремесла, вооруженные сложной техникой мастера Урала куют надежное оружие для Красной Армии»⁹⁵. Упоминание о вкладе уральских оружейников в победу российской армии в Семилетней и Отечественной войнах стало общим местом многих статей⁹⁶, хотя в отдельных случаях базой для исторической спайки Большого Урала могла служить и история о революции и Гражданской войне⁹⁷. Ленинградский поэт и драматург Н. К. Мерцальский, в 1941–1942 гг. находившийся на Урале, в 1942 г. написал песню «На Исети-реке» от имени рабочих Верх-Исетского завода, в которой уверенно воспроизводит нарратив о традициях *седого Урала*:

На Исети-реке,
В небольшом городке,
Мы родились, любили, росли мы...
Наш завод двести лет
Варит сталь для побед
Нашей родины непобедимой.

---

⁹⁵ Новогоднее письмо уральцев товарищу Сталину.

⁹⁶ См.: *Хандрос В.* Свердловск // Правда. 1941. 23 дек. № 355; *Сафонов В.* Меч Победы // Известия. 1945. 1 янв. № 1 (8611).

⁹⁷ Так, на Белорецком заводе важную роль в мобилизации трудовых сил играла память о революционных событиях и годах Гражданской войны, когда летом 1918 г. Белорецк выступал «партизанской столицей», центром консолидации красных сил на захваченном белыми Урале: «Рабочие Белорецка – потомственные металлурги. Они имеют замечательное революционное прошлое, славные боевые традиции. Еще их прадеды готовили вооружение войска Пугачева. Здесь в свое время вел большую подпольную работу Яков Михайлович Свердлов. Здесь протекала кипучая деятельность замечательного большевика... Павла Варфоломеевича Точисского. В годы гражданской войны партизанские отряды белоречан беспощадно громили вражеские банды, рабочие заводов не покладая рук днем и ночью неустанно ковали победу над врагом» (*Симонов П.* Белорецкие металлурги – фронту // Красная Башкирия. 1941. 23 нояб. № 278). И если на уровне Башкирской АССР в целом уральская идентичность не подчеркивалась, то локальная белорецкая газета охотно ссылалась на революционные традиции Белорецка и «исторические традиции рабочего класса Урала» (*Алферов Р.* Белорецк 1917–1941 гг. // Белорец. рабочий. 1941. 7 нояб. № 199).

В славных русских полках,
В их граненых штыках
Верх-исетские стали блистали...
Все враги на войне,
На своей на спине
Тяжесть нашей руки испытали.

Приведем:

Верх-Исетский завод – дом родимый,
Весь советский народ – нам семья...
Изумрудный Урал, край любимый,
Это – родина милая моя⁹⁸.

Известные журналисты И. И. Бачелис и Т. Тэсс, публикуя репортаж о Первоуральске, замечали: «Урал воюет – он мобилизовал людей и недра, огонь плавильных печей и огонь испепеляющей ненависти и стал оружейной мастерской, арсеналом страны, становым хребтом ее обороны. Налитый тяжелой негнущейся волей Урал до физической ощутимости увеличил свой удельный вес, свое значение для страны. Весь, до последнего камня, он оказался способным разить врага, и здесь отчетливо чувствуешь, что значит быть отданным борьбе без остатка»⁹⁹.

Видный литературовед Л. П. Гроссман, в 1943 г. одобрительно отзываясь о военной поэзии К. Г. Мурзиди, замечал: «Взятая в разрезе войны, тема Урала получает в стихах Мурзиди новое звучание. Из местной или “областнической” она становится общенациональной и глубоко современной. Пластически выразительные и полнозвучные стихи уральского поэта о “седом хребте”, ставшем в эпоху величайшей из войн несокрушимой опорой народной обороны, войдут ценным вкладом в современную поэзию и займут в ней свое место»¹⁰⁰. «Индустриальный Урал заслуженно называют становым хребтом обороны Советского Союза, боевым арсеналом нашей Родины. <...> Урал и уральцы окружены ореолом почета и славы в нашей

---

⁹⁸ Мерцальский Ник. На Исети-реке: Песня ВИЗа // Говорит Урал. Свердловск : ОГИЗ, 1942. С. 271.

⁹⁹ Бачелис И., Тэсс Т. Город на Урале // Известия. 1942. 31 дек. № 307.

¹⁰⁰ Гроссман Л. Стихи о войне и Урале // Урал. рабочий. 1942. 14 авг. № 167.

стране. С именем уральцев связывают в нашем народе все героическое, что совершают советские люди в боях и в труде. Уральские большевики, многомиллионная армия тружеников Урала с честью оправдывают высокую оценку нашего народа. В трудовых подвигах, в самоотверженном труде уральцы выступают зачинщиками, запевалами, они прокладывают новые пути в технике и в организации производства, они показывают великолепные образцы освоения новых научных методов, они укрепляют тесный, органический контакт между наукой и производством»¹⁰¹.

Упомянутые выше Бачелис и Тэсс в конце 1942 г. подчеркивали, что есть два Урала – Урал-кладовая и Урал-кузница: «Урал, богатство наше. Это – цехи, из которых выходят танки, это – заводы, где делают пушки, это – снаряды и бомбы, моторы и патроны, это – самолеты, впервые взлетающие с заводских аэродромов. Все это – индустрия Урала, его богатство и его доблесть. Но есть еще другой Урал, дремучий, волшебный, с горами, полными сокровищ, с землями, по которым бродят разведчики и открывают нефть, уголь, золото, – Урал в лесах и долинах, Урал – река, Урал – гора, земля наша Урал. Нет числа его богатствам, и, как в детстве, кажется: нагнешься – подымеешь изумруд; ударишь киркой – увидишь железо; наклонишься над ручьем – и в глаза тебе блеснут крупинки золота»¹⁰².

Получалось определенное противоречие: с одной стороны, трудовой подвиг уральцев заключался в том, что они освоили новую, сложную оборонную продукцию (отчетливо эта линия проходила в публицистике, связанной с Магнитогорским комбинатом), а с другой – уральцы столетиями снабжали страну оружием и были кузнецами обороны *всегда*. Постепенно второй (исторический) взгляд вытеснял первый (технологический) благодаря комбинации факторов: формировавшемуся еще в 1920-х гг. представлению о специфике *седого Урала*, усиливавшемуся с конца 1930-х гг. интересу к дореволюционной истории, а также территориальной специфике индустриальной идентичности, позволявшей фактически отождествить Урал с советским тылом.

---

¹⁰¹ Новая победа тружеников Урала // Известия. 1945. 7 янв. № 6.

¹⁰² Бачелис И., Тэсс Т. Город на Урале. № 307.

2.3. «Чудесный сплав» – эвакуированные и уральцы

Ключевым фактором преобразования уральской индустрии в ту силу, которая оказалась способной выиграть войну, считалась эвакуация. Неудивительно, что красной нитью через массив литературы и публицистики времен войны проходит тема взаимодействия эвакуированных и уральцев. Несмотря на то что размах эвакуации был поистине колоссальным, он все же затрагивал меньшинство граждан СССР. Однако в число эвакуированных входил тот социальный слой, который в значительной мере определял экономический и политический облик Советского Союза: квалифицированные рабочие, инженеры и ученые, занимавшие в довоенный период руководящие должности в структурах планового хозяйства. Как мы видели выше, нарратив о политэкономии советского тыла в условиях мобилизации мог представлять в различных обликах. Его направленность в громадной мере определялась усилиями эвакуированной творческой интеллигенции, а также присутствием чрезвычайно влиятельного адресанта – того самого слоя эвакуированных, с тяготами осваивавшегося на новом месте. Совокупность этих факторов привела к тому, что индустриальный Урал рассматривался в первую очередь сквозь оптику эвакуации.

Настоящей эпопеей об эвакуации стал роман А. А. Первенцева «Испытание» (1942). В нем повествуется об авиационном заводе, работавшем в Поднепровье. Несмотря на приближение вражеских войск, заводской коллектив отвергает саму мысль о том, чтобы покинуть свой прекрасный завод и «поселок белых коттеджей». Лишь постепенно, под ударами врага, приходят рабочие авиазавода к мысли о неизбежности эвакуации; они грузят и отправляют оборудование на восток. Наступает «страшная дождливая ночь», в которую завод подготовлен к уничтожению: «Длинные линии сборочных цехов. Как мертвые руки, повисли краны эстакады. Здесь собирали центропланы, крылья, фюзеляжи. Некоторые стапели для сборки, громоздкие и непригодные для далекого путешествия, скоро должны тоже обратиться в черную пыль, которая сядет на каски немецких солдат

и бронелюки танков как пепел проклятия»¹⁰³. Один из работников, Хоменко, получает ранение от мины, теряет семью. Он не выносит прощания с заводом, идет к месту взрыва, держа раненые, раздробленные взрывом руки (параллелизм с «мертвыми руками» заводских эстакад) перед собой, и погибает, убитый куском швеллера при страшном взрыве. «Поселок белых коттеджей» обращается в мертвую пустыню. А коллектив завода, бросив все, спешит на восток.

Это тяжелый путь, и теплого приема в уральском тылу эвакуированные не ждут. Отец главного героя, старший Дубенко, так характеризует общие опасения: «Никто не знает, чего на Урале ожидать. Балакают, что на Урале народ, не в пример нашему, тяжелый, недоверчивый. Видишь, местность какая – как тюрьма для нашего брата, для степового. Лес и лес. Вздохнуть нечем, прямо задавил. Как-то нас примут новые хозяева? Едем в Строгановщину, так на какой-то станции объяснили. Зря такое название не дадут – видать, народ строгий там»¹⁰⁴. Встречает эвакуированных «потомственный уралец», спокойный и деловитый производственник Угрюмов. Он рассказывает Дубенко о том, что Урал – страна богатств, «край качественной металлургии, прокатных заводов, химии, соли, угля, нефти, судоводных рек, прекрасной древесины, край золота и драгоценных камней»¹⁰⁵. Он подбадривает Дубенко: «Производственник поймет и полюбит Урал быстрее. А вы производственник. Уралец неотделим от Урала. Столетия борьбы с камнем, металлом огрубил его снаружи, но если расколоть, то внутри золотая жила»¹⁰⁶. Даже фатоватый и трусливый парторг транспортного цеха авиазавода Белан на Урале преобразуется в делового и отважного человека. На новом месте, посреди мрачной и дикой уральской природы, эвакуированные возводят новый «поселок белых коттеджей», который по совету Белана решают назвать именем Хоменко.

Можно сказать, что лейтмотив литературы об эвакуированных – тоска по дому, стимулирующая работать еще лучше. Один из главных героев серии очерков Первенцева «По Уралу» (1942), заместитель

---

¹⁰³ Первенцев А. Испытание. Молотов : Молот. обл. изд-во, 1942.

¹⁰⁴ Там же. С. 113.

¹⁰⁵ Там же. С. 121.

¹⁰⁶ Там же. С. 164.

народного комиссара угольной промышленности Т. Е. Абакумов¹⁰⁷, сам выходец с Донбасса, ностальгически вспоминает: «А чем Донбасс от Губахи отличается? Ничем. Гор нет, зато холмы как горы, да сквозняков больше, только и всего. И нет для меня места лучше Донбасса! Потому что там прошли детство и юность...»¹⁰⁸. Равным образом скучают по своему городу ленинградцы, волжане. Описывая эвакуированный завод, делающий снаряды и разместившийся в здании элеваторного склада¹⁰⁹, видный публицист Л. В. Никулин (находившийся в 1941–1942 гг. в эвакуации в Челябинске) подчеркивал: «Костяк завода – эвакуированные волжане, люди, влюбленные в свой родной город, в красавицу Волгу, в незабываемый привольный пейзаж, открывающийся с откоса. Грустно было все это оставить, трудно начинать новую производственную жизнь в суровом климате, в непривычном, неприспособленном здании. Но все, как говорят, обошлось, и люди дружно и славно работают бок о бок с уральцами, культурно работают»¹¹⁰.

М. С. Шагинян, говоря о криворожских горняках в Нижнем Тагиле, тоже акцентировала тяготы эвакуации. Эвакуированные прибыли в «маленький уральский городок» и никак не могли освоиться в новой обстановке: «У себя они привыкли к большим домам с десятками квартир, встречались с соседями на лестницах, в клубе, в парке отдыха и культуры, в столовой. Жизни не представляли себе без радио, без газеты. А здешний народ – молчаливый. После работы прячутся по домам. Как идти к ним в гости, если вокруг рудника – снежное поле, до ближайшей улицы три километра, а домики редкие, в садах – запутаешься в них, покуда найдешь нужный номер. И криворожцы тосковали»¹¹¹.

Тоска в данном случае подразумевает не просто эстетические неудобства, доставляемые отсутствием привычных видов на донбас-

---

¹⁰⁷ У Первенцева он назван Авакумовым.

¹⁰⁸ *Первенцев А.* По Уралу. Молотов : Молот. обл. изд-во, 1945. С. 14–15.

¹⁰⁹ Речь шла о заводе № 64 Наркомата боеприпасов, работавшем в Ярославле, а в конце 1941 г., перед лицом угрозы налетов люфтваффе, переброшенном в Челябинск и разместившемся в складах.

¹¹⁰ *Никулин Л.* Люди и снаряды // Правда. 1942. 30 сент. № 273 (9044).

¹¹¹ *Шагинян М. С.* Южный Урал. [Челябинск] : Челябингиз, 1946. С. 7.

ские холмы или волжские речные просторы. Тяжелый, вынужденный характер эвакуации не скрывался, подчеркивался. А. А. Первенцев в начале 1943 г. замечал: многим эвакуированным «казалось, что они везут охладевший труп родного предприятия»¹¹². Для эвакуированных история об уральском трудовом фронте была одновременно историей страданий и скитаний, связанных не только с изматывающим трудом, но и с тяготами эвакуации. В очерках упомянутого уже Л. В. Никулина «Люди Южного Урала» (1942) практически все герои, кроме двух девушек со скромным производственным стажем, на самом деле не уральцы, а эвакуированные из Ленинграда и Харькова. Один из этих очерков, посвященный старому рабочему из Поднепровья Н. Макарову, построен на контрасте. Старый мастер жил в родном городе, который очень любил, в своем домике с садом на балконе; теперь, на Урале, он «сгорбился, поседел, постарел», по пути на Урал похоронил любимую жену и едва не потерял дочь; обитает Макаров теперь в убогой землянке, страдая от леденящего холода и ежедневно проделывая по двенадцать километров тяжелого, пешего, заснеженного пути к заводу и обратно.

Хотя очерк Никулина задумывался как демонстрация негибачего характера старика-рабочего и был ориентирован на то, чтобы стимулировать и других эвакуированных стойко переносить невзгоды, он может восприниматься также и как описание ужасов войны, отобравшей у Макарова все, что он любил, и зашвырнувшей его в убогую землянку на промерзшем краю света¹¹³. В контексте литературы эвакуированных призывы работать лучше и больше приобретают дополнительный смысл: работать лучше и больше, чтобы скорее победить врага и выбраться из этого мрачного края, вернуться в родную донецкую степь или на берега Невы.

В стихотворении знаменитого поэта В. М. Гусева «Мать и сын», опубликованном 11 марта 1942 г., мать и сын таят друг от друга полученные с фронта страшные вести о гибели отца, не желая еще

---

¹¹² Первенцев А. Люди Урала // Известия. 1943. 9 янв. № 7 (8000).

¹¹³ См.: Никулин Л. Урал Южный. М. : ОГИЗ ; Гос. изд-во худож. лит., 1943. С. 39–45.

больше отягощать родного человека, и так подавленного тяжким трудом и свирепой уральской зимой:

Жена замолкла. Слов не подобрать.
Как сыну, мальчику, об этом рассказать?
Ему учиться будет тяжело.
Нет, не скажу. А за окном мело,
А за окном седой буран орал.
А за окном заводы, снег, Урал¹¹⁴.

Впрочем, еще прямолинейнее выразился челябинский поэт И. И. Картаполов в поэме «В тылу» (1940-е гг.), посвященной возведению Челябинского металлургического завода. Здесь уральский ландшафт прямо назван *недругом*:

Урал к пришельцам злобен, словно недруг:
Земля – под снегом, даль – во мраке туч.
Но люди знали, что в уральских недрах
Лежит руда – победы нашей ключ¹¹⁵.

В 1940-х гг. складывается своеобразный канон описания Урала, его ландшафтов, его цвета и звука. Прежде всего это суровая горная и лесная глушь. В 1945 г. В. Сафонов описывал читателям «Известий» знаменитую картину И. И. Воскобойникова «Седой Урал кует победу» (1943), словно бы суммируя элементы конвенции об уральской природе: «Суровый уральский пейзаж: горы, леса. На берегу реки большая наковальня, установленная на пне вековой сосны. Старик-исполин кует сверкающий меч»¹¹⁶.

Урал – ландшафт *темный* и *дымный*. А. А. Первенцев показывал Губахинский коксохимический завод как царство черного и красного цветов и едкого дыма, заполонившего горную долину: «Искрасна-свинцовое облако висит над Губахой. Едкий дым проникает сквозь окна вагона. Появляется неприятный привкус во рту. Бороды огня

---

¹¹⁴ Гусев В. Мать и сын // Правда. 1942. 11 марта. № 70.

¹¹⁵ Картаполов И. И. Через огонь. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1965. С. 48.

¹¹⁶ Сафонов В. Меч Победы // Известия. 1945. 1 янв. № 1 (8611). См. параграфы 1.4, 3.2 и 4.2 настоящей работы.

и черного дыма полощутся в воздухе – горят коксохимические батареи Губахи. Отсюда идет кокс уральским металлургическим заводам, и Губаха должна дымить день и ночь»¹¹⁷.

С тьмой и дымом соседствует свет, которым окружены заводы-гиганты, – *электрический свет*, особенно впечатлявший эвакуированных, прибывших из зон, где постоянно приходилось затемнять города, и *яркое пламя* металлургического производства. И. И. Ликстанов давал картину Нижнего Тагила: «Ночной Тагил имеет свою гамму огней. Электрические белые солнца горы Высокой, оранжевый блеск доменных шлаков, зеленые вспышки электросварки, изумрудные и рубиновые светофоры на железнодорожных путях – это огни большой и бессонной индустрии. Далеко пылают рдяные яркие огни. Гигантские дымы, багряно освещенные снизу, поднимаются в небо колоннами. Это огни коксохимзавода, пущенного только перед войной»¹¹⁸. В тех же красках описывал Ново-Тагильский металлургический завод Ю. В. Гетлинг: «Ночью завод особенно хорош. Темные цехи его становятся еще более внушительными. Вспыхивают языки пламени, и через мгновение озаряется вся восточная часть неба над городом, и все предметы – дома, деревья, заборы – становятся розовыми, а цехи завода – еще более темными»¹¹⁹.

Гетлинг дополнял этот пейзаж звуковой картиной тагильской ночи: «В открытое окно врываются звуки большого города – пронзительные звонки трамвая, сигналы автобусов, трескотня мотоциклов. Терпко пахнет бензином и перегорелым маслом. Доносится песня. Чеканя шаг, проходит отряд добровольцев, отбывающих на фронт. Они спешат на поезд. Временами раздаются оглушительные взрывы. Это подрывают руду на горе Высокой»¹²⁰. Наконец, П. Пономарев описывал ночной вид артиллерийского завода № 172 – знаменитой Мотовилихи: «Ослепительно яркие лучи мартеновских цехов режут темноту, магниевые вспышки автогена на миг озаряют корпуса

---

¹¹⁷ Первенцев А. По Уралу. С. 11.

¹¹⁸ Ликстанов И. В царстве кокса // Нижний Тагил. Свердловск : Сверд. обл. гос. изд-во, 1945. С. 153.

¹¹⁹ Гетлинг Ю. Тагильская сталь // Там же.

¹²⁰ Там же.

и делают их причудливо огромными, тысячи электрических ламп то сверкают оранжевыми звездами, то, окутываемые паром и дымом, блекнут и исчезают совсем. Громяхают мощные молоты, тяжелыми вздохами выбрасывают пар выхлопные конусы прокатных станков и прессов. Звенит металл, свистят паровозы. И вдруг залп... второй... третий... Эхо раскатывается где-то далеко в лесу»¹²¹. В. Ф. Панова открыла роман «Кружилиха» (1947), описывающий Мотовилихинский завод, картиной восхода над Камой солнца и оглушительного заводского гудка, заглушающего все остальные звуки и делающего людей и машины завода беззвучными¹²².

Первенцев описывал цементный завод в Пашии как комбинацию «серого цвета и оглушающего грохота»¹²³. В 1945 г. писатель А. Г. Бармин рассуждал о том, что, случись в районе Нижнего Тагила нынче падение метеорита, сами тагильчане вряд ли бы его заметили: грома от взрывов аммонита на горе Высокой больше, а огненный свет Ново-Тагильского комбината – ярче¹²⁴. А вот рельефы нефтяных месторождений Башкирии в описании Б. Н. Агапова: «В холодном тумане, пронизанном утренним солнцем, – сотни вышек вышли к дороге, по которой, расплескивая черную грязь, медленно торопятся тракторы, запряженные в цистерны. Когда спадает их шум, можно слышать ровное посапывание и поскрипыванье – то работают возле скважин качалки, день и ночь поднимающие нефть из почти километровых глубин»¹²⁵. А. А. Первенцев давал характеристику звуковой картины эвакуированного авиазавода: «Равномерное гуденье станков успокоительно действует на Дубенко. Он идет в этом ритмичном гуле, видит пятна желтого света, падающие из-под колапков у каждого станка, подрагивание прутка, пережевываемого автоматами, тележки с деталями, автокары с крупными деталями... Завод живет. Еще не закончен, но живет! Чавкали прессы, горели терми-

---

¹²¹ Пономарев П. На боевом посту // Звезда. 1944. 19 нояб. № 226.

¹²² См.: Панова В. Ф. Кружилиха // Панова В. Ф. Собр. соч. : в 5 т. Т. 1. Л. : Худож. лит., 1987. С. 226.

¹²³ Первенцев А. По Уралу. С. 9.

¹²⁴ См.: Бармин А. В Нижнем Тагиле // Урал. рабочий. 1945. 19 окт. № 248 (9058).

¹²⁵ Агапов Б. Башкирская нефть // Известия. 1941. 16 окт. № 245 (7621).

ческие печи, гудел воздух в компрессорных трубах, градуировал по металлу станок, когда-то принадлежавший Хоменко»¹²⁶.

Суровый, холодный, дымный и огненный край – таким представлял Урал в литературе и публицистике 1940-х гг. Под стать этим ландшафтам были и их обитатели. Уралец в нарративе об эвакуации предстает как *другой*. Он обитает в экстремально холодном, негостеприимном климате, он сдержанный, неэмоциональный, но деловитый. Конечно, здесь есть определенные элементы теллурического образа, на который справедливо обращают внимание В. В. Абашев и М. П. Абашева¹²⁷. Однако этот теллуризм следует считать результатом взгляда извне, взгляда из центра, столицы, на периферию, провинцию. В литературе военных лет закреплялся стереотип мрачного, сурового, деловитого уральца, восходивший к более раннему пласту литературы 1920-х гг., связанному с трактовкой Урала как отстающей промышленной периферии (вспомним «тяжелодумность и неподвижность» уральских рабочих, о которых писал Е. О. Бумажный в 1920 г.)¹²⁸, но теперь особенно ярко проявлявшийся под оценивающим взглядом эвакуированных. Вокруг встречи эвакуированных с этим другим, обычно дополняемой трудными природными условиями, как правило, строятся художественные нарративы об эвакуации и трудовом фронте.

Например, именно эти штампы воспроизводил Л. В. Никулин, повествуя об одном из танковых экипажей: «В экипаже Родионова были коренные уральцы, один Родионов был ленинградец, словоохотливый веселый горожанин, бывший шофер большого металлургического завода. Родионова немного удивляли не слишком разговорчивые, сумрачные на вид уральцы – сталевар из Златоуста, шахтер из Копейска. Он привык к легким в работе, подвижным и веселым парням, а это была какая-то особенная молодежь – основательная в своих суждениях, немного медлительная. Но жаловаться на своих товарищей он не мог: каждый хорошо делал свое дело...»¹²⁹. Упомяная

---

¹²⁶ Первенцев А. Испытание. С. 164.

¹²⁷ См.: Абашев В. В., Абашева М. П. Литература и география.

¹²⁸ См. главу 1 настоящей работы.

¹²⁹ Никулин Л. Люди Южного Урала. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1943. С. 53.

составы с углем, нефтью и оружием, следующие через предгорья Южного Урала на запад, Никулин подчеркивал: «Все это – дело рук человеческих, все это – плоды величественного и благородного труда уральцев, народа немного сумрачного, но лютого в работе и в бою. Бок о бок с ними работают ленинградцы и украинцы, киргизы и казахи, грузины и татары – командиры и бойцы рядового фронта»¹³⁰. А. А. Первенцев аттестовал уральцев как неторопливых, выносливых «крепышей», как «надежное зимнее войско, привыкшее ко всему»¹³¹. Об этих же «уральских чертах» отзывался и К. Г. Мурзиди, – характерный дискурс оказывался интериоризирован самими уральскими литераторами:

Все на Урале кажется суровым.
Действительно, скупые на слова
Уральцы молча думали над словом,
И стало слово силой мастерства¹³².

Контраст черт эвакуированного южанина-живчика и сурового уральца оказался востребованным художественным приемом в литературе о трудовом фронте, в полной мере он применен, например, в повести А. А. Караваевой «Огни» (1945), где на танковом заводе в вымышленном уральском Лесогорске соревнуются, ссорятся друг с другом и, наконец, сливаются в единый коллектив эвакуированные южане и суровые уральцы¹³³. Наиболее ярким художественным воплощением отношений эвакуированных и уральцев стал фильм Л. Д. Лукова «Два бойца» (1943), поставленный по мотивам повести Л. И. Славина «Мои земляки» (1941). Повесть Славина целиком организована вокруг противопоставления разговорчивого, жовиального одессита Аркадия Дзюбина и застенчивого, физически могучего уральца Саши Свинцова (Саши-с-Уралмаша). Современный исследователь А. Э. Мурзин так характеризует образ Саши Свинцова: «Образ, сразу прочно засевший в памяти, оказал огромное влияние на фор-

---

¹³⁰ Никулин Л. Люди Южного Урала. С. 23.

¹³¹ Первенцев А. Люди Урала.

¹³² Мурзиди К. Слово уральцев // Урал. рабочий. 1943. 21 июля. № 150–151.

¹³³ См.: Караваева А. А. Огни. М. : Правда, 1945. С. 30–39.

мирование в дальнейшем отношения к Уралу и уральцам... Зрители с течением времени стали все больше выделять в качестве отличительных такие характеристики “Саши с Уралмаша”: “угрюмый уральский увалень”, “неразговорчивый”, “простодушный флегматик”, “незамысловатый, незатейливый великан”¹³⁴. Впрочем, как мы видим, Саша-с-Уралмаша не был изобретением Славина, а, напротив, перекочевал в его прозу (и оттуда на киноленту) из массива публицистики конца 1941 – начала 1942 г., гиперболически воспроизводя те «уральские черты», которые воспроизводились в характеристиках Урала и его рабочего класса еще со времен революции.

Почему они, уральцы, именно таковы? Очевидным объяснением в литературе *эвакуированных* выступала связь мрачноватых «крепкой» с суровой уральской природой – тем самым суровым, дымным, холодным ландшафтом гор и лесов, который мы сжато охарактеризовали выше. У А. А. Первенцева уралец Угрюмов объясняет эвакуированному из УССР Дубенко связь между уральским характером и уральской природой: «Вот почему удивляются характеру уральца, что, спокойный, он не склонен к быстрому раздражению, немного угрюм, но преисполнен собственного достоинства. Вот отгадка характера уральца, Богдан Петрович. А какие горы! Мальчишки носятся на лыжах с этих гор, как хотят. Приезжие спрашивают – почему уральцы такие бесстрашные и выносливые? Крепкие люди получают среди этой природы и смелые духом»¹³⁵. Время от времени картины уральской природы приобретали восторженно-штампованный характер. Так, Ф. В. Гладков вложил в уста выдуманного старого уральца Никифора (прототипом которого отчасти выступил ударник Свердловского завода агрегатных станков Г. Т. Бобин) восторженную тираду о чудесной уральской природе: «Откровенно скажу, товарищи, Урал мой, край мой родной, красовался передо мною золотом, малахитом, самоцветами. <...> Но наипаче увлечение душе дают наши ночи уральские. Эх, и ночи! Изумруд в серебре, а не ночи»¹³⁶.

---

¹³⁴ Мурзин А. Э. Советский миф в судьбе Урала. С. 203.

¹³⁵ Первенцев А. Испытание. С. 123.

¹³⁶ Гладков Ф. Опаленная душа // Урал грозный. С. 140–141.

Впрочем, помимо природного фактора на формирование уральского характера влияет наследование, осмысленное теперь в логике историзма: с осени 1941 г. уральцев все чаще аттестовали как *потомственных* мастеров, наследников традиций *седого Урала*. Первые заметки о потомственных мастерах были, как и в довоенный период, связаны со старыми заводами относительно небольшой мощности. Например, тема старых, потомственных уральских рабочих поднималась в очерках Н. Лерина для «Челябинского рабочего». Описывая неназванный по имени Кусинский завод (предприятие, делавшее батареи и экономайзеры для коммунального хозяйства, с началом войны переключилось на выпуск корпусов минометных снарядов), Лерин характеризовал местных рабочих как потомственных мастеров, поколениями трудившихся на старом заводе посреди лесной глуши: «Мастерство выращивалось десятилетиями, передавалось от отца к сыну. Оно становилось все более гибким, отточенным, изумительным в своем совершенстве. <...> Мастера этого завода – прежде всего художники, творцы. Вся история завода воспитала в них качества художников»¹³⁷.

Кусинский завод с 1860-х гг. был одним из центров художественного чугунного литья на Урале¹³⁸. Но на протяжении осени 1941 г. понятие о потомственных мастерах-уральцах начало расширяться, охватывая рабочий класс Урала в целом, становясь из специальной характеристики, применяемой зачастую в «компенсационном» порядке к старым и технологически слабым предприятиям, квазиэтнической формулировкой для описания региона в целом. Вот как Ф. В. Гладков описывал знатного уралмашевского токаря В. Ф. Иванова: «Он как будто вслушивается в себя и осторожно проверяет свои слова. Но это поэт, и каждое слово у него задушевное. Впрочем, он пишет стихи и стесняется своей слабости. Он уралец, вероятно, потомок тех рабочих, которых описывал когда-то Мамин-Сибиряк в своих “Бойцах”. Но он уже сын тех уральцев, которые дрались

---

¹³⁷ Лерин Н. Завод и люди // В тылу как на фронте. Челябинск : ОГИЗ ; ЧелябГИЗ, 1941. С. 33.

¹³⁸ См.: Баганова Н. В. Кусинское художественное чугунное литье (1860–1917 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. № 27. С. 78–86.

с Колчаком. В нем кровь революционера и партизана, и сам он рос и воспитывался как большевик»¹³⁹. И. И. Бачелис и Т. Тэсс давали в конце 1942 г. такую характеристику «молчаливым, обстоятельным уральцам» с титано-магнетитового рудника близ Первоуральска: «Они слыли раньше неторопливыми, но сейчас узнали другую цену времени и сохранили от прежней повадки только те же обстоятельность, спокойствие и упорство, с которым они выполняют любую задачу. Лица их обветрены, руки черны и крепки, как корни. Это народ умелый, верный и выносливый. Это народ, на который можно положиться: они сделают все так, как требует фронт»¹⁴⁰.

Л. К. Татьяничева, чья литературная карьера складывалась на Урале еще в 1930-е гг., теперь следовала в этом же концептуальном русле, рисуя в 1941 г. образ «скупого, неречистого» мастера, «старика-ведуна», отправляющего сыновей на бой и становящегося к печи плавить чугун:

Металл наш издавна силен,
Врага разит он насмерть.
...Сияньем плавки озарен,
Стоит у домны мастер.
Седоволос, угрюм, кряжист,
Отметки лет на коже.
Он на Урале прожил жизнь,
Отцы и деды – тоже.
Он сотни раз в леса ходил
На зверя и на птицу.
Из горных речек воду пил
И все не мог напиться...
Все руды знает наизусть.
Повадки их, характер.
Свердловск, Челябинск, Златоуст –
Везде известен мастер¹⁴¹.

---

¹³⁹ *Гладков Ф.* Пафос боевого труда // Известия. 1941. 18 окт. № 247 (7623).

¹⁴⁰ *Бачелис И., Тэсс Т.* Город на Урале.

¹⁴¹ *Татьяничева Л. К.* Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1. М. : Худож. лит., 1985. С. 49. Интересно, что потомственный мастер у Татьяничевой – это еще и «магнитогорский старожил», т. е. обитатель именно того города, который среди всех уральских локусов был наименее чувствителен к теме *седого Урала*.

Эти суровые мастера уступают эвакуированным во владении новейшей техникой (превосходство заводов Донбасса, Ленинграда и Поднепровья в данном аспекте практически никогда не оспаривалось в литературе об эвакуации), но имеют свои особые секреты, уральское искусство, передающееся среди старых рабочих династий. А. А. Караваева, рассказывая о строгале-многостаночнике неназванного по имени Уралмашзавода Е. П. Симбиреве, аттестовала его мастерство именно ссылкой на особые уральские качества, «крепкое мастерство уральских строгалей»¹⁴². Появление этого секретного уральского искусства вовсе не вытекало из индустриального дискурса предшествующего десятилетия; напротив, оно тоже было концептуальной новацией. Ведь еще в 1933 г. знаменитый журналист Б. А. Галин, описывая пуск Уралмаша, ставил крест на старом индивидуальном мастерстве: «Масштабы производства на УЗТМ настолько громадны и в то же время характер выполняемых работ настолько индивидуален, что они требуют от работника высокой трудовой выучки. Но это не старое мастерство, возвращенное на секретах и годами накапливаемых производственных приемах. Работа на заводе, производящем заводы, требует высокого, соответствующего новейшим механизмам мастерства. Кустари тушуются, съеживаются в цехах завода широчайших горизонтов и возможностей»¹⁴³.

Итак, Урал, кладовая страны и кузница войны, населен двумя группами населения: эвакуированными (общительными, разговорчивыми, владеющими новейшей техникой производства) и собственно уральцами (мрачноватыми, деловитыми носителями старинных традиций мастерства). Д. И. Заславский говорил в данной связи о «человеческой шихте», которая в «огне патриотизма» превращается на Урале в сплав¹⁴⁴. А М. С. Шагинян подчеркивала эффект взаимодействия эвакуированных и местных стихотворением «о том, как делать булат»:

---

¹⁴² Караваева А. Человек, который ведет // Правда. 1942. 1 авг. № 213 (3984).

¹⁴³ Галин Бор. Широкие горизонты // Там же. 1933. 12 июня. № 190 (5716).

¹⁴⁴ См.: Заславский Д. Урал новогодний // Великая клятва вождю. Свердловск : ОГИЗ ; Свердловгиз, 1943. С. 51.

Свойства их разны были всегда:
Ковко железо, а сталь тверда.
Сплавь их, получишь в одном металле
Ковкость железа и твердость стали¹⁴⁵.

Отношения между двумя группами были неравными, во-первых, потому, что на уральца обычно смотрели через оптику эвакуированных, а во-вторых, потому, что в паре эвакуированный – уралец доминировал все-таки эвакуированный. Примечателен диалог, имевший место в апреле 1942 г. между А. И. Семиволосом и его последователем, бакальским горняком В. Кривоносовым, упрекнувшим Семиволоса в том, что тот не соблюдает свою же стахановскую норму:

«– Подожди, дай пообвыкнись, присмотришься, скоро я и мои товарищи начнем работать в полную силу. Кстати, как ты буришь верхнюю скважину?»

– С плеча.

– А я с колена.

– У тебя вруб какой бывает?

– Клиновый.

– А у меня прямой. Замечаешь разницу?

– Но мой труд более рационален, – не сдавался Кривоносов, – я учитывал условия Бакала.

– Извини меня, Василий, думаю, что ты недостаточно знаешь местные условия.

– Я рад, что ты их изучаешь, – сдержанно отозвался Кривоносов.

– Да, изучаю, мой друг. Скоро дело, думаю, пойдет живее»¹⁴⁶.

Конечно, Семиволос нашел новый метод бурения, и Кривоносову осталось только развести руками и признать, что эвакуированный действительно изучил местные условия лучше местных: «Как-то даже неудобно вспоминать нашу недавнюю работу... Многому мы у южан научились!».

В повести А. Ф. Полякова «Белые мамонты», сюжет которой прослеживает путь танков КВ от заводского цеха до поля битвы, развертывание Кировского завода в уральском тылу предстает как

---

¹⁴⁵ Шагинян М. С. Южный Урал. С. 6.

¹⁴⁶ Гринфельд С. Славные традиции // Труд. 1942. 23 апр. № 98 (6435).

символическое *завоевание*: «Они высадились здесь как могучий боевой десант. <...> А через несколько дней от Свердловска до Магнитки рабочие и руководители предприятий почувствовали, что значит работать по-кировски во время Отечественной войны. <...> Фронту надо дать танков столько, сколько он требует. Таков был лозунг нашей воюющей страны. Под этим лозунгом и началось горячее пролетарское содружество ленинградцев с уральцами. Заказы кировцев летят во все концы Урала. Напрягла свои мощные силы Магнитка. Заводы начали быстрее и энергичнее плавить чугуны, лить сталь, отковывать броневые плиты»¹⁴⁷. Хотя Поляков говорил о «содружестве» эвакуированных и местных, формулировки в тексте выглядят резкими, – то, что под пером писателя представало большевистской напористостью кировцев, в ретроспективе выглядело грубостью, которой прославился противоречивый «танковый король» И. М. Зальцман¹⁴⁸: «Кировцы в Ленинграде тоже делали танки и выпускали их с заводского двора прямо на фронт, но фашистские самолеты все время мешали работать. “А вам кто мешает?” – спросил рабочих-уральцев в первый же день своего приезда директор Кировского завода тов. Зальцман – Герой Социалистического Труда»¹⁴⁹.

Было ли тракторостроителям больно выслушивать грубости от «танкового короля»? Челябинский тракторный завод не уступал Кировскому по своей славе. Если за кировцами была их революционная история, то за тракторостроителями – репутация крупнейшей стройки первой пятилетки, величайшего тракторного завода мира, советского «Катерпиллера», производителя прославленных «сталинцев». С прибытием ленинградцев завод сменил имя, отныне он именовался Кировским заводом. Изменила название и заводская многотиражка. К ноябрю 1941 г. упоминания о ЧТЗ в советской публичной сфере стали скупыми. Челябинский тракторный завод на время исчез с карты СССР, его место занял Кировский завод, переместившийся на восток. К тому же часть территории ЧТЗ занял эвакуированный Харьковский моторный завод.

---

¹⁴⁷ Поляков А. Белые мамонты. История пяти «КВ». М.: Сов. писатель, 1942. С. 4.

¹⁴⁸ См.: Федоров А. Н. «Танковый король» и «опальный генерал»: рождение легенды об Исааке Зальцмане // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 111.

¹⁴⁹ Поляков А. Белые мамонты. История пяти «КВ». С. 4.

Взаимодействие локальной (кировской) и региональной (уральской) идентичности было сложным. Решающим фактором танкового производства считались кировцы, которые *воспитывают* уральцев. Это подчеркивал, например, публицист А. О. Славутский, писавший: «Кировцы! Они принесли на Урал свой революционный темперамент, опыт борьбы, накопленный годами. На своих боевых традициях они воспитывают новых людей – юношей и девушек, которые, как и они, полюбили завод, для которых рабочее место стало местом боя»¹⁵⁰. Кировский завод регулярно характеризовался в литературе и публицистике как *уральское* производство, при этом подчеркивалась его специфическая *кировско-путиловская* идентичность, а конкретное размещение на новом месте оставалось неясным¹⁵¹.

В 1943 г. при составлении наказа Уральскому добровольческому танковому корпусу от трудящихся Челябинской области коллектив танкового завода предложил внести в текст следующую фразу: «Мы помножим традиции кировцев на традиции уральцев и вместе со славными добровольцами, уходящими на фронт, будем ковать оружие для окончательной победы над врагом»¹⁵². М. С. Шагинян с характерным для нее вниманием к производственным деталям отмечала: «Встретились и соединились три коллектива – местный, уральский, уже несколько лет привыкший образцово по конвейеру выпускать свою мирную продукцию, живые, культурные харьковчане, привезшие с собой высокую технику и точное, тонкое производство, и, наконец, молчаливые ленинградцы, опытнейшие специалисты-кадровики с золотыми руками»¹⁵³.

Освоение танкового производства и на ЧТЗ, и на нижнетагильском Уралвагонзаводе было сопряжено с разрушением старых производственных линий, заставивших уральцев пережить, пусть и в гораздо меньшей степени, ужасы эвакуации. Челябинцам приходилось

---

¹⁵⁰ Славутский А. Танкоград в эти дни // Известия. 1942. 7 авг. № 184 (7870).

¹⁵¹ См. главу 3 настоящей работы.

¹⁵² Цит. по: Вишев И. И. А. М. Климов – автор «Наказа Уральскому добровольческому танковому корпусу от трудящихся Южного Урала» // Всеурал. чтения по истории Урал. добровол. танков. корпуса. 2020 год. Пермь : б. и., 2021. С. 50.

¹⁵³ Шагинян М. С. Южный Урал. С. 10.

своими руками разрушать главную гордость индустриального Урала – конвейер гусеничных тракторов, чтобы на его месте развернуть сборку танков в «тупиках» по ленинградским схемам¹⁵⁴. О том, как это было болезненно, вспоминал ветеран ЧТЗ М. Я. Макагон, который, воздавая должное выдающемуся мастерству ленинградцев, замечал: «Но мы ведь тоже не лаптем щи хлебали. Раз посмотрел, два – достаточно. Первое время учились, дальше сами стали соображать, что к чему. Но многое из того, что мы предлагали, не принималось. Не верили в наши способности, боялись, что подведем. Очень было обидно. Вначале мы помалкивали: не очень еще в свои силы верили, а немного погодя свое начали доказывать. А потом не стало ни ваших, ни наших, все стало единое. Тут уж пошло дело... Хорошо пошло»¹⁵⁵.

Под именем Кировского завода жили *три* предприятия, организованных на разных принципах¹⁵⁶. Позднее челябинцам¹⁵⁷ удалось доказать превосходство поточного выпуска, и процесс выпуска танков был перестроен по их лекалам. В январе 1943 г. заместитель первого секретаря Челябинского областного комитета ВКП(б) по танковой промышленности Н. Д. Малиненко, выпускник Уральского индустриального института, работавший на ЧТЗ с 1935 по 1941 г., в докладной записке «О работе предприятий танковой промышленности за 1942 год» не без удовлетворения отмечал возврат к «передовой автотракторной технологии» в противовес ленинградской схеме производства: «Бывшие тракторные цеха очень быстро начали переход на автотракторную технологию обработки деталей и сборки, в то время как новые цеха с коллективами, воспитанными на универсальном танковом производстве, очень туго поддавались новым

---

¹⁵⁴ См.: *Ибрагимов Д. С.* Противостояние. М. : ДОСААФ, 1989.

¹⁵⁵ Цит. по: *Летопись Челябинского тракторного (1929–1945 гг.)* М. : Профиздат, 1972. С. 232.

¹⁵⁶ В сумме на исполинскую площадку ЧТЗ было переброшено около десятка производств, к тому же смежную специализацию освоил завод-сосед, бывший Станкомаш, также принявший ряд эвакуированных предприятий. Однако определяющую роль играли три коллектива – челябинский, ленинградский, харьковский.

¹⁵⁷ Важно, впрочем, отметить, что руководство ЧТЗ (в нашем случае уральцы) на деле состояло почти сплошь из харьковских и ленинградских инженеров, прибывших в Челябинск в 1930-х гг., поскольку своих кадров для транспортного машиностроения на Урале попросту не было.

для них принципам технологии и организации производства, упорно стремясь тянуть уже становящуюся непосильной программу по обновившейся технологии, за счет дальнейшего насыщения цехов универсальным оборудованием и пополнением квалифицированными рабочими кадрами»¹⁵⁸.

Много лет спустя после окончания войны журналист Н. Ф. Карташов задавал вопрос экс-главному конструктору челябинского завода имени Коллющенко С. М. Тарасову: как же вышло, что старый, плохо оснащенный завод смог выпускать реактивные минометы? Не обязан ли он этим эвакуированным коллективам с запада СССР? В ответе Тарасова оскорбленная индустриальная гордость сочеталась с риторической стратегией *седого Урала*: «Завод имени Коллющенко не случайно называют “дедушкой челябинской индустрии”». А раз “дедушка” – стало быть, опыт, традиции. Мы встретили москвичей и южан не “голенькими”, нет. Здесь десятилетиями воспитывались умельцы, здесь с начала века начали складываться славные революционные традиции, которые воспитывали у людей смелость, боевой дух, готовность преодолевать трудности; сюда, начиная с тридцатых годов, начала проникать новая техника и технология. И вот все это слилось с тем, что привезли на Урал москвичи и украинцы, в единый чудесный сплав»¹⁵⁹.

А поскольку сплав этот обладал конкретной географической локализацией, к 1943 г. между понятиями «Урал» и «советский тыл» начали ставить знак равенства. Благодаря этим риторическим уравнениям понятие об Урале в годы Великой Отечественной войны поднялось на новый уровень: не просто кладовая ресурсов, крепость обороны или кузница оружия, но олицетворение советского тыла в целом, единая крепость крепостей, кузница кузниц, объединившая и превзошедшая все остальные. В начале 1943 г. передовая «Правды» фиксировала это тройное единство *фронт = тыл = Урал*: «Народ-воин сражался на фронте, отбивая яростные атаки врага, уничтожая

---

¹⁵⁸ Цит. по: Путь к Победе: Эвакуация промышленных предприятий в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. док. / редкол.: Н. А. Антипин и др. Санкт-Петербург : Первый ИПХ, 2020. С. 148.

¹⁵⁹ *Карташов Н.* Опорный край державы // Каменный пояс. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1975.

его живую силу и технику, подготавливая новые сокрушительные удары по врагу. Народ-труженик создавал новую промышленную базу, перевозил заводы, строил новые. И перед восхищенными взорами всего мира явил свою новую силу сталинский Урал, который стал арсеналом, кузницей всех видов и родов оружия для нашей Красной Армии»¹⁶⁰. Д. И. Заславский объяснял, что Урал теперь стал чем-то большим, нежели географическое понятие: «За выполнением боевого заказа люди сроднились в цехе, как в окопах, стали понимать, что такое теперь Урал. Не география это теперь, не одна только хотя бы и важнейшая отрасль советской страны, а грозный арсенал Красной Армии, основа победы, могучая база хозяйственного возрождения разоренных немцами районов страны. <...> Это – в почве, в воздухе Уральского хребта. Вот почему, не забывая о Ленинграде, о своем славном заводе, кировцы стали называть себя уральцами, и москвичи – это тоже уральцы, и киевляне – это тоже уральцы, и коренные жители Урала почувствовали, как выросла их сила и какой вес приобрели они среди всего советского народа. Уральцы – это передовой отряд советского рабочего класса. Отечественная война собрала здесь, в старых и новых городах Урала, лучших, наиболее квалифицированных мастеров»¹⁶¹.

2.4. Клятвенный долг и трудовой героизм

Постулировав значение Урала как всесоюзной кузницы вооружения, дав характеристику «чудесному сплаву» уральских мастеров и эвакуированных специалистов и уравнивая Урал с советским тылом, новый дискурс об Урале был ориентирован на стимулирование высокой производительности. Разумеется, вся советская публичная сфера времен войны была нацелена на поддержку сражающейся армии, и в этом смысле призыв работать *больше* и *лучше* был вполне ординарным. Масса разнообразной литературы, создававшейся широким кругом, призывала тружеников тыла работать больше и лучше, снабжать армию всем необходимым и не жалеть усилий. Каждый должен

---

¹⁶⁰ 1943 год // Правда. 1943. 2 янв. № (9138).

¹⁶¹ Заславский Д. Урал новогодний // Там же. 4 янв. № 4.

исполнять свои обязанности на своем месте – таков был лейтмотив подобных произведений. Но неодинаковыми были ресурсы трудового фронта, неодинаковым было значение конкретных предприятий и даже цехов для выполнения оборонных задач, и, следовательно, трудовой фронт нуждался в дополнительном стимулировании, позволяющем выделить тех, кто выполняет свои обязанности особенно хорошо, выдвинуть их в качестве примера для других: «Конкретные персонажи, становясь на страницах газет эпическими богатырями и силачами, делали абстрактную социально-экономическую теорию живой и понятной»¹⁶². Советская публичная сфера была ориентирована на стимулирование такого рода, героизируя повседневный производственный труд, помещая работников в центр общественного внимания, прославляя их¹⁶³.

В условиях военной мобилизации сложно было сохранять эффективность подобной героизации, поскольку фокус внимания был смещен на сражающуюся армию, и те, кто трудились в тылу, оказывались по умолчанию дискриминированы этим четким делением на фронт, который проливает кровь, и тыл, который его снабжает. В 1941 г. видный публицист Б. Н. Агапов замечал: «Героизм тыла нелегко обнаружить сразу: часто он скрыт в такой обыкновенности, что, кажется, и нет его вообще»¹⁶⁴. Следовательно, ключевым ресурсом усиления мобилизационного эффекта было стирание грани между фронтом и тылом, описание тылового труда не просто как подвига, но как сражения, битвы. На протяжении осени 1941 г. в дискурсе об Урале складывается описание тыла как иной формы фронта.

Так, в октябре 1941 г. уже упомянутый Б. Н. Агапов, описывая ишимбаевские нефтяные промыслы в Башкирии, подчеркивал: «Вся жизнь города есть жизнь скважин и буровых. Вся цель города есть нефть. За ее уровнем следит каждый, как за сводками Информбюро. Ибо нефть – одно из условий победы, а верой в победу и волей к победе

---

¹⁶² Бугров К. Д. Соцгорода Большого Урала. С. 221.

¹⁶³ См.: Бугров К. Д. Индустриализация, газеты и рождение социалистической публичной сферы в советском городе (1920–1930-е годы) // Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России / сост. Т. Атнашев, Т. Вайзер, М. Велижев. М. : Новое лит. обозрение, 2021. С. 312–340.

¹⁶⁴ Агапов Б. Башкирская нефть.

живут все в Ишимбае». Отсюда он переходил к прямому уподоблению нефтеразработок фронту: «Здесь – тоже фронт. В непогоду и стужу, ночью и днем идет наступление на нефтяные подземные ДОТы, в которых залегла нефть. Ее побеждают разрывами торпед, жаром химических реакций, жестоким тараном буровой стали. Покоренная, течет она в цистерны и трубопроводы, чтобы потом привести в движение моторы наших станков и самолетов»¹⁶⁵. В передовице молотовской «Звезды» от 29 ноября 1941 г. говорилось: «Станок машиностроителя, отбойный молоток шахтера, пика сталевара – такое же грозное для фашизма оружие, как винтовка, пулемет и граната в руках бойца»¹⁶⁶. Высказывания рабочих, появившиеся в публичном пространстве, обращались к тому же сходству. Так, златоустовский сталевар П. Харин в ноябре 1941 г. говорил: «Когда я стою у печи и варю сталь, я вижу, как она превращается в грозные орудия, танки, бронемашинны, в снаряды, метко разящие ненавистного врага... Я работаю в тылу, но я чувствую себя фронтовым бойцом, я так же на фронте»¹⁶⁷. «Победа над коварным врагом куется у домен и мартенов, у токарных станков и прокатных станов»¹⁶⁸, – заявлял 30 декабря 1941 г. обермастер завода имени Куйбышева в Нижнем Тагиле Першин.

Интерпретация промышленного труда как боевого подвига открывала богатые возможности для стимулирующей образности, которой пользовались все, от крупнейших мастеров слова до поэтов-любителей. Так, Д. Бедный в 1943 г. опубликовал стихотворение «Залог Победы», посвященное труду шахтеров Кизела:

Наш народ и смел и ловок.
Спарил – доблестный почин! –
Меткость снайперских винтовок
С мощью врубовых машин¹⁶⁹.

---

¹⁶⁵ Аганов Б. Башкирская нефть.

¹⁶⁶ Выдавать уголь на-гора темпами военного времени // Звезда. 1941. 29 нояб. № 283.

¹⁶⁷ Цит. по: *Бойко М.* Творец стали // Пролетарская мысль. 1941. 25 нояб. № 282 (5911).

¹⁶⁸ Цит. по: Мартеновцы встали на сталинскую вахту // Урал. рабочий. 1941. 30 дек. № 310 (7921).

¹⁶⁹ *Бедный Д.* Залог Победы // Бедный Д. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1954. С. 107.

В 1942 г. В. Л. Занадворов написал «Марш строителей», где тыловой труд напрямую описан как битва:

В сугробах Свердловска, в урманах Тагила
Мы встали на сталинский зов,
С глазами бессонными войны тыла,
Строители новых цехов!
Мы гневом объаты, как в битве солдаты:
В уральскую злую пургу
Взлетают кувалды, сверкают лопаты,
Наносят удар по врагу;
Грохочет за лесом бетономешалка,
Как будто строчит пулемет,
Как будто за танком в сражении жарком
Пехота в атаку идет!¹⁷⁰

А. Я. Гольдберг, включаясь в 1942 г. в производство нарратива о Танкограде, конгломерате эвакуированных на площадку ЧТЗ предприятий, главную роль в котором играл Кировский завод, описывал тыловой труд как *битву* и как *чудо*, одновременно фиксируя характерный облик цехов тракторного колосса с «крылатыми» крышами, горными хребтами в миниатюре:

Вот он стоит перед тобою.
Его пурга не замела.
Труба теснится за трубою,
Как будто рыцари толпою
Сошлись на ратные дела,
Как будто гаубичным громом
Ты оглушен и уцелел
И, гневной совестью влекомый,
К началу штурма подоспел.
Бери ружье, хватай гранату,
Ложись на взвихренный сугроб,
Сейчас за этой канонадой
На приступ ринутся отряды,
И с ними ты ударишь в лоб.

---

¹⁷⁰ Занадворов В. Преданность. Молотов : Молот. обл. изд-во, 1946. С. 76.

Сейчас... И ты поймешь не сразу,
И ты не сразу разглядишь
Подобные горам Кавказа
Крылатые вершины крыш,
Бетонные, почти литые,
Чуть сумрачные корпуса,
Где труд воюющей России
Являет миру чудеса¹⁷¹.

Равным образом и Н. А. Асанов в поэме «Гневная Россия» (1942) давал картину развертывания эвакуированного производства, именуя труд в тылу «чудесным подвигом»:

...Голубой вольтаж
И голубой огонь печей плавильных
Преображали желтую руду
в металл блестящий.
Бились в пене мыльной
станки на увеличенном ходу.
И в этом чуде было больше чуда,
Чем мог себе представить человек.
И длинноствольные стволы орудий
под небом стыли. Красноватых век
поднять не в силах, люди продолжали
чудесный подвиг, начатый, когда
мы нашей грудью армии держали,
на поезда грузили города.
Здесь было не до сна. Сосна кривая
скрипела на пронзительном ветру,
вчерашний дом под нею и сараи
цехами становились поутру.
Еще ни потолков, ни перекрытий,
ни стен вокруг, но пламень ярко-ал,
и стал орудием металл отлитый –
о, житница войны! Седой Урал!¹⁷²

---

¹⁷¹ Гольдберг А. Танкоград // Гольдберг А. Мужество. Челябинск : ОГИЗ ; ЧелябинГИЗ, 1944. С. 7.

¹⁷² Асанов Н. А. Гневная Россия. Молотов : Молотовгиз, 1942. С. 73–74.

А. А. Караваева, в феврале 1942 г. повествуя о лучших сталеварах Свердловской области, заключала: «Бесстрашные воины любимой нашей Красной Армии! Громя врага на полях битвы, будьте уверены, что вместе с вами в сражении участвуют и помогают его исходу уральские мастера труда, славные сталевары, фрезеровщики, кузнецы, шахтеры. Пусть далеко они от огневой линии фронта – раскаленный ветер боя веет, носится повсюду за железным хребтом Урала, зажигает сердца людей...»¹⁷³. В начале 1943 г. А. А. Первенцев суммировал: «Очень трудно в уральском тылу. Я видел много заводов, опускался в шахты, наблюдал, как в неостывшие печи бросались безымянные герои Урала – расшлаковщики топок, чтобы своим невероятным трудом скорее пустить остановленную турбину; видел выплотчиков леса, по горло в ледяной воде боровшихся за каждое бревно, монтеров, тянущих электропередачу, утопая в гиблом болоте, людей с одеждой, разъеденной кислотой до лохмотьев, с руками, растравленными до кости. Знак равенства между трудом фронтовика и рабочего Урала безусловно поставлен этим огромным, прекрасным трудом. Недаром иногда кажется, что люди нарастили новые мускулы и вложили в груди новые сердца»¹⁷⁴.

Л. К. Татьяничева в 1943 г. писала о «безымянном городе» на Урале, в котором по описанию узнается Златоуст, представляя его «дзотом», где, несмотря на его тыловой характер, ничуть не тише, чем на фронте:

Отсюда отправляются составы,
Они везут чугун, железо, месть.
И тот, кто бой для тишины оставит, –
Тот не найдет себе приюта здесь.
Не будет мира, тишины, покоя,
Пока войны не минет тяжкий срок.
Как грозный дзот, стоит на поле боя
Уральский безымянный городок¹⁷⁵.

---

¹⁷³ Караваева А. Весна на Урале // Правда. 1942. 7 мая. № 121.

¹⁷⁴ Первенцев А. Люди Урала.

¹⁷⁵ Татьяничева Л. К. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1. С. 76.

Открывающее книгу Н. Смелянского и А. Заварова «Магнитогорская шестая» (1944) стихотворение без заглавия и без автора комбинировало разные стихотворения Татьяничевой (использовались фрагменты стихотворений «Строителям» и цитированного выше «Город Н.»¹⁷⁶), чтобы получить текст, в котором сам комбинат участвует в битве с ненавистным врагом, мстит ему:

Слышишь? Танки ринулись лавиной,
И за дзотом умолкает дзот –
Это немцев бьют на Украине,
Это наступает наш завод.
Мчатся в битву соколы-пилоты,
Города немецкие бомбят,
Сталью одевает самолеты
Наш орденосный комбинат.
Спешит на Запад армия героев.
Ведет полки великий Сталин в бой,
И, темпы наступления утроив,
Кует победу наш Магнитострой.
Стальная, нерушимая армада,
Строительства военного оплот.
И день и ночь здесь трудятся бригады.
Магнитогорск – не город – это фронт.
Отсюда отправляются составы,
Они везут чугун, железо, месть.
И тот, кто бой для тишины оставит,
Тот не найдет себе приюта здесь.
Нет тишины, нет мира, нет покоя.
Грохочет бой до самых дальних звезд.
И на врага стальной идет стеною
Суровый мститель – наш Магнитогорск!¹⁷⁷

---

¹⁷⁶ См.: *Татьяничева Л. К.* Строителям Магнитостроя // *Татьяничева Л.* Верность. Челябинск : ОГИЗ ; ЧелябинГИЗ, 1944. С. 5–6; *Ее же.* Город Н. // Там же. С. 10. Была ли автором стихотворения, помещенного в книге Смелянского и Заварова, сама Татьяничева или же кто-то использовал ее стихотворения (книга Смелянского и Заварова была подписана в печать 24 июля 1944 г., на четыре месяца позднее сборника Татьяничевой «Верность», в котором были опубликованы упомянутые стихотворения), еще предстоит выяснить.

¹⁷⁷ *Смелянский Н., Заваров А.* Магнитогорская шестая. Челябинск : ОГИЗ ; ЧелябинГИЗ, 1944. С. 5.

Сами работники Магнитки охотно сравнивали свои станки с артиллерийскими орудиями¹⁷⁸. Характерная риторика, в которой заведомо мирные производственные сооружения предстают дзотами или укреплениями, станки – орудиями и пулеметами, звуковой ландшафт приближается к боевому, позволяла стереть разницу между фронтом и тылом, выявить скрытый героизм тылового труда, подчеркнуть значение трудового подвига.

Другим способом стереть разницу между тылом и фронтом было обращение к сильным эмоциям – ярости, гневу, жажде отмщения. Тема возмездия оставалась актуальной с начала осени 1941 г., когда в советской публичной сфере начал расти поток публикаций о преступлениях оккупантов на советской земле, однако создание подлинной «науки ненависти» (так назывался рассказ М. А. Шолохова, увидевший свет 22 июня 1942 г.) пришлось на 1942 г. Все чаще речь заходила о конкретной, почти физической боли, которую причиняли работникам тыла злодеяния гитлеровцев (часто эту боль вызывала гибель близких людей), и о неудержимом гневе, который заставлял их работать *больше и лучше*. В марте 1942 г. М. С. Шагинян, говоря о трудовом почине фрезеровщика Уральского танкового завода Д. Ф. Босого, замечала: «Когда у фрезеровщика Дмитрия Филипповича немцы убили брата, все его чувства загорелись сразу, и его нестерпимо потянуло на фронт. Но в парткоме сказали: отомстить за брата можно и тут, работая на заводе. Дмитрий Филиппович вернулся к станку. С ним вместе к станку подошло большое душевное переживание. Гёте сказал: “Пусть люди немеют в скорби – мне дано рассказать о ней”. Дмитрию Филипповичу, как творцу, было дано рассказать о своей скорби, о ненависти, то есть найти равновесное, равновеликое воплощение тому, что он чувствовал, в деле своих рук»¹⁷⁹.

М. Полисюк в июле 1942 г. рассказывал о драме сталевара металлургического завода имени Серова А. И. Галямине: «Когда Александр Иванович Галямин... получил письмо с фронта, повествующее о том, как его сын Аркадий, славный разведчик, защищая родину,

---

¹⁷⁸ См.: *Еремин А.* Залп моего станка // Магнитогорский металл. 1942. 16 сент. № 91; *Любченко Л.* Ненависть окрыляла меня // Там же. 1943. 1 янв. № 1.

¹⁷⁹ *Шагинян М. С.* Вдохновение // Правда. 1942. 24 марта. № 83.

погиб смертью храбрых, он тут же пришел в цех. Его обуревало священное чувство мести. Александр Иванович встал к печи молчаливый, решительный, гневный. Работал он тогда зло, как никогда, и сварил отличнейшую сталь на 2 часа 25 минут раньше графика. Отец Галямин мстит и теперь фашистам за сына. Мстит каждый раз скоростными плавками прославленной серовской стали»¹⁸⁰. Тысячник-сталевар Уралмашзавода Д. Д. Сидоровский, в изложении А. А. Караваевой, делился своими мыслями о безудержной ярости, охватившей его с началом войны и вдохновлявшей на ударный труд: «А то, что война с нами делает, – этого огня в душе ни днем, ни ночью не потушишь. Она бы нам всю душу выжгла, эта страшная война, если бы в нас дух был другой. Нас Сталин ведет, нас Сталин учит, Сталин, партия дух поднимают... Прежде, в мирное-то время, ждешь, бывало, гудка, и приятно тебе, что вот смена кончится и ты пойдешь домой... А как война заполыхала, неохота стало дома сидеть – скорей бы в цех, лучше бы сработать. Даже во сне плавка снилась!.. Какая-то ярость овладела: больше, больше металла фронту, скорей разгромить гадов, вернуть нашу мирную, счастливую жизнь!.. Вот почему я в скоростные плавки сразу включился, хотя не я их начал»¹⁸¹.

К. Г. Мурзиди в 1942 г. прославлял ненависть к захватчикам как «великое чувство», объединяющее и уравнивающее бойцов на фронте и в тылу:

Это ненависть наша. Она не слабее
Всемогущей любви, и, толкая сердца
И на подвиг зовя, говорит она: «Бей их!
Бей проклятых врагов, разбивай до конца!».

Это ненависть требует: помни о долге
У черты огневой и в далеком тылу.
Как танкист принимает решительно к щелке,
Приникай, сталевар, к смотровому стеклу»¹⁸².

---

¹⁸⁰ *Полюсюк М.* Тайна сплавов // Правда. 20 июля. № 201.

¹⁸¹ *Караваева А.* Богатыри уральской стали // Говорит Урал. Свердловск : ОГИЗ, 1942. С. 61.

¹⁸² *Мурзиди К.* Великая годовщина // Там же. С. 5.

Еще одной формой риторической мобилизации тыла был *клятвенный долг*. Клятвы вождям были давней составной частью советской культуры, элементом социалистического соревнования, на которое опиралась плановая экономика. С началом войны в советской публичной сфере фигурировало огромное количество клятв и обетов, которые давали и отдельные боевые части либо предприятия, и целые отрасли промышленности, наконец, отдельные труженики тыла. Однако были среди них и особо значимые. Например, тяжелой осенью 1941 г. широко освещались клятвы народного ополчения ленинградцев и москвичей, а в октябре 1941 г., при обороне Тулы, пресса напоминала о клятве Тульского губернского союза металлистов Ленину в 1919 г. «умереть, но победить отечественных и иностранных империалистов, удешевить выработку оружия»¹⁸³. Среди этих клятв и обетов особое место занимала «клятва уральцев товарищу Сталину».

Строго говоря, клятвой она стала постфактум: в 1942 г. клятвой стали называть те обязательства, которые от лица уральцев принимала на себя Свердловская область согласно коллективному «новогоднему письму», подготовленному в декабре 1941 г. и появившемуся в печати в самом начале 1942 г.¹⁸⁴ Текст этот, чрезвычайно важный для развития уральской идентичности, имел резонанс. Так, полгода спустя передовая статья «Правды» декларировала: «Письмо уральцев, полное уверенности в силах нашей страны, наполнило бодростью сердца советских воинов. Они еще раз почувствовали: за их спиной крепкий и могучий советский тыл»¹⁸⁵. Спустя полгода после обращения, в июле 1942 г., глава свердловской партийной организации В. М. Андрианов уже называл эти обязательства «священной клятвой»¹⁸⁶. С тех пор и до конца войны каждые шесть месяцев на страницах центральных газет появлялся в конце июля полугодовой рапорт,

---

¹⁸³ Туляки куют оружие // Известия. 1941. 22 окт. № 250.

¹⁸⁴ См.: Новогоднее письмо уральцев товарищу Сталину. См. о нем параграф 1.4 настоящей работы.

¹⁸⁵ Рапорт и клятва уральцев нашему вождю и полководцу // Правда. 1943. 21 июля. № 181.

¹⁸⁶ См.: Андрианов В. Священная клятва уральцев // Там же. 1942. 20 июля. № 201.

а в начале января – годовой отчет Сталину, в которых уральцы сообщали о реализации своих обязательств и тут же брали на себя новые¹⁸⁷.

Совокупность этих текстов стала считаться «клятвой уральцев товарищу Сталину». Об их значимости говорит тот факт, что в начале 1943 г. рапорты и письма Сталину с приложением обобщающих статей ведущих советских публицистов об Урале были опубликованы отдельным сборником под заглавием «Великая клятва вождю». Портретом Сталина и картиной «Рабочие подписывают новогоднее письмо уральцев товарищу Сталину» открывался альбом рисунков художника П. Васильева (1943)¹⁸⁸, и тем же письмом-клятвой начинался фильм «Урал кует победу» (1943)¹⁸⁹. Аналогов этой беспрерывно возобновляемой клятве-рапорту в 1942–1943 гг. не было. Позднее другие индустриальные районы СССР тоже пытались использовать эту стратегию, но в меньших масштабах. Так, Кузбасс опубликовал свой первый «новогодний рапорт» в январе 1944 г.¹⁹⁰, а Башкирская АССР направила Сталину аналогичное письмо лишь в марте 1944 г.¹⁹¹ Структура этих текстов воспроизводит структуру уральских рапортов и отчетов 1942–1943 гг. с характерным включением стихотворных фрагментов и «поговорок».

Отношения тыла и фронта мыслились реципрокными. Важнейшим средством поднять энтузиазм бойцов трудового фронта считалось указание на то, что от их труда зависит фронт боевой¹⁹². Мысли

---

¹⁸⁷ См.: Рапорт уральцев товарищу Сталину // Правда. 1942. 20 июля; Новогодний отчет уральцев товарищу Сталину // Известия. 1943. 3 янв. № 2; Полугодовой рапорт уральцев Великому Маршалу Советского Союза товарищу Сталину // Там же. 20 июля. № 169; Отчет уральцев Великому Маршалу Советского Союза товарищу Сталину // Там же. 1944. 3 янв. № 2; Полугодовой рапорт уральцев Великому Маршалу Советского Союза товарищу Сталину // Там же. 23 июля. № 174; Новогодний отчет уральцев Маршалу Советского Союза товарищу Сталину // Правда. 1945. 4 янв. № 3.

¹⁸⁸ См.: Журавлев В. «Урал в отечественной войне» // Там же. 1943. 21 авг. № 208.

¹⁸⁹ См.: Шагинян М. С. «Урал кует победу» // Там же. 10 дек. № 303.

¹⁹⁰ См.: Великому Маршалу Советского Союза товарищу Сталину новогодний рапорт трудящихся Кузбасса // Там же. 1944. 3 янв. № 3.

¹⁹¹ См.: От трудящихся Башкирской Автономной Советской Социалистической республики // Известия. 1944. 24 марта. № 71.

¹⁹² См.: Гладков Ф. Двое лучших // Там же. 1942. 18 апр. № 91.

о фронте подбадривали рабочих. Так, составитель поездов Магнитогорского комбината С. Примак говорил: «Слов нет, иногда бывает трудно, но в эти минуты спрашиваешь себя: а на фронте как?.. Здесь тоже фронт – вспоминаю я сказанное мне в военкомате, и усталости как не бывало. Трудность берется приступом, как оборонительный рубеж врага на фронте»¹⁹³. В свою очередь, советские бойцы обязаны были сражаться со всей отвагой, чтобы не подвести уральских рабочих, снабжающих их замечательным оружием. В сентябре 1942 г. военный корреспондент «Правды» П. Лидов, повествуя о командире танка Филимонове, бросившем машину, чтобы попытаться спастись самому, сурово заключал: «Никто не помянет добрым словом лейтенанта Филимонова. Это не командир и не гражданин своей родины. Он – жалкий трусишка и не достоин называться русским. Он убежал из великолепного танка, который рабочие строили, недосыпая ночей. Танк стоил их здоровья и покоя, они отдали за него частицу своей жизни. С надеждой провожали уральцы свое детище против врага. Филимонов хотел отдать этот танк без боя – лишь бы спасти свою шкуру»¹⁹⁴.

Организовывались индивидуальные соревнования бойцов боевого и трудового фронта. Так, осенью 1941 г. красноармеец Р. Усманов предложил соревноваться сталеварам Н. Базетову и А. Я. Сороковому¹⁹⁵, а летом 1942 г. в индивидуальное соревнование со снайпером В. И. Костогрызom вступил сталевар с Мотовилихи В. Н. Попов¹⁹⁶. В письмах с фронтов, которые охотно публиковали центральные

---

¹⁹³ *Примак С.* Мы – солдаты трудового фронта // Магнитогор. металл. 1943. 1 мая. № 32.

¹⁹⁴ *Лидов П.* Дома знают, как ты воюешь // Правда. 1942. 9 сент. № 252.

¹⁹⁵ Об этом примечательном соревновании см. ниже.

¹⁹⁶ Работница Мотовилихинского завода В. Н. Силюянова, дочь В. Н. Попова, вспоминает: «Соревнование заключалось в том, что Костогрыз считал убитых им фашистов, а отец считал свои плавки – у кого результат будет больше. Отец очень увлекся соревнованием, у него был азарт, поэтому он ни минуты не отдыхал. Потом Костогрыз погиб, их соревнование прекратилось. Но отец привык уже работать в таком бешеном темпе, и привычки его не изменились» (Бессмертный цех. Пермь : Пушка, 2017. С. 10). Уроженец Донбасса снайпер В. И. Костогрыз пропал без вести в Венгрии в феврале 1945 г.

и местные газеты, бойцы хвалили уральскую технику, клялись не подвести ее создателей¹⁹⁷.

Символическая связь фронта и тыла укреплялась с помощью обращений и визитов. Поскольку 3-я дивизия в сентябре 1941 г. была организована на основе 153-й стрелковой дивизии, сформированной еще в 1940 г. в Свердловске, эта боевая часть имела с Уралом непосредственную связь. 21 ноября 1941 г. «Уральский рабочий» опубликовал письмо 3-й дивизии, а уже 22 ноября поместил отклик на него коллектива Верх-Исетского завода (ВИЗа): «Боевые товарищи! Величайшая ответственность возложена сейчас партией и страной на нас, работников промышленности Урала. Могучий сталинский Урал – величайшая кузница оружия. Самоотверженный стахановский труд советских патриотов, неисчерпаемые природные богатства, мощная индустрия, созданная за годы сталинских пятилеток – все есть у нас для того, чтобы день ото дня ковать еще больше оружия для вас – наших героев, для того, чтобы усиливать ваши удары по врагу. Нам много дано, с нас много и спрашивается. Всю силу, всю мощь сталинского индустриального Урала обрушим на голову зарвавшегося врага!»¹⁹⁸.

---

¹⁹⁷ См.: Толкунов Л. Артиллерия наступает // Правда. 1944. 3 июля. № 159; Лядов М. Спасибо, уральские пушкари // Звезда. 1944. 19 нояб. № 226; Уральские танки идут по немецкой земле // Урал. рабочий. 1945. 21 февр. № 43. Во второй книге романа «Борьба за мир» (1948) Ф. И. Панферова есть чрезвычайно важная сцена инверсии отношений фронта и тыла, когда у старого рабочего моторного завода в Чиркуле (Миассе) не выдерживают нервы при чтении новостей с Курской дуги от переживаний за товарищей, ушедших в Уральский добровольческий танковый корпус. Он бросает упреки «генералам», намеренно коверкая это недавно вернувшееся в советский обиход слово: «Я станки голыми руками в свирепый ураган стаскивал. Мое это дело, мастера? А-а-а! Я под открытым небом в злые морозы коробки скоростей выпускал. Я не спал, недоедал, жил в студенном бараке. Что меня одухотворяло?.. Что? Победа! А они, сукины дети, что? Мы им моторы дали! Мы им снаряды дали! Мы им танки дали, самолеты дали... Людей дали! Где Иван Кузьмич? Где Ахметдинов? Где Звенкин? И другие прочие, миллионы? Где? Там, на поле брани... Ганяралы! Ганяралы! Немцы – это чух-пух. А вот мы, га-ня-я-ра-алы-ы-ы, отступаем!.. А мы вот не отступаем! Мы – выдерживай! Насмерть стоим у станков!» (Панферов Ф. И. Борьба за мир : роман : в 2 кн. Кн. 1. М. : Правда, 1989. Т. 1. С. 462).

¹⁹⁸ Все для фронта, все для разгрома врага! // Урал. рабочий. 1941. 22 нояб. № 277.

Письмо заводчан ВИЗа стало основой для мощной пропагандистской кампании по организации социалистического соревнования «за право держать знамя имени Третьей гвардейской дивизии»¹⁹⁹. 12 декабря 1941 г. через газету «Звезда» к трудящимся Молотовской области обратились воины 1-го гвардейского истребительного авиаполка – знаменитой боевой части, с 9 декабря 1941 г. проходившей переформирование в Молотове; уже 17 декабря «Звезда» объявила о соревновании за боевое знамя гвардейцев-летчиков²⁰⁰. В начале 1942 г. уральские области установили своего рода соцсоревнование с Калининским фронтом, наладили обмен делегациями²⁰¹. Детальное описание поездок делегаций на фронт, а также ряд текстов, появившихся благодаря этому визиту, приводит в своих воспоминаниях член редакции фронтовой газеты «За Родину»²⁰², челябинский литератор М. С. Гроссман²⁰³.

Об этом же писал и фронтовик-уралмашевец Н. Николаев, в ноябре 1942 г. отправивший с фронта стихотворное послание товарищам, напечатанное в «Труде» рядом с фотографией сборки танка:

Друзья мои, товарищи с Урала,
В работе вы, я знаю, как один,
Недаром родина вас с гордостью назвала
Творцами грозных, боевых машин.

В атаке жаркой, в грохоте снарядов,
Про вашу помощь забывать нельзя –
Вы далеко и в то же время рядом,
Мои любимые, заводские друзья.

---

¹⁹⁹ Интересно, что в кратком очерке по истории дивизии авторства Г. А. Антипина подчеркивается уральский характер дивизии, однако сюжет с соцсоревнованием не упоминается (см.: *Антипин Г. А.* Третья гвардейская. Свердловск : Сред-Урал. кн. изд-во, 1969).

²⁰⁰ См.: Знамя гвардейцев – лучшему коллективу // *Звезда*. 1941. 17 дек. № 298.

²⁰¹ См.: Фронт соревнуется с тылом // *Труд*. 1942. 10 февр. № 51.

²⁰² Газета Северо-Западного фронта располагала сильным литературным составом, в который входили А. А. Исбах, М. А. Светлов, М. Л. Матусовский, М. С. Гроссман, С. П. Щипачев и др.

²⁰³ См. *Гроссман М.* И штык, и перо // Каменный пояс. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1985.

Ваш труд отлит в стальном вооружении,
В огне неумолимых батарей,
И в каждом нашем новом наступлении
На орды пьяных, бешеных зверей.

Мы больше ждем от вас обновок,
Пусть вашей сталью захлебнется гад,
А вам даем свое святое слово:
В бою ни шагу не сдавать назад.

В письме, друзья, я выскажу желанье:
При встрече, а она недалеко,
Мы подведем итог соревнования –
То будет смерть заклятого врага²⁰⁴.

Сходные образы и риторические приемы присутствуют в стихотворении «Уральцы», которое 5 марта 1943 г. журналист и поэт Д. И. Каневский опубликовал во фронтовой газете 27-й армии «Мужество»:

Я в городе был, исполинском, далеком
И в памяти верной поныне храню
Сердец и моторов размеренный клетот
И ярость, закованную в броню.

Ни бомбой, ни пулей не потревожен,
Он также воскликнул: «Вперед! Наддай!»
Он только работал, но было похоже
На наш, на самый передний край.

Машины вздрагивали и гудели,
Светили синие прожектора,
Как командиры, от штурмов сидели
Огнем испытанные мастера.

Оттуда, оттуда, с предгорий Урала,
Катили танки, сверкали штыки, –
Чтоб наша сила не иссякала,
Чтоб наши вперед пробивались полки.

---

²⁰⁴ Николаев Н. Письмо друзьям // Труд. 1942. 5 нояб. № 261.

Ответим Уралу железным напором!
Слушай, тыл, наш могучий отец,
Мы бросили в бой штыки и моторы,
Крепость брони и ярость сердец!²⁰⁵

Иногда реципрокность отношений фронта и тыла означала, что рабочий не только сражается в цехе так же, как солдат на фронте, но и то, что рабочий незримо присутствует рядом с бойцами, поскольку они сражаются его оружием. Например, К. Г. Мурзиди, в августе 1942 г. опубликовавший стихотворение «Друг танкистов», писал о попавшем в окружение танке, экипаж которого (состоящий из трех бойцов) идет на прорыв с мыслями о «четвертом друге», который далеко в тылу так же отважно бьется на трудовом фронте:

А за синей далью
Шел навстречу дню
Тот, кто им сработал
Крепкую броню.
Парень с загорелым
Волевым лицом,
Он себя по праву
Чувствует бойцом.

<..>

И когда расскажет
Кто-нибудь ему,
Как тяжелым шагом
Танки шли в дыму,
А один рванулся,
Двинул по прямой, –
Он с улыбкой скажет:
“Это, верно, мой!”.
Скажет и припомнит,
Поглядевши вдаль,
Каждую заклепку,
Каждую деталь.

---

²⁰⁵ Цит. по: *Зиновьев С. В.* Единение // Каменный пояс. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1985. С. 184.

Новую преграду
Танк его берет,
Славные танкисты
Двигутся вперед,
Смело разрывают
Вражий полукруг.
И встает на вахту
Их четвертый друг!²⁰⁶

Трудовая доблесть Урала подчеркивалась образами мастеров, отважно бьющихся на фронте, подобно рабочим-воинам Донбасса или Сталинграда, идущих в бой с оружием, которое они сами выковали. С осени 1941 г. те боевые части Красной армии, которые формировались на Урале, считали себя уральцами-воинами; это отразилось в целом пласте заметок и стихотворений. К примеру, в конце октября 1941 г. политрук В. Чернобровин написал на мотив «Марша танкистов» стихотворение «Уральцы, в бой!»:

Идет война, фашистов диких рати
Бесчинствуют у наших у ворот.
Уральцы, в бой суровый поднимайтесь,
Бери оружие в руки, патриот!

Огнем свинца и бронебойной силой
Обрушим мы всю ярость на врага.
На фронт пойдут отец и сын любимый,
А мать и сестры встанут у станка.

О нас недаром громко ходит слава,
Отвага, смелость наша велика,
Мы в бой идем неустрашимой лавой,
Не терпит враг уральского штыка²⁰⁷.

---

²⁰⁶ Мурзиди К. Друг танкистов // Урал. рабочий. 1942. 2 авг. № 181. Мастерскую разработку промышленных образов в контексте оборонной поэзии также см.: Мурзиди К. Песня об уральском танке // Урал. рабочий. 1943. 2 июля. № 136. С этой риторикой связан и образ *живого танка*, объединяющего цех и фронт (см. параграф 4.2 настоящей работы).

²⁰⁷ Чернобровин В. Уральцы, в бой! // Пролетарская мысль. 1941. 29 окт. № 259.

Еще в первые дни войны, в июне 1941 г., коллектив ЧТЗ попытался подготовить танковый отряд из рабочих-добровольцев, который должен был влиться в «формируемую танковую бригаду имени наркомата среднего машиностроения». Инициатива не была воплощена, однако в мае 1942 г. была организована 96-я танковая бригада имени челябинского комсомола, частично укомплектованная добровольцами по комсомольской линии²⁰⁸. Командованию бригады был торжественно вручен наказ от челябинской организации ВЛКСМ. Композитор М. Я. Черняк и поэт В. Фейгус написали для бригады марш, в котором был такой припев:

Нас в бой послал родной Урал,
Живыми не уйдут фашисты,
Народ на запад нас послал,
Вперед, челябинцы-танкисты!

В начале 1943 г. очередной «отчет уральцев товарищу Сталину» – это уже настоящий апофеоз рассуждений об Урале (точнее – о Свердловской области), который целиком самостоятельно формирует танковые силы: «Хвалят фронтовики наши танки. Действительно хорошие машины, и сделаны они целиком на Урале. Руду нам давали гора Высокая и гора Благодать. Металл для танков выплавляли и прокатывали доменщики, сталевары и прокатчики Свердловска, Тагила, Серова, Первоуральска, Алапаевска и Кушвы. Наши редкие металлы сделали броню неуязвимой. Красноуральск, Кировград, Ревда, Каменск-Уральский снабдили танкостроителей медью и алюминием. От других заводов области танки получили моторы, пушки, приборы, аппараты, радиопередатчики, боезапас, и добываемся того, чтобы вскоре заправлять наши танки местным горючим. Грузим мы танки на железнодорожные платформы, сделанные в Тагиле, засыпаем в топки паровозов уголь, добытый егоршинскими и богословскими горняками, – и получай фронт новую грозную машину! В атаку

---

²⁰⁸ См.: *Ковшов И. В.* Это не только наша, но и ваша гордость...: К истории создания первой добровольческой 96-й танковой бригады имени Челябинского Комсомола // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2020. № 2. С. 50–52.

поведет ее крепкий уральский парень-танкист, одетый в наше арамильское сукно, обутый в сапоги фабрики “Уралобувь”»²⁰⁹.

Крупнейшим же добровольческим формированием, выступившим в поход с Урала, был знаменитый Уральский добровольческий танковый корпус, сформированный в 1943 г. Его создание уже описывалось целиком в категориях уральской индустриальной идентичности: рабочие-воины создают танки и сами ведут их в бой с Урала на запад. Корпус формировался тремя дивизиями в трех областных центрах – Свердловске, Челябинске, Молотове; в каждой области был принят свой текст Наказа добровольцам. И хотя тексты этих документов различаются между собой (самым риторически мощным следует считать челябинский, составителем которого выступил талантливый публицист А. Климов), лейтмотив у них единый²¹⁰.

Так в 1941–1943 гг. сложился нарратив об уральцах-воинах, отважных и стойких бойцах. В 1943 г. К. Демидов, рецензируя для «Правды» сборник «Сыны Урала», подробно анализировал «коллективный портрет уральца-воина». Он описывал уральцев не только как суровых крепышей, выросших в холодных горах, но и как мастеров, переносящих свое производственное искусство на поле боя: «От суровой горной природы – крепкое здоровье, физическая сила, выносливость уральца. Удар его силен. Но не в природе только дело. Очерки в сборнике показывают, что уральцы в большинстве своем – люди труда. Среди них много горняков, металлургов. Они привыкли к трудностям

---

²⁰⁹ Новогодний отчет уральцев товарищу Сталину // Известия. 1943. 3 янв. № 2.

²¹⁰ См.: Наказ трудящихся Молотовской области командирам и политработникам 243-й Молотовской танковой бригады // Молотовская танковая бригада и другие пермские воинские части в составе Уральского добровольческого танкового корпуса : сб. док. Пермь, 2020. С. 152–154; *Рохацевич Е. Б.* История одного документа: Наказ бойцам, командирам и политработникам Особого Уральского добровольческого танкового корпуса имени Сталина от трудящихся Южного Урала – блестящая форма партийной работы // Объединенный государственный архив Челябинской области. 20 апреля 2015 г. URL: <https://archive74.ru/istoriya-odnogo-dokumentu-nakaz-boitsam-komandiram-i-politrabotnikom-osobogo-uralskogo-dobrovolchesk> (дата обращения: 07.03.2022); *Лепаловская В. А.* Наказы бойцам, командирам и политработникам Уральского добровольческого танкового корпуса от трудящихся Урала // Всеуральские чтения по истории Уральского добровольческого танкового корпуса. Пермь, 2021. С. 105–122.

и опасностям своих профессий. Они приобрели навыки сложной и точной работы у огня»²¹¹. Красноуралец-снайпер И. Г. Наймушин, в мирной жизни бывший бурщиком (коллега прославленного И. П. Янкина и сам рекордсмен-стахановец), ухаживает за винтовкой так же, как ухаживал за перфоратором; навыки каслинского литейщика В. Н. Волкова на фронте становятся качествами умелого командира. Если Урал в 1941–1943 гг. постепенно превращался из кладовой богатств в кузницу оружия, то и воины-уральцы из отчаянных «детей суровой природы» превращались в воинов-рабочих, воинов-мастеров. И на завершающем этапе борьбы и журналисты, и советские полководцы – Ф. И. Толбухин, И. Х. Баграмян – хвалили уральцев-воинов, отдавая должное и творцам уральского оружия, в конечном счете соединяя их в одну картину рабочих-воинов – отважных и мастеровитых уральцев, которые уральским же оружием бьют врага²¹².

Уравнивание боевого фронта и трудового тыла, признание их взаимосвязи, переход от абстрактных призывов работать *больше* и *лучше* к конкретным описаниям промышленной площадки как поля боя, использование рамочной уральской образности, апелляция к сильнейшим эмоциям мести, ярости, клятвенного долга – на этих путях сформировалась убедительная, эффективная риторическая стратегия описания *трудового фронта*, который, как мы уже видели, практически отождествлялся с Уралом. Но и в этом кругу героизированных бойцов трудового фронта выделялись конкретные фигуры, поскольку с 1930-х гг. социалистическая публичная сфера была ориентирована на понятие *соревнования*, выдвигая на авансцену конкретные фигуры – «знатных людей» Страны Советов, способных служить стимулирующим примером для остальных работников. С начала пятилеток ключевую роль в описании трудовых коллективов играли ударники, позднее – стахановцы. В годы Великой Отечественной войны настало время тысячников.

---

²¹¹ Демидов К. Уральцы на фронте // Правда. 1943. 19 февр. № 50.

²¹² См.: Азин В. Урал идет // Известия. 1941. 27 нояб. № 280; Демидов К. Уральцы на фронте // Правда. 1943. 19 февр. № 50; Баграмян И. Знамя победы будет реять над Берлином // Урал. рабочий. 1945. 21 февр. № 43; Толбухин Ф. Уральцы в боях за Родину // Там же.

Кто такой тысячник? Секретарь свердловской парторганизации А. Б. Аристов давал в мае 1942 г. уверенный ответ: «Тысячник – это передовой боец труда. Это человек, который оседлал технику и не признает в ней никаких канонов. <...> Тысячники – это люди богатырской воли и большой рационализаторской мысли. Простые, обыкновенные советские люди, они свою волю, свои знания техники, свои таланты, мысль целиком подчинили задаче быстрейшего разгрома врага»²¹³. С осени 1941 г. важнейшей частью дискурса об Урале, кузнице Победы, стало формирование своего рода пантеона героев трудового фронта – знатнейших тысячников, лучших мастеров своего дела, подающих всем другим личный пример. В Свердловской области это были сталевар Верх-Исетского завода Н. Х. Базетов, фрезеровщик Уральского танкового завода в Нижнем Тагиле Д. Ф. Босый и кузнец этого же завода А. Коваленко, обмотчица электроцеха Свердловского вагонного участка Р. Кыштымова, токарь Гороблагодатского вагонного пункта И. А. Мезенин, бурильщик Красноуральского медного рудника И. П. Янкин, медеплавильщик²¹⁴ Пышминского медеэлектролитного завода Т. М. Степайкин. Особую группу формировали знатные работники Уралмаша – сталевары И. Валеев²¹⁵

---

²¹³ Аристов А. Богатыри труда // Труд. 1942. 17 мая. № 115.

²¹⁴ Интересно, что медь подвергается плавке дважды: при получении штейна (черновая медь, затем подвергающаяся электролитическому рафинированию) и при получении конечного продукта из рафинированной (катодной) меди. В СССР эти процессы осуществлялись на разных заводах: плавку черновой меди проводили Красноуральский, Кировградский, Среднеуральский, Карабашский и Медногорский заводы; плавку меди катодной – электролитические заводы в Верхней Пышме и Кыштыме. По-видимому, из-за многозначности слова «плавка» челябинские авторы, вспоминая о визитах уральцев на Северо-Западный фронт зимой 1941–1942 гг., ошибочно называли Т. М. Степайкина плавильщиком Карабашского медеплавильного завода (см.: *Зиновьев С. В.* Единение // Каменный пояс. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1985. С. 87). Однако Степайкин был первостроителем Пышминского медеэлектролитного завода и работал в годы войны на нем именно на получении конечного продукта, «на вайербарсовом переделе, где выдавали слитки для кабельной промышленности» (*Зимовская Л.* Каждый килограмм меди – удар по врагу // Авангард. 2020. № 1. С. 24). Династия Степайкиных и сегодня трудится на этом предприятии (см.: *Потомки легендарного стахановца* // За медь. 2014. 17 июля. № 28).

²¹⁵ См.: *Караваева А.* Сталь идет // Известия. 1942. 9 апр. № 99; *Ее же.* Богатырь уральской стали // Правда. 1943. 25 марта. № 80.

и Д. Д. Сидоровский, слесари А. В. Глебов и А. М. Чугунов, токарь П. К. Спехов, кузнец Г. М. Коваленко. Некоторые из рабочих были старыми уральскими орденоносцами. Так, сталевар М. Хуснутдинов с Алапаевского металлургического завода получил орден Трудового Красного Знамени еще в 1935 г. Другие приехали на Урал известными мастерами, такие как харьковский кузнец А. Коваленко. Третьи, например Босый или Базетов, выдвинулись уже в годы войны.

Но даже на этом фоне выделялся сталевар Днепропетровского металлургического завода имени Коминтерна А. Я. Сороковой, участвовавший еще во Всесоюзном съезде стахановцев и стахановок 1935 г. в Москве, до войны награжденный орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Эвакуирован он был в Кушву (хотя часть завода имени Коминтерна оказалась в Нейво-Шайтанском, близ Алапаевска). В рапорт уральцев Сталину за 1941 г. была включена «шутка-песенка пионеров о знаменитом сталеваре, дважды орденоносце Сороковом»:

Самым первым в сорок первом
Был у нас Сороковой.
Год идет сорок второй –
Впереди Сороковой!²¹⁶

Рапорт уральцев никак не аттестовал достижения Сорокового, как будто они разумелись сами собой; из всех знатных уральских работников Сороковой был единственным, кого Сталин знал лично. Не случайно в декабре 1941 г. именно Сороковой стал зачинателем соревнования знатных сталеваров Среднего Урала в честь 3-й гвардейской дивизии: «Мне за последнее время пришлось привыкать к иным печам, не таким, на которых работал раньше. До перехода на Кушвинский завод, где печи работают на газе, я имел дело с печами, действующими на жидком топливе, на мазуте. Печи, на которых я раньше работал, были оснащены всеми необходимыми измерительными приборами. Здесь же пока этого нет. Впервые также пришлось мне осваиваться с печью, работающей на смешанной шихте –

---

²¹⁶ Новогоднее письмо уральцев товарищу Сталину // Урал. рабочий. 1942. 1 янв. № 1.

жидкой и твердой, т. е. на так называемом скрапрудном процессе. Все же в новых, непривычных для меня условиях я стал давать скоростные плавки²¹⁷. <...> А какие у вас обязательства, тт. Базетов, Хуснутдинов, Теляшев²¹⁸, Завьянцев²¹⁹ и другие сталевары-скоростники? Как вы их выполняете?.. Давайте через газету «Уральский рабочий» обмениваться опытом ведения скоростных плавков, давайте потягаться, кто даст больше металла для фронта, для нашей победы»²²⁰. Так началось соревнование ведущих металлургов, время от времени принимавшее форму своего рода «турнирной таблицы», показывавшей, кто из мастеров-сталеваров дал в текущем месяце больше продукции: «Искра, брошенная Сороковым, разгорается в пламя»²²¹.

А 22 января «Уральский рабочий» напечатал, возможно, самую известную переписку «фронта и тыла» на Большом Урале. К сталевару Н. Базетову обращался красноармеец Р. Усманов: «Уважаемый товарищ Базетов! Я никогда не виделся и не знаком с Вами. Я даже не знаю, как Вас зовут по имени-отчеству и молодой ли Вы, как я, или старик, как мой отец, или есть у Вас дети или нет. В газете я прочел всего лишь несколько строк о том, что в соревновании с Алексеем Сороковым сталевар Верх-Исетского завода т. Базетов добился съема больше 10 тонн стали с квадратного метра пода мартеновской печи, и о том, что с первых же дней нового года даете только скоростные плавки. Вот и все, что я знаю о вас. Как будто маловато. Вы обо мне совсем ничего не слышали. Не беда. Если пожелаете, наладим переписку и тогда узнаем друг друга ближе». Разумеется, Усманов предлагал Базетову соревнование: один – разит оккупантов, другой – варит сталь, «в том и другом деле каждая минута на учете».

---

²¹⁷ Впрочем, Сороковой страдал не только из-за непривычного и технологически несовершенного оборудования, но и из-за слабости заводского руководства, погрязшего, по словам Сорокового, в бюрократизме. Очевидно, так и не найдя взаимопонимания с кушвинским заводским начальством, где-то в 1943 г. Сороковой перешел из Кушвы в Ревду.

²¹⁸ Теляшев – сталевар Верхне-Салдинского металлургического завода.

²¹⁹ И. Д. Завьянцев – сталевар Серовского металлургического завода.

²²⁰ Сороковой А. Предложение Алексея Сорокового // Урал. рабочий. 1941. 14 дек. № 296.

²²¹ Полисюк М. Алексей Сороковой // Там же. 1942. 25 янв. № 21.

Однако вызвал на соревнование Усманов не одного Базетова: «Вы татарин, я узбек. Ваш напарник по соревнованию Алексей Сороковой – украинец. Вы и Сороковой у мартеновской печи, я у пулемета – давайте вместе бить врага, ворвавшегося в пределы нашей любимой родины. <...> На этом до свиданья. Крепко жму руку. Привет Алексею Сороковому»²²². Однако Базетов, отвечая Усманову, проигнорировал и Сорокового, и инициированное им соревнование.

История о переписке Базетова и Усманова получила известность в изложении М. С. Шагинян, которая воспроизвела ее в 1942 г. в цикле очерков «Урал в обороне». Она тоже проигнорировала упоминания о Сороковом и даже опустила имя днепропетровского сталевара при цитировании письма Усманова, превратив тройное содружество, о котором писал сам Усманов (украинец/узбек/татарин) в переписку двух «сынов Востока». Более того, в изложении Шагинян, Базетов «работает так хорошо, что о нем написали в газете», отчего Усманов и решил отправить сталевару письмо²²³. Между тем оригинальный текст письма красноармейца Усманова, опубликованный в «Уральском рабочем», позволяет с уверенностью сказать, что прочитал в газете Усманов не про Базетова, а про Сорокового, который на тот момент пользовался большей известностью и «шел во главе соревнования»²²⁴. Однако упоминания о легендарном сталеваре с конца 1942 г. становятся в уральской прессе редкими, а после того, как он вернулся в Днепропетровск, его имя и вовсе выпало из исторических обзоров трудового подвига Урала²²⁵.

В числе рабочих крупнейшего предприятия Свердловской области, Уральского завода тяжелого машиностроения, были свои герои. Среди тех, чьи имена гремели в годы войны, лишь кузнец Г. М. Коваленко получил известность еще в 1930-х гг. Он был, по собственным словам, питомцем Уралмаша: окончив школу ФЗУ в 1933 г., стал оператором молота, в 1936 г. принял участие в подготовке книги

---

²²² Усманов Р. Сталевару Нурулле Базетову // Урал. рабочий. 1942. 22 янв. № 18.

²²³ См.: Шагинян М. С. Урал в обороне // Урал грозный. С. 604.

²²⁴ Трудовая доблесть советских патриотов // Правда. 1942. 13 янв. № 13.

²²⁵ В Днепропетровске в честь Сорокового назвали улицу, а на проходной завода имени Коминтерна была установлена памятная доска с его изображением.

коллективного авторства «Стахановцы Уралмаша»²²⁶. Среди стахановцев, писавших эту книгу, был и сталевар Т. Валеев, опытный металлург с Чусовского завода, свояк И. Валеева, который и привел будущего лауреата Сталинской премии на Уралмаш. Лекальщик-уралмашевец А. М. Чугунов славился как мастер, чье искусство стоит выше ювелирного²²⁷.

Особый интерес представляет фигура токаря Г. Т. Бобина – ветерана Первой мировой войны, моряка²²⁸, рабочего с 40-летним стажем, трудившегося на Свердловском заводе агрегатных станков²²⁹. В декабре 1941 г. Бобина наградили медалью «За трудовую доблесть»²³⁰, а 14 декабря он выступил с радиообращением от имени коллектива стахановцев своего предприятия²³¹ с призывом отправить новогодние подарки и трудовой рапорт бойцам 3-й гвардейской дивизии²³². В январе 1942 г. Бобин участвовал в поездке свердловских рабочих на Северо-Западный фронт. Старый мастер, видимо, за словом в карман не лез и попал на страницы местной и центральной

---

²²⁶ См.: *Коваленко Г. М.* Две тонны – это не предел! // Стахановцы Уралмаша. М. ; Свердловск : НКТП, 1936. С. 163–165.

²²⁷ См.: *Караваева А.* Мастер точности // Известия. 1942. 15 апр. № 88.

²²⁸ См.: *Кожан И.* Мастер // Урал. рабочий. 1942. 8 февр. № 33.

²²⁹ Завод агрегатных станков был основан в Свердловске в годы третьей пятилетки и частично вступил в строй к началу Великой Отечественной войны. В 1941–1942 гг. его площади заняли эвакуированные артиллерийские производства, на базе которых возник современный машиностроительный завод имени Калинина.

²³⁰ См.: *Носкевич В.* Наш мастер // Урал. рабочий. 1941. 28 дек. № 308.

²³¹ В своих выступлениях Бобин не называл прямо продукцию, к изготовлению которой он был причастен, обходясь довольно-таки прозрачными эвфемизмами – «уральская каша» и «горячие завтраки». Речь, разумеется, шла о боеприпасах, и именно этот вид продукции выпускал в годы Великой Отечественной войны Свердловский завод агрегатных станков. Это предприятие строилось в Свердловске в годы 3-й пятилетки, не было завершено к началу Великой Отечественной войны, и его площади были переданы эвакуированному из Ленинграда заводу имени Калинина. С осени 1941 г. на базе этого предприятия и ряда эвакуированных заводов был образован завод № 73, выпускавший снаряды для реактивных минометов «катюша». Однако до февраля 1942 г. завод агрегатных станков, судя по упоминаниям в прессе, продолжал функционировать под своим именем. К концу февраля завод именуется уже «Энским заводом» или «заводом, где директором товарищ Гулин».

²³² См.: Пошлем новогодние подарки доблестной Красной Армии // Урал. рабочий. 1941. 14 дек. № 296.

прессы. Встречу Бобина с солдатами живописал опытный литератор А. А. Исбах. В этом виде история о визите «старого уральского рабочего» попала на страницы «Правды» и спустя 10 дней была перепечатана в «Уральском рабочем». Исбах характеризовал Бобина как «старого уральского токаря», хотя сам порой строк ниже подчеркнул, что Бобин был уроженцем Запорожья и носил длинные «запорожские» усы. Однако если Бобин и впрямь начинал карьеру за пределами Урала, держался он как заправский старый уралец. Посетив солдат, он заявил, что приехал «посмотреть на своих потребителей» и понять, в какие руки попадает уральская продукция. А когда ему показали немецкого военнопленного, Бобин дал ему такую отповедь: «И ты, мерзлый Фриц, собирался бороться с нашими богатырями? Вот твой Гитлер хотел до Урала добраться. А ты передай ему, переводчик, что я вот и есть с Урала, уральский рабочий. Вот – пусть смотрит, пусть знает, что уральские рабочие готовят смерть для его фашистских хозяев»²³³.

Вернувшись в Свердловск, Бобин выступил перед коллективом завода. Выступал он со свойственным ему юмором, поэтому запись беседы часто перемежается пометкой «смех»: «На пленных этих смотреть неприлично. Понадеваны на них платки, шали краденые. У другого скатерть со стола снятая на себя напялена. Даже, извиняюсь перед женщинами, которые тут присутствуют, у некоторых понадеваны дамские рейтузы. Смотришь на пленного, он весь опухший, рубашка с него полезла, ее вши съели». Бойцов Красной армии Бобин хвалил и в сильных выражениях объяснил слушателям мощь боевых машин, которым солдат снабжают уральцы: «Уж очень, говорят, хороши. Везде ребятки на фронте хвалят. Уж очень хороши. Идет наш танк, и немцев ужас корчит. Земля кругом дрожит. Приходит наш танк из боя, а на гусеницах и руки, и раздавленные головы, и обрывки шинелей. Как вшей, давит грязных бандитов уральская сталь»²³⁴. Закончил свою речь Бобин призывом давать больше «горячих завтраков» для немцев.

---

²³³ Исбах Ал. Уральская каша // Правда. 1942. 9 янв. № 9.

²³⁴ Цит. по: Крепкая зарядка // Урал. рабочий. 1942. 1 февр. № 27.

В последующие дни Бобин с удовольствием делился с прессой воспоминаниями о визите к бойцам, активно используя риторический арсенал уральской идентичности: «На передовой линии в лесу собрались на митинг бойцы, командиры и политработники подразделения т. Кабанова. Я передал им горячий привет и новогодние поздравления трудящихся Свердловской области, вручил подарки и рассказал, как куется для них на уральских заводах грозное оружие. <...> А неподалеку стояли пушки, изготовленные самоотверженным трудом советских патриотов на уральских заводах, из уральского металла»²³⁵. При отправке новых делегаций на фронт Бобин передавал привет красноармейцам, обещая: «Мы будем стараться все в большем количестве подавать уральскую кашу. Для немцев она означает смерть!»²³⁶. В конце февраля 1942 г. Бобин, уже в числе наиболее уважаемых стахановцев области, именуемый не иначе как «знатный мастер», возглавил формирование на заводе фронтовой бригады²³⁷. До марта 1942 г. имя Бобина регулярно встречалось в списке знатных рабочих Свердловской области наряду с Базетовым, Коваленко, Кыштымовой и другими героями, затем упоминания исчезают, однако в 1943 г., когда художник П. В. Васильев издал альбом рисунков, посвященных Уралу в первые годы Великой Отечественной войны, на страницах альбома был запечатлен и Бобин.

Между тем летом 1942 г. Ф. В. Gladkov опубликовал рассказ «Опаленная душа». Героем повествования был выдуманный автором старый рабочий Никифор, который трудится на крупном электротехническом заводе, в годы войны выпускающем оборонную продукцию, известную на фронте как «Раиса Семеновна с гитарой» (прообразом завода выступил, видимо, завод «Уралэлектромашина» в Свердловске)²³⁸. Отличившись в труде, Никифор едет на Северо-

---

²³⁵ Бобин Г. Оружие в надежных руках // Урал. рабочий. 1942. 30 янв. № 25.

²³⁶ Бобин Г. Досыта накормим фашистов уральской кашей // Там же. 18 февр. № 41.

²³⁷ См.: Все силы – на помощь фронту // Там же. 27 февр. № 49; Всемерно поощрять инициативу стахановцев // Там же. 2 марта. № 52.

²³⁸ «Раисой Семеновной с гитарой» называли реактивные минометы «катюша». В годы Великой Отечественной войны эти машины выпускал, кроме прочих, и завод «Уралэлектромашина» в Свердловске.

Западный фронт в начале нового года, своими глазами видит зверства оккупантов, проверяет, хорошо ли бойцы используют оружие, а потом встречается с пленным. Весь этот сюжет в целом повторяет историю о пребывании Бобина на фронте, более того, в своей заключительной части текст Гладкова буквально соответствует тексту Бобина. Вот, например, с какими словами обращается старый Никифор к пленному немцу: «Ах ты, падаль паршивая? Ты со своим бандитом фюрером до Урала хотел добраться, так вот я – уральский рабочий, а то, что вы, живорезы, испытали сегодня от нашей черной смерти, это мы, уральские рабочие, вам приготовили»²³⁹. Заимствование здесь очевидно. Таким образом, старому мастеру Бобину с завода агрегатных станков удалось впечатлить своим эффектным обращением к уральской индустриальной идентичности двух маститых литераторов – Исбаха и Гладкова.

На Южном Урале «пантеон» героев труда был другим. В 1942 г. М. Д. Львов приравнивал «гвардейцев фронта» и «гвардейцев тыла», упоминая поименно тысячников Челябинской области вслед за летчиком-героем Н. Ф. Гастелло:

Стахановцы военного Урала,
Как возле пушек, стали у станков,
И посылают смерть врагам Завьялов,
Тарасов, Водопьянов, Ковалев.
И тысячи героев неустанно
Для Родины работают без сна,
Войдут в века, в историю, в преданья
Их русские простые имена.

<..>

И свет победы входит в поле боя,
Недалеко осталось до зари.
Вперед, бойцы! Стахановцы! Герои!
Вперед на подвиги, богатыри!²⁴⁰

---

²³⁹ Гладков Ф. В. Опаленная душа // Урал грозный. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1982.

²⁴⁰ Львов М. Богатыри // Тысячники Южного Урала. Челябинск : Изд. редакции «Челяб. рабочий», 1942. С. 26.

Основной круг стахановцев – это представители крупных машиностроительных производств Челябинска, перешедших теперь на выпуск танков и снарядов: Челябинский тракторный завод (поглощенный Кировским заводом) и Челябинский станкостроительный завод имени Орджоникидзе, от которого в военные годы отделился завод № 200, дававший для Кировского завода бронекорпуса. На Кировском заводе ударно трудились слесарь А. Сало, токари В. В. Гусев²⁴¹, Г. П. Ехлаков, А. А. Пашнина (организатор на заводе фронтовой бригады имени Гастелло)²⁴²; на заводе имени Орджоникидзе – токарь П. Ковалев, слесарь Н. Галкин, шлифовщик Ополев; на заводе № 200 – кузнец В. Водопьянов, сварщик Е. П. Агарков. Прочие предприятия представляли сталевар Златоустовского металлургического завода В. М. Амосов, токарь Верхне-Уфалейского депо М. П. Худяков, опытейший машинист локомотивного депо станции Курган И. П. Блинов. Работница Копейской шахты № 4-6 Е. И. Подорванова, с 1936 г. трудившаяся на добыче угля, в 1943 г. прославилась как организатор первой на Урале женской комсомольской бригады шахтерок. Особняком стояло крупнейшее предприятие Урала, обладавшее всесоюзной репутацией, – Магнитогорский металлургический комбинат; хотя здесь были свои герои, такие, как заместитель главного механика Н. А. Рыженко, начальник цеха Л. Д. Юпко, доменщик А. Л. Шатилин. Стояли в строю и старые герои, стахановцы довоенных лет, такие,

---

²⁴¹ Именно В. В. Гусев, уроженец Смоленщины и выпускник ленинградской школы ФЗУ, организатор фронтовой молодежной бригады на Кировском заводе, «стал одним из прообразов героя популярной в годы Великой Отечественной войны песни композитора Н. В. Богословского и поэта Б. С. Ласкина “Василь Васильевич”» (*Антипин Н. А., Новиков И. А. Город трудовой доблести: Челябинск – Танкоград // Архивы Урала. 2021. № 25. С. 308*). Текст Ласкина опирался на тот образ Урала-кузницы, процесс формирования которого мы проследили выше: «В великой русской кузнице / За каменной горой / Стоит, гудит, работает / Заводик номерной. / Туда Василь Васильевич / Приходит чуть заря / И весело командует: / “За дело, токаря!”». В припеве песни пояснялось, что «великая кузница» с «номерным заводиком» – это Урал: «Во всем Урале токаря, / пожалуй, лучше нет» (*Шлыкова С. «Привет, Василь Васильевич» // Вечерний Челябинск. 2010. 7 мая. URL: <https://vecherka.su/articles/society/36221/> (дата обращения: 07.03.2022)*).

²⁴² См.: *Перебрин Б. Бригада Анны Пашниной // Челяб. рабочий. 1943. 2 апр. № 72.*

как «прославленный мартеновец» Г. Е. Бобров²⁴³ или легендарный первостроитель Х. Галиуллин²⁴⁴. А самым известным среди тысячников Южного Урала был А. И. Семиволос – прославленный криво-рожский горняк, эвакуированный на Бакальский рудник.

Если южноуральский пантеон несколько уступал по размеру среднеуральскому, то списки и общая известность героев трудового фронта Прикамья и Башкирии уступали южноуральским. В Прикамье одним из форпостов движения ударников была металлургическая Лысьва²⁴⁵. Здесь освоение выплавки новой марки стали было поручено коллективу мартеновской печи № 4 – умелым рабочим Бражникову, Грязнову и Русских, а присматривал за ними «старый сталевар» К. Г. Труханов, один из «знатных людей» завода, прославившийся еще в 1930-х гг.²⁴⁶, теперь успешно выступавший в роли наставника молодых сталеваров²⁴⁷. Сталь, которую предстояло освоить коллективу мартеновской печи № 4, должна была идти на изготовление воинских касок и «панцирей» – солдатских нагрудников.

А. Андреевский выстраивал картину единства фронта и тыла, вначале называя имена Рокоссовского, Катюкова и Гастелло, а затем обращаясь к башкирской производственной специфике:

Под бомбами гибнут дома и леса
В Крыму, в Подмоскowie, в Туле,
Но заново строит в тылу корпуса
Стахановец Рахматуллин.
Артерии труб, пульсируя, бьют,
Бензин – это кровь голубая.
Пусть в небе моторы без устали пьют
Горячую кровь Ишимбая.

---

²⁴³ См.: *Баталин В. Вожак // Челябин. рабочий. 1941. 4 сент. № 209.*

²⁴⁴ См.: *Бугров К. Д. Соцгорода Большого Урала. С. 208; Эрлих Я. Резервы Магнитки // Труд. 1941. 14 дек. № 9.*

²⁴⁵ См.: *Стариков В. Решимость // Известия. 1941. 10 окт. № 240.*

²⁴⁶ См.: *Бугров К. Д. Соцгорода Большого Урала. С. 215.*

²⁴⁷ См.: *Семенов А. Творческий рост рабочей молодежи // Известия. 1944. 20 мая. № 119.*

И каждый успеха́ми новыми горд,
День новой победою славен,
Когда за рекордом дает рекорд
Знатный прокатчик Булавин.
В вагонах оружие, хлеб, руда,
Доставить их в срок сумеет
Лишь тот, кто водит свои поезда,
Как лунинец Варфоломеев.
Их много на промыслах наших в цехах
Башкирии орденоносной.
Пусть песня о них прозвучит в сердцах
Симфонией многоголосной!²⁴⁸

Стахановцы-тысячники были наиболее крупной и известной группой героев трудового фронта. Они охотно делились производственными секретами, призывали к борьбе²⁴⁹ и персонализировали весь советский рабочий класс, который, в свою очередь, коллективно представлял советский тыл. На деле, разумеется, между группами рабочего класса имелись глубокие различия, обусловленные, кроме прочего, неравенством их производственных отраслей. Высокогорский шахтер А. Самусев подчеркивал различия между горняком и заводским рабочим: «Шахта – не завод, а забой – не станок. Станок, он всегда одинаковый. Сегодня ты на нем 200 процентов дашь и завтра дашь. И никакого настроения он не меняет. А у нас так: сегодня идет как по маслу. Порода так и липнет к тебе. А после пошел – и все наоборот. Сердитый камень, семь потов с тебя сгонит. И опять же идешь. Ничего»²⁵⁰. Существовало дискурсивное различие между

---

²⁴⁸ Андреевский А. Герои трудового фронта // Красная Башкирия. 1941. 18 нояб. № 273.

²⁴⁹ См.: Базетов Н. От отдельных скоростных плавков – к скоростным цехам и заводам // Труд. 1942. 14 янв. № 11; Будем добывать руду по-янкински! // Там же. 28 янв. № 23; Литвак А. Школа Василия Шалаева // Там же. 31 янв. № 26; Чугунов А. Одна цель, одно стремление // Там же. 14 февр. № 55; Босый Д. Тысячники // Там же. 14 марта. № 62; Спехов П. Сколько новых рабочих ты обучил? // Там же. 26 апр. № 99; Босый Д. Военные минуты // Там же. 1 мая. № 103; Базетов Н. Каждую плавку сделаем скоростной // Там же. 9 мая. № 108; Его же. Школа мастерства // Там же. 28 мая. № 123; Босый Д. Культура производства и станки // Там же. 29 мая. № 124.

²⁵⁰ Цит. по: Дижур Б. Под землей и на земле // Нижний Тагил. Свердловск : Свердлов. обл. гос. изд-во, 1945. С. 140.

работниками добывающей и перерабатывающей сфер. Добыча ресурсов сочеталась с концепцией Урала как кладовой богатств, ресурсного хартленда, в котором главными действующими лицами становились геологи и шахтеры. Переработка ресурсов сочеталась со взглядом на Урал как на кузницу обороны, где ведущие роли играли металлурги, прокатчики, инженеры. Ресурс или продукт? Добыча или переработка? Уголь или сталь, уже не говоря – танк? Между тем рабочие лесной, текстильной, пищевой промышленности – отраслей, не связанных напрямую с выпуском оружия, – оказывались дискриминированы: уральский мастер 1940-х гг. – это кузнец, токарь, шахтер, сталевар, железнодорожник, но не целлюлозник, лесоруб или швея.

Особой группой героев индустриального арсенала страны Советов выступали ответственные руководители – директора и главные конструкторы. Их роль в символическом пространстве оборонного Урала была огромной уже хотя бы потому, что заводы часто обозначали именами директоров – «завод, где директором Быховский», «завод, где директором Максарев»²⁵¹, «завод, где директором Музруков»²⁵². Опять-таки между собой директора не были равны; некоторые были популярнее, больше упоминались в печати, им присваивали наиболее престижные звания. Ключевыми фигурами директорского корпуса уральских заводов следует считать И. М. Зальцмана, А. И. Быховского, Б. Г. Музрукова.

Существовал в пантеоне героев трудового фронта и определенный гендерный дисбаланс. Женский труд был принципиально важной темой в советской индустриальной культуре, тема приобрела особенное значение в 1930-х гг. в связи с курсом на индустриализацию и втягиванием женщин в промышленное хозяйство. Конечно, среди знатных рабочих было немало женщин, достаточно назвать горновую Ф. В. Шарунову, обмотчицу Р. Кыштымову, ряд других стахановок и тысячниц. В речи забойщицы рудника имени III Интернационала А. Рычковой, зафиксированной в очерке Б. А. Дижур о шахтерках,

---

²⁵¹ Ю. Е. Максарев (1903–1982) – директор Харьковского паровозостроительного завода имени Коминтерна (завод № 183) в 1938–1941 гг., директор танкового завода в Нижнем Тагиле, сформированного на базе Уралвагонзавода, в 1941–1946 гг.

²⁵² Б. Г. Музруков (1904–1979) – директор Уралмашзавода в Свердловске в 1939–1947 гг.

присутствовали феминистские ноты: «Я работаю в шахте шестой год. В шахту я пошла еще до войны. Никто меня не неволил. Жила я с мужем. Был он у меня маляр. Квартиру мне разрисовал, как клетку золоченую. Любил меня, а все же ни во что не ставил, да еще ревновал: туда не ходи да сюда не гляди, тут не стой, там не говори. И решила я: буду сама себе большая. Он говорит: “Пропадешь!”. А я говорю: “Ты еще обо мне услышишь!”. Стала работать»²⁵³. Но Рычкова и Шарунова освоили профессии по своей воле, еще до войны. Теперь же на производство массово шли женщины, для которых этот выбор был продиктован необходимостью.

В своей массе опыт прихода женщин на производство был травматичным – столь же травматичным и болезненным, как эвакуация на Урал. На трудовом фронте встречались две социальные группы, столкнувшиеся с шоком. Эвакуированные кадровые рабочие и техники страдали от тягот перемещения, однако на производстве были в своей стихии, их превосходство закреплялось, как мы видели, дискурсивными средствами. Местные женщины-домохозяйки, замещавшие мужчин в промышленном производстве, вынуждены были, оставаясь в знакомом и обжитом уральском пространстве, осваивать новое и трудное для себя пространство заводского цеха. В публичной сфере предпринимались усилия для того, чтобы инкорпорировать женский труд в общую концептуальную схему уральского арсенала обороны, подбодрить и стимулировать новых работниц. Так появился принципиально важный образ жены или сестры, заменяющей мужа или брата у станка²⁵⁴. В квалификации и опыте они заведомо уступали работникам-мужчинам. К примеру, жена магнитогорского прокатчика В. П. Огородникова²⁵⁵ вела настолько замкнутый образ

---

²⁵³ Цит. по: *Дижур Б.* Под землей и на земле // Нижний Тагил. Свердловск : Свердлов. обл. гос. изд-во, 1945. С. 141.

²⁵⁴ См.: *Славутский А.* У мартенов, как на линии огня // Известия. 1941. 25 окт. № 253.

²⁵⁵ В. П. Огородников был видной фигурой Магнитогорска середины 1930-х гг., одним из стахановцев прокатного цеха металлургического комбината. Беспартийный. Запомнился как «темный пример» стахановца: считая, что его не ценят, он ссорился с начальством, уезжал из Магнитогорска в Макеевку, в 1937 г. подвергся репрессиям. С. Коткин, детально проанализировавший стахановское движение Магнитогорска 1930-х гг., указал, что в 1938 г. Огородников был казнен, однако сослался

жизни, что рабочий даже встревожился, увидев ее в цехе: «Из дому она выходила лишь на рынок и в магазины. Жизнь ее была замкнута семейным кругом. У нее были муж, сын и дочь, и дальше она не выходила за черту этого узкого мира». На самом деле Настасья Огородникова, уроженка Донбасса, «рвалась на завод, чтобы жить одной жизнью с металлургами, но каждый раз, когда собиралась она на комбинат, резче возникала другая грань ее существования – семья»²⁵⁶. Ей удалось освоить блюминг, супруги Огородниковы начали работать на комбинате *вместе*.

Подчас женский труд описывался в восторженных тонах, советские публицисты подчеркивали, что новые работницы в совершенстве овладевают мастерством, не уступают мужчинам. Но все же женщины редко оказывались примером для подражания; хотя существовали «знатные труженицы тыла», такие, как Шарунова или Кыштымова, они все же не представляли в публичной сфере столь же авторитетными, как Сороковой, Янкин, Коваленко и другие стахановцы-мужчины, образовывавшие основные кадры рабочих-мастеров, рабочих-новаторов. М. С. Шагинян, публикуя рецензию на фильм «Урал кует победу» (1943), подчеркивала, что «в фильме досадно мало знатных женщин Урала: нет Шаруновой, нет Щербаковой²⁵⁷, нет замечательных работниц снарядных цехов²⁵⁸».

Наконец, существовали и возрастные различия. Война, мобилизуя массу молодых и зрелых работников на боевой фронт, втягивала в орбиту фронта трудового подростков и стариков. Подросток у станка – одна из ключевых фигур индустриально-мобилизационной культуры военного времени, подвергшихся во второй половине XX в.

на «письмо из Челябинской областной прокуратуры Магнитогорскому городскому комитету партии», не указывая место хранения документа (см.: *Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1997. P. 338*). Цитированная нами заметка об Огородниковых не оставляет, кажется, сомнения в том, что в конце 1941 г. знаменитый оператор блюминга был жив, хотя, конечно, автор газетной заметки Д. Хаит ничего уже не сообщал о его стахановском прошлом.

²⁵⁶ Хаит Д. Оператор блюминга // Магнитогор. рабочий. 1941. 12 дек. № 294.

²⁵⁷ Е. П. Щербакова – горновая Магнитогорского комбината.

²⁵⁸ См.: Шагинян М. С. «Урал кует победу» // Правда. 1943. 10 дек. № 303.

обширной мифологизации, будучи переосмысленной в рамках более широкой, универсальной дилеммы о детях на войне. Участие детей в тяготах оборонного производства подчеркивало жестокий характер войны, становилось дополнительным фактором уравнивания войны на фронте и войны в цехах. Вместе с тем была у дискурса о подростках-рабочих и более узкая, инструментальная цель: то был дискурс воспитания, перековки недисциплинированных и неумелых рабочих рук в квалифицированную трудовую силу. Если знатные профессиональные рабочие-стахановцы – мужчины, как Сороковой или Ковалев, и женщины, как Шарунова, – совершали трудовой подвиг, опираясь на свою квалификацию и умение, то вновь вовлекаемая в орбиту производства рабочая сила, подростки и домохозяйки, должна была вначале соответствующей квалификацией овладеть.

Иными словами, одного стремления помочь своей стране и отомстить ненавистным захватчикам, одной отваги и энтузиазма для трудового подвига было мало; обязательным условием такого подвига было овладение мастерством, требовавшее и времени, и дисциплины. Сюжетная фабула первой части знаменитой повести И. И. Ликтанова «Малышок» (1948) строится вокруг того, как подростки, горя желанием перевыполнить план, ломают ценный станок. М. С. Шагинян живописала историю о непослушном упрямец Вите Толкачеве, убежавшем из цеха на футбол: «Лишь старый токарь Гребс Владимир Федорович думал иначе. Он прикрепил мальчика, с которым никто не хотел иметь дела, к себе: пусть-ка попробует поработает со мной! Старый и малый работали два месяца: Гребс – высокий светловолосый ленинградец, с лицом и повадками северянина, молчаливый и справедливый, но без нежностей, и упрямый уральский мальчишка, не знающий, что такое дисциплина»²⁵⁹. Конечно, старому ленинградцу удалось переделать, дисциплинировать уральца. Важными персонажами трудового фронта оставались и старики, теперь, в условиях дефицита рабочих рук, возвращающиеся на родные заводы, несмотря на преклонный возраст. Так, знаменитому кузнецу Мотовилихи стахановцу А. П. Гилеву, прославившемуся еще в 1930-х гг.,

---

²⁵⁹ Шагинян М. Южный Урал. С. 38.

полагалось в 1942 г. выйти на пенсию; разумеется, опытный мастер оставался на трудовой вахте до октября 1945 г.²⁶⁰

Наиболее же дискриминированной социальной группой были подневольные работники – спецпоселенцы, трудмобилизованные, заключенные ГУЛАГа. При этом от своей специфической идентичности строительные организации НКВД не отказывались, однако детали о характере труда, использованного для строительства, не раскрывались. Радуюсь пуску третьей доменной печи Ново-Тагильского металлургического комбината, М. М. Царевский, руководитель треста «Тагилстрой», который вел сооружение домны, замечал: «Строители, приехавшие в Нижний Тагил осуществить это правительственное задание, не имели опыта сооружения объектов черной металлургии. Они были специалистами гидротехнического строительства»²⁶¹. Это была суцая правда, но не вся: большинство работников, переброшенных в Тагил на возведение металлургического завода, вовсе не по своей воле стали «специалистами гидротехнического строительства».

В феврале 1942 г. в Нижний Тагил перебросили коллектив Волгостроя НКВД – строительной организации, занимавшейся ранее возведением крупнейших гидроузлов близ Углича и Рыбинска и использовавшей подневольный труд заключенных Волголага. Эти «специалисты» стали костяком громадной системы Тагиллага, включавшей также заключенных исправительно-трудовой колонии № 4, трудмобилизованных советских немцев и жителей Центральной Азии, депортированных граждан прибалтийских республик. Лагерное хозяйство стало «государством в государстве», заключенные Тагиллага, находясь в жесточайших условиях, вели большую часть строительных работ в Нижнем Тагиле и его окрестностях, платя за каждый трудовой успех советского государства собственным здоровьем и жизнью²⁶². Равным образом известный публицист Л. Д. Митницкий,

---

²⁶⁰ См.: Слово о Мотовилихе. Годы, люди, события. Пермь : Перм. кн. изд-во, 1974. С. 497.

²⁶¹ Царевский М. Новая победа уральцев // Известия. 1944. 29 апр. № 102.

²⁶² См.: Кириллов В. М. Тагиллаг НКВД // Уральское краеведение. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996. С. 114.

сообщая читателям «Правды» в 1945 г. о строительстве нового индустриального центра на Урале, Богословского алюминиевого завода, прямо называл его Базстроем НКВД. Стройки НКВД (крупнейшими из них, помимо Ново-Тагильского металлургического комбината, были Челябинский металлургический завод и Богословский алюминиевый завод²⁶³) в публичном пространстве мимикрировали под обычные стройки²⁶⁴. К 1944 г. сформировался своего рода устойчивый перечень крупнейших строек Урала времен войны – Челябинские металлургический и трубопрокатный заводы, доменные печи Магнитогорского и Ново-Тагильского комбинатов, а также Чусовского завода, Уральский автомобильный завод.

Комбинация представлений об Урале как о кладовой богатств, кузнице обороны; историзация и этнизация уральской специфики, ставшая особенно рельефной под взглядом эвакуированных; уравнивание боевого и трудового фронта, позволившее Уралу единолично представлять весь советский тыл и обзавестись собственным «пантеоном» героев труда, – все эти составляющие стали основой для нового, емкого образа Урала. Его черты кристаллизовались зимой 1942–1943 гг. в текстах, принадлежавших наиболее авторитетным советским публицистам.

В конце 1942 г. Е. М. Ярославский опубликовал статью «Урал», за которой можно признать программный характер. Ярославский начинал со старого Урала, приводя ленинские характеристики уральской отсталости и замечая, что сталинская политика преобразила старый край. Затем он воздавал должное уральским богатствам, опираясь на формулировки Ферсмана и Комарова, протягивая Урал

---

²⁶³ См.: *Цепкалова А. А.* Трудовые ресурсы на объектах строительства ГУЛАГа: характеристика спецконтингента Челябметаллургстроя в 1940-е годы // *Вестн. Челяб. гос. ун-та.* 2011. № 12. С. 90–98; *Хисамутдинова Р. Р., Ковалева Е. А.* Организация и функционирование исправительно-трудовой системы на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // *Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та.* 2016. № 1. С. 199–208.

²⁶⁴ См.: *Строительная страда 1944 года* // *Известия.* 1944. 26 апр. № 99; *Кривицкий А., Кирюшкин И.* Первенец сорок третьего // *Правда.* 1943. 9 февр. № 40; *Митницкий Л.* Новый промышленный центр на Северном Урале // Там же. 1945. 22 марта. № 69.

вплоть до Центральной Азии, упоминая и «всю Периодическую систему элементов Менделеева», и авторитетную сталинскую цитату об уральских богатствах. Говорил Ярославский и о людях, упоминая уральцев как яростных бойцов, которые теперь, после сталинских пятилеток, еще и научились выпускать великолепное оружие. Тут же он оговаривался: «Но сегодня люди Урала – не только уральцы, и это обстоятельство большевики Урала должны учесть и использовать в своей работе полностью. Ленинградцы и москвичи, тульские оружейники, донбассовцы и прибалтийцы принесли сюда свою большую трудовую культуру, свой производственный опыт и свою пламенную ненависть к врагу, осквернившему и залившему кровью родной наш край»²⁶⁵. В целом Урал представал под пером Ярославского кладовой богатств.

В начале 1943 г. в «Правде» вновь появилась обзорная статья об Урале, но теперь ее автором был крупнейший фельетонист Д. И. Заславский. Он подчеркивал роль эвакуации – «великого переселения заводов» – в преобразении Урала: «Все расселись по местам. Заводы были собраны, свинчены. Колеса завертелись. Молоты застучали. Гигантский уральский конвейер протянулся через тысячи километров. Танки пошли непрерывной чередой с Востока»²⁶⁶. Подчеркнув, что для гитлеровцев это было неожиданностью, Заславский тут же принимался описывать уральцев в этнизирующих категориях; это, кроме прочего, позволяет сказать, что неожиданностью «уральский конвейер» стал и для советских читателей «Правды»²⁶⁷. Для описания уральцев Заславский пользовался характерными этнизирующими и историзирующими понятиями, прочно вошедшими

---

²⁶⁵ *Ярославский Е.* Урал // Правда. 1942. 29 дек. № 363.

²⁶⁶ *Заславский Д.* Урал новогодний // Там же. 1943. 4 янв. № 4.

²⁶⁷ Заславского, очевидно, привлекала интерпретация уральцев как «горцев» (см.: *Заславский Д. И.* Русские горцы. Экономическая мощь Урала и ее значение в Отечественной войне // Огонек. 1943. № 7–8. С. 6–10), представляющих «дику», «суровую» и доселе слабо известную страну. Не случайно рассуждения об уральцах в статье «Урал новогодний» он предварил цитатой из Пушкина: «Черногорцы? что такое? Бонапарте спросил». Строго говоря, не было ни одной причины, почему агрессору было не знать об Урале: уральские новостройки первых пятилеток широко рекламировались советскими медиа в 1930-е гг., однако Заславский последовательно представил Урал в таком качестве.

в обиход с конца осени 1941 г.: «Уральцы – замечательный народ. В них есть своеобразие, рожденное особыми условиями, в которых создавался уральский горнозаводский быт. Они – обладатели неисчислимых сокровищ, скрытых в камне их гор. Они горды искусством своих мастеров, наследственных рудознатцев и сталеваров»²⁶⁸. От пространных перечислений всевозможных геологических богатств осталась у Заславского одна строчка; акцент теперь делался на людях, на квазиэтническом описании славного горного народа мастеров и воинов, образующего с эвакуированными пресловутый «чудесный сплав».

И уже после войны прозвучал самый весомый голос, окончательно склонивший чашу весов в пользу Урала, трактуемого как историческая кузница оружия. Лаконичную, чеканную формулировку подарил Уралу А. Т. Твардовский, в апреле 1948 г. посетивший Свердловск, а в 1952 г. опубликовавший стихотворение «Две кузницы» (в 1960 г. целиком вышла поэма «За далью – даль», частью которой стали «Две кузницы»).

Еще в 1946 г. Твардовский включил упоминание об «уральских кузницах» в стихотворение «Я убит подо Ржевом»:

Нам достаточно знать,
Что была, несомненно,
Та последняя пядь
На дороге военной.

Та последняя пядь,
Что уж если оставить,
То шагнувшую вспять
Ногу некуда ставить.

Та черта глубины,
За которой вставало
Из-за вашей спины
Пламя кузниц Урала²⁶⁹.

---

²⁶⁸ Заславский Д. Урал новогодний.

²⁶⁹ Твардовский А. Т. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3. М. : Худож. лит., 1978. С. 13.

Теперь же Твардовский описывал свои впечатления от визита на Урал, полностью игнорируя историю о богатствах и фокусируя внимание на трудовых ресурсах, технологической мощи и исторической традиции²⁷⁰:

...Полжизни с лишком миновало,
И дался случай мне судьбой
Кувалду главную Урала²⁷¹
В работе видеть боевой.
И хоть волною грозной жара
Я был далеко отстранен,
Земля отчетливо дрожала
Под той кувалдой в тыщи тонн.
Казалось, с каждого удара
У всех под пятками она
С угрюмым стоном припадала,
До скальных недр потрясена...
И пусть тем грохотом вселенским
Я был вначале оглушен,
Своей кувалды деревенской
Я в нем родной расслышал звон.
Я запах, издавна знакомый,
Огня с окалиной вдыхал,
Я был в той кузнице, как дома.
Хоть знал,
Что это был Урал,

---

²⁷⁰ См.: Твардовский А.Т. Две кузницы (из путевого дневника) // Известия. 1952. 23 сент. № 226.

²⁷¹ Сравнение двух кузниц имеет, конечно, риторические основания, однако мы можем предполагать, что «кувалда главная Урала» имела и реальный прототип. Во время визита на Урал Твардовский посетил Уралмаш, гордостью которого был знаменитый кузнечно-прессовый цех, располагавший уникальным оборудованием. Наиболее мощной машиной этого цеха был гидравлический штамповочный пресс «Duisburg Hydraulic» усилием 10 000 тонн, поставленный на Уралмаш из Германии в 1930-х гг. (см.: Агеев С., Бриль Ю. Неизвестный Уралмаш: История и судьбы, 1933–2003. Екатеринбург : Урал. лит. агентство, 2003. С. 178). Поломка этого пресса осенью 1941 г. и его последующее восстановление, имевшие, по сегодняшним оценкам, значение выигранной битвы, оказались освещены в романе А. А. Караваевой «Огни» (1944); см. параграф 4.1 настоящей работы.

Урал! Завет веков – и вместе –
Предвестье будущих времен.
И в наши души, точно песня,
Могучим басом входит он –
Урал! Опорный край державы,
Ее добытчик и кузнец,
Ровесник древней нашей славы
И славы нынешней боец²⁷².

Безотносительно того, действительно ли строки о «кувалде главной» были вдохновлены кузнечно-прессовым цехом Уралмаша, текст Твардовского давал понять: решающий уральский фактор не рудное богатство, а наличие мощной техники. Акцентированная же связь технологически сложной, современной «главной кувалды» с деревенской кузницей, со знакомым с детства запахом окалины, раскрывала линию уральской традиции мастеров-кузнецов. Сочетание концепта *кузницы обороны*, в рамках которого Урал представлял советский тыл в целом, с историческим дискурсом о *седом Урале* дало Твардовскому чеканную формулу об «опорном крае державы», ставшую самой, возможно, авторитетной цитатой среди всех применяемых для описания этой части планеты.

---

²⁷² Как отмечено выше, в позднейших изданиях слова «боец» было заменено на «кузнец», что усиливало образ Урала-кузницы (см.: *Твардовский А. Т. Собрание сочинений* : в 6 т. Т. 3. С. 230).

3. ГОРОДА ОПОРНОГО КРАЯ

3.1. Где находится Танкоград

Танки, артиллерийские орудия, стальная броня – эти и подобные им оборонные изделия уже к концу 1941 г. прочно ассоциировались с Уралом. Однако конкретные места производства оружия были плотно скрыты завесой молчания. Исследователь С. М. Тюшняков отмечает: «В обстановке секретности того времени, с одной стороны, требовалось показать успехи отечественной оборонной промышленности, с другой, не дать никакой компрометирующей информации. В результате максимум того, что мог узнать читатель, – это фамилия директора и номер завода. Иногда указывалось, в каком городе расположено производство, но, как правило, это был город “Н”»¹. Завеса молчания позволяла спрятать оборонную мощь страны от лишних глаз, но одновременно мешала должным образом прославить, героизировать тыловой труд. И. И. Бачелис и Т. Тэсс, рассуждая об очередном «уральском городе Н.» (в данном случае это был, как видно из описаний его индустрии, Первоуральск), заключали: «В условиях войны куется чудесное будущее Урала... Будет снята с города таинственная буква Н., и перед нами встанет с полным своим именем рядовой боец – уральский город, возмужавший, окрепший, закалившийся»². Однако динамика складывания индустриальной идентичности на Урале была столь велика, что даже соображения секретности не позволяли исключить описания конкретных локусов с помощью их промышленной специфики. Завеса молчания вокруг некоторых из них приподнималась, не дожидаясь наступления «чудесного будущего».

---

¹ Тюшняков С. М. Освещение в печати оборонной промышленности СССР в начальный период Великой Отечественной войны (на примере завода № 172) // 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности. Ч. 2. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2015. С. 117.

² Бачелис И., Тэсс Т. Город на Урале.

Самым ярким примером здесь является знаменитый Танкоград. Сегодня это имя прочно ассоциируется с Челябинском, однако данная связь в момент появления самого имени не была очевидной. Ключевыми центрами танкостроения в довоенном СССР были Ленинград, Харьков, в меньшей степени Москва и Горький. Однако география эта была лишь частично представлена в советской публичной сфере. К примеру, 20 сентября 1941 г., когда центральные газеты опубликовали передовую «Слава строителям советских танков!», в тексте были названы три предприятия – завод № 75, № 183 и Кировский завод (руководители последнего, И. М. Зальцман и Ж. Я. Котин, стали также Героями Социалистического Труда)³. Кировский завод был расположен в Ленинграде, это не скрывалось. Заводы же № 75 и 183 представляли, как мы сегодня знаем, танкостроительный комплекс Харькова, однако тогда, в сентябре 1941 г., их географическая локализация не афишировалась. Таким образом, доступная советскому читателю география танкостроения включала Ленинград с прославленным Кировским заводом и два неизвестных «энских» завода, расположенных непонятно где.

Тем временем с начала октября началась спешная эвакуация персонала и техники Кировского завода на восток, главным образом в Челябинск, на площадку Челябинского тракторного завода, с 1940 г. старавшегося освоить выпуск танков КВ. Сам Кировский завод к середине октября 1941 г. прекратил производство, поскольку к нему приблизилась вплотную линия фронта. В ноябре 1941 г. челябинский партийный лидер Г. Д. Сапрыкин писал о некоем производстве по «сборке танков», где работают герои «фронта труда», дающие сотни процентов нормы⁴. И лишь с мая 1942 г. в центральной прессе стало встречаться слово «Танкоград», обозначавшее Кировский завод, работавший теперь на площадке Челябинского тракторного завода. Ответственным за его вхождение в обиход, если не его автором, был Л. В. Никулин, видный литератор и журналист, с декабря 1941 г.

---

³ См.: Слава строителям советских танков! // Известия. 1941. 20 сент. № 223 (7599).

⁴ См.: Сапрыкин Г. Клятва челябинских большевиков // Там же. 16 нояб. № 273 (7649).

руководивший Челябинским книжным издательством и в 1942 г. опубликовавший цикл очерков о крупнейших предприятиях Южного Урала. Тексты Никулина не сообщали читателям напрямую, где находится таинственный Танкоград, однако можно было понять, что это Кировский завод, перемещенный куда-то на Урал. 7 мая 1942 г. вышла первая из известных нам заметок Никулина о Танкограде, сообщавшая следующее: «В сущности это – большой, застроенный пятиэтажными домами город, три четверти которого занимают огромные цехи, разбросанные на большом пространстве. Этот город по праву можно назвать Танкоградом, и самое большое здание в городе – цех сборки»⁵. Никулин объяснял, что сюда, в этот рабочий городок на Урале, прибыл из Ленинграда коллектив Кировского завода и с успехом развернул тут поточное производство тяжелых танков.

Выпуск «Известий» от 10 мая 1942 г., посвященный соцсоревнованию танковых заводов Союза, не вносил ясности в географическом смысле: «Переходящее красное знамя имени Государственного Комитета Обороны будет развеяться в городе, где работают уральцы и ленинградцы-кировцы, – в Танкограде»⁶. Конечно, статья Никулина являла собой контраст со скупыми, сухими строками соседних заметок. Одна из них, поступившая из «города Н», повествовала о том, что «с первых дней Отечественной войны перед коллективом Н-ского завода, где директором тов. *Мазуруков*, была поставлена задача – давать Красной Армии боевые машины – танки»⁷ и что с этой задачей завод справляется. Другая заметка, тоже из «города Н.», сообщала о митинге «рабочих, инженеров, техников и служащих завода ордена Ленина им. Коминтерна»⁸. При этом статья из Сталинграда прямо называла местного танкостроителя – знаменитый Сталинградский тракторный завод⁹, который, как мы видели выше, с февраля 1942 г. открыто признавался центром выпуска боевых машин¹⁰.

---

⁵ Никулин Л. Танкоград // Известия. 1942. 7 мая. № 105 (7791).

⁶ Никулин Л. Боевые дни Танкограда // Там же. 10 мая. № 108 (7794).

⁷ Слово стахановцев // Там же.

⁸ Обязательства завода им. Коминтерна // Там же.

⁹ См.: Шапошников А. На Сталинградском тракторном // Там же.

¹⁰ См. главу 2 настоящей работы.

Итак, советский читатель знал, что танками снабжают Красную армию Сталинградский тракторный завод, уральский Танкоград (Кировский завод в эвакуации) и два предприятия с неясным географическим расположением¹¹. Описывая передачу очередного тяжелого танка, Никулин подчеркивал двойную идентичность Танкограда: «Есть в экипажах боевых танков и природные уральцы, есть и ленинградцы-кировцы, рабочие трижды орденосного Кировского завода, танкостроители, ставшие танкистами. Они строили боевые машины КВ, они же и поведут их в бой!»¹². Сами кировцы пытались умерить рост уральской индустриальной гордости и отстоять свою кировско-путиловскую идентичность. Так, в августе 1943 г. И. М. Зальцман безапелляционно заявлял: «Из всех танковых и моторостроительных заводов мы располагаем наилучшим оборудованием, наилучшим оснащением, наилучшими кадрами, славными традициями, богатым опытом. Поэтому наши танки и моторы должны быть самыми лучшими. Мы будем ставить на наших танках и моторах марку Кировского завода»¹³. Однако единый уральский нарратив перевешивал эти попытки. Сообщения о Танкограде последовательно отсылали читателя на Урал¹⁴.

Летом 1942 г. Никулин писал уже из действующей армии, несколько конкретизируя расположение Танкограда¹⁵: «Город на Урале,

---

¹¹ Оба N-ских завода – тот, который носил имя Коминтерна, и тот, которым руководил директор «тов. Мазуруков», – находились на Среднем Урале, в Свердловской области. Разумеется, эти предприятия были в советской публичной сфере не менее известны, чем Кировский завод. В первом случае речь шла о слиянии Харьковского паровозостроительного и Уральского вагоностроительного заводов в Нижнем Тагиле, во втором – об Уралмашзаводе, которым руководил Б. Г. Музруков, чью фамилию корреспонденты «Известий» перепутали. Впрочем, как увидим далее, завеса секретности вокруг завода, где директором был Музруков, долго не продержалась: как минимум с декабря 1942 г. советская публицистика открыто называла Уралмаш производителем танков.

¹² Никулин Л. Дар Танкограда // Известия. 1942. 28 мая. № 123 (7809).

¹³ Цит. по: Кирюшкин И. Там, где строятся «КВ» и «Т-34» // Правда. 1943. 9 авг. № 198 (9334).

¹⁴ См.: Большой день Танкограда // Известия. 1942. 9 июня. № 133 (7819); Промышленность на пороге нового года // Там же. 29 дек. № 305 (7991); Честь заводской марки // Там же. 1943. 2 июня. № 128 (8121).

¹⁵ В роли популяризатора понятия «Танкоград» его сменил другой яркий публицист, А. О. Славутский.

город заводов в долине, среди горных кряжей, хрустально-голубых озер, величественных заповедных лесов... Он просыпается в ранний час, его будит согласный хор утренних голосистых заводских гудков. Десятки тысяч людей устремляются к проходным будкам, тысячи людей спокойной, рассчитанной по минутам походкой идут в учреждения. Детвора наполняет скверы, и, кажется, только голоса радиорупоров напоминают о величайших битвах на западе нашей страны. Более двух тысяч километров отделяют этот город от фронта. Танкоград честно служит фронту. Все видят здесь, на полях сражений, плоды его трудов»¹⁶. Образы гор, озер и лесов отсылают к Южному Уралу, хотя Челябинск не стоит в горной долине, – так обычно описывают Миасс или Златоуст. И, обращаясь к танкам как к «старым знакомым»¹⁷, Никулин вспоминал «край горных озер, богатейший край Уральских гор... Танкоград, родину танков КВ»¹⁸. В некоторых случаях Танкоград даже указывали в заметках настоящим адресом¹⁹. В августе 1943 г. А. О. Славутский уже точно локализовал Танкоград в Челябинской области, замечая: «В клятве большевиков Южного Урала Верховному Главнокомандующему Маршалу Советского Союза товарищу Сталину звучит мощный голос Танкограда»²⁰. Именно Кировский завод, разместившийся на Урале, выступал главным символом советской танковой промышленности²¹ (в июне 1942 г. газеты информировали о том, что в Танкограде участвуют также и украинцы, отвечающие на новом месте за выпуск моторов²²). Именно Кировский завод представлял танковую индустрию в фильме «День войны» (1942). В том же 1942 г. стихотворение «Танкоград» написал поэт А. Я. Гольдберг²³.

---

¹⁶ Никулин Л. Спасибо кировцам! // Известия. 1942. 19 июля. № 168 (7854).

¹⁷ См. параграф 4.2 настоящей работы.

¹⁸ Никулин Л. Спасибо кировцам!

¹⁹ См.: Патриотический почин молодых танкостроителей // Правда. 1942. 23 окт. № 296 (9067).

²⁰ Славутский А. Танкоград в эти дни // Известия. 1943. 12 авг. № 189 (8182).

²¹ См.: Советский тыл кует оружие фронту // Красная звезда. 1942. 9 июня.

²² См.: Никулин Л. Успех Танкограда // Известия. 1942. 5 июня. № 130 (7816).

²³ См.: Гольдберг А. Танкоград // Гольдберг А. Мужество. Челябинск : ОГИЗ ; ЧелябГИЗ, 1944. С. 7.

В конце 1943 г. Никулин издал свои очерки в виде книги «Урал Южный» и здесь указал на место расположения Танкограда уже безошибочно: говоря о девушках-тысячницах, он сообщал, что те пришли на завод в 1940 г. и участвовали в перестройке производства с выпуска тракторов на выпуск танков. Такая формулировка уже не оставляла сомнений: Танкоград располагается на площадке Челябинского тракторного завода, поскольку никакой другой завод на Урале выпуском тракторов не занимался.

Этими сборниками и заметками история о Танкограде на страницах центральных газет довольно неожиданно завершилась; с осени 1943 г. до конца войны это название более не встречается, по крайней мере в центральной печати СССР. При этом репортажи и заметки о Кировском заводе выходили регулярно. Более того, Кировских заводов теперь стало *два*: один из них работал где-то на Южном Урале и выпускал «сухопутные линкоры», а другой восстанавливался в Ленинграде. В специальном выпуске, посвященном возрождению Ленинграда, директор этого завода Н. Пузырев объяснял запутанную ситуацию: «Осенью 1941 года на Урале возник Кировский завод-двойник. Он стал мощнейшей базой по выпуску тяжелых танков. Но и наш Кировский завод в Ленинграде продолжал жить и бороться... В течение всей блокады завод выпускал вооружение... Мы помнили, что из ворот нашего завода вышли первые советские тракторы, что наш завод – родина советских тяжелых танков»²⁴.

Еще одним производителем танков, наряду с Кировским заводом, с 1942 г. прямо называли Уралмаш. В те же месяцы 1942 г., когда «Правда» старалась замаскировать Уралмаш, помещая его в город Н., в Свердловске вышла брошюра Ф. В. Гладкова «Строители боевых машин: очерки о людях Уралмашзавода». Здесь, конечно, не говорилось прямо, что за машины делает Уралмаш, однако Гладков давал описания исключительно прозрачного свойства: «Их много, этих стальных страшно тяжелых машин. Вот они стоят рядом, еще неуклюжее, неотесанные. Вот их склепанные и литые башни, как исполинские черепахи, а над ними и около них ласково и нежно работают

---

²⁴ Пузырев Н. У кировцев // Правда. 1944. 3 нояб. № 264 .

причудливые и тоже гигантские расточные механизмы»²⁵. Словно бы для того, чтобы полностью исключить двусмысленность, на обложке брошюры Гладкова красовался... танк! В декабре 1942 г. журналист М. Полисюк отмечал: «На Уральском заводе тяжелого машиностроения, чью марку встречаем на мощных экскаваторах, прессах, молотах, гигантских прокатных станах, на оборудовании горной, металлургической, химической и других отраслей промышленности, – на этом заводе заводов, буквально с первых же дней войны, все, начиная от директора и кончая уборщицей цеха, стали жить фронтовыми заказами. Первокласная техника Уралмашзавода была в кратчайший срок и, что называется, на ходу приспособлена к крупносерийному производству боевых машин»²⁶. Как и Гладков, Полисюк напрямую не говорил, *что* это за машины, но дальше в его тексте также упоминались литые башни (Уралмаш освоил это танкостроительное новшество) и обработка корпусов.

Уралмаш в Свердловске и Кировский завод где-то на Южном Урале – таковы были два элемента уральского танкостроения. Но в ноябре 1944 г. «Правда», рапортуя об успехах танкостроителей СССР, называла три основных танковых предприятия – Уралмашзавод, Кировский завод и «танковый завод, где директором Герой Социалистического Труда тов. Максарев»²⁷. Как мы показали выше, первые два были известны каждому в стране (правда, точное местонахождение Кировского завода, переброшенного на Урал, по-прежнему не называлось напрямую), а вот третий представлял собой географическую загадку.

Если Кировский завод и Уралмаш были обласканы вниманием писателей и публицистов, то танковое производство, где директором Максарев, – Уральский танковый завод в Нижнем Тагиле – попадало в фокус внимания писателей и публицистов редко, даже несмотря на то, что именно на Вагонке был создан один из главных

---

²⁵ Гладков Ф. Строители боевых машин: очерки о людях Уралмашзавода. Свердловск : Свердловгиз, 1942. С. 22.

²⁶ Полисюк М. Урал – кузница смертоносного оружия // Сталинский Урал. XXV лет Октября. М. : ОГИЗ ; Госполитиздат, 1942. С. 81.

²⁷ Новые обязательства танкостроителей // Правда. 1944. 13 нояб. № 273 (9730).

визуальных образов Урала времен войны – картина самодеятельного художника, работника эвакуированного Харьковского завода имени Коминтерна И. И. Воскобойникова «Седой Урал кует Победу» (1943)²⁸. С началом Великой Отечественной войны Уралвагонзавод (надо отметить, не до конца введенный в эксплуатацию, в отличие от ритмично и эффективно работавшего ЧТЗ) приобрел новую, оборонную специализацию: осенью 1941 г. на его площади был эвакуирован Харьковский паровозостроительный завод имени Коминтерна (завод № 183), специализировавшийся на выпуске танков Т-34²⁹. Подобный поворот в судьбе тагильского завода не предусматривался планом его строительства, хотя для советских экономистов было характерно стремление «американизировать» оборонную промышленность, ассимилируя военное производство с гражданским на базе конвейерной технологии³⁰. Вагонное производство было свернуто, конструкторское бюро вагоностроения переброшено в деревню Чесноковку близ Барнаула. Отныне Уралвагонзавод именовался Уральским танковым заводом имени Коминтерна (с 1943 г. – Уральским танковым заводом имени Сталина), получив имя и номер эвакуированного предприятия, так же, как и Кировский завод, эвакуированный из Ленинграда на площадку Челябинского тракторного завода. В печати же его называли то по имени директора, то заводом имени Коминтерна или заводом № 183³¹.

Так, в январе 1943 г. глава свердловской парторганизации В. М. Андрианов с гордостью сообщал о выполнении уральцами «священной клятвы вождю»: «Нет сейчас такого вида вооружения и боеприпасов, которых бы не давал фронту Урал. Воины Красной Армии высоко ценят боевую продукцию, целиком сделанную из уральского добротного металла. Недаром на фронте среди танкистов вошло в поговорку:

---

²⁸ См. параграфы 1.4, 2.3 и 4.2 настоящей работы.

²⁹ См.: *Запарий В. В., Мельников Н. Н.* Становление и развитие танкового производства на Урале в 1940-е гг. // Урал. ист. вестн. 2015. № 1. С. 38.

³⁰ См.: *Бугров К. Д., Запарий В. В.* Танкостроение в контексте военно-хозяйственной стратегии СССР 1930-х гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2019. № 448. С. 108–118. С. 111.

³¹ См.: Праздник на танковом заводе имени Коминтерна // Правда. 1942. 10 июня. № 167 (8338).

“Танки с Урала, фрицам – могила!”³². Секретность вынудила Андрианова разрушить рифму, хотя очевидно, что в оригинале этой «поговорки» вместо «Урала» стояло «Тагила». В 1944 г. в центральной прессе вышло несколько статей партийного руководителя Нижнего Тагила Е. Ф. Кольшева. Подчеркивая важную роль Урала в целом и Нижнего Тагила в частности в снабжении Красной армии оружием, он сообщал: «Машиностроительные заводы города все основное производство перевели на поточные линии. <...> Один из крупнейших машиностроительных заводов страны 12 месяцев подряд держит знамя Государственного Комитета Обороны, систематически перевыполняя установленный план»³³. Однако по имени это крупнейшее предприятие Кольшев не называл! В 1945 г. уже Ю. В. Гетлинг замечал: «Нижний Тагил с первых же дней войны стал кузницей грозного оружия. Значение города как крупной базы производства боевой продукции непрерывно возрастает. И это не случайно. Тагил имеет очень своеобразное лицо. Здесь на небольшой территории создан единственный, неповторимый экономический комплекс. Все, что добывается в недрах близ Тагила, тут же перерабатывается в готовую продукцию»³⁴.

Из очерка Гетлинга непросто уяснить, в чем заключается пресловутая тагильская неповторимость. Ключом служат довоенные экономические очерки о Нижнем Тагиле, позиционировавшие вновь создаваемый промышленный комплекс города как единство металлургического комбината полного цикла (со своим рудником и коксохимическим производством) и крупнейшего в мире вагоностроительного завода. Но открыто упомянуть вагоностроительный завод, превратившийся в годы войны в танковый, Гетлинг не мог, и формулировка оказалась незавершенной. Если же мысленно дополнить ее, то уникальность Нижнего Тагила, на которую пронизательно обратил внимание Гетлинг, становилась понятной: это и впрямь был единствен-

---

³² Андрианов В. Урал – фронту // Правда. 1943. 3 янв. № 3.

³³ Кольшев Е. Здесь куется грозное оружие // Известия. 1944. 10 авг. № 180 (8491).

³⁴ Гетлинг Ю. Тагильская сталь // Нижний Тагил. Свердловск : ОГИЗ : Свердл. обл. гос. изд-во, 1945. С. 146.

ный город СССР времен войны, в котором работала производственная цепочка: добыча руды, ее переработка в сталь и последующая переработка стали в «боевую продукцию» – танки. Еще в 1944 г. И. И. Ликстанов опубликовал очерк «Большой завод», посвященный неназванному по имени Уралвагонзаводу, выпускавшему «боевые машины»³⁵. Текст Ликстанова почти целиком был посвящен описанию работы конвейера, «потоку деталей». «Большой завод», который «басом гудит и уже печет танки как пироги»³⁶, появляется и в знаменитой повести И. И. Ликстанова «Малышок» (1947), хотя ее действие разворачивается в вымышленном городе Н., основанном на реальной географии Свердловска времен войны. Большой завод Ликстанова – это, таким образом, смесь образов Уральского танкового завода (Уралвагонзавода) и Уралмаша³⁷.

Итак, на протяжении военных лет Уральский танковый завод оставался надежно скрытым завесой молчания. Удивительным образом о нем «проговорился» А. А. Первенцев на страницах романа «Испытание» (1942): «Стране нужны были танки – и на одном из уральских крупнейших вагонстроительных заводов ставилось нужное оборудование»³⁸ («крупнейший вагонстроительный завод» на Урале был всего один – тот самый тагильский «вагоногигант»). Это исключение, очевидно, подтверждает правило. Более того, поскольку оборонное производство на вагонстроительном заводе сохранялось и развивалось³⁹, даже в послевоенные десятилетия пласт информации, связанный с «оборонкой», не подлежал разглашению⁴⁰. Лишь с начала 1980-х гг. начинает громко звучать тема трудового подвига вагонзавод-

---

³⁵ См.: Ликстанов И. Большой завод // Нижний Тагил. С. 165–175.

³⁶ См.: Ликстанов И. И. Малышок. С. 269–271.

³⁷ Характеристика завода как «большого» была для И. Ликстанова, по-видимому, принципиально важной. Так, описывая стахановца Уральского танкового завода А. Коваленко, Ликстанов подчеркивал, что тот работает в огромном цехе (см.: Кожан И. Кузнец Андрей Коваленко // Урал. рабочий. 1944. 13 февр. № 39).

³⁸ Первенцев А. Испытание. С. 141.

³⁹ См.: Устьянцев С. В. Уральский вагонстроительный завод: 80 лет. Екатеринбург : Альфа Принт, 2016. С. 95. (Библиотека Танкпрома).

⁴⁰ См.: Довгопол В. И., Ковалевич В. К., Лоренцо Д. Н. Уральский вагонстроительный. М. ; Свердловск : Машгиз, 1957. С. 111.

цев в годы Великой Отечественной войны⁴¹, достигнув кульминации в юбилейной книге «Гордость моя – Вагонка» (1986), написанной нижнетагильскими журналистами Г. М. Кузьминой и В. И. Костроминым и впервые включившей отдельный раздел, описывавший историю танкового производства в годы Великой Отечественной войны⁴². И лишь после распада СССР тагильский колосс получил возможность громко заявить о своей второй – оборонной – идентичности. Только вот славное имя «Танкоград» уже было занято; несмотря на это, в XXI в. возникла даже альтернативная традиция, в которой «танкоградом» (но с маленькой буквы, как имя нарицательное) именуется уже Нижний Тагил⁴³.

3.2. Город уральских пушкарей

Другой основной вид вооружения, артиллерия, тоже прочно ассоциировался с Уралом. Ведущим уральским предприятием артиллерийского профиля был Мотовилихинский завод в Перми (Молотове), в 1934–1957 гг. называвшийся заводом № 172 имени В. М. Молотова⁴⁴. Комплекс по производству артиллерии возник в 1871 г. и уже к концу XIX в., благодаря своему великолепному техническому оснащению и удачному расположению на берегу Камы, считался досто-

---

⁴¹ См.: Зальцман И. М. Время наивысшей отдачи // Тагил. рабочий. 1981. 24 окт.; *Тереб А.* Огненные рубежи Дмитрия Босого // Там же. 1982. 12 февр.; *Кузин В.* «Многих славных породил Урал» // Там же. 1984. 6 нояб.; *Морозов Б.* Т-34: с конвейера в легенду // Журналист. 1985. № 5. С. 21–23; *Кортин Б.* Патонов шов // Урал. рабочий. 1985. 6 февр.; *Его же.* Вагоны на пьедесталах // Там же. 1986. 14 окт.; *Его же.* Праздник уральских вагоностроителей // Там же. 2 нояб.; *Его же.* С думой о будущем // Там же. 4 нояб.; *Его же.* Семья моя, судьба моя – Вагонка // Там же. 1 нояб.

⁴² См.: *Кузьмина Г. М., Костромин В. И.* Гордость моя – Вагонка. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986. С. 192.

⁴³ См.: Президент отметил заслуги танкограда // Урал. рабочий. 2017. 12 июля. URL: <https://xn----7sbbe6addecj3bpj0a0fvd.xn--p1ai/news/item/20005> (дата обращения: 07.03.2022); Нижний Тагил отметил 100-летие отечественного танкостроения // Вечерние ведомости. 2020. 12 сент. URL: <https://ved.ru/eburg/news/life/150454-nizhnij-tagil-otmetil-100-letie-otechestvennogo-tankostroenija.html> (дата обращения: 07.03.2022).

⁴⁴ См.: *Сперанский А. В., Тюшняков С. М.* Артиллерийское производство на Урале в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны // Вестн. ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2017. № 2. С. 47–49.

примечательностью общероссийского масштаба. Так, в 1894 г. Мотовилиха произвела впечатление на путешественника и публициста Н. Д. Телешова⁴⁵. Вместе с тем, хотя образ Мотовилихи ранее привлекал внимание исследователей⁴⁶, вклад этого мощного производственного комплекса в формирование идентичности Перми-Молотова в XX в. до сих пор недооценен.

Ключевую роль сыграла риторическая новация А. А. Первенцева, опубликовавшего 21 октября 1942 г. в «Известиях» очерк «Уральские пушкири». Начинаясь этот очерк с глубокого и подробного исторического экскурса: «Уральское оружие помогло Петру, Суворову, Кутузову... Шпагой из уральской стали на Бородинском поле сражался Багратион, пушки Урала двигались по обледенелым склонам Альп, спускались в Италию, переносились на руках через Сен-Готард, стреляли на Шипке, брали Измаил, палили у Ватерлоо, Гангута, Синопа. Уральские пушки простучали окованными шинами, сделанными тоже из уральского железа, по мостовым побежденного Берлина. Когда Минин и Пожарский пошли из Нижнего Новгорода на освобождение Москвы, Пермь Великая послала в народное ополчение ратных людей и выдала из своих арсеналов пушечные ядра, огнестрельное и холодное оружие. Сабля Дениса Давыдова, как впоследствии шашки Чапаева и Фрунзе, были откованы рабочими Урала. Отсюда начал свое бегство Колчак. Отсюда в дни Великой Отечественной войны на защиту Москвы понеслись эшелоны уральцев: кунгурцев, лысьвенцев, чувовлян, чердынцев, кудымкарцев. Снова возродилась много раз повторенная слава Урала»⁴⁷.

Впечатляющий исторический экскурс в уральскую славу, объединивший буквально все мыслимые сюжеты (Первенцев упомянул даже подзабытое к 1942 г. отступление колчаковцев с Урала), служил для того, чтобы усилить характеристику исключительных качеств

---

⁴⁵ См.: *Телешов Н. Д.* За Урал. Из скитаний по Западной Сибири. М.: Изд-во Гос. публ. б-ки России, 2017. С. 18.

⁴⁶ См.: *Тюшняков С. М.* Освещение в печати оборонной промышленности СССР в начальный период Великой Отечественной войны (на примере завода № 172). С. 116–120; *Щелконогова Т. Ю.* Образ Мотовилихи в пермском тексте // Тр. Кам. археолого-этнограф. экспедиции. 2014. № 9. С. 169–175.

⁴⁷ *Первенцев А.* Уральские пушкири // Известия. 1942. 21 окт. № 258 (7934).

конкретного предприятия, старого уральского завода на берегу большой реки, ставшего теперь «огромной кузницей оружия», производителем артиллерийских орудий. Появившаяся в печати осенью 1943 г. поэма С. А. Васильева «На Урале», посвященная «пушкарям» Мотовилихи, в своей первой части воспроизводила очерк Первенцева вплоть до конкретных формулировок – таких, как «окованные шины» пушек, грохочущих по Альпам и Берлину, перечисление уральских воинов по городам (правда, у Васильева остались только кунгурцы, кудымкарцы и чувовляне, тогда как лысьвенцы и чердынцы в строку не поместились) или эффектное описание завода, стоящего на берегу, дымящего, прожорливо поглощающего доставляемые речными буксирами ресурсы и тут же возвращающего все, что поглотил, в виде изделий⁴⁸.

Так в публицистике военного времени у слова «пушкарь» возникло два значения. Этим словом, как и встарь, называли артиллеристов, но одновременно им – с легкой руки Первенцева – теперь называли и работников артиллерийской промышленности. Можно предполагать, что Первенцев стремился стереть разницу между солдатом и рабочим. Сочетание «уральские пушкари», введенное в обиход усилиями Первенцева и Васильева, прижилось, и если в 1943 г. очерк Б. Михайлова о «старом уральском заводе», выпускающем пушки, обошелся без этого слова⁴⁹, в 1944 г. уже сам директор завода, или, как назвал его Первенцев, «король пушек» А. И. Быховский, рассуждал о славной истории Мотовилихинского завода и об «уральских пушкарях»: «Артиллерийский завод имени В. М. Молотова – старейшее предприятие Урала»⁵⁰. Уральские пушкари издавна известны нашей

---

⁴⁸ См.: *Васильев С. А.* На Урале // Урал грозный. С. 70–73.

⁴⁹ См.: *Михайлов Б.* Аггестат фронта // Известия. 1943. 25 июня. № 148 (8141).

⁵⁰ Эта историческая генеалогия была не чем иным, как удревнением истории завода: старые медеплавильные заводы, с XVIII в. работавшие на речке Мотовилихе, закрылись в 1860-х гг. и не производили пушки. Созданное на той же территории в 1871 г. крупное чугуноплавильное и сталепушечное производство относилось к другой отрасли металлургического хозяйства, поэтому история «уральских пушкарей» Мотовилихи к 1940-м гг. насчитывала менее ста лет. Разумеется, на Урале было немало заводов, превосходивших Мотовилихинский артиллерийский по возрасту или, лучше сказать, по «непрерывному стажу».

стране и далеко за ее пределами как прославленные мастера артиллерии. “Старик Урала” (как частенько говорят про наш завод, которому исполняется 80 лет) пережил не одну войну, не раз вместе с арсеналами русского оружия участвовал в завоевании побед воинами нашей Родины. История русской артиллерии, ее прогресс от бронзовой ядерной пушки до современных образцов полевых и самоходных орудий, олицетворяющих вершины советской военной техники, является одновременно и историей старейшего пушечного завода, носящего ныне имя Вячеслава Михайловича Молотова»⁵¹.

Сами молотовцы в 1944 г. с гордостью фиксировали «путь артиллерийского завода» от первых мотовилихинских пушек 1860-х гг. и установки легендарного 50-тонного парового молота в 1875 г. до его модернизации в годы Великой Отечественной войны⁵². А П. Пономарев предлагал очередной вариант исторической генеалогии уральских пушкарей: «Со времен Петра Великого идет слава об уральских пушкарях. Здесь мастерили пушки петровским бомбардирам, и залпы их гремели под Полтавой. В суворовском походе, в неприступных Альпах победно развевались знамена пермских и екатеринбургских полков и грохотало эхо в ущельях от грома уральской артиллерии... И кто знает, может быть, знаменитая батарея Раевского, отстаивавшая на Бородинском поле право русских считаться непобедимыми, была создана руками уральских пушкарей. С давних времен славен и этот завод, что сейчас, в дни смертельной схватки с гитлеровской армией, эшелонами шлет на фронт грозные машины»⁵³.

Отвечая на сообщения о взятии советскими войсками Берлина, П. П. Бажов замечал: «Мы, уральцы, переживаем сейчас особое чувство гордости: ведь это наши оружейники, танкостроители, пушкари внесли немалый вклад в дело победы. Сотни лет ковали уральцы свой меч победы. И теперь гром победы звучит в этих простых словах: наши войска взяли Берлин»⁵⁴.

---

⁵¹ *Быховский А.* Пушки с Урала // Правда. 1944. 20 окт. № 252 (9709).

⁵² См.: Путь артиллерийского завода // Звезда. 1944. 16 нояб. № 226.

⁵³ *Пономарев П.* На боевом посту // Там же.

⁵⁴ *Бажов П.* Праздник // Урал. рабочий. 1945. 3 мая. № 105 (8915).

Мотовилихинский завод к концу войны приобрел публичную репутацию лучшего и крупнейшего артиллерийского производства страны, его работников обычно именовали «пушкарями», «уральскими пушкарями» и «старыми пушкарями»⁵⁵, а сам завод – «уральским заводом». Полковник А. Анисимов, уже после окончания Великой Отечественной войны описывая вклад пермяков в оснащение Красной армии, замечал: «Артиллерийский завод на Урале – старейший артиллерийский завод в стране. Уральские пушки издавна известны нашей стране и далеко за ее пределами как прославленные мастера артиллерии. <...> Сила коллектива в том и состоит, что, идя в ногу с новым временем, он не позабыл, а внимательно, любовно изучил и критически освоил весь предыдущий производственно-технический опыт, накопленный упорным трудом многих поколений уральских пушкарей. <...> Старые пушки цементируют коллектив завода»⁵⁶.

Между тем официально Уральским артиллерийским заводом именовался другой ведущий производитель артиллерийских орудий, располагавшийся в Свердловске, – завод № 9, возникший в результате слияния части цехов Уралмашзавода и ряда эвакуированных из Ленинграда, Подмосковья и Сталинграда производств. Свердловское предприятие тоже пыталось использовать эффективное сочетание «уральские пушки»⁵⁷. Так, в ноябре 1944 г. М. Полисюк опубликовал статью «Пушки Урала» (за месяц до этого статья А. И. Быховского «Пушки с Урала» вышла в «Правде»!), где – не акцентируя это прямо – предложил альтернативную картину уральского артиллерийского

---

⁵⁵ См.: *Кудрявцев В.* Кузница мощного артиллерийского вооружения // Известия. 1945. 29 июня. № 151 (8761); *Владимирова М.* Гордость русской артиллерии // Там же. 1944. 19 нояб. № 274 (8576); *Гневашев Е.* Потомственные мастера // Звезда. 1945. 18 нояб. № 227; Торжество уральских пушкарей // Правда. 1945. 19 нояб. № 276 (10047).

⁵⁶ *Анисимов А.* Гордость отечественной артиллерии // Звезда. 1945. 18 нояб. № 227.

⁵⁷ И уж совсем проигрышно выглядел на этом фоне третий ведущий производитель артиллерии, горьковский завод «Новое Сормово». Если *уральские* пушки с их традициями и достижениями прочно обосновались в советской публичной сфере 1940-х гг., то *горьковские* (или *сормовские*) пушки так и не явились на свет.

производства. Подобно очеркам Первенцева и Быховского очерк Полисюка начинался с исторического экскурса, в котором уральские пушки громили шведов, пруссаков, японцев. Однако в этот экскурс Полисюк добавил также историю о пушках, отправленных с уральских заводов на подмогу пугачевцам.

Высокое качество этих орудий, согласно Полисюку, изумило екатерининских генералов и «иноземных специалистов». Пугачевского сюжета в мотовилихинском нарративе об «уральских пушкарях» не было. Зато и Полисюк, в свою очередь, ни словом не обмолвился о традициях Мотовилихи, заметив лишь, что «металл, выплавленный тагильскими, верх-исетскими, алапаевскими, надеждинскими и другими металлургами, прославленный уральский металл, превращенный руками уральских кузнецов в артиллерийское вооружение, – этот металл также насмерть бил немецкие полчища на полях первой империалистической войны и в годы гражданской войны»⁵⁸. Ненавязчиво переместив фокус внимания с мотовилихинских пушкарей на алапаевских и тагильских металлургов (т. е. с Молотовской области на Свердловскую), Полисюк переходил к описанию трудовых подвигов «уральского артиллерийского завода». По умолчанию выходило, что этот завод (автор очерка не указывал его местонахождение, но упоминание видного конструктора В. Н. Сидоренко сегодня позволяет понять, что речь идет о заводе № 9 в Свердловске) и есть наследник славных традиций, и лишь в конце Полисюк добавил, что есть и другие «уральские пушкари», трудящиеся столь же упорно. В честь выигрыша соревнования предприятий Наркомата вооружения коллектив завода № 9 публично клялся в верности «славным традициям уральских пушкарей» и обещал «оправдать великую награду упорным самоотверженным трудом»⁵⁹. Однако закрепить за Свердловском репутацию артиллерийского города не получилось.

---

⁵⁸ *Полисюк М.* Пушки Урала // Урал. рабочий. 1944. 19 нояб. № 277 (8776).

⁵⁹ Обращение коллектива рабочих, инженерно-технических работников и служащих ордена Ленина Уральского артиллерийского завода № 9 имени И. В. Сталина Наркомата вооружения ко всем рабочим и инженерно-техническим работникам и служащим предприятий промышленности вооружения // Известия. 1945. 10 апр. № 34 (8694).

Зато для Перми 1940-х гг. пушечная тема превратилась в константу – не такую, конечно, как определяющее присутствие «Камы-матушки», но все же важную и, поскольку никакой другой город страны и не претендовал на звание *города пушкарей*, уникальную. Над Камой – завод, над заводом – дым, а над заводом и над Камой – пушечный гром испытываемых артиллерийских орудий, тот самый, который удачно обыграл С. А. Васильев в поэме:

Короткие громы встают вдалеке
и катятся нехотя меж берегами.
Бывает гром, что летит, скупа,
С какой-то нотой басовой лени.
А бывает гром, что дрожит земля
и лошади падают на колени.
Приезжему с фронта сперва не понять,
куда он попал и куда он приехал:
окопную музыку слышит опять
иль грохот грозы откликается эхом?
Но это недолго, лишь только на миг.
Один только раз ошибется он шибко.
Услышит повторный удар фронтовик,
и сразу лицо раздвигает улыбка.
– Вот это вот да! – фронтовик говорит. –
Фашистам беда от таких колоколен!
И взор у солдата задором горит,
и видно, что парень доволен-доволен.
А выстрелы снова гремят над рекой,
и вьется дымок на лесном горизонте.
Характер у города строгий такой –
от фронта вдали,
а пальба, как на фронте⁶⁰.

И ровно те же впечатления от пушечного грома над широкой рекой присутствуют в стихотворении Е. Г. Полонской «Камский голубок» (1942). Из окна дома, через которое к хозяйке прилетают голуби, виден дымящийся над рекой завод, Мотовилиха, *город пушкарей*:

---

⁶⁰ Васильев С. А. На Урале. С. 68.

У оконницы наружной
Мы обедаем вдвоем,
А в окно несется дружный
Орудийный близкий гром.
С каждым днем раскаты гуще,
С каждым днем грозней салют:
Новорожденные пушки
Клятву верности дают⁶¹.

Пушки начали фигурировать в символической географии города как артефакты. Уже осенью 1945 г. празднование Дня артиллерии в Молотове прошло в богатом символами антураже. На торжественном собрании в «клубе уральских пушкарей» военные командиры благодарили создателей артиллерии за могучее оружие, а рабочие клялись, что «уральские пушкари будут всегда стоять на страже своего любимого Отечества», и подарили областному комитету ВКП(б) «действующую модель пушки»⁶². Для салюта были привезены орудия завода, побывавшие на фронте, в том числе и пушка № 7580, обладавшая богатой боевой биографией, – она прошла от Сталинграда до Берлина. Командир орудия И. Гаврилов с удовольствием вспоминал: «Мы прошли большой боевой путь. С нами была наша пушка. Мы помнили слова генерала, наказ уральцев – берегли ее, ухаживали за ней, крепко били фашистов. В бою я был дважды ранен, но не ушел в госпиталь. Дважды осколками снарядов пробило нашу пушку. Посмотрите на накатник и на ствол. Помяты они. Но пушка не ушла на лечение»⁶³.

Пушки-монументы были установлены на въезде в Мотовилихинский район. Памятью об «уральских пушкарях» в городской топонимике осталась улица Пушкарская в новой части Мотовилихинского района⁶⁴. Интересно при этом, что в самой известной литературной

---

⁶¹ Полонская Е. Камский голубок // Город на Каме. Пермь : Перм. кн. изд-во, 1973. С. 44.

⁶² Стрижов С. Слава сталинской артиллерии // Звезда. 1945. 20 нояб. № 228.

⁶³ Цит. по: Клейман М. Пушка № 7580 // Там же. 18 нояб. № 227.

⁶⁴ Мы не смогли установить, когда именно улица получила такое наименование. На карте 1948 г. она отсутствует, значит, название было присвоено не ранее 1948 г.

инкарнации Мотовилихи, романе В. Ф. Пановой «Кружилиха» (1947), об артиллерийском профиле завода не говорится, хотя в прочих деталях молотовский-пермский контекст узнается сразу: огромный завод стоит на берегу широкой реки и конкурирует с другим крупным – авиационным (читай: моторным) – заводом.

Артиллерийский профиль Молотова доминировал в 1940-е гг., полностью закрыв собой еще один важнейший оборонный профиль города – авиационное моторостроение. И лишь в 1974 г., далеком от гроз 1940-х гг., когда над советской авиапромышленностью постепенно приподнялся занавес молчания, пермский поэт В. Радкевич напишет стихотворение «Небо Швецова», говоря не о городе на Каме, не о *городе пушкарей*, но о *городе моторов*:

И быстрые лайнеры снова
Пронзят небосвод голубой.
Рабочее небо Швецова
У каждого над головой!⁶⁵

Современный исследователь В. А. Абашев в классическом исследовании о роли Перми в отечественной культуре замечал, что образ советской Перми, «рабочего города», был клишированным и что «собственно “пермскими” в этом образе прекрасного, вечно молодого города на прекраснейшей реке были только лишь немногочисленные местные топонимы: Кама, рабочая Мотовилиха, Разгуляй и др.»⁶⁶. История о «городе уральских пушкарей» показывает, что подобное определение нуждается в уточнении: за «топонимом» рабочей Мотовилихи скрывалась богатая, уникальная производственная история, послужившая основой для формирования локальной идентичности.

---

⁶⁵ Радкевич В. Небо Швецова // Город на Каме. С. 58. А. Д. Швецов (1892–1953) – выдающийся конструктор авиадвигателей, в 1934–1953 гг. – главный конструктор Пермского моторного завода. В отличие от Мотовилихинских заводов, вытянувшихся вдоль камского берега, промышленные мощности моторного завода расположены вдали от реки. В сборнике «Город на Каме», посвященном юбилею Перми, «Небо Швецова» резко выделяется *отсутствием* упоминания о Каме.

⁶⁶ Абашев В. А. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. С. 314.

3.3. Автоград. Преображение Золотой долины

Один из крупнейших промышленных узлов дореволюционного Урала, Златоуст оказался в годы первых пятилеток в числе проигравших. Еще в 1920-х гг. златоустовцы рассчитывали на то, что их город окажется в выигрышном положении при индустриализации. В 1929 г. местный совет даже переименовал город в Сталинск, словно бы готовясь к новой высокой миссии индустриально-технической столицы⁶⁷. Сильными сторонами Златоуста были транспортная доступность (город расположен на Транссибирской магистрали) и наличие богатых производственных традиций (заводская лаборатория Златоуста была настоящей кузницей технических кадров Урала). Ключевой же проблемой оказался сложный для строительства рельеф города: Златоуст расположен в горной долине реки Ай, со всех сторон окружен горами, лишаящими город пространства для роста.

Уральские планировщики подготовили на рубеже 1920–1930-х гг. для Златоустовского района амбициозный план развития, предполагавший возникновение индустриальной агломерации. В центре ее оставался старый Златоуст, а новые стройки охватывали его полукольцом. К югу, на берегах рек Орловка и Уржумка, должны были разместиться завод нержавеющей стали и шарикоподшипниковый завод, с северо-запада – огромный Бакальский металлургический комбинат⁶⁸, с севера – металлургический завод на титаново-магнетитовых рудах, с конца 1920-х гг. добывавшихся в районе железнодорожной станции Титан, близ Кусы, с востока – автомобильное производство в Миассе⁶⁹. Уже к 1934 г. ожидался рост населения города до 118 000 человек. Однако превращения Златоуста в главный промышленный центр Южного Урала не произошло⁷⁰. Не была выстроена

---

⁶⁷ См.: Бугров К. Д. Соцгорода Большого Урала. С. 250.

⁶⁸ Об этой «кочующей» стройке 1930-х гг., в конечном счете воплощенной уже в годы войны в Челябинске под именем Челябинского металлургического комбината, см: Сысов А. И. Советская индустриализация в горнозаводской зоне Южного Урала // Южный Урал. Век двадцатый. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2019. С. 196–198.

⁶⁹ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 1. Ед. хр. 851. Экономический очерк Златоустовского района. 1931. Л. 19.

⁷⁰ См.: Журавлева В. А. Численность населения Златоуста в 1920–1930-е годы // Гуманитар. и пед. исслед. 2020. Т. 4, № 3. С. 32.

адекватная система канализации: в 1931 г. в строй были введены маломощные временные сооружения, рассчитанные на трехлетний срок эксплуатации. К 1944 г. нагрузка на канализацию более чем втрое превысила плановые показатели, достигая 1500–1700 кубометров в сутки⁷¹. В Златоусте не могли достроить водопровод и канализацию, остро не хватало больниц и школ. Огромные проблемы доставляло отсутствие транспортной сети, а из-за сложного рельефа пешее сообщение было затруднено.

Миасс же и вовсе был обойден крупным строительством. Единственным значимым предприятием города являлся напильный завод, эвакуированный сюда еще в годы Первой мировой войны из Риги⁷². То был не суровый, а зеленый и золотой Урал, страна лесов и горных рек. Ее певцом в 1930-х гг. был поэт Н. А. Куштурм⁷³, писавший о «лесной родине» так:

Речки падают с утесов,
Тучи прячутся в горах,
Свищут косы на покосах,
Лес вывозят трактора.

Слышен говор лесопилок,
Лесорубов голоса,
Терпким запахом опилок
Переполнены леса.

---

⁷¹ Архив Златоустовского городского округа (АЗГО). Ф. Р-407-1-9. Д. 26. Дело № 7. Переписка по строительству и реконструкции г. Златоуста. Дело № 9. Материалы по корректировке Генеральн. плана г. Златоуста. Дело № 10. Переписка по стр-ву ул. К. Маркса. 1948 г.

⁷² Следуя общепринятой формуле, в послевоенный период локальная публицистика описывала Миасс в контрастных категориях старого и нового, подчеркивая преобразование Миасса в эпоху индустриализации: «За годы сталинских пятилеток в Миассе выстроено много жилых домов» (Экскурсия молодых избирателей по историческим местам Миасса // Миас. рабочий. 1945. 28 дек. № 153). Данное утверждение иллюстрировала фотография дома рабочих напильного завода, выстроенного на берегу Миасского пруда в 1930-х гг., образца конструктивистского многоквартирного здания. Но этим домом новое жилищное строительство в Миассе «сталинских пятилеток» и ограничилось.

⁷³ Куштурм – псевдоним Н. А. Санникова (1906–1970), уроженца села Куштурмга, затерянного в горах между Златоустом и Миассом.

Миасский писатель В. Р. Гравишкис, давая в очерке «Миасская долина» (1959) своего рода краткий курс локальной истории, замечал: «При всех переменах Миасс оставался еще довольно-таки тихим городком, ни в какое сравнение не шел с шумными соседями-городами, в которых возникали заводы мирового значения. Помнится, завидовали миассцы тем городам, крепко завидовали!»⁷⁴. При этом Миасс притягивал к себе внимание довоенных экономистов: город располагался на Транссибирской магистрали и мог использовать выгодное соседство с промышленными Златоустом и Челябинском. Когда в 1929 г. была выдвинута идея строительства автомобильного завода в Уральской области, место его постройки оставалось предметом дискуссии⁷⁵; основными претендентами были Миасс и Каменск-Уральский, но проект так и не нашел воплощения.

К концу 1930-х гг. пик промышленного строительства на Урале был пройден, гигантомания первых пятилеток уступила место планам по строительству новых заводов средней мощности в городах, слабо охваченных индустриализацией. Челябинских экономистов беспокоила диспропорция между огромным производством металла в области и слабостью обрабатывающих мощностей: «Имеются все условия к тому, чтобы разместить целый ряд машиностроительных заводов-дублеров. В 3-м пятилетии в области намечается построить, в частности, такие заводы, как завод мостовых кранов, кузнечно-ковочного оборудования⁷⁶, подшипниковый завод, несколько заводов, обслуживающих нужды электропромышленности»⁷⁷. С конца 1930-х гг. в Миасс-Златоустовском районе постепенно разворачивается промышленное строительство.

В Златоусте началось освоение Уржумской площадки, относительно ровного участка территории в 12 километрах к югу от старого города. Летом 1938 г. Правительство СССР приняло решение о соз-

---

⁷⁴ Гравишкис В. Р. Миасская долина. С. 104–105.

⁷⁵ См.: Клименко К. Машиностроение Урала во 2-м пятилетии // Хозяйство Урала. 1932. № 1–2. С. 89–90.

⁷⁶ В тексте, видимо, ошибка. Возможно, следует читать «кузнечно-ковочного завода».

⁷⁷ ОГАЧО. Р-804. Оп. 11. Д. 158. Катаев В. С., Морозович Н. П. Краткий очерк развития экономики Челябинской области. Л. 52.

дании здесь завода по производству винтовок (завод № 54), спустя год началось строительство, возник рабочий поселок Уржумка⁷⁸. Этот факт означал, что места для нового завода нержавеющей стали и изделий из нее на этой площадке не остается. В 1939 г. было решено возводить Ново-Златоустовский завод в 50 километрах к востоку от старого Златоуста, в аграрном Чебаркуле. Строительство нового завода началось в 1940 г., по своему профилю он в целом соответствовал запланированному в 1931 г. заводу изделий из нержавеющей стали, которому предстояло выпускать турбинные лопатки, валы, муфты и специализированную арматуру⁷⁹. Таким образом, равнинный и аграрный Чебаркуль оказался бенефициаром ландшафтных сложностей горного и индустриального Златоуста. Возведение завода предполагало создание нового благоустроенного города, который должен был частично занять территорию села Чебаркуль. Согласно проекту, разработанному украинским отделением треста «Горстройпроект», к середине 1940-х гг. население этого города должно было достигнуть 13 500 человек⁸⁰. Не был обойден вниманием и район Миасса, где с 1939 г. началось строительство завода № 316⁸¹. Поселок этого завода, спроектированный институтом «Свердблпроект», был рассчитан на 12 000 жителей⁸² и располагался в 10 километрах к северу от старого Миасса.

Итак, к 1941 г. в трех расположенных поблизости друг от друга городах на Транссибе – горном Златоусте, долинном Миассе и равнинном Чебаркуле – располагались три крупные промышленные пло-

---

⁷⁸ См.: Златоуст – фронту. Златоуст : ООО «ФотоМир», 2010. С. 15.

⁷⁹ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 851. Экономический очерк Златоустовского района. 1931. Л. 34.

⁸⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1284. Оп. 3. Д. 3. Проектное задание к проекту планировки поселка при заводе «Новый Златоуст».

⁸¹ Иногда в работах по истории Уральского автозавода эту стройку называют шарикоподшипниковым заводом, хотя в строгом смысле это неверно. Возможно, первоначальный проект предполагал именно площадку для выпуска шарикоподшипников, фигурировавшую и в проекте развития Златоустовского района 1931 г., и в выкладках челябинских планировщиков конца 1930-х гг. Однако проектная документация новостройки связана была уже не с шарикоподшипниками, а с оборонной продукцией.

⁸² ОГАЧО. Ф. 1284-р. Оп. 1. Д. 1. Пояснительная записка к детальному проекту планировки поселка завода № 316. Л. 21.

щадки, занятые недостроенными предприятиями: завод № 54, завод № 316 и Ново-Златоустовский завод. Наличие этих площадок и близость железнодорожной магистрали Транссиба определили роль района в экономике эвакуации и задали траекторию его социально-хозяйственного развития на десятилетия вперед. Осенью – зимой 1941 г. в Миасс-Златоустовский район хлынул поток эвакуированных. В Златоуст были переброшены цеха различных предприятий качественной металлургии, абразивных и часовых заводов. Недострой на Уржумке (завод № 54) заняли оружейные предприятия из Тулы⁸³ и Подольский механический завод. В Миасс были частично эвакуированы знаменитый московский завод «Динамо», напильные заводы из Серпухова и Ворошиловграда, снарядные заводы № 144 из донецкого Сталино, № 67 и 561 из Москвы. Главным же эвакуированным предприятием оказался Московский автомобильный завод.

Конечно, никакой город не мог принять такого колосса в одиночку, поэтому планировалось развернуть на новых местах рассредоточенный комбинат, – цеха автогиганта направлялись в Ульяновск (финишная сборка), Челябинск (кузова), Ирбит (автоприцепы), Троицк (моторы), Шадринск (автомобильные агрегаты). В ходе эвакуации план изменился: мощности по сборке моторов, которые уже начали разворачивать на троицкой площадке, перебросили в Миасс, на площадку недостроенного завода⁸⁴. В 1942 г. Миасский завод приступил к выпуску моторов, а уже с 1943 г. началось расширение предприятия для производства автомобилей. Первый грузовик сошел с заводского конвейера 8 июля 1944 г.⁸⁵ Наконец, на площадку в Чебаркуле

---

⁸³ Это были заводы № 66 (Тульский станкостроительный завод), № 314 (Тульский оружейный завод) и № 540 (патронный завод). Профилем огромного и довольно-таки запутанного комплекса оружейных производств Тулы был выпуск различных видов стрелкового оружия (см.: *Володин С. Ф.* Тульская оружейная промышленность накануне Великой Отечественной войны // Ист. журн.: науч. исслед. 2017. № 2. С. 141–142).

⁸⁴ См.: *Курлаев А. Е.* Эвакуация МАЗиС и создание автомобильной промышленности на Урале // С. 224; *Пьянков С. А.* Первые шаги уральского автомобилестроения: из истории УралЗИС в годы Великой Отечественной войны // Архив в социуме – социум в архиве : материалы регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2018. С. 243.

⁸⁵ См.: *Пьянков С. А.* «Уральская трехтонка»: из истории производства и модернизации грузового автомобиля ЗИС-5 (1944–1957 гг.) // История науки и техники. 2019. № 10. С. 4.

отправили кузнечно-штамповочные мощности завода «Электросталь». В феврале 1942 г. Чебаркульский металлургический завод дал первую продукцию.

Эвакуация в этом районе протекала тяжело. Число вновь прибывших далеко превышало инфраструктурные возможности Златоуста. Снабженческая и коммунальная катастрофа военных лет осталась в памяти златоустовцев как трагедия, сопоставимая с ленинградской⁸⁶. Не менее тяжелым оказался и тыловой быт Миасса. Эвакуация автозавода на восток была чрезвычайно тяжелой даже по меркам тревожной осени 1941 г. Коллектив автозаводцев, прибывший сюда в декабре 1941 г., разместили в поселках, разбросанных на удалении от 8 до 12 километров от стройплощадки, путь к которой пролегал к тому же через горы. Период строительства нового предприятия был чрезвычайно тяжелым, первостроители страдали от голода и холода (как и златоустовцам, им приходилось преодолевать горные кручи), однако в 1942 г. Миасский моторный завод начал выпускать продукцию. Перегруженность железнодорожной ветки привела к трагедии: 16 ноября 1944 г. пассажирский поезд, везший работников завода, столкнулся с угольным составом, погибло несколько десятков человек.

После войны целиком изменившийся индустриальный ландшафт Миасс-Златоустовского узла (к существовавшим здесь двум промышленным тяжеловесам добавилось три – рост более чем вдвое, рекордный даже для Урала) потребовал соответствующих градостроительных изменений.

Рядом со старым Златоустом фактически вырос новый город – Новый Златоуст (название это, как мы помним, в конце 1930-х гг. относилось к чебаркульскому промышленному строительству, и, быть может, сложись ситуация иным образом, Новым Златоустом стал бы Чебаркуль). Корреспондент «Правды» Л. Огнев в 1948 г., восторгаясь красотой горного города, характеризовал Уржумскую площадку как фактически новый город, равнозначный старому⁸⁷. Здесь, в изгибе реки Уржумки, вырос Златоустовский машиностроительный завод (Златмаш), а на юго-западном склоне одноименной горы распола-

---

⁸⁶ См.: Златоуст – фронту. Златоуст : ООО «ФотоМир», 2010. С. 142.

⁸⁷ См.: *Огнев Л.* Златоуст сегодня // Правда. 1948. 20 дек. № 355 (11096).

гался поселок завода. В 1944–1947 гг. здесь по проекту архитектора М. В. Братцева⁸⁸ было выстроено, ставшее ключевым архитектурным памятником на Урале конца 1940-х гг. здание Дворца культуры машиностроителей, известного в Златоусте также как Дворец Победы. Место для дворца было выбрано на высоте, с которой открывался вид на завод и парк; на вершину холма, к дверям дворца, вела лестница. По воспоминаниям тогдашнего директора Златмаша Н. П. Полетаева, возведение Дворца культуры имело целью хоть как-то скрасить унылый быт Уржумской площадки, «“облагородить” людей»⁸⁹. Перед дворцом была установлена статуя Сталина. Его фасады украшали маскаронами в форме голов древнерусских богатырей и советских бойцов в касках. У входа размещены две доски с надписями. Одна из них сообщает о том, что «за большой героический труд в Отечественной войне коллектив Уральского машиностроительного завода был награжден орденом Ленина». Другая содержит цитату из сталинского приказа от 1 мая 1944 г. (год начала стройки): «Отечественная война показала, что советский народ способен творить чудеса и выходить победителем из самых тяжелых испытаний». На фронте дворца – надпись «Героям Отечества слава».

Еще больший интерес представляет собой внутреннее убранство дворца. В фойе помещены панно М. В. Братцева, изображающие два варианта встречи возвращающихся домой солдат-победителей – «Встреча в колхозе» и «Встреча в городе». Интерьер одного из залов дворца украшают картины, изображающие ключевые сюжеты военной истории России Средних веков и Нового времени, – «Ледовое побоище» (Ю. Н. Трузе-Терновская), «Куликовская битва» (А. П. Бубнов), «Минин и Пожарский» (Н. Г. Горелов), «1812 год» (Н. Г. Котов⁹⁰).

---

⁸⁸ Проект Братцева позднее был применен еще несколько раз, причем исключительно для городков при заводах атомного цикла – в Глазове (1951), Днепродзержинске (1955), Сарове (1956), Северске (1956), Лесном (1957), Озерске (1958). Однако по своему оформлению эти здания отличаются: на фасадах нет маскарпонов в виде голов воинов, нет надписей и цитат; в оформлении отсутствуют панно на боевую и историческую тему.

⁸⁹ См.: *Жмаева О.* Памятник истории и культуры // Трудовая часть. 2017. 18 авг.

⁹⁰ Н. Г. Котов считался мастером панорамной живописи, он участвовал в создании эскизов для панорам «Штурм Перекопа» и «Оборона Царицына – оборона Сталинграда».

В другом зале находятся картины на тему Великой Отечественной войны – «Фронт» (А. А. Шахов, Ф. Л. Мулляр), «Тыл» (И. М. Литинский)⁹¹, «Москва» (С. Г. Прусов, Г. Г. Мордмиллович по эскизам Н. М. Чернышева)⁹². Над порталом входа в зал находится лепная надпись «Народу советскому слава», галерея зала украшена медальонами с именами «Николай Гастелло», «Зоя Космодемьянская», «Александр Матросов», барельефом в виде ордена Отечественной войны, а также фресками Н. М. Чернышева⁹³ на тему труда и отдыха советских людей. На двух лепных барельефах с оружием прошлых эпох, обрамлявших вход в зрительный зал, начертано «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет Русская земля» и «Недаром помнит вся Россия про день Бородина».

Интересное оформление (сражения богатырей с тевтонскими рыцарями и монгольскими воинами) было предложено для помещения шахматного клуба. Зрительный зал дворца также украшен барельефами в виде ордена Отечественной войны, слева и справа от сцены находятся барельефы «1941» и «1945», а на украшенном лепниной балконе помещена примечательная надпись «Слава Уралу. Слава уральцам», сопровождаемая серпом, молотом и звездой. Дворец Златмаша стал емким архитектурно-художественным высказыванием на тему победы в Великой Отечественной войне, протягивающим линию символической преемственности от конкретного уральского завода к эпизодам средневековой отечественной истории.

---

⁹¹ На картине «Тыл» изображались танки, стоящие на железнодорожных платформах, а на картине «Фронт» – советский танк с красной звездой, таранящий немецкий танк с черным крестом. Картины помещали в контекст боевой истории страны конкретный сюжет о Великой Отечественной войне, о подвиге фронта и подвиге тыла, объединенных образом танка.

⁹² В 1920-х гг. Г. Г. Мордмиллович работал вместе с братом Э. Г. Мордмилловичем, автором знаменитой афиши фильма «Броненосец “Потемкин”». В годы войны он оказался на Уржумке в трудовом лагере для мобилизованных советских немцев.

⁹³ Крупнейший советский мастер фрески Чернышев оформил два Дворца культуры, выстроенных по одному и тому же проекту Братцева, для двух промышленных предприятий – Златоустовского машиностроительного завода (ныне Дворец культуры «Победа», 1947) и Чепецкого механического завода (ныне Дворец культуры «Россия», 1951) (см.: Н. М. Чернышев: живопись, графика, монументальное искусство. Ленинград : Художник СССР, 1983. С. 33).

В 30 километрах от Ново-Златоустовского района, или, как его прозвали в Златоусте, поселка Машзавод, строился новый Миасс, созданный эвакуацией. Пуск автозавода в Миассе по своему символическому эффекту стал крупнейшим событием в индустриальной жизни Урала. Передовица «Известий», сообщившая о пуске автозавода, подчеркивала: «Уральцы, помимо свойственного им высокого искусства добывания различных руд и выплавки металла, помимо общепризнанного мастерства в производстве оружия и машин, овладевают теперь и высокой производственной культурой автомобилестроения. Зарождение автомобильного производства на Урале как бы дорисовывает могучий образ Урала как всесторонне развитого богатейшего индустриального района Советского Союза»⁹⁴.

Заместитель секретаря Челябинского областного комитета ВКП(б) по машиностроению Я. Смирнов с гордостью провозглашал Южный Урал новым центром советского автомобилестроения: «На Урале создана новая отрасль промышленности – автомобильная. Ибо все то основное, из чего складывается автомобиль, производится в Челябинской области на Урале. Поковки, холодные штамповки, рессоры, автомобильные колеса выпускает в больших размерах Челябинский кузнечно-прессовый завод. Сердце автомобиля – мотор – собирается на конвейере в Миассе. Отливка всех необходимых деталей из серого и ковкого чугуна, цветных металлов, механическая и термическая их обработка и, наконец, сборка самой машины – все это производится в цехах Уральского автомобильного завода. <...> Промышленность богатого индустриального края, располагающая крупнейшими в стране заводами черной и цветной металлургии, топливной и энергетической базой, производящая грозную боевую технику, вооружение и боеприпасы, обогащается еще одним замечательным промышленным предприятием – Уральским автомобильным заводом»⁹⁵. С определенным сожалением Смирнов констатировал, что отдельные виды деталей завод все-таки будет получать от смежных производств в других регионах страны. Наконец, глава челябинской областной парторганизации Н. С. Патоличев с удовлетворением замечал:

---

⁹⁴ Уральский автомобиль // Известия. 1944. 12 июля. № 164 (8466).

⁹⁵ Смирнов Я. Победа большевиков Южного Урала // Там же.

«Урал сделал еще один шаг вперед, обогатившись новой техниче-ски передовой отраслью промышленности – автомобилестроением. <...> Город Миасс и автозавод расположены в живописнейшей части Ура-ла. Город Миасс – город большого будущего»⁹⁶.

Одной из ключевых фигур в формировании новой миасской иден-тичности выступал уже упомянутый писатель В. Р. Гравишкис, про-живавший в Миассе с 1930-х гг. В его книгах и очерках Миасс часто фигурирует под именем Собольск (иногда упоминается и областной центр Зауральск – Челябинск), сочетающий природные красоты Зо-лотой долины с индустриальным могуществом. Характерный описа-тельный прием, использовавшийся Гравишкисом, – взгляд на долину с высоты окружающих горных отрогов: «Горы, точно окаменевшие волны, уходят вдаль. <...> В гуще лесов там и тут сверкают на солн-це белоснежные каменные дома. Рабочие поселки цепочкой раски-нулись вдоль долины. Растянулась цепочка на добрых тридцать кило-метров – городок у автозавода, у завода электроаппаратов, Мелентьев-ского рудника, Тургорьякских известковых карьеров, тальковой фабрики, Ильменского минералогического заповедника, железнодорожного узла»⁹⁷. В этой долине нет тишины, как в старые времена: доносятся гудки железной дороги, взрывы на карьерах, sireны заводов. Сердцем Золотой долины был для Гравишкиса «блистающий на солнце» бе-лый поселок автозавода: «Как много значил и значит завод для этого бывшего захолустья... Автозавод перевернул весь уклад жизни, сде-лал ее чище, осмысленней, благородней»⁹⁸.

Поместивший действие своего романа «Борьба за мир» в Миасс (1945–1947) Ф. И. Панферов⁹⁹ применил для описания преображен-ной Золотой долины ту же художественную формулу, что и Гравиш-кис: «Внизу, у подножия Ай-Тулак, раскинулась огромная долина, вся изрезанная шоссейными дорогами, усыпанная жилыми домами,

---

⁹⁶ *Патоличев Н.* Автомобили Урала // Правда. 1944. 12 июля. № 160 (9323).

⁹⁷ *Гравишкис В. Р.* Миасская долина. Челябинск : Кн. изд-во, 1959. С. 92.

⁹⁸ Там же. С. 138. Сходное описание см.: *Гравишкис В. Р.* Собольск-13. Челя-бинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1966. С. 63.

⁹⁹ Интересно, что Миасс у него скрылся за вымышленным названием «Чир-куль», слившись, таким образом, с реальным Чебаркулем.

постройками. По шоссейным дорогам мчались легковые, грузовые машины, по стальным рельсам – паровозы, дымили высокие трубы, и двигались люди во все стороны как муравьи. А среди всего этого, сверкая на солнце стеклянными крышами, возвышались, как дворцы, цеха»¹⁰⁰. Итак, художественный образ Миасса – города в преобразующейся долине, сочетающего природную красоту с рукотворной, – был настолько привлекательным, что его использовали самые различные авторы, от Патоличева до Гравишкиса и Панферова¹⁰¹. Среди индустриальных городов Урала Миасс старался закрепить образ самого привлекательного в природном смысле. Газета «Миасский рабочий» ставила рядом главные предметы гордости города, «выросшего среди уральских гор и лесов», – корпуса автозавода и Ильменский заповедник¹⁰².

В конце 1940 – начале 1950-х гг. Миасс представлял в советской публичной сфере в первую очередь как центр автомобилестроения. Автозавод продолжал расширяться: плану Большого УралЗИСа, предполагавшему увеличение объемов выпуска в 11 раз, а численности работников до 30 000 человек, соответствовал план по строительству Большого Миасса (поселок автозаводцев находился примерно в 10 километрах севернее старого города), главной частью которого становился поселок автостроителей с населением до 100 000 человек: «Новый город должен стать одним из красивейших промышленных центров Урала»¹⁰³.

---

¹⁰⁰ *Панферов Ф.* Борьба за мир. С. 210. Описание Панферова, конечно, помещало в суровый 1943 год картины позднейшего времени: не было в заснеженном Миассе 1943 г. ни цехов-дворцов, ни шоссейных дорог.

¹⁰¹ См.: *Владимиров Г.* Уральские автозаводцы // Миас. рабочий. 1946. 12 февр. № 21; *Зарубин В.* Через пять лет: (Рассказ о Миассе 1950 года) // Там же. 1 мая. № 54. А вот как тот же взгляд воплощался в географическо-краеведческом описании: «Отсюда открывается величественная панорама: на востоке – утопающие в лесах и тонущие в дымке горизонта озера Кисегач – большой и малый, Чебаркуль, Кундровинское, Миассово и многие другие... На западе громоздятся могучие Урал-Тау, Таганай, Юрма, а ближе долина реки Миасс – золотая долина. Здесь раскинулся красивый с высоты Уральский автозавод с поблескивающим вдали озером Тургояк; на севере дымит сердце уральской меди – Карабаш; юг скрывается в горах и лесах) (По нашему краю. 1. В Ильменах // Миас. рабочий. 1946. 22 мая. № 61).

¹⁰² См.: Наш родной город // Там же. 1945. 28 дек. № 153.

¹⁰³ *Байзерман К.* Уральский автозавод в четвертой пятилетке // Там же. 19 окт. № 126.

Интересно, что в конце 1940 – начале 1950-х гг. Уральский автозавод описывали по той же схеме, что и стройки первых пятилеток, игнорируя тот факт, что предприятие возникло вне плана, в силу комбинации факторов в стрессовых условиях эвакуации, и не подчеркивая связь с материнским Московским автозаводом¹⁰⁴. Так, журналист Г. Владимиров писал: «Восемь лет назад в прошлые выборы здесь были нетронутые места. Косули ходили на водопой к реке Миасс тропой, где сейчас высятся литейные цехи. Шумели вековые сосны над безлюдными местами. Прошло несколько лет, и за суровые военные годы, волею партии и народа, на этом безлюдном глухом месте построен крупный конвейерный завод – первенец уральского автомобилестроения»¹⁰⁵. Одна из авторов «Миасского рабочего», В. Горелова, давала такую характеристику: «5 лет тому назад сюда, в эти дремучие таежные леса, пришли люди необычайной энергии. Суровая уральская зима, лютые морозы и ужасные зимние вьюги не сломили силу воли этих патриотов, от которых требовала Родина, требовал фронт построить на Урале завод, дать моторы и автомобили стране»¹⁰⁶. Многократно примененное, стандартное по своей риторической форме описание того, как «по воле партии» в уральской глуши поднимается очередной совершенный завод, являлось в данном случае концептуальной новацией, позволявшей заместить оптику эвакуированных привычным нарративом о строительстве нового Урала. Можно сказать, что автозавод очень быстро *урализировался*.

Основным продуктом Миасса провозглашался «уральский автомобиль», чья технологическая автономность и уникальность подчеркивались регулярно¹⁰⁷. 7 ноября 1947 г. первая страница газеты

---

¹⁰⁴ См.: *Воробей А.* Почетная задача уральских автомобилестроителей // Миасс. рабочий. 1946. 1 мая. № 54; *Харитонов Н.* Уральский завод грузовых автомобилей // Там же. 18 сент. № 109; *Колбасов Н.* Завод на пустыре // Там же. 1947. 7 февр. № 17.

¹⁰⁵ *Владимиров Г.* Уральские автозаводцы // Там же. 1946. 2 февр. № 21.

¹⁰⁶ *Горелова В.* На лесах стройки // Там же. 26 мая. № 63.

¹⁰⁷ См.: *Фишбеин П.* Новый уральский автомобиль // Там же. 1945. 14 нояб. № 136; *Воробей А.* Почетная задача уральских автомобилестроителей // Там же. 1946. 1 мая. № 54; Автозаводу имени Сталина – два года // Там же. 10 июля. № 80. Память об этой индустриальной гордости, подчеркивавшей связь нового автопроизводства с Уралом, сохранилась в названии семейства грузовиков «Урал», с 1961 г. выпускавшихся в Миассе, остальные грузовые автомобили СССР были известны под аббревиатурами своих заводов (МАЗ, КрАЗ и проч.).

«Миасский рабочий» даже была украшена рисунком, демонстрировавшим мощь страны Советов: на фоне Спасской башни Кремля и индустриальных зданий были изображены вереница грузовиков (регулярно использовавшийся «Миасским рабочим» образ, символизирувавший конвейерное производство) и – крупным планом – хорошо узнаваемый автомобиль с эмблемой «УралЗИС» над решеткой радиатора. А поэт-рабочий В. Лобанов обращался со страниц газеты к «другу Васе», удачно рифмовавшемуся и с Миассом, и с Донбассом:

Здравствуй, друг желанный Вася!
Я живу сейчас в Миассе.
Небольшой уютный город
Окружают лес и горы.

Полюбил Урал прекрасный
За его большую жизнь,
Изучаю – не напрасно –
На Ильменах рубежи.

Много разных минералов,
Изумительных камней,
В заповеднике Урала
Пополняют знания мне.

Утопает в изобилии –
Славен край, богаче нет!
Каждый день автомобили
Посылает ЗИС стране.

Может быть, придется, Вася,
Тебе встретить их в Донбассе –
Несомненно, будешь рад
Наш прославить автоград¹⁰⁸.

К 1950 г. рядом с заводом должен был появиться и образцовый социалистический город автомобилестроения¹⁰⁹. Местная пресса не скупилась на определения, которые должны были подчеркивать

---

¹⁰⁸ Лобанов В. Письмо другу // Миас. рабочий. 1948. 25 апр. № 49.

¹⁰⁹ См.: Горелова В. Здесь будет город уральского автомобиля // Там же. 1946. 23 апр. № 53.

высокий статус нового центра автомобилестроения. Так, Миасс именовали «автомобильной Магниткой»¹¹⁰, «уральским Детройтом»¹¹¹, «городом автомобиля, напильника и золота»¹¹², «городом автомобилестроителей»¹¹³, а также, разумеется, автоградом¹¹⁴. Н. С. Патоличев предрекал Миассу судьбу «благоустроенного, культурного города уральского автомобилестроения», заявляя: «Как Магнитогорск слился с металлургическим комбинатом и стал городом металла, как Копейск стал городом угля, так и Миасс должен слиться с автозаводом и стать городом автозаводцев. Нужно учесть, что новой пятилеткой не ограничится развитие автозавода на Урале. Будет время, когда не только грузовики, но и легковые машины и автобусы пойдут с конвейеров. Нужно учесть, что огненные судьба Миасса, его культура, быт неразрывно связаны с судьбой автозавода»¹¹⁵. А в грядущем пятилетии пространство долины вокруг автозавода должна занять «плеяда заводов-смежников»: планировалось возведение «шинного завода, завода автотракторного оборудования, аккумуляторного и автотракторного инструмента»¹¹⁶. Тогда Миасс перестал бы получать детали от смежников и, напротив, сам бы стал снабжать весь восток СССР не только автомобилями, но и всевозможными деталями и промышленными узлами.

В. Зарубин, поместивший в «Миасском рабочем» очерк о грядущем уральском Автограде, предвкусил появление в ближайшем будущем великолепного города (активно используя, кроме прочего, охарактеризованный выше прием взгляда с гор в долину), в котором старый центр играет роль туристической и рекреационной зоны,

---

¹¹⁰ См.: Наше кровное дело // Миас. рабочий. 1945. 4 дек. № 144.

¹¹¹ См.: Зарубин В. Через пять лет: (Рассказ о Миассе 1950 года).

¹¹² См.: Сделаем Миасс культурным и благоустроенным // Миас. рабочий. 1946. 9 авг. № 92.

¹¹³ См.: Шатохин А. Город автомобилестроителей // Там же. 1947. 7 февр. № 17.

¹¹⁴ См.: Лобанов В. Письмо другу.

¹¹⁵ Из выступления секретаря областного комитета ВКП(б) тов. Н. С. Патоличева на собрании миасского городского партийного актива 1/ХП 1945 г. // Миас. рабочий. 1945. 4 дек. № 144.

¹¹⁶ Зарубин В. Наш избирательный округ // Там же. 1947. 8 янв. № 4.

а новый, социалистический Миасс разместился близ автозавода¹¹⁷: «Миасс наконец-то стал одним из красивейших городов Южного Урала, достойным окружающей его прекрасной уральской природы. Какие же силы двигали и поднимали этот город на такой высокий уровень культуры и благоустроенности? Этой силой был Уральский автомобильный завод»¹¹⁸.

Новый образ Большого Миасса, «автоноваторского города в горах», с изумительным конвейером на месте «золотой тайги», населенного «уральским народом», суммировало стихотворение «К четырехлетию со дня пуска УралЗИС», написанное автором под инициалами «С. П.»:

Здесь жили когда-то, быть может, медведи,
Здесь прыгали зайцы, малина цвела,
Здесь сосны столетние будто из меди –
Тайга золотая здесь раньше была.

Здесь песни певали привольные птицы,
Здесь змеи шуршали в ночной тишине,
Здесь рыжие в норах ютились лисицы
И белки скакали в ветвях при луне.

А нынче – здесь город на много кварталов,
А нынче я вижу здесь автозавод.
И новых домов я здесь вижу немало,
С цветами и песнями вижу народ.

Вот главный конвейер – здесь сборка машины.
Вот она медленно, плавно плывет.
Мотор опустили, вот кузов, вот шины –
Машина готова и – мчится вперед.

---

¹¹⁷ Это описание было основано на реальном генеральном плане Большого Миасса, разработанном ленинградским отделением треста «Горстройпроект» под руководством Р. И. Друбцекого (см.: Проект Большого Миасса // Там же. 1946. 9 июня. № 63). Впрочем, сам городок автозавода, или, как его еще называли тогда, поселок Октябрьский, строился по плану 1939 г., выполненному еще в 1939 г. Свердловским проектом для завода № 316.

¹¹⁸ Зарубин В. Через пять лет: (Рассказ о Миассе 1950 года).

Вот солнце литейной – чугунное солнце –
Здесь льется всечасно в опоки руда.
Вагранщик смеется, подручный смеется,
И льется чугун здесь, как будто вода...

Вот мастер Кабанов¹¹⁹ – герой производства,
Хорош семьянин и труда богатырь,
Начальник участка, высокого роста.
В гражданскую гнал Колчака за Сибирь.

А вот Чесноков Александр – моложавый –
Две с половиной он нормы дает.
Он обгоняет Петрова; пожалуй –
Как песня, чудесен уральский народ!

Здесь солнце хохочет, здесь даль голубая,
Здесь поезд промчится в дыму и в парах.
И – Сталин, должно быть, глядит, улыбаясь,
На автоноваторский город в горах¹²⁰.

И все же закрепить звание «уральского Детройта» в советской публичной сфере Миассу не удалось: у автозавода, каким бы громким событием ни было его рождение, не хватало сил целиком трансформировать Золотую долину. Так и не был осуществлен план «Большого Миасса», в 1946 г. презентованный «Ленгорпроектom»¹²¹. Именование Миасса Автоградом, распространенное по крайней мере в локальной прессе в 1940–1950-х гг., к 1960-м гг. вышло из употребления: с появлением новых крупнейших предприятий в Тольятти и Набережных Челнах почетное имя Автограда переместилось к ним.

Но, как и в случае с Ново-Златоустовским заводом, индустрия вновь начала перетекать из Златоуста в соседний город. В 1955 г. на северную окраину Миасса переместилось специализированное конструкторское бюро (СКБ-385), образованное на базе Златмаша еще

---

¹¹⁹ М. Е. Кабанов – начальник участка картера коробки скоростей и участка воздушного насоса Уральского автозавода (см.: *Панов Н.* Мастер М. Е. Кабанов // Миас. рабочий. 1948. 27 авг. № 101).

¹²⁰ С. П. К четырехлетию со дня пуска УралЗИС // Там же. 9 июля. № 80.

¹²¹ См.: *Малкова И. Г.* Промышленные города Урала: опыт регулирования градостроительного развития (1940–1950-е годы) // *Вестн. Челяб. гос. ун-та.* 2015. № 16. С. 63.

в 1949 г.¹²² Вначале работников этого предприятия планировалось расселять в центральном Миассе, там же, где автомобилестроителей, однако с ростом мощи миасско-златоустовского ракетостроительного центра в 1960-х гг.¹²³ планы были пересмотрены. К северу от промышленных площадок автозавода и СКБ № 385 был в 1960–1980-х гг. возведен Машгородок, выдающийся памятник советского градостроения, искусно вписанный в природный ландшафт Золотой долины¹²⁴. Город в Золотой долине стал городом ракетостроителей¹²⁵, однако в этом качестве он был надежно скрыт завесой молчания, и на художественную карту Гравишкиса он не попадал.

Завеса молчания накрывала и Чебаркуль – город кузнечно-прессового производства авиационной металлургии. Хотя Чебаркульский металлургический завод работал с февраля 1942 г., вплоть до конца 1950-х гг. в советской публичной сфере Чебаркульский район представлял исключительно как пространство колхозов и приозерных санаториев. Стихотворный «подарок» Чебаркулью оставил М. Д. Львов, в 1941–1942 гг. работавший на возведении металлургического завода фельетонистом местной газеты «Боевая стройка» и написавший стихотворение «Первый удар», помещенное в сборнике поэта «Дорога» (1944) без даты:

Еще следы строительства повсюду –
Металл, песок не убраны с земли,
А цех стоит, как флагманское судно
В стекле и стали, в боевой пыли.

---

¹²² См.: *Дежарь В. Г.* Государственному ракетному центру имени академика В. П. Макеева 70 лет // *Космическая техника и технологии*. 2018. № 2. С. 6.

¹²³ См.: *Буданов А. В.* Ракетостроение в Челябинской области накануне гагаринского старта // *Гороховские чтения : материалы Двенадцатой регион. музей. конф. Челябинск : Гос. ист. музей Южного Урала, 2021. С. 87.*

¹²⁴ См.: *Чередица И. С., Рыбакова Е. Ю.* К истории формирования города Миасса // *Новые идеи нового века : материалы междунаrod. науч. конф. ФАД ТОГУ. 2020. № 1. С. 497–498.*

¹²⁵ См.: *Холутова Н. С.* Миасс в начале XXI века: диверсификация или унификация ментальности // *Художественная культура и трансформация индустриального менталитета в условиях моногорода : сб. науч. тр. III Всерос. (национальной) науч. конф. Магнитогорск : Магнитогор. гос. техн. ун-т, 2021. С. 147.*

И к молоту массивному спокойно
Уже подходит опытный кузнец,
Как будто к крупу пушки дальнобойной,
Как будто к группе гаубиц – боец.
Приходит молот в плавное движенье,
И падает удар его тогда,
Как первый выстрел первого сраженья,
И воздух закачался, как вода.
И мастер улыбается не даром
У молота, что дышит тяжело:
Он слышит, как от этого удара
В Германии посыпалось стекло¹²⁶.

Лишь с 1958 г. в местной газете «Южноуралец» начали появляться материалы о городском строительстве и фотографии новых зданий (прежде всего – крупного здания заводской лаборатории), демонстрировавшие преобразование Чебаркуля в индустриальный центр¹²⁷.

Начали появляться в «Южноуральце» и специальные литературные страницы; уже первая из них включала большое стихотворение И. Арянова «Чебаркуль», посвященное преобразению города:

В предгорьях лесистых хребта Ильмень-Тау,
Средь бора, озер и привольных степей
Раскинулся наш Чебаркуль,
Когда-то станица округи своей.

Не мог он в то время чем-либо хвалиться
Иль чем отличаться от сел, хуторов,
А ныне он может по праву гордиться
Промышленным ростом, плодами трудов.

Он городом стал называться недавно,
Но как изменилось все здесь – не узнать:
Где были бараки – дома величавы,
На месте болота проложен асфальт.

---

¹²⁶ Львов М. Первый удар // Львов М. Дорога. Челябинск : ОГИЗ ; ЧелябГИЗ, 1944. С. 32–33.

¹²⁷ См.: Город быстро строится // Южноуралец. 1958. 19 февр. № 21 (3140).

Но главное то, что растет и сейчас он,
Куда бы ни глянул – каркасы, краны.
И стал он дороже, нужней и прекрасней
Для нас, для труда, для советской страны.

А люди как выросли. Было ль когда-то,
Чтоб из лесов, приуральских степей
Учитель вышел, инженер-созидатель,
А ныне они среди наших семей.

И как бы наш рост и подъем подтверждая,
Над крышами видим строй телеантенн,
Нас в этом и труд заводчан убеждает,
Досрочные плавки, что выдал мартен.

Мы твердо уверены – будешь ты краше,
Сады расцветут по округе твоей.
Расти, Чебаркуль, город доблести нашей
На радость и счастье советских людей¹²⁸.

С 1959 г. стартовала реконструкция Чебаркульского металлургического завода, в ходе которой предприятие было оснащено уникальным кузнечно-прессовым оборудованием¹²⁹. Технологическая мощь Чебаркульского завода отражена в художественном нарративе о городе, создававшемся в первую очередь членами местного литобъединения «Родник». Однако, хотя металлургический завод играл определяющую роль в городской экономике, он не был окружен тем же вниманием, что Уральский автозавод в Миассе, и Чебаркуль так и не обзавелся устойчивой репутацией города металлургов, а воспринимался скорее центром сельского хозяйства и туризма.

Итак, в 1940–1950-х гг. район Златоуста – Златоуст, Миасс, Чебаркуль – пережил индустриальную трансформацию, отразившуюся в социальной, градостроительной и культурной сферах. Эта трансформация шла в русле планов 1930-х гг., связанных с попытками

---

¹²⁸ См.: *Арянов И.* Чебаркуль // Южноуралец. 1958. 9 марта. № 29 (3148).

¹²⁹ См.: *Буданов А. В.* Производственные связи оборонных заводов Челябинского совнархоза с предприятиями Донбасса накануне Карибского кризиса // Гороховские чтения : сб. материалов Шестой регион. музей. конф., 6 ноября 2015. Челябинск : Челяб. гос. краевед. музей, 2015. С. 603.

планировщиков использовать ресурсы промышленного Златоуста в условиях дефицита пригодного для стройки пространства. Но из-за эвакуации она приобрела специфический характер: производство на Уржумской площадке в Златоусте стало второй Тулой, Миасс неожиданно приобрел идентичность «уральского автограда». Строительство великолепного Дворца культуры машзавода на Уржумке, уникального архитектурно-изобразительного высказывания о победе в Великой Отечественной войне, можно трактовать в контексте этого преобразования. Впрочем, возможности для расширения дискурса о Миасско-Златоустовском индустриальном узле оказались ограничены, как это показывает случай Чебаркульского металлургического завода, – как и другие кузнечно-прессовые производства авиационного профиля, он был скрыт завесой молчания. В еще большей степени молчание окружало ключевые производства данного района, возникшие на базе Златмаша и с 1960-х гг. определявшие облик Миасско-Златоустовского района, – заводы ракетостроительного профиля. А Уральский автозавод к 1960-м гг. оказался в тени крупнейших автозаводов Поволжья, закрепивших за собой репутацию советских «автоградов». Акцент теперь в большей степени делался на природные красоты (Таганай), геологические богатства (Ильменский заповедник) и богатую историю (Златоуст) района, а не на его промышленную мощь.

4. МИФОЛОГЕМЫ ОПОРНОГО КРАЯ

4.1. Печь и станок – «живые» орудия производства

Металлургическое производство Урала, оказавшееся по мере развития дискурса о «кузнице обороны» в центре внимания литераторов и публицистов, формировало целый набор устойчивых мифологем, наделяющих средства производства, машины, изделия определенными свойствами акторов, т. е. живых, действующих субъектов.

В 1940-е гг. на волне ревизии досоветской истории снова становится актуальной тема отдельного *изделия*, а процесс его производства становится почти сакральным действием, в котором участвуют *живая* земля и *живые* орудия производства.

Риторическая фигура, в которой страна или сама земля выступает субъектом, «встает», как в известном тексте 1941 г. В. И. Лебедева-Кумача, сражается с оккупантами, была значима для литературы с первых лет войны. Так, например, у И. Г. Эренбурга в «Русской земле» (1942) в бой с захватчиками вступает в буквальном смысле *всё*, не исключая и уральскую руду и танки:

Но тогда на жадного врага
Ополчились нивы и луга...
<...>
Шли с погоста деды и отцы,
Пули подавали мертвецы,
И косматые, как облака,
Врукопашную пошли века.
<...>
Шла Урала темная руда,
Шли, гремя, железные стада,
Шел Смоленщины дремучий бор,
Шел худой, зазубренный топор,

Шла винтовка, верная сестра,
Шло глухое, смутное ура,
Шли пустые тусклые поля,
Шла большая русская земля¹.

У Эренбурга Урал «идет» на врага рудой, у публициста Д. И. Заславского Урал не только идет, но и «вырастает» перед наступающим врагом. Заславский комментирует недооцененность немцами Урала в обороне страны в сказочном ключе. Уральские горы представляются магической преградой, «таинственным лесом» (В. Я Пропп), волшебным образом вырастающим для спасения царевны: «Немцы встретили Урал на подступах к Москве... Урал вырос грозной стеной перед гитлеровцами. Можно сказать, что тупая немецкая коса нашла на уральский камень. <...> Как в старинной русской сказке горы защищали русскую девушку от злой ведьмы, вырастая неожиданной преградой, так и в годину отечественной войны Урал отвесными скалами всюду стоит перед немцами. И чем дальше отходит линия фронта от Урала, тем ближе он к фронту. Он идет вместе с фронтом, крепя Красную Армию и металлом своим, и людьми своими, и пламенным своим чувством ненависти к врагу и любви к родине»². Урал здесь одновременно и преграда, и наступающая сила, и место, охраняющее «царевну», и оружие, теснящее врага.

Наравне с персонификацией земли становятся действующими субъектами орудия, продукты производства и, в частности, средства передвижения. Б. М. Хорошилов выделяет следующие проявления такого типа метафоризации неживого технического объекта: присвоение имен собственных; описание техники и технических средств как живых существ с помощью разнообразных метафор и символов; вербальные обращения к технике; тактильный контакт, не обусловленный практической необходимостью; любование, стремление украсить объект; ревнивое отношение к объекту; забота об объекте как о семье, близких людях, детях; вина при невыполнении обязательств, приведших к аварии, поломке; вина при расставании с техникой;

---

¹ Эренбург И. Русская земля // Правда. 1941. 7 дек.

² Заславский Д. Фашистская история с географией // Урал. рабочий. 1943. 1 янв. № 1 (8231).

стремление получить поддержку понимание от объекта; эмоциональная привязанность³. «Многоаспектность взаимодействия человека со сложной технической системой, – пишет исследователь, обосновывая процессы такого рода метафоризации, – наличие внутренней не до конца понятой природы ее, ее чувствительность к различным, часто не контролируемым вполне воздействиям, ее интенциональность как заложенная в нее ее создателями, так и обусловленная существом ее конструкции и материалов и не вполне учтенная разработчиками. <...> Все это сближает такое взаимодействие с коммуникативным не только по форме, но и по существу, а значит, делает метафоризацию, символизацию и даже мифологизацию техники как некоего “существа” когнитивно обоснованной и даже, возможно, необходимой»⁴.

Не до конца понятная природа сложной техники и обращение с ней в связи с этим как с живым существом восходит, по сути, к первобытному анимизму и делает такую модель коммуникации по своему типу архаичной. «Общение» с орудием труда неизбежно мифологизируется, особенно в случае с металлургией: областью производства, связанной с огнем и земными недрами.

А. А. Первенцев описывал свой визит к доменной печи, совершенный на Чусовском заводе, как встречу с огненным драконом: «Я снова, как и на Теплой горе, зачарованно смотрю на выползающий из летки первый расплавленный металл. Извиваясь медленно и лениво, словно степной желтобрюх, виляет он туда и сюда в поисках более удобного пути и, наконец, ныряет в гнездо отстойника. Крутится тело змеи, а голова, упавшая в ямку, тычется в стенки и, не найдя выхода, стремительно растет. Шлак пузырится, вспыхивают острые голубые огоньки. Теперь это уже не смиренный ленивый желтобрюх, теперь это дракон, готовый к прыжку. Ковш-отстойник наполнен, металл врывается в желоб и быстро, точно нагоняя упущенное, бежит по наклону, чтобы спрятаться в продолговатых сотах

---

³ См.: *Хорошилов Б. М.* Семантизация машины как «существа» во взаимодействии человека и сложной техники в профессиональной деятельности // Вестн. НГУ. Серия «Психология». 2009. Т. 3, вып. 1. С. 24–34.

⁴ Там же. С. 28.

изложниц»⁵. В главе «Металл кипит и льется» поэмы «На Урале» (1943) С. А. Васильева все производственные орудия, все «участники» процесса плавки предстают как живые существа, обладающие своим характером и индивидуальностью, участвующие в цепи природных взаимодействий друг с другом:

Вот берет магнит-лебедка
щепоть лома в тонну весом
и несет свою находку
с хищным,
жадным интересом.
Вот плывет,
вот повисает,
за добычей бросив слезку,
и звенящий груз бросает
в мутьду – круглую тележку⁶.

Преображение металла происходит воскресной ночью. Выделенное в отдельное предложение и отдельную строку слово «воскресенье» подчеркивает значимость выбранного автором времени: металл как бы перерождается для новой жизни и нового дела. При этом если каждый механизм и сам металл имеют свой характер, индивидуальность, рабочий – это как бы неясное для механизмов и их природной жизни руководящее процессом лицо, демиург: «Кто-то властной рукою / где-то что-то отодвинул / и пошел, / ударил, / хлынул / огнепад струей крутою»⁷.

Однако отношения мастер–машина в произведениях производственной тематики могут складываться по-разному. В повести «Клятва» (1942–1943) Ф. В. Гладкова мастер наделяет станок своими чертами характера, станок как бы становится его альтер-эго: «Как всегда, я сразу ощущаю связь со своим станком. Я вижу его издали, и он приветствует меня, как живой, своим сиянием, глянецом и какой-то особой теплотой. Мне чудится, что в нем с давних пор живет мой дух – мой характер и душевное беспокойство»⁸.

⁵ Первенцев А. По Уралу. С. 11.

⁶ Васильев С. А. На Урале. С. 73.

⁷ Там же. С. 75.

⁸ Гладков Ф. В. Клятва // Урал грозный. С. 155.

В романе А. А. Каравасовой «Огни» (1944) центральное место занимает гигантский пресс фирмы «Дейч-пресс» на вымышленном Лесогорском заводе на Урале. Эта машина, когда ее привезли на Урал в 1930-х гг., не имела себе равных, но лесогорские мастера нашли в ней слабость: «могучие медные цилиндры оказались не кованные, как полагалось, а литые». Коллектив заводчан не доверяет немецкому прессу, боится, что он, «дьявол», подведет. Так и выходит: пресс ломается. Механик Артем Сбоев в гневе: «Артем, мрачный, но, как всегда, собранно-быстрый, двигаясь своей пружинистой походкой, поспевал всюду, распоряжался, записывал, высчитывал вслух.

– Вот! Что я говорил? – встретил директора Артем. – Ждал, что, проклятый, подведет, – вот он и подвел!

Он с ненавистью махнул рукой на черную арку неподвижного пресса и сказал глухим голосом, каким говорят о покойнике, которому живые не могут простить нанесенного им зла:

– Цилиндры лопнули! И будто по уговору – оба! Р-раз – и ваших нет! Картина ясна: эта подлая фирма послала к нам фашистских агентов, а они с тем расчетом и ставили, чтобы цилиндры сдали как раз в войну!.. Далеко, гады, целились, да мы тоже не зайцы, на опушке пули ждать не будем»⁹. И он собирает коллектив на ремонт машины: «Артем повернулся к молчаливой громаде пресса, и давнее раздражение, которое он испытывал при виде этого металлического колосса, вспыхнуло в нем. Он заговорил горячо, словно высекая искры, и кратко рассказал о литых, “обманных” цилиндрах, о немецких планах. И вдруг, быстро шагнув вперед, остановился перед прессом, маленький, дерзкий, как орленок перед холодной и мрачной скалой, на которую он готовился взлететь. «– А мы все на чистую воду вывели, и вот увидите, товарищи, как мы этого великана поднимем! Мы из него настоящего человека сделаем!»¹⁰.

Цилиндры изготовили заново, и перевоспитанный пресс заработал вновь. Здесь важен и мотив *перевоспитания* заграничной машины, как перевоспитывается человек в «правильном» коллективе в культуре соцреализма.

---

⁹ Каравасова А. А. Огни. М.: Правда, 1945. С. 152.

¹⁰ Там же. С. 154.

В этой истории легко узнать сюжет о вполне реальном тяжелом прессе «Duisburg Hydraulik», работавшем на Уралмаше и, возможно, вдохновившем А. Т. Твардовского на строки о «кувалде главной Урала». Насколько мы можем судить, этот сюжет, сегодня известный благодаря описанию С. С. Агеева и Ю. Г. Бриля в книге «Неизвестный Уралмаш» (2003), тогда, в 1940-е гг., не был еще достоянием широкой общественности. Пресс «Duisburg Hydraulik», один из двух таких сверхмощных прессов, купленных Советским Союзом у Германии в начале 1930-х гг., действительно пришел в негодность: у него не только сломались цилиндры, но и треснул архитрав. История о ремонте гиганта приобрела поистине эпический характер, поскольку по своему значению починка прессы стоила выигранного сражения. Трещину заварил опытнейший уралмашевский сварщик В. А. Батманов. Сложнее оказалось заменить цилиндры; предполагалось использовать для этого аналогичные части второго прессы-гиганта, ехавшего на Урал в разобранном виде из Краматорска. Однако найти их в эвакуационной неразберихе оказалось чрезвычайно сложно. Вот как Агеев и Бриль описывают момент обретения цилиндров: «В самый разгар страстей... вдруг открылись ворота, в цех вкатилась железнодорожная платформа, на которой лежали рабочие цилиндры прессы из Краматорска и еще почему-то немецкий ручной пулемет. А цилиндры скорее всего нашел главный механик Уралмашзавода Александр Леонтьевич Кизима. Говорят, его не было на заводе трое суток, и все это время он методично обшаривал сложнейшую паутину путей Свердловской железной дороги, пока где-то в тупике не нашел то, что искал»¹¹.

Живые машины, впрочем, были не новы для уральской литературы и публицистики. В 1932 г. газета «Сталинец»¹² г. Сатки публикует на своих страницах «Митинг машин» на заводе «Магнезит», где механизмы, а наряду с ними и мастера в нескольких номерах разоблачают «виновников безобразной работы». Нехудожественный стиль публикуемых заявлений сочетается с сериальным замыслом «Митинга». Перед читателем от выпуска к выпуску раскрывается

---

¹¹ Агеев С., Бриль Ю. Неизвестный Уралмаш: История и судьбы. С. 269.

¹² За помощь в работе с текстами автор благодарит К. Д. Бугрова.

интрига: почему, по мнению всех участников собрания, домен, станков, мастеров, рабочих, не выполняется до конца план последнего года пятилетки. «Почему же я работаю такими отсталыми темпами?» – задается вопросом домна № 2 «Рашет» и сама отвечает: «Я сама себе ясно представляю причины, т. к. чувствую, что обращаются со мной скверно и недостаточно загружают». Далее домна анализирует проблемы с загрузкой и выдвигает предложения: усилить контроль за ночными сменами, вовремя устранять поломки. «Я совершенно недовольна обращением рабочих, мастеров, бригадиров со мной. Многие относятся ко мне не по-хозяйски, а как бы поскорей с рук долой», – докладывает домна. Длинный монолог прерывается репликой мастера Еретнова, объясняющего проблему с поставкой руды, но печь жестко его обрывает¹³.

Мастера, рабочие, руководство (это, разумеется, совершенно реальные люди Саткинского завода, названы их имена: Шаров, Юрганов, Симбирцев, Крапивин и т. д., приведены их реплики) ведут разговор не только наравне со своими товарищами-машинами (также имеющими свои имена, семейные связи, как, например, «сестрички из Костромы», озабоченные тем, что какой-то хулиган пишет у них на боку скабрезности), но и подчиняются им, прислушиваются к их голосам. Итак, печь не только испытывает чувства, но и мыслит логически, сотрудничает с человеком, спорит с ним, участвует в коллективном труде как товарищ рабочего.

Иную модель коммуникации представляет более ранний текст – рассказ «Под домной» (1891) Д. Н. Мамина-Сибиряка. Старому мастеру Ипатычу плавильные печи также представляются живыми, но человек ощущает с ними не трудовое, а прямо-таки семейное родство:

«– Как я оставлю старуху, – объяснял он. – А вдруг она закашляет. Тоже у ней свой карахтер... Зазевайся только... это ведь не “мартын”, который только и знает, что дымит.

“Мартыном” заводские рабочие называли печи Мартена, в которых прямо из чугуна приготавливалась сталь. От этих печей получается особенно много дыма.

---

¹³ См.: Слово имеет домна № 2 «Рашет». Второй день «Митинга домен» // Сталинец. 1932. Апр.

– Или взять Сименса, этот жрет что угодно: корье, щепу, сырые дрова, а моя старуха свой карахтер уважает: подавай ей все чистый уголек».

Ю. С. Подлубнова отмечает противопоставление в рассказе Мамина-Сибиряка «родной» старой домны и нового заграничного мартена на основании их имен, которые становятся именами собственными: Домна и Мартын¹⁴. Примечательно, что упрощение рабочего процесса не имеет значения для старого мастера, более того, сложность обращения со «старухой» домной означает для него обязательную заботу о старом и дорогом друге, а потому делает домну ближе, дороже, как бы «человечней», очеловеченней, чем мартен. Само словоупотребление «старуха» рядом со «стариком» Ипатьчем подсказывает аналогию семейных отношений между орудием производства и мастером. О заботе просит рабочих и домна «Рашет» завода «Магnezит», но она стремится дать большое количество чугуна, домна же у Мамина-Сибиряка пятилетних планов не выполняет, она «живет» рядом с мастером своей обычной размеренной жизнью, жизнью его «старухи».

Итак, заводская машина как бы живет в семье, обретает семейные связи, воспитывается и воспитывает, спорит с человеком, отвечает ему на любовь и заботу. Анализируя роль домны, мартена, огня и металла в уральской поэзии на материале самодеятельной заводской поэзии, Е. В. Милюкова пишет о том, что и весь город-завод «имитирует не только семейно-родовую идею дома, но и саму его пространственную структуру с печью в качестве жизненного начала начал»¹⁵, стоит в центре этого по-своему магического мира. Данная концепция ранее поэтически осмыслена М. П. Никулиной: завод – это «место, где встречаются и объединяются энергия Земли и энергия человека, а ответственность перед заводами – одновременно

---

¹⁴ См.: Подлубнова Ю. С. Домна и мартен в уральской поэзии 1920–1930-е гг. // Стих. Проза. Поэтика : сб. ст. в честь 60-летия Ю. Б. Орлицкого. СПб. : Свое издательство, 2012. С. 292–298.

¹⁵ Милюкова Е. В. «Около железа и огня»: картина мира в текстах самодеятельной поэзии Южного Урала // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М. : Яз. славян. культуры, 2004. С. 635.

ответственность перед Землей и человеческим родом»¹⁶. Такая пространственная организация определяет, по мнению Е. В. Милюковой, идентичность города и человека: «железный городище» антропоморфен, а человеческая природа претерпевает метаморфозы, меняется под воздействием стихии огня, огонь «в печах и в сердце», огонь, металл становятся телом человека¹⁷. Так у Ю. Н. Верховского в 1942 г. в сонете «Клинок уральский – восхищенье глаз...»: «Как эта сталь, и как душа народа...» Или у М. Д. Львова: «Твои сыны, литейщики, шахтеры, / Себя, как дома, чувствуют в огне»¹⁸; «Жил у домны, как дома»¹⁹.

Домна персонифицируется в уральской литературе и публицистике, а мастер, стоящий подле нее, вступает с ней в двустороннюю (насколько это возможно) коммуникацию (варианты – от товарищеских до семейных отношений). Объединяет их стихия огня и труда: домна – сердце города, огонь в домне соответствует огню в сердце мастера; домна плавит металл, а душа человека, стоящего подле домны, становится огнем и сталью. Архетипические связи объединяют уральцев, народ с единой «стальной душой» (как, восходя мыслью к русской религиозной философии, выразил Верховский в своем сонете «Клинок уральский – восхищенье глаз...»).

В этом едином мифе о живой земле, живой руде, живой плавильной печи и человеке, около нее живущем, особо выделяются, имеют ядерное, конструирующее значение два символа – клинка (меча) и танка, разумеется, друг с другом связанные (по материалу, месту изготовления, назначению, ценностному значению, манифестационной функции в культуре 1940-х гг. и т. д.). Они отчетливо выделяются в целом корпусе текстов периода Великой Отечественной войны²⁰, и наша задача – проследить их развитие, выявить связанный с ними общий сюжет и его вариации.

---

¹⁶ Никулина М. П. Камень. Пещера. Гора. С. 78.

¹⁷ См.: Милюкова Е. В. «Около железа и огня»... С. 637–638.

¹⁸ Львов М. Д. Я был на стройках Южного Урала... // Урал грозный. С. 254.

¹⁹ Львов М. Д. Магнитка // Там же. С. 258.

²⁰ За помощь в поиске отдельных текстов 1940-х гг. автор благодарит Ю. Н. Некрасову.

4.2. Меч и клинок: «магическое оружие» в нарративе Победы

Рассуждая о «советском» и «уральском» мифе в отечественной культуре XX в., А. Э. Мурзин пишет об их тесном и закономерном переплетении: «Имея в виду, что связь со своим “местом”, с землей, на которой он живет, является одним из определяющих моментов для самоидентификации каждого человека, советский миф таким образом наиболее глубоко и незаметно проникал в его личность, “прорастал” сквозь нее»²¹. Один из примеров такого взаимодействия – развитие в советской художественной культуре мифологемы меча/клинка, представленной в произведениях, связанных с Великой Отечественной войной.

Самые известные мечи в советском искусстве принадлежат монументальным скульптурам Е. В. Вучетича – «Воин-освободитель» (1949) в Берлине и «Родина-мать» (1959) в Волгограде. По непроверенным данным, в 1949 г. автомат в руке первого на макете скульптора заменил на «что-то более символичное... скажем меч»²² сам И. В. Сталин. «Я только трижды обращался к мечу – один меч подняла к небу Родина-мать на Мамаевом кургане, призывая своих сыновей изгнать фашистских варваров, топчущих советскую землю. Второй меч держит острием вниз наш Воин-победитель в берлинском Трептов-парке, разрубивший свастику и освободивший народы Европы. Третий меч человек перековывает на плуг, выражая стремление людей доброй воли бороться за разоружение во имя торжества мира на планете»²³, – писал сам Вучетич, постфактум выстраивая достаточно яркий и убедительный миф: опущенный и поднятый мечи его героев разделяют около десяти лет. Неудивительно, что этот сюжет нашел продолжение (а вернее, обрел начало) в Магнитогорске – в памятнике «Тыл – фронту» (1979) Л. Н. Головницкого

---

²¹ Мурзин А. Э. Советский миф в судьбе Урала / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2004. С. 9.

²² Костюнин О. В. Человек из легенды // Сов. Россия. 2005. № 60–61 (12679). 30 апр.

²³ Вучетич Е. Мысли летят в будущее // Сов. культура. 1967. 14 окт. С. 4.

и Я. Б. Белопольского. Две фигуры, обращенные на восток и на запад, рабочего и воина, держат меч: один его выковал, второй должен встать с ним на защиту страны. Композиция в Магнитогорске завершила «оборонительный» сюжет²⁴, став первым в стране монументальным памятником труженикам тыла.

Разумеется, символ меча в дискурсе «священной войны» появился гораздо раньше монумента Вучетича. На его закрепление в советской культуре повлиял в том числе популярный кинофильм С. М. Эйзенштейна «Александр Невский» (1938), созданный на пике антифашистской кампании в СССР и одновременно в русле всевозрастающего интереса к национальной истории: за «псами-рыцарями» у Эйзенштейна стояла гитлеровская Германия, за Новгородской Русью – Советский Союз, отныне наследовавший славу былинной богатырской Руси: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!».

Фраза, приписанная благодарным зрителем историческому Александру Невскому, ушла в тираж. Ее можно увидеть, например, на военном плакате 1942 г. В. С. Иванова. На переднем плане группа красноармейских конников захватывает немецкий танк, на заднем плане над ними вырастает колоссальный призрак Александра Невского с поднятым мечом и на коне, сминающего немецких рыцарей. Венчает композицию цитата Сталина «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков».

В том же 1942 г. пишет стихотворение «Меч» М. М. Джалиль. По сюжету пророчество эйзенштейновского князя-воителя исполняет хозяйка дома, впусившая на постой немецкого майора: «Умри! Кто к нам с мечом приходит, / Тот погибает от меча». Здесь же можно упомянуть менее известное, но более раннее стихотворение К. Г. Мурзиди, опубликованное в альманахе «Уральский современник» в 1941 г.:

Бойцы идут в атаку смело,
Их сталь крепка и горяча.
Живет святое наше дело.
Поднявший меч
Погибнет от меча!²⁵

---

²⁴ См.: Победоносный чудо-меч // Известия. 1975. (14 февр.). № 39 (17882). С. 6.

²⁵ Мурзиди К. В бою // Урал. современник. 1941. № 5. С. 31.

Советский воин с мечом, именно с мечом, а не с ружьем или каким-либо другим холодным оружием, например шашкой времен Гражданской войны, – сильный пропагандистский образ, воссоздающий необходимую преемственность между Советской армией и героическим военным досоветским прошлым, наглядно реализующий связь времен, миф о былинном богатыре, вне времени встающем на защиту русской земли. Примечательно здесь другое: то, что меч, от которого должно погибнуть врагу, куется именно на Урале, и этот факт не только как будто сам собой разумеется, но и не поддается сомнению, более того, процессковки и передачи меча – действие почти сакральное, это подчеркивает символизм магнитогорского монумента.

Обработка металла, плавка – мотивы, в общекультурной традиции, наделенные особым значением. Развивая эту мысль, М. П. Никулина осмысляет топографию уральского завода в категориях мифа: «Идея и композиция уральского города-завода естественно отражает первобытную гордость древних мастеров: сердцем города была плотина (она сооружалась первой), стоящие возле нее плавильные печи и заводские фабрики строились почти одновременно с ней, а городские кварталы возводились после и вокруг главного – завода, ему в помощь и на потребу. В заводе видели не только продолжение и проявление великой энергии земли, но еще инструмент упорядочения и организации этой энергии»²⁶. Такие представления о заводе как об особом сакральном месте находят подтверждения в литературе – от Д. Н. Мамина-Сибиряка до поэзии 1920–1930 гг. «Раскаленная печь – / Душа, / А лицо отражение ее...» (А. Мальшаков); «Живая жизнь, железная стихия / Живой родник, мартэнная струя» (Н. Глухов)²⁷. «Менялось лишь само представление о реальности, которая приобрела отчетливый пролетарско-коммунистический характер», – пишет Ю. С. Подлубнова, настаивая на сохранении сакральной роли домны и мартена в литературе советской эпохи. Разумеется, именно на Урале могло быть добыто «магическое оружие»

---

²⁶ Никулина М. П. Камень. Пещера. Гора. С. 79.

²⁷ Цит по: Подлубнова Ю. С. Домна и мартен... С. 294.

(В. Я. Пропп) для победы над врагом, над эпическим злом. Причем ковался меч не советским пролетарием, а самой землей – самим Уралом.

«Урал кует победу» (Ф. И. Киселев, В. Н. Бойков, Я. Л. Бабушкин; Куйбышевская и Свердловская киностудии, 1943). Это емкое метонимическое название, близкое к лозунгу, выбрали авторы документального фильма 1943 г., отказавшись от «Арсенала страны», тем самым подчеркнув условно фольклорный, сказовый стиль повествования. «Седой Урал, – говорит диктор Л. И. Хмара в фильме. – Урал-батюшка, железный хребет – так славили его русские люди в старинных песнях. Российский щит – так зовут его геологи Запада. Арсенал страны – так зовем его нынче мы». «Риторика дикторского текста изобилует мифологическими характеристиками: вместо точных дат – слово “издавна”, вместо точных размеров – “необъятные просторы”»²⁸, – комментирует фильм Л. М. Немченко. Первая часть фильма полностью посвящена историческому прошлому региона, на фоне кадров с оружием, выкованным в Златоусте. Диктор рассказывает о Смутном времени, об истории побед русской армии, заканчивая патетическим «Уральские пушки грохотали по мостовым побежденного Берлина». В финале фильма на кадры боев, залпов накладываются кадры, снятые на уральских заводах, так что у зрителя не остается сомнений: едва ли не сама уральская земля участвует в войне, это его, Урала, историческая миссия, завещанная предками²⁹.

Однако эта формула сложилась не сразу. «Кующий» Урал и уральцы, издавна коующие оружие, – яркие образы публицистики и открытых писем с начала войны³⁰. Те же смыслы транслирует поэзия: в 1941 г. был объявлен конкурс «Урал – кузница оружия для фронта

---

²⁸ Немченко Л. М. Мобилизация: от мира к войне (особенности кинопропаганды на материале документального фильма «Урал кует победу» и киножурнала «Советское искусство») // Вестн. Перм. ун-та. Серия «История». 2017. № 2. С. 203.

²⁹ Ср. также метонимический перенос у М. Д. Львова: «Ты прикрой меня сталью в бою, Златоуст!» (Львов М. Д. Златоуст // Урал грозный. С. 255).

³⁰ См. параграф 1.4 настоящего издания.

Великой Отечественной войны»³¹, и в 1942 г. победа в конкурсе досталась стихам «Уральцы бьются здорово» А. Барто³²:

Еще в штыках стальных,
В штыках Суворова
Она горела и сверкала,
Наша сталь!

В 1940-е гг. важно соединить «сейчас» и «еще тогда», показать преемственность. Историю уральского оружия и стали от Петра I до современности воспроизводит в своей поэме «На Урале» (1943) С. А. Васильев в главе «С тобой говорит пушкарь», особое место, уделяется «впервые покоренному Берлину». Сам архаизм «пушкарь» усиливает эффект наследования советского Урала досоветскому.

Уральской саблей врагов рубал
Денис Давыдов в честь родного края,
уральскойковки солнечный металл
играл в руке Василия Чапая³³.

Подчеркивается, что героизм уральцев на фронте связан с горячей и сверкающей сталью, исторически обеспечивающей победы русской, а теперь и советской армии. Горящая, сверкающая, крепкая, горячая сталь в бою – образ, отсылающий к более раннему, упомянутому уже стихотворению Мурзиди, но здесь это именно *уральская* сталь, имеющая свою древнюю историю (остановимся на ней позже в связи с именами Ю. Н. Верховского и П. П. Бажова).

В поэме Н. Н. Асеева «Урал» (1942–1943) уральские рабочие представляются древними богатырями, которые отливают из стали танки. Возникает невольная аналогия с холодным оружием: миную процесс сборки танка, он как бы сразу возникает под рукой мастера.

Не перечесть
их числа по пальцам,
не перечислишь
по номерам.

---

³¹ Более подробно см. параграф 1.4 настоящего издания.

³² См.: Мурзин А. Э. Советский миф в судьбе Урала. С. 195.

³³ Васильев С. А. На Урале. С. 70.

Слава уральцам,
слава уральцам,
слава уральцам –
богатырям!

Ими гордится
не только Урал.
Светится сила их,
как самоцветы,
и отливается
в танки металл,
воля их –
в общую жажду победы!³⁴

В общем для литературы этого времени концептуальном единстве «воля – победа – металл – танки – коллективный труд» появляется специфический уральский образ «сила, как самоцвет». В повести Ф. В. Гладкова «Опаленная душа» (1942) даже небо Урала представляется самоцветом: «Небо – камень-лазурь, а месяц – золотой самородок»³⁵. В оборонном контексте вновь актуализуется прошлое горнозаводского Урала, неразрывно связанное с камнерезным искусством, образами сокровищ, тайников, кладовых, недр – с теллуризмом, который вдохновлял *геологическую геополитику* академика Ферсмана и через который сегодня объясняют специфику культуры Урала исследователи геопоэтики³⁶.

Так, у А. Я. Коца военное оружие куется «из всех горных сокровищ»:

И в грозный час, Урал, тебе
Высокий жребий пал на долю:
Стать первой кузницей страны,
На всех станках, в печах и в горнах,
Из всех твоих сокровищ горных
Ковать оружие для войны³⁷.

---

³⁴ Асеев Н. Н. Урал // Урал грозный С. 29–30.

³⁵ Гладков Ф. В. Опаленная душа // Там же. С. 141.

³⁶ См., например: Абашев В. В., Абашева М. П. Литература и география. С. 143–151.

³⁷ Коца А. Тебе, Урал! // Урал. современник. 1943. № 7. С. 76.

Одновременно со съемками документального фильма Куйбышевской и Свердловской киностудий Урал, кующий победу, персонафицируется. В 1942 г. это рабочий, из-под молота которого выходят ровные колонны танков, таков акварельный плакат К. В. Зотова «Урал кует победу!», выполненный в духе авангардного плакатного искусства 1920-х гг. Мощь и силу рабочего традиционно подчеркивают сдвинутые брови, широкие плечи, мощные руки в рукавицах; динамичность изображению задают напряженные выпрямленные руки, опускающие разрывающий красный фон красный же молот. В 1943 г. другой и более известный образ Урала создает эвакуированный в Нижний Тагил работник Харьковского завода имени Коминтерна И. И. Воскобойников – «Седой Урал кует победу»³⁸. На картине на фоне пологих уральских гор и реки седой старик сосредоточенно кует меч, его ноги переходят в стволы деревьев³⁹, корнями переплетаются с широким пнем-наковальной. Центр композиции – раскаленное острие меча на наковальне, направленное вперед, свет от красного металла освещает лицо старика и сумеречный лес вокруг. Подчеркиваются уникальность, магия момента: зритель воочию видит рождение самим местом, самими земными недрами «магического оружия»⁴⁰.

---

³⁸ Об истории картины, авторе и более поздних вариантах образа в массовой культуре см., например: *Добрейцина Л. Е.* «Седой Урал кует победу»: история создания и перспективы использования образа // *Одиннадцатые Татищевские чтения : материалы всерос. науч.-практ. конф.* (г. Екатеринбург, 18–19 нояб. 2015 г.) / отв. ред. Г. Е. Корнилов. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2015. С. 424–428. См. также параграфы 1.4, 2.3 и 4.2 настоящей работы.

³⁹ Ср. у Ф. В. Гладкова в повести 1942 г.: «Урал свой я люблю, как, к слову, дерево любит свое природное место; корнями врос в прекрасные свои горы, леса и светлые озера» (*Гладков Ф. В.* *Опаленная душа // Урал грозный* С. 140). Или у Л. В. Никулина об уральском старике-крестьянине: «Среди высоких, вековых сосен, среди мачтового леса шел однолеток этих могучих деревьев, русский сказочный богатырь, выростивший богатырей внуков и правнуков, по-богатырски защищающих родную, любимую землю» (*Никулин Л. В.* *Урал Южный*. С. 95).

⁴⁰ Отметим, однако, и нетривиальный вариант образа героя, добывающего меч: «Если ты хочешь знать – сам Сталин вынул меч из наших недр и путь фашистам преградил к Москве...» (*Пермяк Е.* *Иван да Марья : комедия в 3 д. М. : Профиздат, 1942* (Свердловск). С. 8). Здесь же стоит вспомнить метонимию в более позднем тексте песни «День Победы» (1975) В. Г. Харитоновой: «Дни и ночи у мартемовских печей / Не смыкала наша Родина очей».

Образ, созданный Воскобойниковым, можно считать наиболее удачным и завершенным образом «Урала в обороне». Он сочетает в себе две параллельно развивающиеся линии, две ключевые темы в изображении Урала: мастеровую и «природную», воплощающую древность места (седой⁴¹ Урал в литературе еще XIX в.; «бабушка Урал», воспроизведенное, например, А. Караваевой или позже – А. Твардовским). Именно он растиражирован в массовой культуре Нижнего Тагила, стал одним из символов города и появляется на памятных знаках в честь присуждения городу звания «Город трудовой доблести» в 2020 г.

Фольклорная составляющая нарратива, связанного с ковкой меча, напрямую связана с авторитетом и популярностью творчества П. П. Бажова. Это тот случай, когда тенденция на укоренение советской культуры в традиции совпала с творческим потенциалом автора. В пропагандистском искусстве, впрочем, эта тенденция становится нарочитой: в документальном фильме «Урал кует победу» Бажов представлен работающим *сидя* за старинным резным столом, как и положено стереотипному классическому писателю, хотя работал Бажов в своем доме, *стоя* за простой конторкой. На фоне собственных книг он окунает перо в чернильницу, задумывается, глядя в сторону, и пишет, левой рукой поддерживая курительную трубку, без которой его сложно представить зрителю и читателю. На время съемок фильма приходится работа Бажова над так называемыми «сказами о немцах», в 1942 г. он создал свой сказ о «магическом оружии» – «Иванко-Крылатко».

Символический потенциал бажовского образа и златоустовской стали был очевиден столичному эвакуанту, ученику русских символистов Ю. Н. Верховскому. И в 1943 г. в сонете «Клинок уральский – восхищенье глаз...» он соединяет эти символы, закрепляя их в контексте связи времен, «души народа», свободы духа и творческой свободы, обретаемой в ремесле. Первые два коррелируют с понятием

---

⁴¹ Упомянем здесь также образ седого старика, ассоциированного с местом. Так, в пьесе «На заре нового мира» (1919) С. И. Дерябиной – это Седое Время, старик, чья мантия «сливается с суровыми тонами окружающих скал» (*Дерябина С. На заре нового мира. Екатеринбург : Типография политотдела Красной армии, 1919*).

территориальной идентичности, последние – одна из ценностных составляющих уральской идентичности, сформулированных в том числе Бажовым, и развивающихся в культуре региона и по сей день. Сонет Верховского – яркий и очевидный пример как изменений в индустриальной образности Урала, который теперь символически ковал меч, универсальное оружие, а не только добывал из подземных тайников золото или руду, так и общей ориентации советской культуры на героическое досоветское прошлое, выстраивание мифа о преемственности мудрости предков.

В 1941–1943 гг. Ю. Н. Верховский жил и работал в Свердловске. Свердловский период его биографии прочно связан с П. П. Бажовым: последний посодействовал Верховскому и его другу музыковеду и литературоведу И. Р. Эйгесу войти в круг сотрудников газеты и типографии «Уральский рабочий». По воспоминаниям яркой участницы событий тех лет литературоведа Л. И. Скорино, к Верховскому «Бажов относился с каким-то доброжелательным интересом, понимая и принимая поэта во всем его своеобразии, в... его внутренней ясности»⁴². В общении с Верховским у Бажова был и особый интерес: раскрыть богатство уральской культуры и ее художественный потенциал, заинтересовать эвакуантов из столицы, задержать их в Свердловске. Верховского же привлекли в Бажове «магия превращения простой, бытовой речи уральского рабочего в высокое искусство» и «музыка слова»⁴³.

Сонет «Клинок уральский – восхищенье глаз...», который Верховский в итоге посвятил Бажову, датирован 23–24 мая 1943 г.:

Клинок уральский – восхищенье глаз;
В лазурном поле мчится конь крылатый,
Почтен неоценимою оплатой
Строй красоты, не знающий прикрас.

Таков же, мастер, твой волшебный сказ,
Связуя вязью тонкой и богатой
Торжественно-тревожный век двадцатый
И быль веков, обворожая нас.

---

⁴² Скорино Л. На Урале в дни войны // Мастер, мудрец, сказочник: Воспоминания о П. Бажове / ред. В. П. Балашов, Р. И. Винонен. М. : Сов. писатель, 1978. С. 402

⁴³ Там же. С. 407.

Да будет это творческое слово,
Грядущему являя мир былого,
Оружьем столь же мощным на века,

Как эта сталь и как душа народа,
Как с ней одноименная свобода –
Крылатый конь уральского клинка⁴⁴.

Сказовое творчество Бажова и мастерство писателя сравниваются здесь со златоустовским булатом и златоустовской гравюрой на стали: в первой строфе, несомненно, крылатый конь И. Н. Бушуева (1798–1935), потомственного заводского художника из Златоуста. Метафора Верховского прозрачна и изящна: художественное слово – это мощное оружие в руках мастера, особенно необходимое в годы войны. Но для Верховского, исследователя русской классической литературы, не мог быть не важен и культурный контекст метафоры – классический образ кинжала, в том числе кинжала поэтического слова. Через отсылки к узнаваемым стихотворениям, метафорам, пейзажным образам, через обращения к героям ушедшей эпохи транслируется важнейшая для поэта мысль о связи времен в пространстве большой культуры и о художественном слове, в котором эта связь реализуется⁴⁵.

В стихотворении, посвященном Бажову, он буквально это проговаривает: «Связуя вязью тонкой и богатой / Торжественно-тревожный век двадцатый / И были веков, обворожая нас». Мотив обворожения, завораживания, близкий символистскому пониманию поэта и поэзии, здесь также очень точен по отношению к Бажову. «Колдун уральский бородатый...»⁴⁶ – писал о Бажове Д. Бедный, имея в виду магическую силу бажовского сказа.

---

⁴⁴ *Верховский Ю. Н.* Струны : собр. соч. / сост., подгот. текста, коммент. В. Калмыковой. М. : Водолей, 2008. С. 392.

⁴⁵ См.: *Маштакова Л. В.* Творческая рецепция символов Вяч. Иванова в сборнике стихотворений Ю. Верховского «Будет так» // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4, № 2. С. 274–291.

⁴⁶ См.: *Бедный Д.* Собрание сочинений : в 5 т. Т. 5 : Стихотворения, басни, повести, 1941–1945. Статьи, письма, 1912–1945 / сост., подгот. текста и примеч. И. С. Эвентова. М. : Гослитиздат, 1954. С. 21.

Одновременно с отсылкой к исторической и культурной памяти⁴⁷ образ златоустовского клинка обращен к современности, к актуальному и специфически-уральскому культурному контексту. Клинок, выбранный Верховским, это не абстрактный клинок, но сделанный именно из златоустовской стали. Со сталью, не с рисунком на ней, сравнивает поэт в последней строфе народную душу и творческое слово. Эта сталь – знаменитый «аносовский булат», из которого отливалось оружие на заводе в Златоусте, первом и единственном государственном заводе в России, поставлявшем русской и советской армии холодное оружие. Этот завод играл важную роль в вооружении Уральского добровольческого танкового корпуса. Только в годы войны на нем было изготовлено около миллиона легендарных «черных ножей» («шварцмессерь» или ножи разведчиков НР-40), правда, без отличительной художественной гравировки⁴⁸, которую упоминает поэт в стихотворении. Готовых идти в рукопашную с одним таким ножом уральцев, по легенде, боялись немецкие солдаты. Этот сюжет запечатлен в «Песне о черных ножах» (1943) Розы (Рахили Ханоновны) Нотик, солистки джаз-оркестра при УДТК:

Шепчут в страхе друг другу фашисты,
Притаясь в темноте блиндажей:
Появились с Урала танкисты –
Дивизия черных ножей...⁴⁹

Известность и популярность песни подтверждает, что в год выхода сборника Верховского «Будет так» холодное оружие из Златоуста независимо от Бажова имело символическое значение как часть своеобразного «оборонного манифеста» Урала, а образы клинка и стали в стихотворении связаны с формирующимся в годы войны

---

⁴⁷ Ср. также у А. А. Суркова о Гражданской войне: «шашка златоустовских кровей» («Командир Исаев»).

⁴⁸ Нельзя с уверенностью сказать о том, что только УДТК или какие-либо конкретные подразделения внутри корпуса были вооружены ножами НР-40, но легенда, что более важно для нашего исследования, существовала (за справку автор благодарит специалиста Музея военной техники УГМК к.и.н. И. С. Сильченко).

⁴⁹ Боевой путь от Орла до Праги. Брянские леса. URL: <http://history-udtk.ru/history/warpath/> (дата обращения: 05.05.2022).

образом Свердловска – города-арсенала, города – военного лагеря, благодаря своему трудовому подвигу равного прифронтовым городам⁵⁰. Клинок и сталь – образы принципиально милитаристические, вбирающие в себя оптимистические «победные» смыслы. Напомним, в это же время к исторической памяти о златоустовском оружии обращаются авторы фильма «Урал кует победу».

Образ города-арсенала, создаваемый в литературе и массовой культуре Свердловска 1940-х гг., в свою очередь, преемствен по отношению к образу Свердловска индустриального 1920–1930-х гг., а тот, в свою очередь, по отношению к горнозаводскому Уралу XIX в. В этой цепочке преемственных по отношению друг к другу художественных представлений об Урале и Свердловске следует рассмотреть и мотив трудового подвига (личный и коллективный) в литературе 1940-х гг. Он созвучен другому мотиву как бы сращения, «сживания» человека с работой⁵¹, а также мотиву личной и творческой свободы, обретаемой в работе. И главным связующим звеном здесь будет творчество П. П. Бажова. Его герой – «рабочий человек, живущий насыщенно и творчески, испытывающий глубочайшие чувства свободы, тоски, ярости и радости»⁵². В отстаивании своей свободы он становится мастером, любое ремесло, любое производство превращающим в искусство. Таков Иванко-Крылатко в одноименном сказе (впервые опубликован в «Уральском современнике». Кн. 6. Свердловск, 1942). Наперекор немецкому художнику и заводскому начальству он, согласно сюжету, создает на клинке оригинальный рисунок, так что о нем говорят: «Видать, мастер с полетом. Крылатый человек»⁵³.

---

⁵⁰ См.: Клочкова Ю. В. Литературный образ Свердловска в произведениях военных лет // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Екатеринбург : АМБ, 2006. С. 128–135.

⁵¹ См.: Поддубнова Ю. С. Домна и мартен... С. 292.

⁵² Литовская М. А. Творчество П. П. Бажова и проблема компромисса в искусстве // П. П. Бажов в меняющемся мире : сб. ст. Второй Всерос. науч. конф. с международ. участием, посвящ. 135-летию юбилею писателя (Екатеринбург, 13–14 февраля 2014 г.) / отв. ред. В. Б. Королева. Екатеринбург : Объединен. музей писателей Урала, 2014. С. 96.

⁵³ Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. М. : Правда, 1985. С. 387.

Но прославился Иван Бушуев, прототип Крылатко, не только оригинальным изображением коня, но и вычурными детализированными миниатюрами на исторические темы, которые, ввиду прежде всего субъективного бажовского выбора, не были удостоены столь значимого и знакового места в уральской культуре. Именно Бажов закрепляет и увековечивает в известном сказе два сродных образа: крылатый конь – крылатый мастер. Верховский же соотносит этот образ с творчеством самого Бажова: «Таков же, мастер, твой волшебный сказ». То есть, обращаясь к образу крылатого коня, запечатленного в рисунке на стали, Верховский имеет в виду не просто златоустовскую гравюру, а гравюру, описанную годом ранее в сказе Бажова; сравнивает Бажова с работой Иванко-Крылатко, Бажовым же самым ранее прославленной и ремифологизированной. Образ уральского писателя здесь собирает и аккумулирует в себе, как в едином символе, заводскую мастеровую культуру. Так что и существующие легенды о златоустовской стали уже не могут быть не ассоциированы с Бажовым.

Так, образ крылатого коня в стихотворении Верховского двух- или даже трехчастен. Первую его часть, самую очевидную, можно назвать экфрастической и дескриптивной, это, собственно, описание рисунка Ивана Бушуева (настоящие клинки можно увидеть в разных музеях России, включая Музей Златоустовской оружейной фабрики и музеи Московского Кремля): «В лазурном поле мчится конь крылатый...». Вторая часть – реминисцентная, отсылающая одновременно и к сказу Бажова как к популярному и растиражированному факту культуры («Таков же, мастер, твой волшебный сказ...»), и к эфрасису в сказе («Взял да и приделал тем конькам крылышки, и видит – точно, еще лучше к булатному узору рисовка легла. Эту рисовку закрепил и по дедушкиному секрету вызолотил»⁵⁴).

Сложному образу крылатого коня подчинена композиция стихотворения. Как того требует форма сонета, каждая из четырех строф логически завершена, сюжетный перелом приходится на начало первого терцета. Первая строфа – непосредственное описание златоустовской гравюры, вторая – сравнение с ней «волшебного сказа»

---

⁵⁴ Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. С. 386.

Бажова, эту гравюру прославившего, такого же «крылатого», как и его герой. Третья строфа оптимистически утверждает веру в творческое слово, связующее времена. И, наконец, четвертая строфа провозглашает единство творчества, свободы и народной души. Рифмы двух терцетов подчеркивают пафос этого сложного единства и акцентируют основные значения центрального символа крылатого коня: слово-былого, народа-свобода, века-клинка. Душа народа ассоциирована со свободой, а воплощение ее – златоустовский клинок, изящный и прочный одновременно, говоря бажовскими словами, «штука долговечная». С образа клинка начинается и им же заканчивается стихотворение, строки почти повторяются, что нарушает сонетный канон, но усиливает центростремительное движение сюжета: «Клинок уральский – восхищенье глаз», «Крылатый конь уральского клинка». Круг замыкается, образ разворачивается не только в пространство бажовских сказов, но и в концепт «народной души», прирастает новыми, в том числе релевантными военному времени коннотациями, и возвращается к форме, смыслово уже не равной изначальной. Проницательный читатель по мере движения сюжета на уровне поэтики сонета наблюдает рождение образа-символа, близкого тому, каким его видели теоретики и практики русского символизма.

Недаром знаковой фигурой этого периода творчества и главным, обозначенным в посвящении героем сонета стал для Верховского П. П. Бажов, «колдун», мифотворец и классик советской литературы одновременно, совпавший с социальным заказом больше, чем с государственным, а иногда и вопреки ему⁵⁵, давшим в своем творчестве необходимую формулу региональной идентичности, включающую «жизненную целостность и собственную к ней причастность»⁵⁶.

---

⁵⁵ См.: *Литовская М. А.* «Фабульные крючочки и петельки»: поэтика компромисса в творчестве П. П. Бажова // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2014. Т. 16, № 2 (127). С. 8–17; *Липовецкий М.* Зловещее в сказах Бажова // *Quaestio Rossica*. 2014. № 2. С. 212–230; *Круглова Т. А.* П. П. Бажов как советский писатель: проблемы идентификации // П. П. Бажов в меняющемся мире. С. 64–72.

⁵⁶ *Васильев И. Е.* Пути и способы формирования региональной идентичности в творчестве П. П. Бажова и А. П. Бондина // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2014. Т. 16, № 2 (127). С. 18–26.

Верховский же на Урале был воспринят как «последний символист»⁵⁷, чье слово было словом патриарха литературы. Недаром Скорино, вспоминая вечер чтения сонетов в «Уральском рабочем», помещает в главу, посвященную Верховскому, незначительный на фоне общего сюжета эпизод: «Уже в коридоре Юрий Никандрович рассказал: в разговоре с французским поэтом Шарлем Вильдраком он спросил как-то:

– А кого из старых поэтов вы знаете?

Вильдрак ответил:

– Из старых... м... м... Верлена»⁵⁸.

Ни этот разговор, ни Вильдрак далее не фигурируют в рассказе, реплики участников разговора не раскрываются и не связываются с сюжетом о рождении сонета (собственно, «Клинок уральский – восхищенье глаз...»). Для автора важно само упоминание Верлена, который связан с Вильдраком, с которым связан Верховский, а это, через Верховского, делает и ее, участницу на тот момент локальной литературной жизни, причастной к «большой культуре». Через сонеты Верховского для читателя и слушателя 1940-х гг. действительно реализуется связь времен, и события современности как бы вписываются в круг внеисторического. А античный Пегас или тюркский Тулпар на клинке соединяет ремесло и поэзию, производственную и творческую энергии, классику и современный Верховскому мир.

Примером того, как сюжет о ковке «магического оружия» живет в современной уральской культуре, является памятник «Седой Урал» (2005) Г. Геворкяна на площади Обороны в Екатеринбурге. Богатырского вида старик в развевающемся хитоне выступает вперед, в правой руке поднимая меч в узорных ножнах. Если на более ранних памятниках, на плакатах, в живописи, в литературе сохраняются мотивы литья, плавки, заводской работы, в монументе Геворкяна они не наглядны, но лишь *подразумеваются*. Символическим образ старика, держащего меч, становится только в контексте: он объединяет как фольклорные представления об Урале-богатыре («Урал-батыр»),

---

⁵⁷ Рябинин Б. С. Ушедшее – живущее: книга воспоминаний. М. : Сов. писатель, 1985. С. 97.

⁵⁸ Скорино Л. На Урале в дни войны. С. 407.

о древнем «Каменном поясе», о силе места, так и образы рабочего Урала, бажовского Урала, стоящего на руде (в том числе образ, созданный Воскобойниковым на картине «Седой Урал кует победу»). Меч, который старик держит в руке, вложен в ножны, он не поднят и не опущен, он как бы демонстрируется зрителю как узнаваемый атрибут героя мифа. Сюжет, связывающий памятники в Магнитогорске, Волгограде и Берлине, напрямую здесь не проявлен, но он опять-таки не может не иметься в виду: меч был не просто выкован на Урале его рабочими, он был дан самим Уралом для защиты рубежей.

Этот смысл памятника подтверждают две надписи, неизбежно отсылающие к зеркальной композиции памятника в Магнитогорске: «Уральцам защитникам Родины» и «Уральцам ковавшим победу», справа и слева от фигуры старика соответственно. Усиливается эффект «расширения» символического образа и за счет расположения памятника на площади, которая была названа площадью Обороны в годы Великой Отечественной войны: на этом месте провожали на фронт свердловчан. Так образ становится символом именно обороны, как бы напоминая о словах Александра Невского из фильма Эйзенштейна. Но считать эти смыслы становится возможным только при должном владении контекстом, что в конечном счете и является локатором идентичности в региональной культуре.

4.3. Рождение танка

Меч, клинок – яркий военный символ, обретенный советской культурой, и в особенности уральской, в 1930–1940-е гг., сопряженный с сюжетом ковки в огне, сакральным действием, в котором словно участвуют сама земля, Урал со своими рудными недрами. В нем удачно совпали, на наш взгляд, несколько процессов: обращение официальной культуры к героическому досоветскому прошлому; поиск местной фольклорной и литературной традиции, на которую может опереться идеология; необходимость простых, понятных и апеллирующих к культурным архетипам символов в русле актуальной пропаганды.

Если в литературе 1940-х гг. и существует образ, обладающий столь же сильным манифестационным милитаристским зарядом, так же связанный с Уралом, металлургией, производством, коллективными усилиями, то это, конечно, танк. И снова образ, аккумулирующий победные смыслы в культуре всей страны, особую значимость имеет для Урала: это и масштабная история танкостроения, запечатленная в документах, памятниках, неофициальных названиях (например, Танкоград), и боевая история Уральского добровольческого танкового корпуса. Оставив в стороне, насколько это возможно, обе этих истории, обратимся к мифологическому нарративу появления на свет уральского танка, очевидно выстраивающемуся в литературе 1940-х гг. и послевоенного десятилетия.

Персонифицируются в литературе не только производственная техника, но и оружие. Описывая фольклор военного периода, Л. В. Домановский писал о персонификации военной техники как об одной из особенностей произведений устной культуры того времени. Среди них наиболее частотны случаи, связанные с «катюшей» (в особенности с ее взаимоотношениями с немецким минометом «ванюшей»), или истории о смелом и удачливом солдате «У-2» («ПО-2») ⁵⁹; по тематике и пафосу такие произведения сравнимы, например, с поэмой «Василий Теркин» А. Твардовского. Прием персонификации в этих случаях, писал Домановский, был «столь же закономерен для... художественного мышления народа, как гиперболизация физических сил в героическом эпосе в далеком прошлом» ⁶⁰. То есть помимо когнитивных обоснований такие случаи находятся в общем русле ревизии досоветской истории, начатой в 1930-е гг., и актуализации героического эпоса в культуре Великой Отечественной войны, характерных для него приемов, сюжетов, художественных образов, лексики.

Живой танк появился в советской культуре еще до Великой Отечественной войны – например, у К. М. Симонова в стихотворении «Танк» (1939):

---

⁵⁹ См.: *Домановский Л. В. Устные рассказы // Русский фольклор Великой Отечественной войны / отв. ред. В. Е. Гусев. М. ; Л. : Наука, 1964. С. 208–212.*

⁶⁰ Там же. С. 212.

Вот здесь он шел. Окопов три ряда.
Цепь волчьих ям с дубовой щетиной.
Вот след, где он попятился, когда
Ему взорвали гусеницы миной.

Но под рукою не было врача,
И он привстал, от хромоты страдая,
Разбитое железо волоча,
На раненую ногу припадая.

Вот здесь он, все ломая, как таран,
Кругами полз по собственному следу,
И рухнул, обессиленный от ран,
Купив пехоте трудную победу⁶¹.

Танк предстает солдатом, который идет, пятится, умирает от ран, которому может помочь врач, жертвующие собой ради товарищей.

И в уральской поэзии, и в прозе периода Великой Отечественной войны танк, как солдат, уходит на фронт (О. И. Высотская «Город на Урале»⁶²), сражается, врывается «в гущу наступающих врагов» (П. Кадочников «И один в поле воин»⁶³) и в конце становится достоин «вечной славы» и памяти в монументе (В. Н. Шустов, «Монумент»):

Он вечной славы удостоен,
Вошел в бессмертие: на нем
Уралец – наш советский воин –
К Берлину мчался под огнем!⁶⁴

Повесть уралмашевца и добровольца УДТК С. А. Самсонова «Танк “Пионер”» написана уже после войны, в 1957 г., однако очевидцем военных событий. По сюжету школьники-подростки собирают средства на танк, который называют «Пионер», и затем в переписке с танкистами узнают о его судьбе. В одном из писем – такое описание боя: «Первым форсировал водный рубеж... танк “Пионер”. *За ним*

---

⁶¹ *Симонов К. М.* Танк // Симонов К. М. Собр. соч. : в 10 т. Т. 1. М. : Худож. лит., 1979. С. 78.

⁶² См.: *Высотская О.* Город на Урале // Урал. современник. 1943. № 7. С. 20.

⁶³ См.: *Кадочников П.* И один в поле воин // Там же. 1947. № 10. С. 36.

⁶⁴ *Шустов В.* Монумент // Там же. 1948. № 13. С. 119.

пошли другие танки, и бой разгорелся за населенный пункт на подступах к железнодорожной станции Ш.»⁶⁵ (курсив наш. – Л. М.). То есть танк наделяется ролью предводителя отряда, ведет отряд за собой, что, разумеется, должно вызывать гордость получивших письмо школьников. В следующем письме они узнают о героической гибели танка, но его именем, как высокой наградой, как именем героя, должны быть названы другие: «Впредь по приказу командира танкам комсомольских экипажей будет присваиваться это дорогое имя “Пионер” за отвагу и храбрость в бою»⁶⁶.

Танк наделяется человеческими чувствами не только в бою. В известной частушке военного времени танк заводит роман с танкеткой и даже в нежных чувствах проявляет силу характера. Частушка звучит в фильме «На войне как на войне» (1968) В. Трегубовича, ее же записывает фронтовик-фольклорист Л. Н. Пушкарев в госпитале от раненого танкиста:

Танк танкетку полюбил,
В рощу с ней гулять ходил.
От такого романа
Вся роща переломана⁶⁷.

Все стадии, от создания, как бы рождения, начала жизни, первых шагов по двору, как у ребенка, учебы до ухода на фронт и до участия в боях проходят танки в одном из «танкоградских» очерков Л. В. Никулина, вошедших в книгу «Урал Южный» (1943). Танки, с которыми встречается герой, «просыпаются» на опушке леса, и он здоровается с ними, как с друзьями: «Оглушительный грохот моторов возвещает пробуждение танков. Здравствуйте, старые знакомые! Мы видели вас в огромном, пронизанном солнцем цехе сборки далеко на Урале. Мы видели, как вы начинали жить. Мы впервые услышали лязг ваших гусениц и видели, как вы двигались по заводскому двору и дальше – по широкой дороге на танкодром. Теперь эти танки прошли боевое

---

⁶⁵ Самсонов С. Танк «Пионер». Свердловск : Свердл. кн. изд-во, 1957. С. 111.

⁶⁶ Там же. С. 113.

⁶⁷ Пушкарев Л. Н. Юмор на фронте: (Из воспоминаний фольклориста-фронтовика) // Государство. Право. Война / под ред. Н. С. Нижник. СПб. : Санкт-Петербург. ун-т МВД России, 2020. С. 1318–1338.

крещение. Мы видим заметные вмятины на броне, видим и следы метелей и осенних ливней на защитной темно-зеленой краске»⁶⁸.

У танка есть тело – «могучее сердце» и «тонкая» нервная система⁶⁹. В упомянутой повести С. Самсонова танк тоже «просыпается», вздрагивает, как ото сна, а затем идет: «Мотор загудел, танк задрожал, но стоял на месте. Сразу вокруг стало темно. Сначала танк выбросил большие хлопья густого черного дыма, загудел, зафыркал, потом вздрогнул и пошел»⁷⁰. Школьники, организовавшие сборы на «Пионер», впервые видят танк в действии, для них его «оживление» действительно сродни магии: сначала становится «вдруг» темно, только потом приходит объяснение: это выхлоп заведенного двигателя.

У М. Д. Львова в стихотворении «Разбитый танк» (1944) погибшая уральская машина снова видит свой жизненный цикл (дооформленность руды, молодость, рост до «огромного» танка, проявление молодой силы в действии и, наконец, гибель) во сне:

Металлу, наверное, снится,
Что снова он стал рудой –
Лежит на горе Магнитной
Бесформенный и молодой,
Что снова идет он в домну,
И снова проходит прокат,
И движется танком огромным,
И пушкой глядит на закат,
И снова он давит броню,
И гонит врага вон.
Раскинулось поле боя
И снится металлу сон⁷¹.

Но особое место, на наш взгляд, в сюжете об уральском танке занимает его появление или мифологический сюжет о рождении танка как о рождении некоего огненного существа. Огонь живой домны,

---

⁶⁸ Никулин Л. В. Урал Южный. С. 16.

⁶⁹ См.: Сурков А. А. Вторая молодость // Урал грозный. С. 557.

⁷⁰ Самсонов С. Танк «Пионер». С. 59.

⁷¹ Львов М. Разбитый танк // Львов М. Дорога. Челябинск : ОГИЗ ; ЧелябГИЗ, 1944. С. 27.

мартена, огонь, объединяющий печь и сердце рабочего, рождает грозное уральское оружие. Процесс сборки и производства отдельных деталей в этом случае не так важен: недаром на акварельном плакате «Урал кует победу» (1942) К. Зотова танки стройными колоннами появляются прямо из-под молота рабочего в красных расходящихся от центра от удара молота лучах.

В упомянутой поэме Н. Асеева «Урал» танк отливается как бы целиком прямо из здесь же расплавленного металла полумифическими уральцами-богатырями, работающими за тридцатерых⁷² (хотя этот образ дополняется именами конкретных мастеров-стахановцев: Завертайло, Сидоровского, Базетова, Валеева, что усиливает художественный эффект разворачивающегося прямо на глазах читателя современного героического эпоса). Мир, изображаемый Асеевым, это также мифологический мир, вдохновленный *геологической геополитикой* академика Ферсмана⁷³, где пейзаж задают элементы и сплавы, они организуют природное пространство Урала, они же (!) идут в атаку на врага:

Летит алюминий
по небесам,
в атаку идут
ферросплавы.
И все это добыл
и выделал сам
народ наш
из огненной лавы⁷⁴.

В знаменитом стихотворении «Друзья из Шарташа» (1943) А. Барто богатырями предстают два школьника, осваивающих профессию сталевара. На процесс литья они смотрят «не дыша», как на магическое действие, производственные орудия представляются

---

⁷² Впрочем, очевидная в художественном произведении гиперболизация могла соответствовать действительности. Так, по сообщению М. Шагинян для газеты «Красная звезда», кузнец Бойцов в одну смену вместо 19 деталей сделал 207 (см.: *Шагинян М.* Письма о советском тыле // Красная звезда. 1942. 16 дек. № 294).

⁷³ См. главу 2 настоящей работы.

⁷⁴ *Асеев Н. Н.* Урал. С. 30.

живыми: у ковша есть «зев», в который льется струя металла, а в печи, заменяющей небо этого магического мира, занимается заря:

В литейном два товарища,
Друзья из Шарташа,
Глазам своим не верили,
Стояли не дыша.

В печах пылала пламенем
Багровая заря.
На мостике –
Два мастера,
Как два богатыря.

Лилась струя гремящая
В огромный зев ковша.
Смотрели два товарища,
Стояли не дыша⁷⁵.

Впрочем, процесс создания сложной машины может быть описан подробно. Так, в поэме С. А. Васильева «На Урале» (1943) в главе «Самое главное – ствол» рассказывается о создании пушечного дула. У дула особенная роль, в его изображении неизбежно считываются направленность, интенциональность, устрашающее воздействие. В этой связи можно вспомнить обложку литературно-художественного сборника «Говорит Урал» (1942), на которой дуло танкового орудия направлено почти прямо на читателя, дополняя метафору: Урал *говорит* танками, снарядами, металлом. В поэме Васильева ствол пушки сравнивается с конем. Станки – живые существа, работающие вместе с кузнецами, закаляют, выпрямляют ствол и, наконец, «ведут под уздцы», «ставят на дыбы» и таким ведут на сбор, светлого, плечистого и лучистого, в конце уже представляющего то ли конем, то ли воином⁷⁶. У Я. Кярнера также «В любом цеху любой станок и молот и рычаг / Исполнен ярости к врагу»⁷⁷, а герой не задает эту «ярость», а включается в нее, проникается ею и становится ей сопричастен.

---

⁷⁵ Барто А. Л. Друзья из Шарташа // Урал грозный. С. 62.

⁷⁶ См.: Васильев С. А. На Урале. С. 78.

⁷⁷ Кярнер Я. Челябинск / пер. А. Гатова // Урал грозный. С. 251.

В этой магической картине мира особенно выделяется стихотворение О. Высотской «На Урале»:

...Великий гнев – в уральской тишине.
Струится сталь кипящею рекою.
И танков плоть рождается в огне⁷⁸.

Производственные картины становятся частью природного мира Урала: «струится» река стали, и танк как бы органически появляется на свет, обретает плоть и кровь, действительно «рождается» Уралом. Мотивы тишины и гнева создают атмосферу таинства, магии момента.

«Плоть танка» рождается в огне, имеет огненную природу, соответствующую огню домны и мартена, породившему ее. Этот огонь прежде всего проявляется в бою, сочетается, срастается с метафорой огня сражения. «Танк был невредим, как огненный дракон, выбрасывал он из своего горла раскаленный свинец. Это был настоящий ад. С криком разбегались в разные стороны немцы»⁷⁹, – описывает бой П. Кадочников. Танк представляется действительно мифологическим существом – драконом, его пушка – горлом дракона, снаряды – огненным дыханием. С драконом же сравнивает расплавленный металл, описывая процесс плавки, А. Первенцев⁸⁰. Танк и расплавленный огненный метал – единоприродны, огненный метал образует «тело танка».

В поэме Н. Асеева «Урал» (1942–1943) бой советского танка с немецким предстает как схватка двух металлических зверей⁸¹, в которой один опалает другому морду «огнем с Урала»:

Личина мерзкая,
броня стальная,
дрожи, фашистская
шкура дрянная!

---

⁷⁸ Высотская О. На Урале // Урал. современник. 1942. № 6. С. 40.

⁷⁹ Кадочников П. И один в поле воин. С. 36.

⁸⁰ См.: Первенцев А. А. Пашня // Урал грозный. С. 424.

⁸¹ Ср. также у А. Суркова: «Ступая по пеплу плоскими лапами, / С исходной срываются танки КВ» (Сурков А. Танки идут в атаку // Песни гневного сердца. Ярославль : ОГИЗ. 1944. С. 75).

Еще башку ты
не потеряла,
но морду жжет твою
огонь с Урала⁸².

У М. Львова уральский танк палит «кожу» немецкому «Тигру», с которым сталкивается «лоб в лоб». Со стойкостью уральского танка сравниваются герои, обладающие таким же «танковым» характером («Скалат», 1944)⁸³. Напротив, в очерке военкора П. Лидова о лейтенанте Филимонове, бросившем свой танк на поле боя, солдат оказался не на высоте своего оружия: добротная броня уральского КВ, выдержавшая удары немецких снарядов, оказалась крепче командирских нервов⁸⁴. Появляются в литературе и публицистике 1940-х гг. и образы мертвых немецких танков, поверженных чудовищ, которых ожидает переплавка, огненное погребение.

В целом образы огня сражения, огня боя очевидно сопровождают образ танка в культуре Великой Отечественной войны, но для уральской литературы индустриально-мобилизационного периода они становятся продолжением огня домны и мартена, огня плавки, создавая сюжет о почти органическом рождении из недр, из металла уральских гор, о детстве, первых шагах, об обучении (полигон), о первом бое, победе и, наконец, о вечной памяти героя-танка.

Этот образ также соединяет два пространства – тыл и фронт. Недаром в литературе 1940-х гг. частотен мотив гремящего, грохочущего Урала, так что прибывающий сюда человек сначала снова переживает страшные воспоминания о виденных или слышанных боях, паникует, вздрагивает, боится, удивляется (диапазон эмоций широк, в зависимости от того, кто вспоминает, – солдат, корреспондент, эвакуированный, взрослый или школьник), а затем проникается гордостью и возвышенными чувствами. В поэме С. А. Васильева фронтовик, прибывший в тыловую Пермь, с одобрением слышит гром орудий с испытательного полигона Мотовилихи⁸⁵. Огонь Урала, в отличие

---

⁸² Асеев Н. Н. Урал // Урал грозный. С. 28.

⁸³ См.: Львов М. Д. Златоуст // Там же. С. 255–256.

⁸⁴ См.: Лидов П. Дома знают, как ты воюешь // Правда. 1942. 9 сент. № 252 (9023).

⁸⁵ См.: Васильев С. А. На Урале. С. 73.

от огня фронта, имеет абсолютно позитивное значение, воспринимается как «кузница Победы», как начало сильного «победного» импульса, который будет продолжен, развит в огне боя. «И этот гром орудий, рев танковых моторов, багровое свечение низких облаков, вызвавшее в памяти то, что стало бытом, повседневностью на западе, за тысячи километров от здешних лесистых кряжей, с предельной ясностью утвердило в сознании неразрывную слитность этого близкого с тем далеким»⁸⁶, – пишет А. Сурков в 1944 г.

Конечно, такое понимание Урала как второго, трудового фронта, где человек сражается за выработки, сражается со временем и с нормами, стоит у огня с «огненным сердцем», отчетливо оформилось в мобилизационной культуре 1930-х гг., когда конструировалась идентичность уральцев «как жителей “сурового рабочего края”, где настоящие смыслы бытия добываются тяжелым физическим трудом»⁸⁷. Культура военного времени развила и укрепила эти значения, закрепила их в узнаваемых символах, в литературе и художественной культуре, в монументах.

Сюжеты, связанные и с мечом, и с танком, строятся по общей модели: появление в огне из недр, из подземных сокровищ в момент войны. Обретает оружие богатырь, защищающий землю. Причем не важно, стоит богатырь у плавильной печи или воюет на фронте, один равен другому (это хорошо передает магнитогорский монумент «Тыл – фронту»).

Меч в варианте берлинского монумента Е. Вучетича – символ войны ради будущего, его символизирует девочка, сидящая на руке воина-освободителя. В повести С. А. Самсонова «Танк “Пионер”» (1957) среди провожающих на фронт танк и его экипаж школьников выделяется маленькая девочка Леночка, читающая патетическое воззвание, стоя на танке: «Вытянувшись, с высоко поднятой головкой, читала Леночка наказ чистым серебристым голосом. Ее маленькая головка немного вздрагивала. Непокрытые золотистые волосы трепал теплый майский ветер, и от этого Леночка казалась такой

---

⁸⁶ Сурков А. А. Железный поток // Урал грозный. С. 534.

⁸⁷ Мурзина И. Я., Мурзин А. Э. Художественные репрезентации проекта «Советский Урал». С. 94.

легкой, такой маленькой, будто вот-вот ветер подхватит ее, и она полетит»⁸⁸. Командир экипажа снимает Леночку с танка, и танкисты качают ее на руках. Образы детей, весны отчасти нивелируют моральные смыслы символов меча и танка, задают ситуации модус возвышенного, сложные эмоции умиления, восхищения, гордости, трепета. В той же тональности – образ танков в сирени, которую охапками кидают девушки бойцам, у М. Я. Найдича: «И по равнине золотистой / Несется в отблесках огня / Страны могучее единство – Сирень и грозная броня»⁸⁹.

В стихотворении «У огня» (1948) К. Г. Мурзиди *старый* танк сам просит переделки, вернувшись с войны, говоря огню: «Пойми меня, я жить хочу». Он встречается с *молодым* пареньком, который, как металл, скушает без огня, привык к огню, «как фронтовик». Паренек уверяет боевой танк:

Ты в жарком пламени воскреснешь
И новой жизнью будешь жить,
Опять услышишь наши песни
И нам опять начнешь служить.
Пройдешь разливом черной пашни,
С цветами встретишься, с травой,
Уже без гусениц, без башни,
Без узкой щели смотровой.
И по ночам в начале мая
Разделишь радость чьих-то встреч...
И сталь светлеет, понимая
Его взволнованную речь⁹⁰.

Если евангельские смыслы стихотворения Мурзиди можно поставить под сомнение, то мотив живительного единства человека, металла и огня – безусловен. Мотив огненного воскрешения танка соседствует с мотивами весны, радости, цветения, любви, подчеркнутыми контрастными рифмами «пашни – башни, травой – смотровой».

---

⁸⁸ Самсонов С. Танк «Пионер». С. 71.

⁸⁹ Найдич М. Возвращаются танки // Урал. современник. 1954. № 27. С. 213.

⁹⁰ Мурзиди К. У огня // Мурзиди К. Улица пушкарей. М. : Сов. писатель, 1948. С. 26–27.

Или, сравним, у Л. К. Татьяничевой в стихотворении «Танк» (1951): младший танк «в танковой семье» не успел побывать на фронте и служит в поле. «Для битвы созданный колосс / Не бывший на войне, / Он горы щелбня перевез / На панцирной спине. / Он возит корабельный лес, / Кирпич, известку, мел. / Повсюду, на сто верст окрест, / Ему хватает дел»⁹¹.

Так, оба символа, меч и танк, задают в том числе и оксюморонное «смерть ради жизни» или, по Твардовскому, «смертный бой не ради славы – ради жизни на земле».

Но в сравнении с танком меч, конечно, принципиально не современный, архаический символ защиты, силы и победы над врагами. Меч, сделанный из уральской стали, делает его более конкретным и локально значимым, с одной стороны. С другой стороны, место как бы присваивает себе символ, отстаивает свои претензии на него (действительно, где еще быть выкованным мечу, как не на Урале, испокон веков занимающимся добычей металла, плавкой и ковкой). Сюжет добычи в огне и последующего огненного сражения делает танк своеобразным современным аналогом меча, вариантом магического оружия (нельзя ли в конце концов выразить фабулу художественных и художественно-публицистических произведений периода Великой Отечественной войны и последующих десятилетий о танковых сражениях фразой «Кто с танком к нам придет, от танка и погибнет?»). В то же время танк принадлежит и символическому миру индустриального производства, миру оживающих станков и машин, сыгравшему важнейшую роль в развитии индустриальной идентичности Урала эпохи мобилизации. Одно из доказательств тому – многочисленные памятники танку, как герою, защитившему/освободившему город/страну, и одновременно как машине индустриального цикла, становящейся в один ряд с трактором, автомобилем, локомотивом, угольным комбайном, кузнечным прессом. Связь символики танка и меча реализует, таким образом, связь времен, выстраивает советский эпос о народе-победителе и Урале, который эту победу обеспечил; в то же время военный образ конвертируется в производственный.

---

⁹¹ *Татьяничева Л. К.* Танк // Лирика 50-х годов / вступ. слово и сост. В. Я. Вакуленко. Фрунзе : Кыргызстан, 1978. С. 524–525.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной формой характеристики Урала с XVIII в. были описания горных заводов. Интеллектуальное наследие горных инженеров и экономистов, описывавших регион в категориях заводского хозяйства, и народнической литературы, акцентировавшей внимание на тяготах жизни заводских работников, к началу XX в. сформировало представление о *старом Урале*, бастионе культурной и производственной отсталости. Нарратив отсталости оставался доминирующим, несмотря на то что в экономическом плане уральская промышленность в начале XX в. стала демонстрировать рост, а военно-промышленная мобилизация после 1914 г. внушала умеренный оптимизм и подавала надежды на успешную модернизацию. Однако революционные события 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война не позволили переломить устоявшиеся представления¹. Большой эффект возымело установление на Урале советской власти: новые большевистские элиты отстаивали ценность истории уральской промышленности как истории рабочей борьбы. Так единое понятие о старом Урале начало раздваиваться на *демидовский Урал*, трактуемый как царство жестокой эксплуатации и отсталости, и *седой Урал*, понятый как старопромышленный регион с богатой традицией рабочей борьбы. Уральские революционеры, ставшие теперь администраторами, и близкие к ним хозяйственники опирались именно на образ *седого Урала*, чтобы сформулировать оптимистический взгляд на будущее, пусть это далеко не всегда устраивало организаторов индустриализации, которые рассматривали *старый Урал*, включая его *полукрестьян-*

---

¹ См.: Голикова С. В. Горнозаводской субстрат уральского. С. 165–175; Казакова-Анкаримова Е. Ю. Идеология областничества как фактор формирования региональной идентичности (на примере Сибири и Урала) // Вестн. Вят. гос. гум. ун-та. 2014. № 12. С. 46–52; Кохановский А. А. Проекты территориального планирования Урала в 1918 г.: компаративный анализ // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 72–85.

полурабочих, как препятствие для создания *нового, социалистического Урала*.

Индустриальный *бустеризм* 1930-х гг. сыграл в судьбе Урала огромную роль, но сам по себе он не был способен сформировать индустриальную идентичность в масштабах региона. Крупнейшие промышленные комплексы края, такие, как Магнитогорский комбинат, позиционировались как самодостаточные. Выше мы видели, что магнитогорские публицисты и их коллеги из наркомата черной металлургии готовы были свести весь «Урало-Восток» к двум узлам производства – Магнитогорскому и Кузнецкому. Однако концептуальной системой, удерживавшей все это слабо связанное между собой в хозяйственном и географическом отношении пространство единым, выступала общность истории *седьмого Урала*. Индустриальная идентичность Урала приобретала в 1930–1940-х гг. уникальные черты по той причине, что не было в мире другого примера, когда социалистическая индустриализация разворачивалась в старопромышленном регионе². Это не давало бустерно-колониальному дискурсу целиком заместить исторический нарратив рапортом о производственных победах.

Взаимодействие двух интеллектуальных парадигм, каждая из которых по-своему трактовала систему образов и концепций, оставшаяся в наследство от публицистики конца XIX в., оказалось с началом Великой Отечественной войны под воздействием третьего фактора – эвакуации. Хотя уже к октябрю на всех уровнях советской культуры строгое разделение на фронт и тыл было упразднено, эвакуация придала этому процессу необратимый характер, окончательно превратив фронтирно-периферийный Урал, геополитическую и тыловую кладовую страны, в боевую кузницу. Не счесть риторич-

---

² Тула, которая вела свою промышленную историю с XVII в., все же была отдельным городом, а Донбасс и Ленинград – молодыми индустриальными центрами. Трудно предполагать существование сходных феноменов в Китае, так как и здесь Шанхай или Аншань, уже имевшие безусловно промышленный характер на момент прихода к власти коммунистической партии, все-таки не имели за плечами двухсот лет доминирования промышленных предприятий в социальном и хозяйственном ландшафтах. Старопромышленные районы Восточной Европы (например, Чехословакии или ГДР) не проходили при социализме столь резкой перестройки.

ческих хитростей и приемов, с помощью которых литераторы и пропагандисты стирали грань между фронтом и тылом. Это и придуманное Первенцевым именование рабочих артиллерийской промышленности «пушкарями» с вытекающей отсюда интерпретацией Молотова как фронтowego города в тылу, это и эффектные уподобления вроде уподобления добычи ишимбаевской нефти штурму подземных дзотов, это и запоминающиеся рифмовки вроде двустипшия «Мастерами из Тагила немцам роется могила». Урал теперь считался «чудесным сплавом»³, объединившим *эвакуированных*, владевших новейшей наукой и техникой, и *коренных уральцев*, молчаливых и суровых хранителей старинных секретов. Очень скоро два понятия слились, порождая единое представление о крае-оружейнике, с незапамятных времен державшем на своих плечах могущество страны.

Еще в 1941 г. о вкладе Урала в военные победы России XVII – начала XX в. не говорили. Уже к концу 1942 г. стараниями таких авторов, как В. В. Данилевский и Е. П. Третьякова, история об уральских пушках, которые гремели под Полтавой, вступали в Берлин и вместе с Суворовым переходили Альпы, закрепились в качестве канона уральского нарратива. Интенсивно вырабатывалась уральская мифология, неотъемлемыми частями которой стали орудия производства и особенно «магическое оружие», кующееся уральскими оружейниками, – меч или танк. Еще летом 1941 г. танкостроение Урала не только не упоминалось в публичном пространстве, но и не существовало как производственный факт. Уже к декабрю 1941 г. Урал открыто провозглашался землей, где куют танки; к концу войны танк зачастую воспринимался именно как *уральский* танк. Это означало еще более глубокую интеграцию фронта и тыла: оживающий в литературе времен войны танк, идущий на врага, связывал цех с фронтом самой крепкой связью.

---

³ Название пьесы В. М. Киршона «Чудесный сплав» (1933), повествовавшей о слиянии людей разных национальностей, работавших над металлическим сплавом, в единый коллектив, прочно вошло в нарратив об эвакуации на Урал в качестве формулы, описывающей взаимоотношения приезжих и местных. Речь, естественно, шла о производственных коллективах, а не о национальностях либо этносах, но при этом понятие об уральцах быстро приобрело «этнизирующие» черты, когда наработки местной интеллигенции в области выявления и обоснования уральской специфики были усвоены и переработаны интеллигенцией эвакуированной.

«Идентичность места» сказала свое властное слово. Возвращаясь на Запад, в родные места, эвакуированные коллективы не смогли «забрать» тот вклад, который они внесли в уральскую концептуальную копилку: Д. Ф. Босый остался в истории *тагильским* фрезеровщиком (хотя был, строго говоря, ленинградцем, лишь *временно* оказавшимся в Нижнем Тагиле), а Танкоград – Челябинском (хотя был ленинградским Кировским заводом, оказавшимся в Челябинске лишь временно). Огромный регион приобрел устойчивую коллективную идентичность квазиэтнического свойства: Урал теперь обладал общностью прошлого, основанной на патриотически переосмысленной истории *седого Урала*, и общностью настоящего, задававшей единством хозяйственного комплекса, доминировавшего в СССР на правах организатора победы в войне. Образ «опорного края» обладал своими атрибутами-артефактами: огненная сталь в печи, специфическая связь с недрами и глубинами земли, «магическое оружие» – меч и его современный эквивалент, танк. Персонафикация Урала в образе кузнеца, аллегорическое представление обо всем регионе как о колоссальной кузнице символизировало завершение колониального освоения этой части страны, окончательное превращение бывшего ресурсного фронта в индустриально-технологическую опору СССР.

Урал прекратил быть отсталым краем, уникальной старопромышленной периферией. В новой культуре высокоразвитого индустриального «опорного края», обладавшего собственной мифологией, больше не было дилеммы *старого* и *нового* Урала, не стоял вопрос кризиса или преодоления отсталости. Эра освоения завершилась.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абашев В. А. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. А. Абашев. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2000.

Абашев В. В. Литература и география: Урал в геопоэтике России / В. В. Абашев, М. П. Абашева // Вестник Пермского университета. – Серия «История». – 2012. – Вып. 2 (19). – С. 143–151.

Агеев С. Неизвестный Уралмаш. История и судьбы / С. Агеев, Ю. Бриль. – Екатеринбург : Урал. лит. агентство, 2003.

Анимица Е. Г. Эволюция и основные составляющие образа Урала / Е. Г. Анимица, Н. Ю. Власова // Географический вестник. Экономическая, социальная и политическая география. – 2016. – № 3. – С. 29–30.

Антипин Н. А. Город трудовой доблести : Челябинск – Танкоград / Н. А. Антипин, И. А. Новиков // Архивы Урала. – 2021. – № 25. – С. 303–311.

Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны / А. А. Антуфьев. – Екатеринбург : УрО РАН, 1992.

Багапова Н. В. Кусинское художественное чугунное литье (1860–1917 гг.) / Н. В. Багапова // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 27. – С. 78–86

Богословский П. С. О постановке культурно-исторических изучений Урала / П. С. Богословский // Уральское краеведение. – 1927. – № 1. – С. 33–37.

Большевики Среднего Урала в революции 1905–1907 годов / сост. Е. И. Моисеева. – Свердловск : [б. и.], 1975.

Бугров К. Д. Индустриализация, газеты и рождение социалистической публичной сферы в советском городе (1920–1930-е годы) / К. Д. Бугров // Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России / сост. Т. Атнашев, Т. Вайзер, М. Велижев. – Москва : Новое лит. обозрение, 2021. – С. 312–340.

Бугров К. Д. Соцгорода Большого Урала / К. Д. Бугров. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018.

Бугров К. Д. Химическая наука в Свердловске 1920–1950-х гг.: формирование основных тематических направлений и школ / К. Д. Бугров // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 4. – С. 164–172

Бугров К. Д. Электромашиностроение СССР: формирование ключевых научно-технических центров / К. Д. Бугров // Современная научная мысль. – 2021. – № 5. – С. 65–78.

Бугров К. Д. Танкостроение в контексте военно-хозяйственной стратегии СССР 1930-х гг. / К. Д. Бугров, В. В. Запарий // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 448. – С. 108–118.

Бугров К. Д. Назад к субъекту: теории справедливой войны в современной политической мысли / К. Д. Бугров, А. В. Логинов // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 5. – С. 114–129.

Буданов А. В. Производственные связи оборонных заводов Челябинского совнархоза с предприятиями Донбасса накануне Карибского кризиса / А. В. Буданов // Гороховские чтения : сб. материалов Шестой регион. музей. конф., 6 нояб. 2015. – Челябинск : Челяб. гос. краевед. музей, 2015.

Буданов А. В. Ракетостроение в Челябинской области накануне гагаринского старта / А. В. Буданов // Гороховские чтения : материалы Двенадцатой регион. музей. конф. – Челябинск : Гос. ист. музей Южного Урала, 2021.

Буранов Ю. А. К вопросу о концепции В. Д. Белова / Ю. А. Буранов // Рабочий класс и промышленность Урала в XVIII – начале XX в. (историография и источниковедение) / отв. ред. Ю. А. Буранов. – Свердловск : УНЦ АН СССР, 1985.

Васильев И. Е. Пути и способы формирования региональной идентичности в творчестве П. П. Бажова и А. П. Бондина / И. Е. Васильев // Известия Уральского федерального университета. – Серия 2 : Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 16, № 2 (127). – С. 18–26.

Верховский Ю. Н. Струны : собрание сочинений / Ю. Н. Верховский / сост., подгот. текста, коммент. В. Калмыковой. – Москва : Водолей, 2008.

Вишев И. И. А. М. Климов – автор «Наказа уральскому добровольческому танковому корпусу от трудящихся Южного Урала» / И. И. Вишев // Всеуральские чтения по истории Уральского добровольческого танкового корпуса. – Пермь, 2021.

Володин С. Ф. Тульская оружейная промышленность накануне Великой Отечественной войны / С. Ф. Володин // Исторический журнал: научные исследования. – 2017. – № 2. – С. 141–142.

Гаврилов Д. В. Производство порохов и взрывчатых веществ в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны / Д. В. Гаврилов // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 1 (46). – С. 52–58.

Гаврилов Д. В. Рабочие Урала периода капитализма в исследованиях советских историков 20–50-х гг. / Д. В. Гаврилов // Рабочий класс и промышленность Урала в XVIII – начале XX в. Свердловск : УНЦ АН СССР, 1985.

Гейль В. В. Развитие культуры Южного Урала в годы Второй мировой войны / В. В. Гейль // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – С. 207–214.

Гибадуллин Б. Г. Советская Башкирия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): исторический очерк / Б. Г. Гибадуллин. – Уфа : Башкирское книжное издательство, 1971.

Голикова С. В. Горнозаводской субстрат уральского областничества / С. В. Голикова // *Studia Culturae*. – 2016. – Т. 1, № 27. – С. 165–175.

Головнева Е. В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура / Е. В. Головнева // *Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований*. – 2013. – № 5.

Головнева Е. В. Региональная идентичность: теоретические аспекты изучения / Е. В. Головнева // *Уральский исторический вестник*. – 2013. – № 2. – С. 83.

Голубцова Р. И. А. П. Таяев об участии трудящихся Урала в Октябрьской революции и Гражданской войне / Р. И. Голубцова // *Летописцы родного края (очерки об исследователях истории Урала)* / под ред. О. А. Васьковского. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990.

Горовой Ф. С. Падение крепостного права на горных заводах Урала / Ф. С. Горовой. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1961.

Дегтярь В. Г. Государственному ракетному центру имени академика В. П. Макеева 70 лет / В. Г. Дегтярь // *Космическая техника и технологии*. – 2018. – № 2. – С. 6.

Дерябина А. В. Организация химической науки на Урале в 1945–1965 гг. : дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2012.

Добрейцина Л. Е. «Седой Урал кует победу»: история создания и перспективы использования образа / Л. Е. Добрейцина // *Одиннадцатые Татищевские чтения : материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 18–19 нояб. 2015 г.)* / отв. ред. Г. Е. Корнилов. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2015. – С. 424–428.

Домановский Л. В. Устные рассказы / Л. В. Домановский // *Русский фольклор Великой Отечественной войны* / отв. ред. В. Е. Гусев. – Москва ; Ленинград : Наука, 1964. – С. 208–212.

Емелин С. М. Промышленность Башкирской АССР в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук. – Уфа : Баш. гос. ун-т, 2002.

Ефимов М. В. Святополк-Мирский / М. В. Ефимов, Дж. Смит. – Москва : Молодая гвардия, 2021.

Жмаева О. Памятник истории и культуры / О. Жмаева // *Трудовая честь*. – 2017. – 18 авг.

Журавлева В. А. Численность населения Златоуста в 1920–1930-е годы / В. А. Журавлева // *Гуманитарные и педагогические исследования*. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 32.

Журавлева Н. С. Уральский регион в военно-публицистическом дискурсе газеты «Челябинский рабочий» (1941–1945) / Н. С. Журавлева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2020. – № 2. – С. 37–44.

Заболоцкий Е. М. Горное ведомство дореволюционной России: очерк истории : биограф. словарь / Е. М. Заболоцкий. – Москва : Новый хронограф, 2014.

Запарий В. В. Вклад Челябинского тракторного завода в развитие танкового производства на Урале в годы Великой Отечественной войны / В. В. Запарий // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2014.

Запарий В. В. Танковая промышленность на Урале в 1940-е гг. / В. В. Запарий. – Екатеринбург, 2015.

Запарий В. В. Становление и развитие танкового производства на Урале в 1940-е гг. / В. В. Запарий, Н. Н. Мельников // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 1. – С. 38.

Зиммель Г. Социальная дифференциация / Г. Зиммель / пер. с нем. Н. Н. Вокач, И. А. Ильина ; под ред. и с предисл. Б. А. Кистяковского. – Москва : М. и С. Сабашниковы, 1909.

Златоуст – фронту. – Златоуст : ООО «ФотоМир», 2010. – С. 142.

Иванов А. В. Горнозаводская цивилизация / А. В. Иванов. – Москва : АСТ, 2018. – С. 11.

Казакова-Апкаримова Е. Ю. Идеология областничества как фактор формирования региональной идентичности (на примере Сибири и Урала) / Е. Ю. Казакова-Апкаримова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 12. – С. 46–52.

Каплюков В. В. К вопросу о степени изученности истории работ Комиссии Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны страны / В. В. Каплюков, Е. И. Яркова // Документ. Архив. История. Современность : материалы VI Международ. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 2–3 дек. 2016 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 358–363.

Кириллов В. М. Тагиллаг НКВД / В. М. Кириллов // Уральское краеведение. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996.

Киселев М. А. «Регулярное» государство Петра I в сталинской России: Судьбы историков права в контексте научных и идеологических баталий советского времени / М. А. Киселев. – Санкт-Петербург : Нестор-история, 2020.

Киселев М. А. Проект Горного и заводского устава В. Н. Татищева: от замысла до реализации / М. А. Киселев // Известия Уральского федерального университета. – Серия 2 : Гуманитарные науки. – 2012. – № 4 (108).

Клочкова Ю. В. Литературный образ Свердловска в произведениях военных лет / Ю. В. Клочкова // Литература Урала: история и современность : сб. ст. – Екатеринбург : АМБ, 2006.

Ковшов И. В. Это не только наша, но и ваша гордость...: К истории создания первой добровольческой 96-й танковой бригады имени Челябинского Комсомола / И. В. Ковшов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2020. – № 2. – С. 50–52.

Константинов С. В. Дореволюционная история России в идеологии ВКП(б) 30-х гг. / С. В. Константинов // Историческая наука России в XX веке / отв. ред. Г. Д. Алексеева. – Москва : Скрипторий, 1997.

Корандей Ф. С. Репрезентационная инфраструктура позднесоветского бустеризма: Урал и Западная Сибирь / Ф. С. Корандей // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 4.

Корнилов Г. Е. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны / Г. Е. Корнилов // Там же. – 2015. – № 4. – С. 112–121.

Костюнин О. В. Человек из легенды / О. В. Костюнин // Советская Россия. – 2005. – 30 апр. – № 60–61.

Кохановский А. А. Проекты территориального планирования Урала в 1918 г.: компаративный анализ / А. А. Кохановский // Известия Уральского федерального ун-та. – Серия 2 : Гуманитарные науки. – 2021. – № 1. – С. 72–85.

Круглова Т. А. П. П. Бажов как советский писатель: проблемы идентификации / Т. А. Круглова // П. П. Бажов в меняющемся мире : сб. ст. Второй Всерос. науч. конф. с международ. участием, посвящ. 135-летию юбилею писателя (Екатеринбург, 13–14 февр. 2014 г.) / отв. ред. В. Б. Королева. – Екатеринбург : Объединен. музей писателей Урала, 2014. – С. 64–72

Кузьмина Г. М. Гордость моя – Вагонка / Г. М. Кузьмина, В. И. Костромин. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986.

Курлаев А. Е. Эвакуация МАЗиС и создание автомобильной промышленности на Урале / А. Е. Курлаев // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 20-летию Ин-та истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, 4–5 марта 2008 г. – Екатеринбург, 2008. – С. 224–227.

Курлаев А. Е. Заводы наркомата боеприпасов на Урале как объект исследования / А. Е. Курлаев // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17, № 4. – С. 1933–1938.

Курлаев Е. А. О статистике производства пушек на Урале в первой четверти XVIII в. / Е. А. Курлаев // Урал индустриальный: Бакунинские чтения : материалы XIV Всерос. науч. конф. – Т. 1 / глав. ред. В. В. Запарий. – Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2020.

Курлаев Е. А. Промышленное освоение Урала: о статистике производства боеприпасов / Е. А. Курлаев // Двенадцатые Татищевские чтения / отв. ред. И. В. Побережников. – Екатеринбург : Изд-во КВАДРАТ, 2020.

Лепаловская В. А. Наказы бойцам, командирам и политработникам Уральского добровольческого танкового корпуса от трудящихся Урала / В. А. Лепаловская // Всеуральские чтения по истории Уральского добровольческого танкового корпуса. – Пермь, 2021. – С. 105–122.

Липовецкий М. Зловещее в сказах Бажова / М. Липовецкий // Quaestio Rossica. – 2014. – № 2. – С. 212–230.

Литовская М. А. «Фабульные крючочки и петельки»: поэтика компромисса в творчестве П. П. Бажова / М. А. Литовская // Известия Уральского федерального университета. – Серия 2 : Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 16, № 2 (127). – С. 8–17.

Литовская М. А. Творчество П. П. Бажова и проблема компромисса в искусстве / М. А. Литовская // П. П. Бажов в меняющемся мире. С. 90–98.

Ляпин В. А. Пушки сибирского литья / В. А. Ляпин // Родина. – 2009. – № 7.

Малкова И. Г. Промышленные города Урала: опыт регулирования градостроительного развития (1940–1950-е годы) / И. Г. Малкова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 16.

Маштакова Л. В. Творческая рецепция символов Вяч. Иванова в сборнике стихотворений Ю. Верховского «Будет так» / Л. В. Маштакова // Studia Litterarum. – 2019. – Т. 4, № 2. – С. 274–291.

Мельников Н. Н. Когда началась эвакуация? Перемещение ленинградских танковых заводов на Урал летом – осенью 1941 г. / Н. Н. Мельников // Битва за Ленинград 1941–1944 гг.: Подвиг города-героя в Великой Отечественной войне. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019.

Мельников Н. Н. Уральское танкостроение накануне и в годы Великой Отечественной войны / Н. Н. Мельников. – Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2016.

Милюкова Е. В. «Около железа и огня»: картина мира в текстах самодеятельной поэзии Южного Урала / Е. В. Милюкова // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. – Москва : Языки славян. культуры, 2004.

Морозов Б. Т-34: с конвейера в легенду / Б. Морозов // Журналист. – 1985. – № 5. – С. 21–23.

Мурзин А. Э. Советский миф в судьбе Урала / А. Э. Мурзин. – Екатеринбург : [б. и.], 2004.

Мурзина И. Я. Художественные репрезентации проекта «советский Урал» / И. Я. Мурзина, А. Э. Мурзин // Советский проект, 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации : сб. науч. тр. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – С. 86–97.

Неклюдов Е. Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX века / Е. Г. Неклюдов. – Екатеринбург : УрО РАН, 2011.

Неклюдов Е. Г. Перспективы развития горнозаводского Урала в начале XX в.: проекты С. П. Фармаковского / Е. Г. Неклюдов // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 1.

Немченко Л. М. Мобилизация: от мира к войне (особенности кинопропаганды на материале документального фильма «Урал кует победу» и киножурнала «Советское искусство») / Л. М. Немченко // Вестник Пермского университета. – Серия «История». – 2017. – № 2. – С. 99–105.

Никто не забыт, ничто не забыто: К 65-летию создания Уральского добровольческого танкового корпуса / отв. ред. А. Д. Кириллов. – Екатеринбург, 2008.

Никулина М. П. Камень. Пещера. Гора / М. П. Никулина. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002.

Огуренко Е. В. Научно-издательская работа Свердловского областного государственного архива в начале 1940-х гг. / Е. В. Огуренко // Документ. Архив. История. Современность. – Вып. 17. – Екатеринбург, 2017.

Огуренко Е. В. Научно-издательская работа Свердловского областного государственного архива в начале 1940-х гг. / Е. В. Огуренко // Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее : сб. материалов III Международ. науч.-практ. конф., посвящ. памяти профес. Т. В. Кузнецовой, Москва, 23–24 марта 2017 года. – Москва : ТЕРМИКА.РУ, 2017.

Орлов А. С. Предисловие / А. С. Орлов, Р. Г. Пихоя // Седой Урал. Век XVIII. – Москва, 1983.

Побережников И. В. Уральская региональная идентичность: у истоков формирования / И. В. Побережников // Десятые Татищевские чтения : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 20–21 нояб. 2013 года). – Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2013.

Подлубнова Ю. С. Домна и мартен в уральской поэзии 1920–1930 гг. / Ю. С. Подлубнова // Стих. Проза. Поэтика : сб. ст. в честь 60-летия Ю. Б. Орлицкого. – Санкт-Петербург : Свое издательство, 2012. – С. 292–298.

Потемкина М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы / М. Н. Потемкина. – Магнитогорск : Изд-во Магнитогор. гос. ун-та, 2002.

Потомки легендарного стахановца // За медь. – 2014. – 17 июля. – № 28 (1797).

Путь к Победе: Эвакуация промышленных предприятий в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. докл. / редкол.: Н. А. Антипин и др. – Санкт-Петербург : Первый ИПХ, 2020.

Пушкарев Л. Н. Юмор на фронте: (Из воспоминаний фольклориста-фронтовика) / Л. Н. Пушкарев // Государство. Право. Война / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербург. ун-т МВД России, 2020. – С. 1318–1338.

Пьянков С. А. «Уральская трехтонка»: из истории производства и модернизации грузового автомобиля ЗИС-5 (1944–1957 гг.) / С. А. Пьянков // История науки и техники. – 2019. – № 10.

Пьянков С. А. Первые шаги уральского автомобилестроения: из истории УралЗИС в годы Великой Отечественной войны / С. А. Пьянков // Архив в социуме – социум в архиве : материалы регион. науч.-практ. конф. – Челябинск, 2018. – С. 243.

Пьянков С. А. Первые шаги уральского автомобилестроения: из истории УралЗИС в годы Великой Отечественной войны / С. А. Пьянков // Там же.

Рощацевич Е. Б. История одного документа: Наказ бойцам, командирам и политработникам Особого Уральского добровольческого танкового корпуса имени Сталина от трудящихся Южного Урала – блестящая форма партийной работы // Объединенный государственный архив Челябинской области. 20 апреля 2015 г. – URL: <https://archive74.ru/istoriya-odnogo-dokumentana-kaz-boitsam-komandiram-i-politrabotnikam-osobogo-uralskogo-dobrovolchesk> (дата обращения: 07.03.2022).

Рубин В. А. Экономическое и социально-демографическое развитие российских тыловых городов в период Великой Отечественной войны (на примере крупных промышленных центров Южного Урала) / В. А. Рубин. – Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2010.

Сафронов А. А. Конфликт в Академии наук СССР: В. Л. Комаров – О. Ю. Шмидт – И. В. Сталин (1941–1942) / А. А. Сафронов // Документ. Архив. История. Современность. – Вып. 10. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009.

Слово о Мотовилихе. Годы, люди, события. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1974.

Снегирева Л. И. Эвакуация населения из Сталинграда в сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны, 1942 год / Л. И. Снегирева // Вестник ТГПУ. – 2018. – № 3.

Соколов А. К. Нефть и война, 1941–1945 гг. / А. К. Соколов // Экономическая история. – 2012.

Сперанский А. В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны / А. В. Сперанский. – Екатеринбург : УрО РАН, 1996.

Сперанский А. В. Военная доктрина Сталина и ее реализация на Урале в годы Великой Отечественной войны / А. В. Сперанский // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 3. – С. 108.

Сперанский А. В. На войне как на войне... : Свердловская область в 1941–1945 гг. / А. В. Сперанский. – Екатеринбург : Сократ, 2015.

Сперанский А. В. Художественно-образный потенциал Уральского региона периода Великой Отечественной войны как парадокс тоталитарной культуры / А. В. Сперанский // Научно-практическая конференция «Великая Отечественная война: уроки, проблемы», посвященная 50-летию Победы. – Пермь, 1995. – С. 76–82.

Сысов А. И. Советская индустриализация в горнозаводской зоне Южного Урала / А. И. Сысов // Южный Урал. Век двадцатый. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2019. – С. 196–198.

Тюленева Н. И. К вопросу о концепции культурного ландшафта: географическое пространство и образы Урала / Н. И. Тюленева // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2014. – № 7.

Тюшняков С. М. Освещение в печати оборонной промышленности СССР в начальный период Великой Отечественной войны (на примере завода № 172) / С. М. Тюшняков // 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности. – Ч. 2. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2015. – С. 116–120.

Усанов В. И. История Урала в творчестве И. С. Сигова / В. И. Усанов // Летописцы родного края (очерки об исследователях истории Урала) / под ред. О. А. Васьяковского. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990.

Устьянцев С. В. Уральский вагоностроительный завод. 80 лет / С. В. Устьянцев. – Екатеринбург : Альфа Принт, 2016. – (Библиотека Танкпрома).

Федоров А. Н. «Танковый король» и «опальный генерал»: рождение легенды об Исааке Зальцмане / А. Н. Федоров // Новейшая история России. – 2016. – № 1.

Филимонов М. А. Зарождение и развитие авиационной промышленности в Башкирской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.) / М. А. Филимонов // Вестник ВЭГУ. – 2015. – № 2 (76). – С. 147–158.

Филимонов М. А. Уфимский моторный завод № 26 в годы Великой Отечественной войны / М. А. Филимонов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2015. – № 1.

Хомутова Н. С. Миасс в начале XXI века: диверсификация или унификация ментальности / Н. С. Хомутова // Художественная культура и транс-

формация индустриального менталитета в условиях моногорода : сб. науч. тр. III Всерос. (национальной) науч. конф. – Магнитогорск, 2021.

Хорошилов Б. М. Семантизация машины как «существа» во взаимодействии человека и сложной техники в профессиональной деятельности / Б. М. Хорошилов // Вестник НГУ. – Серия «Психология». – 2009. – Т. 3, вып. 1. – С. 24–34.

Череди́на И. С. К истории формирования города Миасса / И. С. Череди́на, Е. Ю. Рыбакова // Новые идеи нового века : материалы междунаро. науч. конф. ФАД ТОГУ. – 2020. – № 1. – С. 497–498.

Черноухов А. В. Исторический факультет Свердловского университета, 1938–1945 / А. В. Черноухов. – Екатеринбург : [НИМП «ВОЛОТ»], 2008.

Шаманаев А. В. Актуализация культурного наследия в контексте историко-патриотической пропаганды: публикации В. В. Данилевского периода Великой Отечественной войны / А. В. Шаманаев // Вестник гуманитарного образования. – 2020. – № 3. – С. 37–45.

Шкерин В. А. Уральский турбинный завод: история завода в истории страны / В. А. Шкерин. – Екатеринбург : Урал. рабочий, 2013.

Шнирельман В. А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика / В. А. Шнирельман // Язык и этнический конфликт. – Москва : Гендальф, 2001. – С. 12–33.

Щелконогова Т. Ю. Образ Мотовилихи в пермском тексте / Т. Ю. Щелконогова // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2014. – № 9. – С. 169–175.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абакумов Т. Е. 150
Абашев В. В. 4, 16, 155, 225, 260, 286
Абашева М. П. 4, 155, 260, 286
Агапов Б. Н. 5, 154, 167, 168
Агарков Е. П. 194
Агеев С. С. 251, 286
Акульшин Д. 119
Александр Невский 256, 270
Александров С. 93
Амосов В. М. 194
Андреевский А. 196
Андрианов В. М. 143, 175, 214–215
Андронников В. Н. 69–70
Анимица Е. Г. 8, 286
Анисимов А. 221
Антипин Н. А. 139, 165, 179, 194, 286, 293
Антуфьев А. А. 113–114, 139–141, 286
Аристов А. Б. 143, 186
Арянов И. 243–244
Асанов Н. А. 170
Асеев Н. Н. 5, 89, 130–131, 259–260, 275, 277–278

Б

Бабушкин Я. Л. 258
Баграмян И. Х. 185
Бажов П. П. 4, 86, 94, 220, 259, 262–268, 287, 290–291
Базегов Н. Х. 102, 177, 186–189, 192, 196, 275

Бардин И. П. 127–128
Бармин А. Г. 5, 84–85, 154
Барто А. Л. 93–96, 101, 107, 144, 259, 275–276
Басс А. И. 98
Бачелис И. И. 146–147, 159, 207
Бедный Д. (Придворов Е. А.) 168, 264
Белан Р. В. 134
Белов В. Д. 23–25, 33, 35, 39, 287
Белопольский Я. Б. 256
Бернадский В. Н. 105–106
Бирюков В. П. 80–81, 84
Блинов И. П. 194
Бобин Г. Т. 157, 190–193
Бобров Г. Е. 195
Боголюбов К. В. 71
Богословский П. С. 8–9, 12
Бойков В. Н. 258
Боклевский П. П. 26–27
Босый Д. Ф. 6, 102, 173, 186–187, 196, 217, 285
Бражников, лысьвенский сталевар, 195
Братцев М. В. 232–233
Бриль Ю. Г. 205, 251, 286
Бубнов А. П. 232
Бугров К. Д. 33, 47, 61, 78, 92, 95, 137, 140, 167, 195, 214, 226, 251, 286–287
Булавин, прокатчик 196
Бумажный Е. О. 5, 55–56, 155
Бушуев И. Н. 264, 267
Быков В. М. 59–60
Быков П. М. 59

Быстрых Ф. П. 49, 74–75
Быховский А. И. 297, 219–222

В

Вайс Г. Л. 72–73
Валеев И. 102, 186, 190, 275
Варфоломеев, железнодорожник 196
Васильев И. Е. 268, 287
Васильев П. В. 176, 192
Васильев С. 76
Васильев С. А. 5, 105, 219, 223, 249, 259, 276, 278
Верлен П. 269
Вернадский В. И. 24
Верховский Ю. Н. 254, 259, 262–265, 267–269, 287, 291
Весновский В. А. 43, 45
Вильгельм II 102
Вильдрак Ш. 269
Витте С. Ю. 31
Владимиров Г. 236–237
Власова Н. Ю. 8
Воблый К. Г. 128, 137
Водопьянов В. 193–194
Воеводин Л. Е. 39
Воронцов В. В. 28–29
Ворошилов К. Е. 113, 118, 121
Воскобойников И. И. 109, 152, 214, 261–262, 270
Вучетич Е. В. 255–256, 279
Высотская О. И. 272, 277

Г

Гаврилов И. 224
Гаврилов Д. В. 75, 139, 287
Галин Б. А. 160
Галиуллин Х. 195
Галкин Н. 194

Галямин А. И. 173–174
Гассельблат В. А. 63
Гастелло Н. Ф. 193–195
Гатовский Л. М. 138–139
Геворкян Г. А. 269
Геннин В. И. 18
Гериханов Х. 93–94
Герман И. Ф. 17–18
Гетлинг Ю. В. 129, 142, 153, 215
Гетманец П. 123
Гилев А. П. 200
Гладков Ф. В. 157–159, 176, 192–193, 212–213, 249, 260–261
Глебов А. В. 187
Глухов Н. 157
Голикова С. В. 5, 282, 288
Головин Ф. В. 77
Головнёва Е. В. 9, 288
Головницкий Л. Н. 255
Гольдберг А. Я. 5, 135–136, 169–170, 211
Гольдберг Г. 39–40
Горелова В. 237–238
Горелов Н. Г. 232
Горшенин Л. С. 37–38
Гравишкис В. Р. 228, 235–236, 242
Гроссман Л. П. 146
Гроссман М. С. 179
Грум-Гржимайло В. Е. 11
Грязнов, лысьвенский сталевар 195
Гумбольдт А. 57
Гусев В. В. 194
Гусев В. М. 151–152

Д

Данилевский В. В. 5, 96–97, 99–101, 103–105, 107, 284, 295
Демидов А. Н. 85, 87, 89

Демидов К. 184–185
Демидов Н. Д. 18–19, 66
Демидовы 18, 65–68, 76, 79, 81, 84–86
Дерябина А. В. 140, 288
Дерябина С. И. 262
Джалиль М. М. 256
Дижур Б. А. 196–198
Долматовский Е. 121
Домановский Л. В. 271, 288

Е

Екатерина II 25, 46
Еловов С. 66
Елпатьевский С. Я. 40–41
Ермак 45, 88–89
Ершова М. 62
Ессяк П. Ф. 68
Ехлаков Г. П. 194

Ж

Жаворонков В. Г. 120
Жмаева О. 232, 288
Жуляков Т. 87

З

Заваров А. 134, 172
Завертайло И. П. 102, 275
Завьянцев И. Д. 188
Зальцман И. М. 116–117, 141, 162, 197,
208, 210, 217, 294
Замятнин Г. А. 102–103
Занадворов В. Л. 169
Запарий Вас. Влад. 113, 135, 139–141,
214, 287
Запарий Влад. Вас. 100, 141, 291
Зарубин В. 236, 239–240
Заславский Д. И. 160, 166, 203–204, 247
Зедделер Л. И. 18

Земятченский П. А. 31, 43
Зиммель Г. 15
Зотов К. В. 261, 275

И

Ибрагимов Д. С. 164
Иванов А. В. 8–9
Иванов В. С. 256
Иванов В. Ф. 158
Иванов Ф. А. 45–46
Иваншин В. И. 49
Ивич А. 5, 85–87, 101

К

Кабаков И. Д. 71–73, 82
Каверин В. А. 117
Кадочников П. 272, 277
Каневский Д. И. 180
Караваева А. А. 5, 88–89, 156, 160, 171,
174, 186, 190, 205, 250, 262
Картаполов И. И. 152
Карташов Н. Ф. 165
Катуков М. Е. 195
Киршон В. М. 284
Киселев Ф. И. 258
Клочкова Ю. В. 266
Ковалев П. 193
Коваленко А. 186, 216
Коваленко Г. М. 187, 190
Кожевников А. В. 64–65
Козырин Д. П. 75, 79
Колчак А. В. 53, 55, 58, 73, 90–92, 159,
218, 241
Кольшев Е. Ф. 142, 215
Комаров В. Л. 5, 127–128, 131, 202
Кондратович К. А. 12
Константинов С. В. 86
Корандей Ф. С. 11

Корнилов Г. Е. 139
Костогрыз В. И. 177
Костромин В. И. 217
Котин Ж. Я. 116–117, 208
Котов Н. Г. 232
Котовский Г. И. 90
Кохановский А. А. 282
Коц А. Я. 260
Крестинский Н. И. 61
Кривонос В. 161
Круглова Т. А. 268
Кузнецов М. В. 77
Кузьмина Г. М. 217
Кукарев Д. 58
Кузузов М. И. 92, 103, 105, 107, 110, 112
Куштум Н. А. 227
Кыштымова Р. 6, 186, 197, 199
Кюхельбекер В. К. 57
Кярнер Я. К. 276

Л

Лазо С. Г. 90
Лендер Н. Н. 33–34, 36
Ленин В. И. 32–33, 41, 49–50, 53,
70–71, 83, 90, 116
Лерин Н. 133, 158
Лидин Вл. 120
Лидов П. А. 177, 278
Ликстанов И. И. 5, 14–15, 93, 109, 144,
153, 216
Липовецкий М. 268
Литвак А. 119, 196
Литинский И. М. 233
Литовская М. А. 266, 268
Лобанов В. 238–239
Ломоносов М. В. 12
Луков Л. Д. 156

Львов М. Д. 5, 134–136, 193, 242–243,
254, 258, 274, 278

М

Макагон М. Я. 164
Макаров Н. 151
Максарев Ю. Е. 197, 213
Малиненко Н. Д. 164
Малиновский Р. Я. 109–110
Мальшаков А. 257
Мамин-Сибиряк Д. Н. 40–44, 158,
252–253, 257
Матусовский М. Л. 179
Мезенин И. А. 186
Мезенцев, начальник цеха Уралмаша 96
Мельников Н. Н. 117, 139, 214
Менделеев Д. И. 31
Мерзляков А. Ф. 12
Мерцальский Н. К. 145–146
Милокова Е. В. 253–254
Минин К. М. 90, 97, 99, 103–105, 112,
218, 232
Мирзоян Л. И. 67
Митинский А. Н. 36–37
Митницкий Л. Д. 201–202
Михайлов Б. 219
Михалевич Г. Ф. 134
Молодой Ф. 102
Мордмиллович Г. Г. 233
Мордмиллович Э. Г. 233
Музруков Б. Г. 197, 210
Муллер Ф. Л. 233
Мурзиди К. Г. 5, 104–105, 121, 143, 146,
156, 181–182, 256, 259, 280
Мурзин А. Э. 4, 16, 156–157, 174, 255,
279
Мурзина И. Я. 4, 16, 279

Н

Найдич М. Я. 280
Наймушин И. Г. 185
Наполеон I 91, 97, 104, 106
Неклюдов Е. Г. 35
Немирович-Данченко В. И. 67
Немченко Л. М. 258
Никитин Г. С. 9
Николаев Н. 179–180
Николай II 59
Никулин Л. В. 5, 150–151, 155–156,
208–209, 210–212, 261, 274
Никулина М. П. 9, 16, 253–254
Носилов К. Д. 57
Нотик Р. Х. 265
Нотг Дж. 11

О

Огнев Л. 231
Огородников В. П. 198–199
Огородникова А. 198–199
Огуренко Е. В. 97–98
Озеров И. Х. 39
Ополев, шлифовщик завода
имени Орджоникидзе 194

П

Панова В. Ф. 5, 154, 225
Панферов Ф. И. 5, 178, 235, 236
Панфилов А. П. 91
Пархоменко А. Я. 90, 118
Патоличев Н. С. 234–236, 239
Патрушев И. Ф. 102
Пашнина А. А. 194
Первенцев А. А. 5, 105, 148–157,
171, 216, 218–219, 222, 248–249,
277, 284

Пермяк Е. А. 261
Петр I 18–19, 21, 25, 31, 35–36, 40,
46–47, 60, 66, 85, 87, 90, 98–99, 101,
105–107, 110, 125, 218, 220, 259
Платонов А. П. 86
Подлубнова Ю. С. 253, 257, 266
Подорванова Е. И. 194
Пожарский Д. Н. 102–105, 112, 218, 232
Полевой Б. 120
Полетаев Н. П. 232
Ползунов И. И. 97, 102
Полисюк М. 173–174, 188, 213, 221–222
Полонская Е. Г. 223–224
Поляков А. Ф. 161–162
Пономарев П. 153–154, 220
Попов А. С. 20
Попов В. Н. 177
Попов Р. С. 20–22, 39
Попрядухин Ю. А. (Юр. Чап.) 129
Пропп В. Я. 247, 258
Прусов С. Г. 233
Пугачев Е. И. 80, 88–89, 145
Пустовалов И. С. 94, 101–102
Путна В. К. 53
Пушкарев Л. Н. 273

Р

Рашет В. К. 18–19
Решетников Ф. М. 71
Рождественский В. В. 115–116
Розенберг С. 130
Рокоссовский К. К. 195
Русских, лысьвенский сталевар 195
Рыженко Н. А. 194
Рычкова А. 197–198
Рябинин Б. С. 269

С

Сабанеев Л. П. 20
Савич А. А. 74
Салтыкова Д. Н. (Салтычиха) 27
Самсонов С. А. 272–274, 279
Самусев А. 196
Сапрыкин Г. Д. 142, 208
Сафонов В. 145, 152
Свердлов Я. М. 145
Светлов М. А. 179
Святополк-Мирский Д. П. 79
Семиволос А. И. 161, 195
Сигов И. С. 27–28, 38–39, 47, 106–108
Сидоренко В. Н. 222
Сидоровский Д. Д. 174, 187
Силуянова В. Н. 177
Симбирев Е. П. 160
Симонов К. М. 271–272
Симонов П. 145
Скорино Л. И. 263, 269
Скотт Дж. 132
Славин Л. И. 156–157
Славутский А. О. 163, 198, 210–211
Смелянский Н. 134, 172
Смирнов Я. 234
Снегирева Л. И. 122
Сороковой А. Я. 177, 187–189, 199–200
Сперанский А. В. 4, 73, 114, 139–141, 217, 294
Спехов П. К. 6, 187, 196
Сталин И. В. 68, 71, 78, 83, 90, 93–95, 144, 120–121, 124, 127, 129, 134, 137–139, 143–145, 169, 172, 174–176, 183–184, 187, 211, 222, 232, 241, 255–256, 261, 293–294
Стахей, тагильский рабочий 64
Степайкин Т. М. 186

Степанов П. И. 126
Стрижов И. Н. 24–26
Стрижов С. 224
Строгановы 45, 68
Суворов А. В. 90, 92–97, 102, 104–107, 110, 112, 218, 259, 284
Сурков А. А. 265, 274, 277, 279
Сыромолотов Ф. Ф. 5, 54–55

Т

Таняев А. П. 59–60, 73–74, 288
Тарасов С. М. 165, 193,
Татищев В. Н. 17, 85–87, 101, 290
Татьяничева Л. К. 5, 159, 171–172, 281
Твардовский А. Т. 8, 16, 89, 111, 204–206, 251, 262, 271, 281
Телешов Н. Д. 218
Тельканов С. А. 83–84, 87
Теляшев, верхнесалдинский сталевар 188
Тиунов В. Ф. 104
Толбухин Ф. И. 185
Томсинский С. М. 103
Точисский П. В. 145
Трегубович В. И. 273
Третьякова Е. П. 98, 100–101, 107, 284
Трузе-Терновская Ю. Н. 232
Труханов К. Г. 195
Тэсс Т. (Сосюра Т. Н.) 146–147, 159, 207
Тюленева Н. И. 8, 294
Тюшняков Н. И. 207, 217–218, 294

У

Усманов Р. 177, 188–189

Ф

Фармаковский С. П. 35–36, 292
Федоров М. М. 30–31, 162, 200, 294

Фейгус В. 183
Ферсман А. Е. 5, 124–131, 138–139, 202,
260, 275,
Филимонов М. А. 137, 141, 294
Филимонов, лейтенант
Красной армии 177, 278
Филиппов А. 129
Финьковский А. И. 70
Фридолин В. Ю. 51–52
Фридрих II 105

Х

Хамитова Н. М. 78
Хандрос В. 105, 145
Ханин, инженер-конструктор 77, 101
Харитонов В. Г. 261
Харитонов Н. 237
Хачатурян А. И. 95
Хмара Л. И. 258
Хорошилов Б. М. 247–248, 295
Хренников Т. Н. 95
Хрущев Н. С. 118
Худяков М. П. 194
Хуснутдинов М. 187–188

Ц

Царевский М. М. 201
Цейтлин Е. А. 79–80
Целищев М. И. 53

Ч

Чапаев В. И. 90, 218
Чернобровин В. 182
Чернышев З. Г. 99
Чернышев Н. М. 233
Черняк М. Я. 183
Чугунов А. М. 187, 190, 196,
Чуянов А. С. 122

Ш

Шагинян М. С. 5, 150, 160–161, 163, 173,
176, 189, 199–200, 275
Шарунова Ф. В. 197–200
Шатагин Н. И. 90–91
Шатилин А. Л. 194
Шаумян Л. С. 93
Шахов А. А. 233
Шереметьев А. Г. 133
Шестаков А. В. 92–93
Шипов Я. Я. 69–70, 74, 82
Шкерин В. А. 140, 295
Шнирельман В. А. 16, 295
Шолохов М. А. 173
Шпирт А. Ю. 128
Шулепов М. 137
Шустов В. Н. 272

Щ

Щербакова Е. П. 199
Щипачев С. П. 179
Щорс Н. А. 90, 102, 118, 121

Э

Эйгес И. Р. 263
Эйзенштейн С. М. 256, 270
Эренбург И. Г. 246–247

Ю

Юденич Н. Н. 116
Юпко Л. Д. 194

Я

Янкин И. П. 102, 185–186, 196
Ярославский Е. М. 117–118, 202–203
Яхонтов И. С. 30

Научное издание

Бугров Константин Дмитриевич
Киселев Михаил Алексеевич
Маштакова Любовь Владиславовна

СТАНОВЛЕНИЕ ОПОРНОГО КРАЯ

Индустриальный Урал
в мобилизационной культуре
1930–1940-х гг.

Ответственный за выпуск *Н. А. Юдина*
Редактор *Т. А. Федорова*
Корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Г. Б. Головиной*

Подписано в печать 30.08.2022. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Цифровая печать.

Уч.-изд. л. 17,4. Усл. печ. л. 17,67. Тираж 100 экз. Заказ 155.

Издательство Уральского университета

620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ

620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Тел.: +7 (343) 358-93-06, 358-93-22

Факс +7 (343) 358-93-06

<http://print.urfu.ru>

Бугров Константин Дмитриевич – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований Института истории и археологии УрО РАН, профессор Уральского федерального университета. Сфера научных интересов – история общественно-политической мысли XVIII–XX вв., история промышленности, история архитектуры. Автор монографии «Соцгорода Большого Урала» (2018) и ряда других работ.

Киселев Михаил Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований Института истории и археологии УрО РАН, доцент Уральского федерального университета. Сфера научных интересов – государственное управление России XVIII в., история российского дворянства, российская общественно-политическая мысль XVI–XX вв., советская историческая наука. Автор монографии «“Регулярное” государство Петра I в сталинской России. Судьбы историков права в контексте научных и идеологических баталий советского времени» (2020), ряда других работ.

Маштакова Любовь Владиславовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований Института истории и археологии УрО РАН, доцент Уральского федерального университета. Сфера интересов – литература Серебряного века, русский символизм, литература Урала. Автор ряда статей о творчестве Вяч. Иванова, Ю. Верховского, Ф. Сологуба и уральских авторов рубежа XIX–XX вв.